

НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ
ОХОТНИК

Annotation

Прошедшему многие войны боевому магу Сергару Семигу не повезло. Смерть пришла за ним, но Боги решили иначе. Очнувшись в теле инвалида-колясочника в чужом мире, лишенный магических способностей Сергар понимает, что везде есть негодяи, желающие нажиться на беспомощных, и его борьба не закончена. На одну силу всегда находится другая, и тот, кого считали «дичью», становится Охотником.

- [Евгений Щепетнов](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Эпилог](#)
-

Евгений Щепетнов
Охотник

Глава 1

— Стааановись! Первая шеренга — готовь огневки! Ты чего руками машешь, придурок?! Ты какие пассы делаешь, идиот?! Я сказал — огневки, а не «замораживание», болван ты деревенский! Где вас, таких скотов набрали?! Первая шеренга — на колени! Вторая — стоя! Готовить боевые амулеты! Слушать команду! Ждать! Да не тряситесь вы, животные! Все равно все сдохнем когда-нибудь!

— Лучше бы попозже! — нервно бросил сосед справа, толстый, вечно пахнувший помоями краснолицый Эстран.

— Чтобы «попозже» — нужно вовремя заряжать боевой амулет, слушать команды своего кородара, и быстро выпускать заряды, животное! — кородар сплюнул, и его точный плевок едва не угодил на носок сапога толстяка — Парни! Сегодня выживут не все, но те, кто выживут — покроют себя славой! Впрочем, как я вижу, вам плевать — на славу, на деньги, на то, что вы на службе Императора — ведь главное ваша поганая шкура, да?

— Завел свою песню, поганец! — буркнул Сергар, не глядя на командира, славящегося тем, что он быстро вычислял бунтовщиков и тогда его гнев обрушивался на нечестивца, как дурное заклинание — Как будто ему самому не важна своя поганая шкура!

— Молчать! Жди команды! — кородар прервал свои назидательные речи, ничуть не вдохновившие боевых магов на героические подвиги и замер, глядя вперед, туда, где по полю тяжелой рысью неслись бронированные кони Зеланской тяжелой конницы.

Всадники, похожие на эпических стальных героев, держали в руках копья с острейшими, укрепленными магией наконечниками, которые, как знал Сергар, могли прошить любую броню, как бумажный лист, не застревали в телах пронзенных врагов, не ломались, хотя и были легки, как тростинки.

Маги Кайлара подготовлены ничуть не хуже магов Империи Зелан, потому Сергар прекрасно представлял, что могут, а что не могут зеланские умельцы, пропитавшие острые мечевидные наконечники магической силой. Он сам кое-что умел в этом деле, но его умения не могли сравниться с умением мастеров-магов, работавших при имперских кузницах.

У каждого боевого мага, кроме умения бросать огнешары и убивать противника другими магическими способами, была еще хотя бы одна

воинская профессия. Например, Сергар умел залечивать раны — не как мастера-лекари, одним прикосновением закрывающие даже самые страшные, зияющие раны и приращивающие отрубленные конечности — но вполне прилично для провинциального мага, не прошедшего специального лекарского обучения. Таковое обучение стоит денег, а откуда их взять простому парню из забытого богами городка на севере Кайлара? Он и в армию-то пошел ради того, чтобы вырваться из затхлого болота, именуемого Черная Дыра, жалкого городишки, где он родился двадцать пять лет назад.

— Амулет... готовь! Пли!

Сергар привычно, не думая, соединился с боевым амулетом, заполненным Силой до предела, протянул руку и представил, как огненный шар зарождается на его ладони, жаркий, будто маленькое солнце. Когда ладонь начало покалывать, выбросил ладонь вперед, и шар, размером с голову ребенка, помчался вперед, туда, где сверкали наконечники тысяч копий, желавшие напиться свежей горячей крови.

Шшшшшш...

Сотня шаров, выпущенных их ганзом, оставляя в воздухе дымные следы, разорвали воздух, чтобы с грохотом врезаться в невидимую стену, воздвигнутую магами-защитниками. Не стену — щит, который поддерживали не менее сотни сильнейших магов, способных легко отбить любой удар любого из простых армейских боевых магов. Хотя эти самые армейские маги и не были магистрами магических наук, но их было много — не менее десяти ганзов, потому совместные усилия всей толпы огнеметателей в конце концов должны были истощить силы Защитников Зеланских вояк. По крайней мере, на это рассчитывало командование кайларской армии.

Так бы оно и случилось, если бы не вмешались боевые маги Зелана, кои (о чудо!) «вдруг» оказались среди тяжелой пехоты, наступавшей на позиции кайларцев с правого фланга.

Ударив по первому, третьему и пятому ганзам всей сконцентрированной мощью двадцати своих ганз, они буквально разметали и магов, продолжавших палить по наступающему противнику, и даже саму землю, вскипевшую под скворчащими, как сало на сковороде, огнешарами.

Как всегда, идиоты из штаба корпуса почему-то решили, что боевые маги могут защитить себя сами, и вместо защиты ганз заставили магов-защитников Кайлара прикрыть штаб и элитную гвардию «Бессмертных», щеголявших в белоснежных плащах с гербом Империи на красном фоне.

Сергар уже десять лет служил в первом ганзе, участвовал в двадцати

трех битвах, не считая мелких стычек и магических дуэлей, потому, когда слышал позади себя шипение огнешаров, немедленно бросился на землю, пытаясь максимально уменьшить возможность прямого попадания снаряда.

Через мгновение его забрызгало кровью, закидало ошметками горелого мяса — толстый Эстран, любивший пожрать в любое время дня и ночи, закончил свой жизненный путь, сохранив жизнь Сергару. Огнешар утонул в тучном теле, высвободив всю свою энергию и потратив ее на разрушение несчастного любителя курицы, запеченной в духовке под сладким соусом.

Сергар не любил неопрятного и прожорливого Эстрана, но сейчас был ему благодарен за свое спасение и мысленно решил поставить за толстяка горящий светильник в храме Эгурия, пресвятого и предоброго покровителя воинов. Пусть Эстран в следующей инкарнации станет поваром на кухне какого-нибудь любителя вкусной еды. Поставить светильник — если сам останется жив.

Следующий огнешар взметнул Сергара вверх, сбросил его с бугра, на котором выстроилось бравое кайларское маго-воинство, и ударив о твердую землю вышиб из него дух, сломав ребра и едва не переломив шею.

Сергар уже не слышал, как врезались друг в друга стальные громады двух воинств, как в грохоте сталкивающегося железа стонали, кричали люди, ржали лошади, не видел, как оставшиеся в живых ганзы выстраивали рубеж защиты, падая под ударами вражеских магов — для него все закончилось.

Сергар уже исполнил свой воинский долг — боевой маг пятой категории, первого ганза Корпуса Императорской Гвардии Империи Кайлар.

* * *

Открыл глаза, прислушался — тихо, ничем не пахнет — ни гарью, ни тленом, ни сладким цветочным запахом. Никаких бродячих «огоньков», никаких одушевленных трупов, никаких блуждающих цветов. С тех пор, как Сергар занялся поиском артефактов, он перестал любить цветы. Пять лет назад, когда он решил заработать и впервые сунулся в «город мертвых», в первую же ночевку к нему подкрался одушевленный цветок и попытался выкачать кровь, присосавшись к оголившейся голени.

Эта тварь выпускала вещество, которое полностью блокировало боль, любые ощущения, потому жертва узнавала о том, что ее выпили только

тогда, когда было уже поздно. Сергара тогда спасло только то, что он был довольно крепким мужчиной, а еще — то, что цветок был небольшим, совсем молодым, неспособным вместить большое количество крови.

С тех пор бывший боевой маг, а ныне грабер Сергар Семиг, ночевал только в относительно безопасных местах, предварительно не пожалев времени на то, чтобы оградить себя защитным заклинанием, даже если на защиту уйдет дорогая наговоренная соль и куча амулетов, заряженных Силой. Жизнь дороже!

За эти пять лет было всякое — заваливало в подземном ходе, отбивался от толпы бродячих мертвецов, лежал на земле, глядя на то, как над ним проплывает стая «бродячих огоньков» и молился о том, чтобы те не опустились отдыхать на его бренное тело.

Дрался с конкурентами — такими же как он ловцами удачи и грабителями, поджидавшими граберов на дороге в город. Заработал десять шрамов, убил руками, ножом, камнем и всем, что было под рукой больше двух десятков человек.

Заработал ли денег? Да, время от времени были деньги, но потом исчезали, растворялись в пространстве, как и все те, кто помогал потратить эти звонкие монеты.

Впрочем — не так уж и часто у Сергара заводились хорошие деньги. БОльшую часть времени он жил здесь, в развалинах — во всех развалинах, что остались после Кайларо-Зеланской войны, закончившейся сокрушительным поражением Кайлара.

Империя Кайлар проиграла, Император был казнен — мерзко, страшно, с помощью магии, превращен в воющий кусок обугленного мяса, жизнь в котором искусственно поддерживали искусные маги Зелана — дабы мучился как можно дольше.

Император продержался тридцать три дня.

Кайлар стал сельской провинцией Зелана. Именно сельской, потому что кроме сел в империи Кайлар не осталось ни одного населенного пункта, ни одного города с населением больше трех тысяч человек. Нашпигованные заклинаниями, заброшенные разрушительными амулетами, прОклятые города стали прибежищем невероятной нечисти, время от времени выбиравшейся в людные места и производившей опустошение среди мирных людей.

Мирных, да, потому что всегда за войной приходит мир, и людям хочется жить — даже если империи Кайлар уже нет и правит совсем другой император — худой, вместо толстого, зеланский, вместо кайларского. Да какая разница, какой император?! Лишь бы не трогали,

лишь бы не обижали, лишь бы дали жить!

Работа граберов заключалась в том, чтобы найти и отключить боевые артефакты, амулеты, продолжавшие вызывать из чужих миров толпы тварей, расползавшихся по всему свету. А еще — по мере возможности уничтожать этих самых тварей.

За каждую тварь — серебряный деран, за отключенный артефакт, доставленный в пункт сдачи — от золотого зеланского карана. Для сравнения, лекарь уровня Сергара зарабатывал золотой в неделю, и это еще в том случае, если у него были наработаны клиенты, и не просто клиенты, а из высших слоев общества — те, что остались после безжалостной бойни и грабежей, учиненных захватчиками. Кайлар еще не скоро залечит раны после страшной войны, и не скоро у его жителей появятся звонкие монеты.

Лекарь должен был получить патент в департаменте провинций, заплатить пошлину в размере пятидесяти золотых, и только потом уже открыть свою практику — на территории провинции Кайлар. Но не на территории коренного Зелана.

Сергар был уверен, что здесь подсустились зеланские маги-лекари, убивавшие кайларских конкурентов. Если лекаря ловили за тем, что он оказывал услуги клиентам и брал за это деньги, не имея лицензии и не платя налогов — ему отрубали левую руку. Попадался второй раз — голову.

Ну да — лечить, не получая денег — можно. Друзей, родню, соседей... пока кто-то из них не заявит, что ты занимаешься незаконной деятельностью. И тогда — держись! Агенты зеланской тайной службы наводнили провинцию так, что иногда казалось, что в Кайларе уже каждый второй доносит на соседа. Потому Сергар после того, как отошел от ранения в битве при Камгюре, навсегда оставил попытки заняться лекарской работой.

И чем тогда ему было заниматься? Ветеранов иногда брали в охранники караванов, но платили жалкие деньги, и это притом, что дороги наводнили бесчисленные шейки мародеров — из тех же ветеранов — которые пытались выжить любым способом, даже если для этого нужно было отсечь башку незадачливому сытому купцу.

Только теперь, через пять лет после окончания войны, Зелан навел порядок на трактах, уничтожив, захватив, перевешав всех, кто хоть немного походил на дорожных разбойников.

Кстати — Сергара приглашали в одну из таких шаяк, которая потом два года бесчинствовала на Карумском тракте. Сергар вообще-то неплохо дрался, научили, кроме того — боевые маги, коих было не так уж и много, всегда были в цене и в армии, и в разбойничьей шайке.

Нет, не смог он представить себя в шайке. Убить человека ради его монет? Насиловать женщин? Убивать детей? Скорее, он пошел бы в охотники за преступниками, чем в разбойники.

Впрочем — бывших вояк кайларской армии не брали на государственную службу. На всякий случай. Мало ли что могут сотворить... особенно маги. Вдруг у них проснется желание мстить тем, кто сотворил такое с их страной. Когда-нибудь забудется война, Кайлар прочно прирастет к Зелану, становясь его неотъемлемой частью, и уже тогда... тогда можно будет нанимать кайларцев на службу. Но не сейчас — так считал Император Зелана.

В общем — или драться, или лечить — больше Сергар ничего не умел делать. Да и не хотел. Потому за тридцать с лишним лет его жизни — ни дома, ни семьи — лишь раны, боль, и полное разочарование этой жизнью, похожей на мутный поток, несущийся с гор после ливня. Попал в него — понесло, завертело, закружило, и пока не разобьет о жестокий берег, будешь нестись вниз по течению, молясь о том, чтобы прожить еще пару коротких секунд.

Встал, потянулся — мгновенно, неуловимым мягким текучим движением перешел в стойку «Журавль стоит на одной ноге», из нее — в «Кошка, прижавшаяся к земле», затем «Солнечный луч, пронизавший толщу воды».

Переходы, стойки, удары, движения, разгоняющие кровь, разогревающие мышцы, подготавливающие организм к выходу на улицы города, туда, где бродят толпы нечисти.

Все, что осталось у Сергара, это тело — сухое, тренированное, покрытое сеткой мелких и крупных шрамов, тело, и воспоминания, которые очень хотелось бы стереть из памяти.

Иногда он думал о том, что зря выжил в битве. Лучше бы как Эстран — бах! — и все закончилось навсегда. Зачем живет? Трус! Смелый человек давно бы перерезал себе глотку, а он, Сергар — трус! Впрочем — трусость, это не лишняя особенность человека, который ползает по проклятым развалинам. Смелые здесь очень быстро подымают, или становятся трусами. Живыми трусами. Всегда лучше пересидеть, убежать, спрятаться, а не сражаться с погаными мутантами.

Сергар не был идеалистом, освобождающим мир от нечисти, совсем нет. Деньги, позволяющие прожить еще день, еще неделю, еще год — вот что его привлекало. И он уже не представлял себе другой жизни.

Выглянул из полуподвала. Сумрачно, солнце скрылось за тучами, моросит дождь — нудный, мелкий, противный. Сейчас бы сидеть у костра,

слушать, как трещат на огне вкусно пахнувшие дымом сучья, нанизать на палку кусок колбасы и хорошенько ее поджарить над жадными язычками пламени...

Нельзя. На пламя костра сбегутся толпы «поганных», а еще — из темноты могут прилететь стрелы хитников, для которых Сергар с тремя амулетами в рюкзаке лакомый кусок.

Поднял капюшон и бесшумно пошел по улице, стараясь держаться в тени и не наступать туда, где виднелись лужи, наполненные желтой дождевой водой.

Во-первых, противно. Хотя ботинки и пропитаны заклинанием отталкивания, но оно не вечно, а ну как сейчас прекратит работу — ходи потом с мокрыми ногами!

Во-вторых, лужа могла оказаться мокрешником и нормально оттяпать ногу по щиколотку, а то и выше... И где взять деньги на отращивание культи? Лекари, хоть и нелегальные, дерут денег как те, что работают по патенту. Пусть и поменьше, но не настолько, чтобы растить конечности каждый месяц. Если еще выползешь живым из этого мерзкого города, раньше бывшего третьим по величине городом Кайлара. На культе — это точно окажется проблематичным.

Шагнул, и тут же замер, прижимаясь к стене и стараясь не дышать — мимо, стремительно, как арбалетные болты, пролетела стая птицеос, торопящихся по своим делам — надо думать, обнаружили болвана, в которого могут отложить яйца, из которых потом разовьются личинки, пожирающие человека изнутри.

Эти твари — птицеосы — впервые были замечены три года назад, и слава Создателю — их было слишком мало, чтобы нанести существенный вред человечеству. Если бы они размножались так же быстро, как настоящие осы... участь людей была бы незавидной. Почему-то их количество всегда было примерно на одном уровне, иногда их не видели месяцами — то ли твари впадали в спячку, то ли почему-то вымирали — этого никто не знал.

Сергар однажды видел человека, в котором обосновались личинки птицеос. И был бы рад забыть мерзкое зрелище. У этих гадов одна «приятная» особенность — пока мерзость не полезет изо всех дыр, ты не узнаешь, что тебя едят изнутри. Более того — до поры, до времени ты чувствуешь себя прекрасно — бодр, весел... даже слишком весел — твари выделяют в кровь эйфорики, видимо для того, чтобы «живой обед» раньше времени не начал выковыривать из себя мерзких паразитов, не почувствовал некоего неудобства от того, что ему выедают внутренности.

Как гады умудрялись не убить жертву, сожрав ее за считанные дни — неизвестно.

Сергар давно уже подозревал, что птицеосы и их личинки совсем не безмозглые насекомые, какими их считают люди. Они разумны, и знают, что делают, паразитируя на живых существах. И этим мало отличаются от людей...

Зашел за угол, привычно присел на корточки, изобразив из себя камень (Ткань длинной крутки стоила своих денег. И потраченных на нее заклинаний!), балахон тут же принял цвет мостовой, и теперь Сергара трудно, практически невозможно увидеть со стороны. И это хорошо. Ему нужно было время, чтобы найти дорогу к следующему артефакту.

Сергар закрыл глаза, сосредоточился, и вошел в море Силы, как обычно, захлебнувшись от восторга, испытав ощущение сродни оргазму. Он глубоко вздохнул, наслаждаясь покоем, теплом невидимого моря, омывающего его мозг, его тело, и тут же заставил себя заняться делом. Нельзя позволять Силе захватить себя без остатка, нельзя позволить ей размыть сущность, забыть о том — кто он есть, о том — что должен сделать.

Это первое чему учат в любой школе магов — будь она гражданской школой, или «учебкой» имперской армии. Те, кто не умел контролировать погружение в море Силы, давным-давно сгинули в безбрежном океане могущества, оставив после себя тела, пускающие слюни и делающие под себя. Их сущность, она же душа, растворилась в великом Ничто, чтобы никогда больше не возродиться — даже в теле бродячего пса, или больной кошки. И нет ничего страшнее, чем лишиться возможности прожить множество новых жизней, ведь если что и поддерживает неудачника в этой жизни, так это мысль о том, что уж в следующем-то воплощении, он возьмет свое, и станет не жалким дерьмочистом, или нищим на базарной площади, а великим и ужасным полководцем, бросающим на колени могучие империи.

Артефактов было четыре. Два рядом, всего в сотне шагов от Сергара, и два подальше, больше четырехсот шагов на север. Удивился — такое скопление артефактов, и на в общем-то узком пяточке! С чего бы это?!

Один из объектов сиял, как факел, три — маленькие, скорее всего обычные «свечные трубы». У Сергара от предвкушения удачи заглохло в животе — большой артефакт скорее всего был «безумным котлом», за который можно выручить не меньше сотни золотых! Ему всего раз за пять лет выпала такая удача — найти «котел»! И после того грабер три месяца ни в чем себе не отказывал, наслаждаясь вкусной едой, хорошим вином,

девками, от которых не пахло тухлятиной и гнилыми зубами! Сергар не сомневался, что сумеет его разрядить. Что-что, а колдовать бывший боевой маг умел, и силы у него хватало с запасом.

Мысленно артефакты виделись как сияющие точки в море Силы, и только опыт мага позволял определить примерное направление и расстояние. Именно примерное — потому что точное расположение объекта не мог указать никто. Артефакт мог располагаться и в легкодоступном месте, а мог быть погружен в землю на рост человека. И тогда добраться до него было делом сложным. Если вообще выполнимым...

Что-то шевельнулось у ноги, земля вспучилась — разорвав бугорок мокрой земли возле стены, выскочил ядовито-красный росток, похожий на человеческий палец, лишенный кожи. Сергар с омерзением посмотрел на эту пакость, как и цветок-кровосос, пробавляющуюся питием соков из человека, и медленно, осторожно достав из ножен на предплечье широкий короткий нож, срезал «пакость» у самого корешка. «Ведьмин палец» возмущенно раскрыл пять красных ротиков, задержался, но не издал ни звука — в этом возрасте пальцы еще не умели кричать. Из кармана в балахоне достал небольшую керамическую баночку, и следя за тем, чтобы желтая, вонючая кровь пальца не капнула на одежду, поместил существо в фарфоровое узилище. Лекари за «палец» давали хорошие деньги — это — то ли существо, то ли растение — шло на изготовление возбуждающего снадобья, после которого мужчина мог заниматься сексом ночь напролет, не утрачивая сексуальной энергии и не притупив ощущения. Каждый богатый человек имел в ларце с лекарствами заветную баночку, радующую владельца снадобья и его постельную партнершу.

Сергар неплохо разбирался в лечебных снадобьях. А что еще делать, если не умеешь лечить мановением руки, как знаменитые лекари? Ныне покойные. Или в бегах.

Почему-то именно на них, на знаменитых лекарей обрушилась волна репрессий, когда Зелан наводил порядок в бывшей империи Кайлар. Их обвинили в кознях против человечества, приписали опыты над невинными младенцами, и казнили десяток самых видных мастеров лекарского дела, что было, с точки зрения Сергара, совершеннейшим идиотизмом. Какая разница, какого вероисповедания и политических убеждений человек, если он прирастит новое тело к твоей глупой башке, или вылечит твой вялый отросток, давно уже не прельщающий дам!

Зависть? Наверное так. Чего-чего, но лечебное дело в Кайларе было развито не в пример лучше, чем в Зелане, славящемся своими боевыми магами.

Вздохнув, Сергар убрал баночку с гадом в специальный карман, и тихо двинулся по направлению к самому большому артефакту. Слава богам — улицы были чисты, если не считать стайки птицеос, никаких тварей за то время, что он находился на улице, Сергар не заметил. Ни живых трупов, ни «каменных пауков».

Не было и конкурентов — грабер просмотрел обозримое пространство на предмет нахождения ауры живых людей, и никого не обнаружил на расстоянии ста шагов.

Впрочем, честно сказать, Сергар никогда не отличался особыми способностями в поиске затаившихся, или просто разыскиваемых людей. Он никогда не развивал это умение, в отличие от поисковиков, которые могли не только найти человека в магическом пространстве, самые лучшие могли указать местонахождение объекта даже по карте.

Не развивал, но... умел. Боевой маг — есть боевой маг, и если он не умеет понемножку от всех магических специальностей, медяк ему цена в базарный день. Каждый солдат, вне зависимости, есть у него магические способности, или нет, должен уметь заменить товарища в боевом строю. Маги не только мечут огненные шары. Если враг прорывается настолько близко, что применение магии невозможно без опасности для самого мага — он нормально берет в руки меч, топор, алебарду, копье — все, что угодно! — и крошит врага до тех пор, пока не уничтожит, или не падет бездыханным. И по другому быть не может.

Когда-то это здание было Управой. Здесь работали десятки чиновников, суетились, бегали курьеры, толпились люди, пришедшие за разрешениями, с прошениями, жалобами, со всем тем, без чего не обходится жизнь любого имперца. Чтобы разгрести этот бумажный поток, требовались немалые усилия, и немалое количество «канцелярских крыс», посматривающих на посетителей свысока, будто служение императорской власти делало их гораздо более значимыми, чем любой из тех, что зажали листок бумаги в потном кулачке и с некоторым испугом и оторопью наблюдают за круговоротом власти.

Сергар бывал в таких местах — не раз, и не два, потому мог с уверенностью сказать, что подобная картина наблюдается в любом городе Империи.

Наблюдалась. Теперь — пыль, полумрак огромного зала, паутина, и... кости. Вернее — остатки костей со следами мелких крысиных зубов.

Сергар вошел в состояние сосредоточенности, повернулся вокруг оси и выбрал направление движения, одновременно заново проверив окрестности. У границ чувствительности обнаружились два вялых «живых

мертвеца», слоняющихся где-то в районе городского рынка. Они топтались на месте, сходились, расходились, и не представляли никакой опасности. Пока не представляли. Стаю мертвяков, находящуюся в активном поиске можно узнать сразу — они перемещаются почти бегом, будто зная, где находится живой человек. А может и правда знают? Кто сказал, что мертвецы не обладают магическими способностями? Кто их исследовал? Сейчас не до научных экспериментов...

Артефакт сиял, будто солнце, так, что «слепило глаза». Сергар с трудом удержался, чтобы не прикрыть глаза руками, и это было смешно — само собой, глазам ничего не угрожало. Объект светился только в магическом пространстве.

Говорили, что особенность старых, опытных магов — в конце концов они начинают путать магическое и реальное пространство. И это опасно — можно потерять себя, расщепить сознание, и тогда результат предсказуем.

Не выходя из магпространства, Сергар медленно подкрался к столу, за которым некогда восседал дежурный клерк. Остановился в шаге от объекта, удобно устроившегося на столе и выглядящего как случайно попавший сюда булыжник, протянул обе руки вперед, покачивая их вверх-вниз, будто разминаясь перед тренировкой, а когда вошел в ритм пульсации артефакта, резко «потянул» из него Силу, сделав из себя что-то вроде насоса, перекачивающего магическую энергию назад, туда, откуда она прибыла в «сосуд», именуемый магическим артефактом. В океан Силы.

Через секунду он понял, что вляпался, как последний дурак! Артефакт был таким мощным, таким могучим, что с ним не смогли бы справиться и мастера артефакторы, не то что одинокий, не очень умелый боевой маг! Магический водоворот Силы подхватил Сергара, стиснул его, как железными клещами и бросил в бесконечность пространства, как весенний поток выбрасывает щепку во взбаламученное море.

Последней мыслью было почему-то:

«Три артефакта в вещмешке... кто-то поживится! И крысы... Не повезло... мне не повезло!»

И Тьма, поглотившая сознание без остатка.

* * *

Мария Федоровна тяжело вздохнула, выдернула подушку из-под затылка, осторожно придерживав голову Олега. Тот лежал тихо, едва дышал, глядя в потолок голубыми, будто выцветшими глазами. Выцветшими за

время болезни. Долгой, очень долгой болезни. Два года, два долгих, страшных года после катастрофы... и полгода неподвижности, похожей на кому. Нет, это не была кома в обычном понимании слова, Олег глотал, когда пища, или вода попадали ему рот, моргал глазами, когда они уставали от света, но... у него не было воли. Вообще никакой воли. С того дня, как он наглотался таблеток, после которых его едва откачали, Олег исчез. Вместо него появилось «нечто» — растение, овощ — бессмысленное, безмозглое, безвольное. Только через месяц после попытки самоубийства сына Мария Федоровна узнала причину происшедшего — Оля. Та самая Оля, что вначале бывала у Олега часто, каждый день, потом все реже, реже, реже... и когда не осталось надежды на то, что он будет когда-то ходить, а исчезла совсем. Говорили — переехала вместе с родителями в новый дом, куда-то за город, в элитный поселок.

Как так получилось, что Олег встретил Ольгу у фонтана? Почему он поехал туда именно в тот день, когда она со своим новоиспеченным мужем решила сфотографироваться на фоне памятника влюбленным? Судьба, наверное.

Но это было последней каплей. Через несколько дней Олег покончил с собой. Да, именно покончил — Мария Федоровна за эти полгода обращалась к нескольким врачам, один был даже светилом медицины, профессором со стажем лет сорок, и он, как и все, сказал — поврежден мозг, и Олег умрет. Не Олег — тело Олега. Олега в нем уже не было.

То же самое сказал экстрасенс, которого Мария Федоровна пригласила после долгих раздумий — делает ли она правильное дело, и будет ли общение с «колдуном» угодно Богу? За время болезни сына женщина истово уверовала, особенно тогда, когда врачи сказали что нет надежды на поправку Олега, и что поможет ему только чудо. А откуда ждать чуда, кроме как от Бога?

Экстрасенс оказался дядечкой лет шестидесяти, лысоватым, добродушным, и как ни странно — денег не взял, сказал, что с бедных не берет, особенно тогда, когда ничем не смог помочь.

А еще — сказал, что Олега больше нет. Улетела душа, не хотела быть привязанной к телу. Пустая оболочка, не человек.

После его ухода Мария Федоровна проплакала всю ночь, потом решила, что будет поддерживать сына столько, сколько сможет. Пока жива. И пока жив Олег. И будь, что будет.

Женщина посмотрела в худое, обтянутое иссиня-белой кожей лицо сына, потерла свой высокий лоб, страдальчески сморщилась, помотала головой, отгоняя слабость — душевную, и физическую.

Ей было трудно. Встать в четыре утра, подмести асфальт вдоль дома. Потом вымыть лестницы в подъезде. Платили не так и много, но зато она была рядом с сыном. Денег было мало, едва-едва хватало, чтобы обеспечить себя и сына едой и лекарствами, но Мария Федоровна не жаловалась. Раз Бог назначил ей такое испытание, значит он ее любит. И сына любит. И неважно, за что им досталась такая любовь. Совсем не важно. Главное — верить!

Стянула с Олега простыню, пододвинула ближе кастрюлю с теплой мыльной водой и стала обтирать сына, время от времени обмакивая край фланелевой тряпки в пахнущую цитрусами жидкость. Закончив процедуру, перекатила Олега на бок, выдернула из-под него клеенку, простыню, перестелила, вымыв испачканную нечистотами прорезиненную ткань в той же кастрюле, накрыла сына простыней, взяла кастрюлю и пошла в ванную.

Через пять минут она уже сидела за дешевым кухонным столом и смотрела на экран телевизора, почти не понимая того, что говорит диктор. Да и надо ли понимать? Зачем? Опять война? Опять где-то упал самолет? Опять катастрофы? Значит суждено! Значит так надо! Ведь надо же было, чтобы здоровый, сильный, красивый парень сел на мотоцикл, купленный на заработанные им деньги, чтобы пьяная дура перебежала дорогу именно в этот день, и чтобы после падения этот самый парень превратился в беспомощного инвалида, который ниже пояса просто ничто, кусок бесполезного мяса!

Надо ведь было, чтобы она, учительница литературы, пошла работать дворником и уборщицей подъездов! Значит в этом был какой-то смысл? Ведь если нет — жить не для чего!

Незаметно уснула, положив голову на натруженные руки, гудевшие от усталости. Снилось ей, что Олег жив, здоров, что у него двое детей — ее внуков — и они бегают, шумят, шустрые, как таракашки! Только вот жена у Олега другая, не Оля. И это хорошо.

Проснулась, как от толчка, и тут же, всполошившись, вскочила с места — скоро придет Катя! Мария Федоровна дорожила учениками — деньги нужны. Все брали по четыреста-пятьсот рублей в час, она брала триста. Но клиентов все равно было мало. Особенно за последние месяцы. Кому охота приходить в дом, в котором лежит больной человек? Как ни мой, как ни вытирай — тяжелый запах болезни, а еще — запах нищеты.

Когда случилась беда, Мария Федоровна распродала все, что у нее было, продала даже обручальное кольцо, оставшееся от покойного мужа, отца Олега. Муж попал в автокатастрофу когда Олегу было пять лет от роду, с тех пор Мария Федоровна жила одна. Нет-нет, она не была

некрасивой — вполне симпатичная женщина, еще молодая, мужчинам нравилась, были у нее и романы, но... не сложилось. Почему? Да кто знает. Она и сама не смогла бы этого сказать. И предложения делали, хоть сейчас в загс, но... нет. Дальше постели дело не шло. Да и то не часто. А теперь уж и совсем стало не до мужчин.

Умылась, и уже когда вытирала лицо чистым белым полотенцем, в дверь позвонили. Метнулась, открыла, улыбнулась:

— Привет, Катенька! Ты как всегда вовремя! Молодец, не опаздываешь! Проходи.

Через два часа в кармане халата лежали шесть сотен, а мозг гудел, будто по нему прошелся полк гусар. Девочка была на редкость туповатой, да еще и уверенной в том, что в жизни ей совершенно не пригодятся правила русского языка, что самое ценное, что есть в этой жизни — ее длинные ноги, упругая задница, крепкая грудь и невинное личико, способное обмануть самого искушенного мужчину.

Впрочем — при всем при этом аттестат совершенно не помешает. Иначе как поступить в престижный вуз? А ведь именно там легче всего поймать на крючок ценную добычу — какого-нибудь мажорчика, с карманами набитыми пачками денег.

Выпроводив мелкую «акулу», Мария Федоровна снова бросилась к Олегу, проверила его пульс — как обычно ровный, слабый, будто у спящего. Пора кормить больного. Да и самой нужно поесть. Помрет — кто будет заботиться об Олеге? Служение сыну — вот ее послушание, подвиг! Ее предназначение!

Мария Федоровна перекрестилась на образа, выставленные в углу, на серванте, и медленно побрела в кухню, варить молочную кашу. Сегодня учеников больше не ожидалось, торопиться некуда.

* * *

— Ложечку! Еще ложечку! Ну, дорогой, кушай, кушай!

Мария Федоровна влила очередную ложку в рот Олегу, тягучая белая масса провалилась внутрь, запачкав белые, чудом не выбитые в катастрофе зубы.

Зубам Олега завидовали все девчонки — ровные, белоснежные, с детства ни одного больного зуба! И это в городе, где стоматологи процветают, копаясь в гнилых зубах горожан. Говорят — вода не очень хорошая, экология, потому уже в дошкольном возрасте начинаются

хождения по зубным клиникам. Чуть заводятся деньги — норовят вставить себе протезные, искусственные зубы, выдирая родные, изъеденные «коростой». Слава Богу, и у Марии Федоровны, и у Олега зубы великолепны. Наследственность. Деды наградили и здоровьем, и хорошими зубами. Вот только удачи не передали по наследству. И денег.

Утерев рот сыну, Мария Федоровна села рядом с ним на постели, и задумчиво стала есть кашу. Она не замечала запаха, идущего от постели — притерпелась, привыкла.

Доела, поставила на тумбочку, бессильно сложила руки на коленях. Вспомнила Катю и горько усмехнулась — а может и права девочка? Может главное в жизни то, что она назвала? Длинные ноги, тугая задница и мордашка? Может стоило ей, Марии, продать себя подороже? Возможно, и Олег сейчас был бы здоров! Есть же такие клиники, в Израиле — говорят, там творят чудеса! Все звезды летают на лечение за границу. Говорят — наши врачи нехороши. Может и правда нехороши?

Нашла бы себе богатого мужчину, исполняла бы его прихоти, и было бы у нее все, что душа захочет. Кроме любви, конечно. Любовь за деньги не купишь. Даже за очень большие деньги. Тело — можно.

Размышления прервал глухой, протяжный стон. Женщина вздрогнула, востепенулась, нагнулась над сыном:

— Ты что?! Олежа, ты тут? Что, что хочешь?

У нее заколотилось сердце — очнулся?! Ожил?!

— Ооооыыххх... — простонал Олег, и глаза его, ранее безжизненные, моргнули, подвигались в стороны, будто он пытался понять, где находится, затем уставились на Марию Федоровну:

— Нех тарган дарк? Уи тан?

— Что, что ты сказал? — задохнулась женщина — Я не поняла!

— Нех тарган дарк? Уи тан?! — задыхаясь повторил Олег, и закашлявшись, схватился рукой за грудь. С трудом сглотнул, прогоняя слюну и остатки каши в пищевод, поднял руку и внимательно посмотрел на обтянутую кожей худую кисть. Его глаза расширились, будто увидели что-то потрясающее, глухо охнул, попытался привстать на локтях, уперев их в подстилку, упал назад, тяжело дыша, и снова замер, повернув голову на бок, глядя на Марию Федровну, будто чужой. Олег рассматривал ее так, будто видел в первый раз, так, будто она не была матерью, давшей ему жизнь, а совершенно незнакомым, странным человеком, непонятно как оказавшимся рядом с ним там, где он никогда не был.

И это было страшно.

Сергар с трудом пробился через темную пелену, открыл глаза, и... ничего не понял. Где он? Незнакомая комната, знакомая женщина средних лет, с усталым грустным лицом. Странно одета, а руки натруженные, как у матери Сергара... когда она еще была жива. Чем-то даже похожа на покойную мать.

Женщина что-то сказала — взволнованно, исказившись лицом. Из ее глаз выкатились крупные слезы и упали на лицо Сергара. Женщина непроизвольным жестом протянула руку, отерла щеку Сергара, от ладони пахло молоком, и чем-то хлебным, вкусным. Сразу забурчал живот, требуя еды.

— Где я нахожусь? — с трудом выдавил из себя маг — Кто ты?

Говорить было так трудно, будто глотку забили опилками пополам с песком. Сергар закашлялся, попытался поднять руку к груди, едва осилил движение — рука была как из чугуна, неподъемная, тяжелая.

А еще — она не принадлежала Сергару! Он знал свою руку — жилистую, потемневшую от загара, покрытую шрамами, ссадинами, с обрезанными кинжалом ногтями! А тут — широкая, но какая-то тонкая, обтянутая белой кожей рука с ровными, чистыми ногтями, и ни одного шрама, царапины, пятна от ожога!

«Я умер. Точно, я умер! И моя душа переселилась. Вот и не верь после этого в переселение душ! Подожди-ка, а почему тогда я помню прошлую жизнь?! Это неправильно! Я не должен ее помнить! Никто не помнит! Шутка богов?! И так — я взялся за артефакт, он сработал, вырвал мою душу из тела и унес ее... куда?!»

— Уважаемая, где я нахожусь? Ты понимаешь, о чем я говорю?

Женщина снова что-то сказала, потом всполошилась, выбежала из комнаты. Вернулась с небольшим ковшиком в руках. Подошла к Сергару, сильными руками, как ребенка, приподняла его под спину, усадила к стенке кровати, подоткнув подушку, осторожно приложила ковшик к губам мага. Жидкость в ковше пахла приятно — чем-то пряным, вкусным, Сергар отпил глоток, другой — теплая жидкость оказалась сладкой, очень сладкой. Он не очень любил сладкое, вернее — совсем не любил, но сейчас эта сладость была приятна, она позволяла ощутить, что Сергар еще жив. А раз жив — не все потеряно!

Пил, пока не ощутил тяжесть в желудке, и пока ковшик не опустел. Женщина что-то озабоченно сказала, нагнулась, сунула руку под кровать и

достала странное сооружение, не похожее ни на что из того, что Сергар видел в своей жизни. Плоское, почти круглое, с отверстием. Что это такое, он понял тогда, когда женщина начала совать эту штуку под него, отвернув в сторону простыню.

— Горшок! Ты хочет подать мне горшок! — понял Сергар, и попытался оттолкнуть горшок от себя — Я сам! Я сам могу! Куда мне пойти?

Он снова попытался привстать, отжался на трясущихся от слабости руках, и тут его взгляд упал на ноги.

— Что?! Что это такое? — Сергар неверяще посмотрел на то, что должно было быть его ногами — тонкие палки, лишенные мускулов, изрезанные шрамами — кости, да кожа. И между ними, как насмешка — солидный мужской причиндал, доказывающий принадлежность Сергара к мужскому полу.

Женщина что-то сказала и укоризненно покачала головой, снова собираясь подsunуть горшок. Это ей удалось, тем более что Сергар не возражал — организм заработал как положено, и ему ужасно захотелось помочиться — ну не в постель же?

Сгорая от стыда, он сделал свои делишки, искоса наблюдая за женщиной, отвернувшейся к окну. Она задумчиво кусала губы, теребила ворот смешной рубашки, похожей на мужскую, а когда Сергар закончил, аккуратно выдернула из-под него поганый сосуд, уйдя с ним куда-то вглубь помещения.

Сергар тут же натянул на себя простыню, принялся ощупывать ноги трясущимися и от слабости, и от волнения руками. Через минуту понял — дело много хуже, чем думалось! Похоже, что его новое тело дано в наказание за что-то! Кара! Ведь только в наказание можно было запихнуть в хилое, изуродованное тело с неработающими, ничего не чувствующими ногами! Он инвалид! Инвалид!

Сергар больше всего боялся стать инвалидом — лишиться рук, ног, глаз. Сидеть на городской площади и просить милостыню? Бросаться на кусок, брошенный на землю, соревноваться с бродячими собаками? Лучше смерть! Смерть!

Застонал, закрыв глаза. Его снова накрыла волна дурноты, и Сергар, обрадовавшись, отдался спасительной Тьме, провалившись в беспамятство.

Очнулся от голосов. Возле постели сидел крупный человек в белом халате и белой же шапочке. Человек возился в большой сумке, после недолгих поисков достал оттуда блестящий предмет с длинными гибкими прутьями, неожиданно воткнул прутья в уши и потянулся к Сергару,

приложил амулет к груди!

То, что это амулет — сомнений не было. Человек явно лекарь, а нет ни одного лекаря, не владеющего магией! И нет ни одного амулета, который так просто, без дела, прикладывают к телу. Вот только зачем втыкать прутья в уши? Странная магия...

Ничего не ощутил. Обычно после воздействия лечебного амулета кожа горит, место, к которому тот прикасается — побаливает, но потом состояние резко улучшается. А тут — ничего! Совсем ничего! Только холод блестящего предмета, и глухое бубнение незнакомца. Тот что-то говорил давешней женщине, и она слушала, мелко и часто кивая головой.

Лекарь протянул толстопалую руку, схватил Сергара за веко, оттянул его, заглянул, удовлетворенно хмыкнул, кивнул. Потом вдруг засвистел под нос какую-то мелодию — не очень мелодично, шепеляво, но довольно весело. Снова хмыкнул, встал, что-то сказал женщине, и та вдруг приложила руки к лицу, затряслась плечами, заплакала.

Лекарь приобнял ее. Что-то прогудел, женщина сунула руку в карман и утирая глаза запястьем, протянула незнакомцу какую-то разноцветную бумажку. Мужчина нахмурился, отмахнулся рукой, заторопился к двери. Потом вдруг вернулся к постели больного, встал над ним и что-то требовательно спросил, четко разделяя слова.

— Кто ты? Лекарь? — спросил Сергар, рассматривая лекаря — Чем ты лечишь кроме амулета? Понимаешь меня? Нет?

Мужчина удивленно поднял брови, улыбнулся уголком рта и покачал головой. Повернулся к женщине, снова что-то сказал. Та кивнула, и тогда лекарь снова пошел к двери, не глядя ни на Сергара, ни на женщину.

Смысл сцены с первого взгляда был непонятен, но почему-то Сергару казалось, что женщина пыталась расплатиться с лекарем, но он не взял денег. Вот только денег не было — разве можно назвать деньгами цветную бумажку? Впрочем — в мире Сергара были бумаги, называемые векселями, или долговыми обязательствами. По ним можно был получить в банке настоящим монет. Возможно, это и был такой вексель. Или что-то наподобие.

После ухода лекаря женщина снова присела на кровать, погладила Сергара по голове и счастливо улыбувшись что-то сказала, снова капнув слезами на простыню.

— Я не понимаю! — с досадой сказал бывший боевой маг, и закусил губу, бесясь от того, что не может общаться. Нужно что-то с этим делать!

— Сергар! — он плакнул рукой на себя — Ты?!

Женщина не поняла, неуверенно помотала головой, потом ее лицо

нахмурилось, и она слегка сердито сказала:

— Олег! О-лег!

И коснулась рукой груди Сергара. Маг несколько секунд помолчал, кивнул своим мыслям, дотронулся до своей груди:

— Олег! Ты —?

— Мама! Мама! — обрадовалась женщина, и ткнула себя в грудь пальцем — Мама!

— Ма-ма... — повторил Сергар. Дотронулся до покрывающей его ткани и вопросительно посмотрел на женщину.

— Простыня! — просияла она, и с этого момента все пошло побыстрее. Через несколько часов, с перерывом на обед, Сергар знал уже десятка три слов, с помощью которых можно было кое-как пообщаться, на уровне: «пить», «есть», «дай», и так далее. Мало, да, но и это неплохо. Мама учила мягко, не раздражаясь, как монахиня из монастыря, обучающая детей письму и чтению. Сергар ходил в такую школу, пока родителей не унесла чума. После смерти близких он бросил дом, по дешевке распродал все вещи, что остались, и отправился в армию, чтобы остаться на службе навсегда. Или умереть.

Наконец, женщина оставила Сергара в покое, в очередной раз погладив по голове, и он смог отдаться размышлениям, оставшись наедине с мыслями.

«Итак, я в чужом мире. Женщину звать Мама. Вот только сомневаюсь, что „мама“ — ее имя. Судя по всему — она мать того парня, в тело которого я вселился. Отвратительное, больное тело. Впрочем — и оно лучше, чем ничего...»

У Сергара вдруг заныло сердце — тоскливо, щемяще! Возврата не будет, это точно. Что ждет здесь? Судя по всему — лекари у них никакие. Хотя... нельзя судить по первому попавшемуся лекарю! А может и не лекарь это был? Тогда кто? Зачем он прикладывал амулет, если не лечил?

«А чего я вообще переживаю? Что потерял? Семьи нет, дома нет, скитаюсь, как бродячий пес! Страна в разрухе, на всех кайларцев смотрят, как на опасных зверей! Того и гляди загребут в тайную службу, спросят: „Убивал наших солдат?!“ И что я скажу? Да, убивал! Глупо отрицать очевидное.

Когда-нибудь должно было случиться то, что случилось. Один из артефактов забрал бы мою душу, и... все. Совсем все! А так — шансы есть.

Мясо? Оно нарастет. Плохо то, что ноги не шевелятся. Похоже, что парень побывал в переделке. То ли на войне, то ли... еще что-то. Много вариантов. Нужно узнать, что именно повреждено, почему не двигаются

ноги. Позвоночник? Скорее всего. А тогда это очень, очень плохо. Если только нет сильного мага-лекаря, способного вылечить меня за одну минуту.

Впрочем — ну и был бы, откуда у меня золото на оплату его услуг? Нет, парень, придется тебе самому лечиться. Сам-то ты кто? Пусть не сильный лекарь, но кое-что ведь умею! Найти нужные травы, составить снадобье, отвары, напитать их Силой — и встану! Не за минуту, да, но все равно — встану! Хмм... Силой? А с чего это я решил, что могу?!»

Сергар закрыл глаза, сосредоточился и раскрыл себя Силе, привычно ожидая толчка, удара могучего океана энергии.

Секунда, две, три... пусто! Ничего! Звон в ушах, красные пятна перед глазами — ничего! Совсем ничего!

Вот теперь ему стало по-настоящему страшно.

* * *

— Покушай-ка! Тебе надо хорошо кушать! Полгода пролежал, на одной жидкой кашке! Истощал! Вот так... ешь, ешь! Еще ложечку... тааак...

Мария Федоровна была счастлива.

«Очнулся! Вышел из ступора! Теперь все будет хорошо! Разучился разговаривать? Ну и что! Бывает. Доктор сказал — это не редкость. Много было случаев — человек выходит из комы и начинает разговаривать на неизвестном языке. А то и на нескольких! Главное — соображает! И реакция у него хорошая- на свет, на касания. Теперь покормить как следует, чтобы вес набрал, и все пойдет как прежде. Ведь бывает же — не ходил, не ходил, а потом ррраз! — и пошел. Говорят, что порванные нервы прорастают заново. Опять же — наука не стоит на месте, придумают что-нибудь. Олегу лет-то всего ничего — тридцати еще нет! Только-только мединститут закончил! Только жить начал! Главное — ожил, а все остальное потом!»

— Я сейчас принесу тебе телевизор, хочешь? Убрала на кухню, чтобы не мешался. А сейчас принесу. Принести?

Олег непонимающе посмотрел на Марию Федоровну, как-то жалко улыбнулся, и у нее опять защемило сердце. Ну какой он был раньше сильный, статный, красивый! Тень, одна тень осталась!

— Сейчас, сейчас, милый! — заторопилась женщина — И штанишки тебе принесу, трусики. Я тебя раздела, чтобы удобнее было ухаживать, а

сейчас ты сам уже будешь! Ты всегда ругался, когда я пыталась тебе помочь. Сейчас, сейчас!

Женщина исчезла на кухне, потом появилась, держа в руках плоский небольшой телевизор, подаренный соседом Виктором Ивановичем. Старый, здоровенный ящик, стоявший раньше на балконе, давно сгорел, а сосед как раз предложил свой, мол, не выбрасывать же? Слегка уронили, откололи облицовку, а так он рабочий.

Как раз вовремя уронили! — думала Мария Федоровна. Телевидение в доме было по кабельному, не такие уж большие деньги, а без картинок на экране Мария Федоровна не могла. Хотя какая-то отдушина в беспросветной жизни. Кабельное еще Олег проводил, давно, до катастрофы. Был и большой, дорогой телевизор — продала, когда нужно было лечить сына. Все продала...

Пристроила на стенку, поставив в нишу, воткнула шнур, кабель, включила, повернулась к Олегу, хотела что-то сказать и тут же замерла, с приклеенной улыбкой на лице: сын был не просто удивлен — у него глаза едва не вылезли из орбит, челюсть отпала, он привстал на локтях — ощущение было такое, что увидел морского змея, или нашествие инопланетян!

Мария Федоровна оглянулась на экран, может там что-то невероятное? Да нет... бегают какие-то люди, то ли милиционеры, то ли бандиты — особенно и не разберешь с первого взгляда-то. Женщина взяла пульт, переключила — ей не нравилась война, кровь, насилие. Лучше вот — мультик! Старый, хороший, с Винни-Пухом. «Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро! Тарам-парам... тарам-парам...»

Снова оглянулась на Олега — тот тяжело дышал, впившись руками в постель, и не отводил глаз от экрана. То, что он увидел, почему-то его потрясло до глубины души! Вдруг подумалось: «Как будто никогда не видел!»

— Вот тебе пульт. «ПУЛЬТ»! Повтори: «ПУЛЬТ»! Это — пульт.

— Пулт! — с трудом выдавил из себя сын, не отводя глаз от экрана — пулт!

— Да не пулт, а пульт! — улыбнулась Мария Федоровна — А то еще за нерусского примут! Правильно говори — «пульт»

— Пульт! — послушно повторил Олег, и взяв в руки этот самый пульт, повел над ним ладонью правой руки, будто хотел его рассмотреть, как ясновидящая Роза Кулешова (Мария Федоровна читала про нее, та вроде как кожей все видела).

— Не так надо — снова улыбнулась женщина, ты что, колдун, что ли?

Волшебник? Тут все просто — тычешь кнопки, переключаешь. Вот тут — каналы, тут — звук, тише-громче. Все, развлекайся, а я пойду работать. Мне нужно подъезды подмести. Часа через полтора приду, так что не скучай! О Господи, помоги рабам твоим!

Мария Федоровна перекрестилась на образа, и пошла к входной двери. Ужасно не хотелось идти, не хотелось оставлять Олега, хотелось сидеть рядом с ним и смотреть, как он перелистывает каналы телевизора. Ощущение было такое, что она достала сына с того света. Из могилы. Из склепа.

* * *

Сергар обалдел. Магия! Все-таки есть магия! Он слышал об артефактах, которые показывают картинки, но чтобы так?! Запросто?! Какая-то женщина принесла артефакт, поколдовала, и... вот! Люди — ходят, бегают, сидят, поют, играет музыка! Потрясающе! Этот мир ушел вперед от мира Сергара на сотни, а может тысячи, или сотни тысяч лет?! А может это его мир? Может Сергар перенесся в будущее?

Бывший боевой маг затаив дыхание смотрел в магический артефакт и ничего не понимал. Люди что-то делали, жили своей жизнью, садились в странные повозки,двигающиеся без лошадей, даже летали по воздуху!

Мир колдунов! Мир магов! И он — несчастный, убогий, безногий, полностью лишенный магии! О боги... это жестоко!

Сергар не мог себя представить без магии. Он начал магичить, когда ему было пять лет — довольно рано, даже по меркам провинции Олхон, славящийся своими магами. Было что-то — то ли в воде, то ли в земле этой местности такое, что заставляло рождаться магами. Здесь их было больше всего в Кайларе, особенно лекарей.

Впрочем — может и не было ничего удивительного? Почему в лесных провинциях могут рождаться будущие лесорубы — мощные, плечистые (очень хороши в алебардистах, в тяжелой пехоте!), в горной местности — сухие, невысокие, жилистые (отличные стрелки из луков!), в степи — кряжистые, квадратные (Наездники, само собой! И мечники.), а в Олхоне не могут рождаться маги? Кровь смешивается, потомки магов селятся тут же, так что — закономерный результат.

Мать Сергара была лекаркой, очень хорошей, известной магиней. Что, Впрочем, не уберегло ее от черной чумы, сражающей за считанные минуты. Не убереглась. Как и отец.

А вот Сергар за каким-то демоном уцелел! Вероятно для того, чтобы получить свое тут, в пахнувшей мочой и потом постели, впитавшей все запахи больного тела.

Оставив на тумбочке рядом с кроватью артефакт, который женщина назвала «пультом», Сергар откинул простыню, снова с ненавистью установился на свои усохшие, бледные ноги, торчавшие, как коряги на речном берегу — бессмысленные, ненужные, годные лишь на растопку костра. Ему хотелось в туалет, Мама поставила горшок так, чтобы он достал, но... Сергар решил потерпеть, и попробовать выбраться из дома во двор. Он видел, как женщина открывала дверь, и решил выйти... выползти на воздух, сделать свои делишки там, а заодно посмотреть на небо — как оно отличается от того, к которому привык? Вот только прежде нужно что-нибудь на себя надеть, не в этой же смешной безрукавке появляться на белый свет?

Взял со стула трусы — странные, они были сделаны из невиданной ткани — упругой, растягивающейся, как тонкая кожа. Никаких завязок, крючков — как их носить? И штаны... тоже странные. Тоже упругая ткань, и тоже нет завязок! Опять магия!

Подтянулся за спинку кровати назад, сел, опершись спиной. Голова закружилась, будто он лежал уже много, много дней. И лежал ведь! Только не он, а его тело, к которому Сергар так и не мог пока привыкнуть. После своего тренированного, могучего, выносливого тела этот мешок с костями?! Ай-яй... беда!

Подтянул руками за голени, по очереди продел в дырки ноги, натянул одежду. Почувствовал себя гораздо увереннее. Мужчина без штанов — это совершенно незащитный мужчина. Вспомнил, как за кружкой пива рассказывал один из ветеранов: «Как только поймаешь лазутчика, и нужно срочно допросить, первым делом не морду ему бей, а снимай штаны! Раздевай догола! И сразу спеси-то у супостата поменьше! Сразу разговорчивее делается! Особенно, когда кинжалом потеребишь его хозяйство...»

Сергар вырос на войне, возмужал на войне, видал всякое, но как тогда представил, что кто-то покушается на его мужское достоинство... все в душе перевернулось, содрогнулся. Стать не мужиком, и не бабой — есть ли хуже судьба?

И тут же усмехнулся — а вот? Это — не хуже? Но тут же выругался самой грязной солдатской бранью, которую знал — чего рассопливился? Он что, жизни не видал?! Голодным не останется — Мама накормит! Крыша над головой есть! Так что еще надо?! Ноги? Он что, не лекарь?! Ну

нет у него магии, так есть же в мире травы, специальные упражнения, есть знания и воля! Война не убила, «живые трупы» не убили, боевой артефакт не убил — неужели он не сможет выжить здесь, в ином мире?!

На руках, осторожно подполз к краю кровати, задышавшись и борясь с дурнотой. Перевалился и... шлеп! Плюхнулся на твердый пол, как огромная жаба. Пополз, подтягиваясь, скрипя зубами, ругаясь, как старый алебардист. Не к двери пополз, а к окну, из которого падал свет.

Первое дело — определиться на местности, не подвергая жизнь опасности. Это знает каждый боец. Те, кто не знали — давно сгнили на кровавых, покрытых трупами полях.

Дополз до стены, правой рукой уцепился за белый, прохладный подоконник, подождал пару секунд, чтобы собраться с силами, схватился второй рукой и одним усилием, рывком, подтянул себя вверх, к прозрачному стеклу, стоившему огромных денег. Такие стекла в мире Сергара были большой редкостью.

После усилия перед глазами завертелись кровавые круги, в голове зашумело, но все-таки сумел удержать себя в сознании. Кое-как укрепился, опершись грудью и локтями, прогнал дурноту и посмотрел за окно, чтобы ослабнув, грохнуться на пол так, что в ушибленной голове зазвенели храмовые колокола.

То, что он увидел, потрясло до глубины души!

Не было двора, не было зеленой травы, или мостовой — он находился в небе! В небе, над землей, в башне! Люди — маленькие, как муравьи, где-то внизу, безлошадные повозки, и небо — голубое, ясное, в котором плавало желто-белое, ласковое светило!

Мозг, перегруженный информацией, вдруг отключился, будто кто-то врезал по нему здоровенным поленом, и Сергар потерял сознание. Он уже не слышал, как пришла Мария Федоровна, как хлопотала вокруг него, как тащила на кровать, заливаясь слезами, как укутывала его, и сидя рядом, держала за руку, надеясь, что сын не впал в кому. Или в то состояние, которое было похоже на кому.

И не слышал, как она пересчитывала оставшиеся в доме деньги, прикидывая — как дожить до прихода пенсии Олега, и до зарплаты в управляющей компании.

Сергар сейчас был в мире снов, и в этих снах впервые не было войны. Только небо, луг, и дом — тот, что он когда-то бросил, уходя в неизвестность.

И родители — живые, здоровые, улыбались и махали ему рукой.

Сергару было хорошо.

Глава 2

— Сам. Мама! Сам!

— Ну — сам, так сам! Кушай, кушай!

Мария Федоровна счастливо улыбаясь, смотрела, как ест Олег — аккуратно, по-мужски, не жадничая, но с наслаждением, как после долгой, тяжелой работы. А чем не работа? Лежать полгода пластом, глядя в потолок — хуже работы нет!

Мария Федоровна незаметно перекрестилась — все налаживается! Скоро Олег поднимется, будет снова ездить на коляске, лазить в интернете. Может и работу найдет — а что?! Работают же в интернете, почему бы и нет? Перед тем, как попытаться покончить с собой, Олег говорил, что нашел какую-то работу в сети. Может, еще не поздно?

Жалко — ноутбук он тогда выбросил с балкона... едва не прибил соседку... ругани-то было! Но обошлось. Ольга Петровна хорошая женщина, все поняла. Потом приходила, торт принесла, утешала... Нужно будет ему компьютер купить. Или ноутбук. Тяжело, но куда деваться? Без этого никак.

Разучился разговаривать? Так чихать на это, как говорит Катя. Он уже учится! Быстро учится! Всего две недели, а он говорит, как диктор с телевидения! Ну... почти как диктор, да. Ошибается иногда, но все понимает, молодец! Сколько таких случаев было — люди теряют память, а потом вдруг — рраз! И снова все вспоминают! И он вспомнит. А не вспомнит — ну и ладно! Главное — живой, остальное приложится.

Сергар проглотил последнюю ложку, вытер тарелку хлебом и забросил его в рот. Под внимательным, укоризненным взглядом Мама виновато улыбнулся, и неожиданно для себя подмигнул ей левым глазом. Та фыркнула и покачала головой:

— Учю тебя, учю, а ты опять за свое? Нельзя вытирать тарелку хлебом! Нельзя прихлебывать с шумом! Нельзя рыгать! Это не культурно!

— Я не понимаю, что такой есть «некультурно»! — в который уже раз вяло трепыхнулся Сергар — Мне так удобно! Я не хотеть никому зла, просто мне так приятно!

— Не хочу зла — поправила Мария Федоровна — Так принято у воспитанных людей, и так нужно делать! Ты же не какой-то уличный бродяга, ты сын учительницы! Нужно сморкаться не на пол, а вытирать нос платком! Нужно уметь себя вести за столом, в обществе! Таковы правила

поведения, и если ты будешь вести себя иначе — на тебя все посмотрят как на невоспитанного болвана. Тебе это надо?

— Не надо, Мама — понимающе кивнул Сергар — Я буду стараться быть культурным. А ты мне поможешь. Я просить тебя...

— Я хочу тебя попросить. Или: «я прошу тебя» — снова поправила Мария Федоровна — Что ты хотел, сынок?

Сергар ненадолго замолчал. Его в очередной раз кольнуло в сердце — сынок! Если бы она знала, как бы отреагировала? Скорее всего — не поверила. Решила б, что сын бредит, что у него с головой не в порядке. А если бы поверила — тогда что бы сделала? Выбросила из дома? Вряд ли. Зачем тогда ее мучить? Нет, нужно молчать. Когда-нибудь... может быть. А сейчас — молчать.

— Я хочу тренировать мускулы. Занятия! Тренировка! — пояснил Сергар — Как мне сделать? Чтобы на кровать!

— Чтобы на кровати — Мария Федоровна задумалась, потом просияла лицом — А я попрошу сделать! Я знаю, что тебе надо! Ты давно говорил, что нужно сделать, и даже чертежи сделал! Сейчас найду, и закажу у себя на работе! Ребята сделают недорого, да и пенсия твоя пришла, есть на что! Сделаем!

Мария Федоровна заторопилась, и через пятнадцать минут ушла, захлопнув дверь, оставив Сергара перед телевизором, который стал для бывшего мага самой необходимой в этой жизни штукой. Источник информации, окно в мир — это было просто великолепно! В странный мир. Мир без магии...

Да, да — как ни странно, магия тут считалась вымыслом! Она была только в сказках!

Сергар пытался дотянуться до океана Силы, и не мог. Несколько раз ему казалось, что он вот-вот почувствует, коснется, дотянется, черпнет, и... нет, не получалось. Что-то будто отталкивало, тормозило, не пускало мага к живительному источнику Силы!

Вначале он впал в отчаяние. Скрипел зубами, стонал от бессилия, от безнадёги, от невозможности восстановить свое умение. Он с детства привык к тому, что умеет магичить — первый раз магия прорвалась у него тогда, когда Сергар хотел поджечь костер, разложенный с двумя друзьями — Ивом и Калегаром на опушке леса. Щелкал кресалом, пытался раздуть искру, сырой мох не желал тлеть и загораться, и тогда Сергар в сердцах представил, как вспыхивает костер, и... очень-очень этого пожелал, случайно махнув рукой так, как это нужно для Вызова огня. Огонь полыхнул так, что спалил ему ресницы, брови, подпалил волосы, и после

этого от Сергара весь день пахло паленой свиньей.

Конечно, родители сразу же разоблачили потерпевшего, заставили рассказать о происшедшем, и... Сергар думал, что получит нагоняй, что его будут ругать, но... все получилось ровно наоборот! Родители закатили пирушку — сын стал магом! Это ли не повод для торжества?!

Впрочем — скоро Сергар пожалел о том, что в нем проснулся дар магии. К занятиям в школе добавились занятия по волшебству — его учила мать, между приемами больных, и лучше бы он все это время гулял с друзьями на улице, а не повторял названия трав и не учил пассы, которые помогают пользоваться Силой. Тогда ему очень не хотелось тратить свое время на занятия магией, а вот теперь он мечтал, чтобы кто-нибудь, как-нибудь вернул способность колдовать. Без этого умения он был все равно как человек без правой руки.

Кстати сказать — Сергар уже терял руку, правда левую, не правую (удар вражеской алебардой во время Тундурского прорыва), так что мог с полной ответственностью сказать, что знает — каково это, без руки. Теперь же он знал — каково это жить, когда без магии.

Сергар перевернулся на живот, привычно оперся на руки, уже не такие болезненные и дряблые, как две недели назад, и начал отжиматься с удовольствием чувствуя, как расходится кровь, как сильнее бьется сердце. С хорошей кормежкой, уходом, молодой организм брал свое. Мускулы, усохшие до размеров бельевой веревки, превращались в канаты — твердые, упругие, способные к работе. Сергар уже легко отжимался полсотни раз подряд, посвящая этому все свободное время. А времени у него было три больших воза, и еще десять маленьких тележек. Собственно — все его время было свободным. Впервые в жизни. И это ему начало даже нравится.

С тех пор, как он поступил на службу, у него никогда не было свободного времени — так, как это понимает обычный человек. Сергар не был волен пойти туда, куда он хочет, делать то, что хочет, а когда перестал быть военным магом, всю жизнь занимала борьба за выживание. Нет, конечно, он мог бы не делать то, что он делал. Волен идти в мертвые города, волен не идти. Вот только что тогда стал бы делать? Как жить? Кто бы его накормил, дал чистую одежду, позаботился о нем? Как здесь...

С другой стороны — все это было странно. Он, здоровенный мужчина, лежит в постели целыми днями, или передвигается по дому на странной колесной тележке (Довольно, кстати удобной! И почему в его мире никто не озаботился такими телегами для инвалидов?), а женщина — хрупкая, не очень молодая, пластается на работе, чтобы его прокормить. Стыдно! И ничего нельзя сделать.

Ну что он может? Пойти на улицу, просить милостыню у прохожих? Ему, боевому магу, прошедшему через десятки битв?! Уничтожившему несколько сотен нежити, магических тварей?! Убившему десяток разбойников, покушавшихся на его жизнь?

Нет уж. Восстановит силы, а там посмотрим. Когда-то он неплохо рисовал, вырезал фигурки острым ножом из мягкого дерева (очень нужное умение для изготовителя артефактов) — можно попробовать заняться этим и здесь. Кроме того, Мама что-то говорила про заработок в каком-то там «интернете» — пока неясно, что это такое, но почему бы не испытать себя? Попробовать?

Главное — не отчаиваться! Станный мир, странные люди... многое из того, что Сергар видел в телевизоре было для него не просто странным — невозможным! Например — «пенсия» по инвалидности! Платить всю жизнь человеку, который потерял здоровье по собственной глупости, упав с самоходной повозки? Ни один нормальный император не подписал бы такой указ! Ладно там — получил увечье на войне, на службе императору — да, выплачивается пособие, не такое большое, но с голоду умереть не дадут. Но чтобы так?!

А еще более странно было то, что императора как такого и не было. Правил страной «президент», которого, как понял Сергар (И переспросил у Мама), выбирает весь народ! Он не получает власть по наследству и не может ее передать кому-нибудь из своей родни! Чудеса! Вот это настоящие чудеса!

За две недели Сергар впитал местный язык, называемый «русским», тренированная учением магии память легко приняла в себя незнакомый язык, слегка похожий на язык соседнего континента, расположенного в тысяче километров от того, на котором раньше жил Сергар.

Он не только неплохо выучил язык, но и уже приучил себя мерить расстояния в километрах, длину — в сантиметрах и метрах. Здесь он останется скорее всего навсегда, так что нужно жить так, как живут обитатели этого мира. Учиться, учиться и учиться.

Уже на второй день после своего перемещения, Сергар потребовал от Марии Федоровны учить его грамоте и чтению — параллельно с обучением языку. Кстати сказать — так учить язык получалось гораздо быстрее.

Впрочем — Сергар подозревал, что его обучение шло так быстро неспроста, и те знания, которые имел хозяин тела, никуда не делись. Исчезла душа, но где-то в глубине головы таилась информация, которую нужно было только лишь достать, разбудить, воспользоваться.

Сергар уже лихо разъезжал по квартире, ловко, на одних руках забираясь в инвалидное кресло на колесах, умел пользоваться газовой плитой, сам мылся в ванне, и... посещал туалет, что для него было очень, очень важным делом. Нет ничего унижительнее для взрослого мужчины, чем неспособность справить свои естественные надобности. И все равно — главным местом его обитания оставалась кровать. Телевизор стоял напротив кровати — окно в мир. Окно в жизнь.

Звонок — долгий, как будто кто-то никак не хотел оторвать палец от кнопки. Сергар едва не вздрогнул — он никак не мог привыкнуть к резкому, дребезжащему звуку, извещающему о том, что сюда пришел редкий посетитель. Очень редкий — Катя, которой Мария Федоровна давала уроки, больше не появлялась, видимо решила, что знаний ей хватает, а больше желающих получить знания не было. На радостях Мария Федоровна забыла дать объявление о своих услугах — по крайней мере, так она сказала. Куда дать объявление, и что вообще значит — «дать объявление», Сергар так до конца и не понял. Разберется. Будет время...

Подъехав к двери, собрался открыть дверь, и вдруг опустил руку — кто там, за дверью? Он уже насмотрелся всяческих «сериалов», как их называла Мама, и во многих из них грабители попадали в дом вот так — позвонив в дверь. Негоже старому граберу оставаться безоружным, особенно в чужом мире.

Сергар быстро покатился в кухню, взял со стола крепкий, заточенный нож (Сам точил! Не заточенные ножи в доме — верный признак отсутствия мужчины!), сунул его в рукав (Привык носить нож на запястье — привык, и все время будто чего-то не хватало), и снова покатился к двери. Щелкнул замком, толкнул дверь.

На пороге возникли двое мужчин. Один — представительный, в явно дорогой одежде, на шее полоска ткани, которую здесь называли «галстук», в руках кожаная сумка — в такой тут носят документы.

Второй — похож на охранника, либо на разбойника (тут их называли бандитами). Крепкий, в кожаной куртке, похожей на ту, в которой много лет ходил Сергар, только новой, и не на завязках и крючках, как положено нормальной куртке, а не смешной «молнии», принятой в этом мире. На ногах — черные остроносые башмаки, штаны широкие, из синей ткани. Взгляд — цепкий, пронзительный.

Сергар знал таких людей — опасные, непредсказуемые, как дикие звери. Они могли взвиться в приступе непредсказуемой ярости, а могли быть спокойными, как могила. Сергар сам был таким. Когда-то. Старый вояка, знающий вкус чужой и своей крови.

Нож приятно холодил руку, Сергар внимательно смотрел на посетителей, а те осматривали квартиру — лениво, но так, как покупатель на рынке осматривает кобылу, которую хочет купить — заглядывает в зубы, под брюхо, щупает ноги и хлопает по крупу, хая покупку, надеясь обдурить продавца.

— Что надо? — неприветливо спросил Сергар, глядя на то, как «бандит» по хозяйски ходит по комнатам, заглянув даже в туалет.

— Ну что же так неприветливо? — слащаво улыбнулся тот, что в галстук — Ты, насколько я понимаю — Олег?

— Что надо, я спросил! — холодно, жестко повторил Сергар, и тут же добавил — Эй, рожа, к двери и встать там! Нечего тут топать!

«Бандит» внимательно, спокойно, оценивающе посмотрел на «Олега» (Сергар непроизвольно коснулся рукояти ножа), но послушался, подошел к двери, встал, опершись на стенку, задумчиво щуря глаза в пространство.

— Олег, у нас очень выгодное предложение к тебе, и к твоей маме! — заторопился «галстучник», наша фирма называется «Золотая осень», мы занимается помощью старикам, инвалидам, неимущим. Вот тебе, кстати, нужны деньги, чтобы заняться лечением. Ведь тебе — нужны деньги на лечение? У мамы, насколько я знаю, денег нет?

Сергар промолчал, настороженно глядя на «галстучника», вернее на его толстые губы, шлепающие, мокрые, блестящие, будто он только что съел что-то жирное.

— Ну вот! — благодушно кивнул человек — Я Сергей Петрович Алтуфьев, директор «Золотой осени», а это мой компаньон, заместитель, Андрей Иванович. Мы хотим сделать вам предложение, очень выгодное, очень хорошее!

Дверь вдруг раскрылась, в нее вошла Мария Федоровна, улыбаясь, сияя, как начищенный медный таз. При виде незнакомцев улыбка ее увяла, и она спросила, подойдя к Сергару и заслоняя его всем телом, будто хотела укрыть от всех бед в мире:

— Что? Что вы хотите? Кто вы?!

— Я только что рассказывал вашему сыну — не смутившись продолжил мужчина — Я директор фирмы «Золотая осень» Мы хотим сделать вам выгодное предложение!

— Какое? — Мария Федоровна покосилась на громилу у стены, и вцепилась в спинку инвалидного кресла.

— Мы хотим предложить вам сделать размен! Вы получите много денег! И дом под городом! Великолепный коттедж, со всеми удобствами! Вы же оставляли заявку в риэлтерской конторе? Они передали ее нам, вот

мы и здесь. Не сомневайтесь — это очень, очень выгодное предложение!

— Сколько? — устало спросила Мария Федоровна — Что за коттедж?

— В деревне Марьино! — оживился Сергей Петрович — На берегу речки, большой огород, рядом лес, грибы, замечательно!

— Сколько? — повторила Мария Федоровна, внимательно глядя на собеседника.

— Пять миллионов! Пять! И дом! Вы сможете вылечить сына, в Марьино есть школа — вы же учительница? Так вот! Будете работать, сын будет работать — когда встанет на ноги! Соглашайтесь! У нас все уже готово! Сто тысяч аванса, при подписании договора, остальное — в течении недели! Замечательно! Хоть сейчас! И я бы советовал — прямо сегодня! Ковать железо, пока горячо! Вот принцип деловых людей!

Мария Федоровна бросила взгляд на ноги сына, укрытые пледом, обвела взглядом квартиру — опостылевшую, пропахшую болезнью...

Сергей Петрович видно почувствовал ее колебания, и тут же заторопился:

— Вот, смотрите — деньги! Со мной!

Он вынул пачку пятидесятирублевых, перетянутую резинкой, показал Марии Федоровне, потом достал пачку бумаг:

— Глядите — вот договор, вот наш штамп, печать — мы работаем на рынке услуг уже десять лет! И еще не было никаких нареканий! Ваша квартира стоит около десяти миллионов — район неплохой, но не особенно престижный. Две комнаты, а в коттедже будет четыре комнаты! И огород! Большой! Сын сможет загорать на солнце — смотрите, какой он бледный! Вы ничем не рискуете — все будет сделано через нотариуса, он следит за чистотой сделки. В договоре есть пункт, по которому — если не выполняется хоть одно условие, договор расторгается, аванс не возвращается, а вы вселяетесь в эту же квартиру, и никто вам не сможет помешать! Закон на вашей стороне! Сейчас все строго! Я вам по секрету скажу — нам нужна эта квартира — есть клиент, который хочет купить и соседние, только я рассчитываю на вашу порядочность — никому не говорите!

Мужчина заговорщицки прижал палец к губам:

— Тссс! Мы же должны заработать! Ваша квартира для нас просто счастье! Выгода!

— Шесть. Шесть миллионов и коттедж — твердо заявила Мария Федоровна — и Оформление у нотариуса. И вперед — пятьсот тысяч. Тогда я согласна.

— Ох вы какая... штучка! Вертки из нас вьете! Хитры! Поняли, что

мы торопимся! — восхищенно прицокнул языком Сергей Петрович, и сокрушенно покачал головой — Триста! Больше не могу! Честно! И так вам условия лучшие, чем у остальных!

— Фото коттеджа есть? — оборвала Мария Федоровна — Документы, подтверждающие, что это тот самый коттедж? И что он в таком состоянии, как вы указываете в договоре?

— Конечно! Конечно! — заулыбался — Заверим у нотариуса! Вот фото, смотрите!

Мужчина достал планшет, открыл:

— Смотрите — река, вот пруд — это в полукилометре от вас. Вот центр села — видите, какая хорошая школа? Марьино — поселок городского типа, не просто так! Там и больница есть! Вам хватит денег и сына вылечить, и прожить, пока он не встанет на ноги! В Израиле — чудеса врачи творят! Это наши бестолковые, а там... там просто маги, колдуны, волшебники! Сергар едва не вздрогнул, и внимательно посмотрел на говорящего — неужели и правда? Неужели там есть маги?

Мария Федоровна вздохнула, присела на табурет возле двери. Да, она слышала про израильские клиники. Бухгалтер управляющей компании рассказывала — как там ставят на ноги безнадежных больных! После того разговора и запало в голову Марии Федоровны мысль об чудесных еврейских врачах. А когда Олег каким-то чудом очнулся, пришло решение — все, что у нее осталось — квартира. Хорошая квартира. Если ее разменять на квартиру похуже, с доплатой, так, чтобы хватило на лечение — почему бы и нет? Это выход!

— Хорошо. Триста вперед, остальное в течении недели после совершения сделки. Я согласна.

— Чудненько! — всплеснул руками мужчина — Андрей Иванович, поезжай за нотариусом, вези сюда. Зачем Марии Федоровне ножки трудить? Сейчас все и сделаем. А завтра можно и переселиться. С утречка! Но хочу предупредить — наше предложение действительно только сегодня, завтра клиент улетает на Багамы, и все может сорваться! Нам нужно успеть заключить сразу две сделки — с вами, и с ним!

— Не завтра переезжаем, а когда деньги получу — помотала головой Мария Федоровна — Иначе я не согласна. Знаю я вас — оставите без жилья, я видела в новостях про черных риэлтеров!

— Да перестаньте, вы что?! — искренне удивился и возмутился Сергей Петрович — Ладно, мы согласны. Неделю — деньги у вас в кармане, тогда и переедете. Но сделку сегодня. Согласны? Деньги идут через банк несколько дней, вы же понимаете, что такие деньги никто не

держит наличными?

— Согласна — везите нотариуса — устало кивнула Мария Федоровна, и перед ее глазами снова встали беспомощные, высохшие ноги сына — Я готова. Но я должна спросить сына. Он такой же хозяин квартиры, как и я. Мне нужно с ним поговорить.

— Хорошо, хорошо — развел руками Сергей Петрович — Мы пока что поедem за нотариусом, а вы тут переговорите. Я вам точно скажу — больше ваша квартира не стоит, подумайте! Это единственный ваш шанс помочь сыну!

Оба гостя вышли, и Мария Федоровна осталась наедине с сыном. Она не смотрела на него, но чувствовала, как взгляд сына сверлит ее, как стальное сверло.

— Мама, это на самом деле надо? — нарушил тишину Сергар — Мне эти человеки не нравятся. Они похожи на мошенников.

— Не человеки — люди, сынок. Мне тоже не нравятся. Но они привезут нотариуса — это тот, что надзирает за законом, регистрирует сделки. Нотариус знаешь сколько зарабатывает? Они за свое место отдают кучу денег, чтобы их назначили, очень трудно стать нотариусом. Зачем им обманывать? Тем более, что я проверю документы! Документы нотариуса, договор, все проверю! Все риэлтеры жулики. Всегда стараются обмануть. Но если сделать правильно — не страшно. Деньги нужны, сынок. Нужно тебя поднимать на ноги. Я решила! Помоги мне. Ты тоже должен будешь подписать договор на обмен квартиры. Без тебя никак. Ты тоже ее владелец.

— Я их убью, если они тебя обманут. Убью!

— Все будет в порядке, сынок! — Мария Федоровна улыбнулась, и ласково подрепала русые, почти седые волосы сына — Убивец, тоже мне! Ты и охотиться-то не можешь, я помню, как ты курицу отказался зарезать, что нам баба Маша из деревни привезла, а туда же! Убью! Молчал бы уж, вояка! Скоро будем на природе, деревенское молочко пить, а потом повезу тебя в Израиль, жаркую страну, где живут врачи-волшебники. Они полечат тебе ножки, и ты снова побежишь по дорожке! Как зайчик!

— Они правда волшебники? — напряженно спросил Сергар — Лечат колдовством?

Мария Федоровна удивленно подняла брови и заглянула в лицо сыну:

— Ты что?! Серьезно?! Вот ты чудак! Все в колдунов веришь?!

Она широко улыбнулась и снова пригладила волосы сыну:

— Это просто так говорится: «кудесники», «колдуны»! Просто отличные врачи, а еще у них очень хорошее оборудование. Очень хорошие

врачи. Ухаживают, лечат. Стоит это все дорого — для иностранцев, но зато результаты правда колдовские. Я уверена — ты будешь ходить! У нас пошла белая полоса! Ты очнулся, ожил, и теперь все будет хорошо!

* * *

Остаток дня прошел в суете. Риэлтеры появились через час, с молодой элегантной женщиной, представившейся нотариусом Ольгой Петровной Загоруйко. Она показала свои документы, подтверждающие ее полномочия, Мария Федоровна прочитала договор, в котором все было прописано так, как надо, как договорились.

Коттедж, который предназначался в обмен — состоял из четырех комнат и кухни, на окраине Марьинки, возле соснового бора. Участок двадцать соток, баня, сарай — все, как надо. Адрес проверили по кадастровому номеру, все было чисто, документы в порядке — Мария Федоровна долго проверяла каждую строчку, искала подвох — Сергей Петрович заметно изнывал, пока она читала текст договора, вытирал пот со лба, и когда хозяйка квартиры закончила, облегченно вздохнул:

— Все?! Ну, наконец-то! Говорю вам — вы не первые, и не последние! Чего бояться? Все в порядке!

Наконец, деньги были переданы, документы подписаны, и вся компания удалилась, оставив хозяев квартиры в покое. Оставшуюся сумму договорились перечислить на зарплатную карту Марии Федоровны, в течение недели. На столе лежали триста тысяч рублей, которые были пересчитаны, проверены на свет, даже на запах (Мало ли что бывает?! Говорят — и в банкоматах фальшивые подсовывают!).

Все было как нельзя лучше.

Мария Федоровна сбегала в магазин, принесла бутылку шампанского, баночку красной икры, колбасы, каких-то вкусностей в прозрачных пластиковых коробочках, и накрыла стол.

— Давай, по бокалу шампанского! Гулять, так гулять! — Мария Федоровна протянула руку и коснулась своим бокалом бокала сына — Выпьем за то, чтобы все у нас было хорошо! Чтобы ты снова встал на ноги, чтобы у нас в новом доме всегда был достаток, чтобы... чтобы... в общем — давай-ка выпьем!

Сергар часто пил. Бывало — напивался до беспамятства. Но ему нужно было очень много выпить, чтобы свалиться с ног. Тут же после первого бокала у него зашумело в голове, а комната поплыла, будто только

что выпил два литра крепкого Кермского.

Мария Федоровна была весела, оживлена, смеялась, рассказывала что-то из жизни Олега, не глядя на то, как он реагирует. А он реагировал — никак. Комната вертелась, кружилась, его слегка подташнивало, и дважды едва не вырвало. Наконец, заметив, что сын мягко говоря слегка не в себе. Мария Федоровна откатила его к кровати, не без труда перевалила на постель (Он потяжелел за эти две недели), и через пять минут Сергар уже спал, черным без сновидений сном.

Мария Федоровна как обычно легла в зале, на диване. Сегодня она даже не разобрала постель, легла прямо в одежде. Этот день был хорошим, впереди — только радость! С улыбкой на лице Мария Федоровна уснула, и последней мыслью было: «Надо срочно сделать загранпаспорта, иначе — как ехать на лечение?!»

* * *

Она не собиралась вставать рано. Черт с ним, с этим тротуаром, черт с ней, с управляющей компанией — бросить им заявление и уйти. Все равно скоро уезжать, так что... Устала. От всего устала. Наконец-то хоть какой-то просвет!

Не дали поспать. Пронзительный, тревожный звонок — спозаранок, в шесть утра. Встрепенулась, протерла глаза — кто еще может быть в такую рань? Надела шлепанцы и побрела к двери, на ходу поправляя волосы, недоумевая и не соображая спросонок совсем ничего. Все-таки полбутылки шампанского теперь для нее это много. Давно не пробовала вина. Честно сказать — боялась пить. Знала как это легко — утопить проблемы в стакане. Утопить всю свою жизнь. Стоит только начать.

Не глядя в глазок, открыла (Чего бояться? День-деньской, солнце!) На пороге стоял вчерашний спутник Сергея Петровича — его вроде как звали Андрей — рядом крепкие мужчины в комбинезонах, в надвинутых на глаза вязанных шапочках.

Почему-то подумалось: «Зачем шапочки? Неужели на улице так холодно?!» Потом мысли вылетели из головы, их место заняли страх, ошеломление, даже ужас! Потому что Андрей, отодвинув плечом бывшую хозяйку квартиры, вошел внутрь, будто боясь, что дверь захлопнется, и неприятным, холодным голосом приказал:

— Собирайтесь. Вы переезжаете.

Мария Федоровна не поняла, думала, что ослышалась, несколько

секунд не могла ничего сказать, открыв рот, как рыба, выброшенная на берег морской волной, откашлялась, и хрипло, задыхаясь, переспросила:

— Что вы сказали?! Как переезжать? Мы никуда не переедем, пока вы не отдадите все оставшиеся деньги!

— Вы все получили, и даже лишнего — холодно пояснил мужчина, глядя туда, откуда показался Сергар, за это время успевший переместиться в коляску — Согласно договора, вы должны выехать в течение суток после подписания и получения денег. Кстати — вам передали лишнего. Вы сами отдадите, или нам поискать?

— Что?! — Мария Федоровна побелела, кровь отлила у нее от головы, она вцепилась в косяк, чтобы не упасть — Вы не имеете права! У меня договор! Через нотариуса! Я ничего не отдам! И никуда не уеду!

— Отдашь — хмуро и уверенно кивнул мужчина — Или сядешь в тюрьму. Договор? Где твой договор? Тут?

Он взял со стола в зале пачку листов, подписанный Марией Федоровной и «Олегом», сунул его в руки женщине и отчеркнул коротким, тупым ногтем:

— Читай! Вот сумма — сто тысяч рублей. Так что тебе по ошибке дали лишнего. Вот пункт, по которому ты должна выехать в течение суток и забрать своего сына. Вы оба должны выметаться прямо сейчас, иначе мы выкинем ваши вещи на улицу. Не беспокойся — на улице стоит машина, вас отвезут в ваш дом. Правда не в Марьевку, немного подальше — в Самсоновку, и домик похуже, но все, чтобы жить, там есть. И не надо истерик — иначе будут проблемы. А я терпеть не могу улаживать проблемы. А приходится.

— Милиция! Я сейчас в милицию! — тихо просипела Мария Федоровна, не веря, что все это происходит с ней, ведь этого не может быть! Она все проверила!

— Милицию хочешь? — усмехнулся мужчина — Это тебе нужно вернуться лет на десять назад. Сейчас не милиция, а полиция. И она тут — вон он стоит, участковый! Эй, капитан, иди сюда!

Мария Федоровна видела этого капитана, участкового. Он не раз приходил в управляющую компанию, видела его и у паспортистки — полный, большой, вечно потеющий, с пятнами пота в подмышках, он всегда носил на лице маску слегка брезгливого, вечно недовольного жизнью, надменного человека, которому этот мир совершенно не нравится. Мария Федоровна с ним дел никогда не имела, и слава Богу — чем меньше касаешься криминала, или полиции, тем лучше.

— Что случилось? — капитан будто ожидал (точно, ожидал!) — Какие-то претензии?

— Меня хотят незаконно выселить! — уже не веря в результат, пояснила Мария Федоровна — У меня договор, а они подменили! Они подменили договор!

— Вот наш экземпляр договора — пожал плечами Андрей — Вот моя доверенность от хозяина квартиры на ведение дел. Эта гражданка продала квартиру, поменяла на дом в деревне, с доплатой. Теперь вот не хочется выезжать — как положено по договору. Теперь в этой квартире прописан я — вот выписка из паспортного стола!

— У меня штамп стоит в паспорте, смотрите! — Мария Федоровна лихорадочно пролистала свой паспорт, показала участковому — Смотрите!

— Ну... да — важно кивнул участковый — Но в бумаге сказано, что вы вчера выписались из квартиры, и сын ваш выписался. Потому — я не понимаю, почему вы не поставили печать о выписке в паспорте. Впрочем — это не мое дело, претензии к паспортному столу. Договор... ну да — вы получили деньги, должны покинуть помещение. Вот новый хозяин — даже свидетельство о собственности есть — вчерашним числом. Выписка из кадастра, печать нотариуса — все честь по чести! Подпись ваша?

— Моя! Но я не подписывала этот договор! Я подписывала другой договор!

— Вот что, дорогуша — то подписывала, то не подписывала, что за детство?! — участковый возмущенно фыркнул — Вечные проблемы с этими алкашами!

— Какие алкаши?! — возмутилась Мария Федоровна, да я вообще не пью!

И тут же осеклась, оглянувшись на стол с бутылкой шампанского.

— Ага. Не пью — за ухо лью! — иронически ухмыльнулся участковый — Да от вас разит винищем! Все, я ухожу, и попрошу вас, граждане, держитесь в рамках правового поля, чтобы не было проблем. Вы поняли меня?

— Что тут не понять — усмехнулся новый хозяин квартиры — Все будет чисто, тихо, и без крови. Правильно, Мария Федоровна?! Ну вот. Собирайте вещи, и сваливайте из моей квартиры. Внизу ждет «газель», вас посадят и отвезут в ваше дом. Будете выступать — просто выкинем к подъезду, и будете там сидеть. Не упирайтесь, а делайте то, что положено!

— Мама, что происходит? — Сергар слышал разговор в прихожей, и понял — беда! Проблемы!

— Нас обманули, сынок — Мария Федоровна устало опустилась на

табурет, и сложила руки на коленях — Прости. Нас обманули. Я все потеряла. Все. Это жулики. Бандиты.

— Бандиты?! — не веря своим ушам переспросил Сергар, подкатился к столу и взял в руки кухонный нож — Обманули?!

— Эй, эй — ты не балУй! — мужчина в комбинезоне отшатнулся от Сергара, сделал шаг назад — Шеф, у него нож!

— Назад, твари! — Сергар сам не заметил, как сказал это на своем языке, опомнился, и повторил — Твари, назад! Убью!

— Ты хочешь по-плохому? — усмехнулся Андрей — Уродец, ты чего себе возомнил?! Да я тебя сейчас...

Он не договорил — пущенный рукой Сергара нож вонзился в косяк рядом с шеей бандита и замер, дрожа, будто от разочарования, не успев напиться крови.

Сергар схватил второй нож, такой же острый, со следами ржавчины с края клинка — он нашел его за столом в кухне, где тот пролежал лет пять, не меньше, и заточил.

— Следующий будет у тебя в горле!

— Сынок, не надо! Сынок! Тебя посадят! — Мария Федоровна клушкой бросилась к сыну и обхватив его руками, закрыла телом — Не трогайте его! Мы уедем! Не трогайте! Не трогайте нас...

* * *

Они ехали долго. Почти до вечера.

Вначале по городу — Сергар, несмотря на происшедшее, с интересом смотрел вокруг, на то, как живут люди. Он до сих пор ни разу не выходил на улицу.

Потом пошли предместья с маленькими старыми домишками, соседствующими с огромными, двух-трехэтажными домами, пытающимися выглянуть из-за высоченных заборов, с острыми пиками, вделанными по верху.

Дорога, вначале гладкая, покрытая поблескивающим в лучах солнце неизвестным Сергару составом, через несколько часов закончилась, началась трясучая, гадкая дорогая с торчащими из нее крупными камнями и глубокими рытвинами, похожая на все тракты, что пересекали континент в мире Сергара. Там были дороги и получше, но в основном — вот такие, с рытвинами, заполняющимися дождевой водой и жидкой грязью. Ничего нового — деревня, есть деревня. В любом из миров.

Они ехали в автомобиле, где кроме них с Марией Федоровной было еще двое подручных Андрея — сам он сидел впереди, рядом с водителем, таким же угрюмым, неприятным типом, смотревшим на мать с сыном как на два куска дерьма.

Коляску засунули в кузов большой машины, вместе с остальными вещами, Сергара бесцеремонно, как куклу, бросили на заднее сиденье маленькой, туда же затолкали и Марию Федоровну.

Женщина молчала — бледная, как мел, голова ее моталась, как у тряпичной куклы. Она не плакала, ничего не говорила, и еле дышала — будто уснула. Сергар тоже молчал — а о чем говорить? Их ограбили, и хорошо, если не убьют. И он знал — шансов никаких. Нет магии, нет ног, не силы, чтобы положить этих тварей! Если бы он был в прежнем теле, если бы это был он, Сергар, боевой маг, опаленный огнем заклинаний, политый своей и чужой кровью! Не инвалид Олег, мышцы которого ослабли настолько, что он вряд ли поднял бы и мешок картошки!

Одно радовало — рефлексy, неожиданно, были совсем неплохи. Когда Сергар сегодня метнул нож, он почувствовал единение со сталью, как когда-то, в ином мире.

Зачем он его метнул? На что рассчитывал? Неужели думал, что эти люди напугаются, убегут от инвалида с ножичком?

Нет, не думал. Нет, не рассчитывал. Но не смог сдержаться. Не смог. Ему хотелось броситься на этих людей, доползти, и рвать, бить, кусать — пока не убьют!

И скорее бы уж убили... чем так жить. Сергар сразу понял, что Маму обманули. С той минуты, когда эти твари появились утром на пороге квартиры. Когда увидел рожу бандита, смотревшего на него так, будто он, «Олег», бы не человеком, а тараканом, недостойным даже для того, чтобы испачкать подошву башмака.

Такой взгляд Сергар видел у аристократов, пренебрежительно оглядывающих простолюдинов, а еще — у крутых рубак, для которых человеческая жизнь не стоила и медяка — если тому просто хотелось есть, или пить. Или взять женщину.

Сергар встречал и тех, и других. С первыми он не общался — кто такой он для того, чтобы аристократ принял в свой круг общения? Вторые — с этими все сложнее. Они всегда были рядом. Всю жизнь Сергара. И отличался он от них только тем, что для него жизнь человека не перестала быть менее ценной, чем серебряная монета, или кусок лепешки. Но уже давно Сергар подозревал, что пройдет еще лет десять, и он станет таким же — циничным, жестоким зверем. И ему было наплевать на это.

Дом был старым, очень старым. Его построили не меньше чем лет двести назад. Темный, огромный, двухэтажный, он прогнул землю тяжестью своих бревен, и вокруг него образовалось что-то вроде пологого канала, в котором скопилась дождевая вода, оставшаяся после ночного ливня. В запущенном палисаднике цвели мальвы, яблони, не так давно отцветшие, усыпаны сотнями завязей, превращающихся в зеленые пупырышки-яблочки, а возле забора торчал сруб колодца, накрытый почерневшей, ветхой двускатной крышей. Чирикали воробьи, где-то куковала оголтелая кукушка, страстно желающая совокупиться и произвести сотни и тысячи таких же дурных птиц, непонятно зачем живущих на белом свете. Покой, красота, и полнейшее захолустье — до ближайшего городка пятьдесят верст по проселку — непреодолимое препятствие, если у тебя нет автомобиля, и лучше — повышенной проходимости.

— На смерть привезли, негодяи! — неожиданно, с ненавистью, сказала Мария Федоровна, глядя на то, как из газели наскоро выбрасывают их вещи, вытаскивают стулья, шкафы, мешки — Как он на второй этаж будет забираться, гады? Вы же знаете — дом старый, внизу живет только скот!

— А чем вы отличаетесь от скота? — холодно ответил Андрей, закуривая сигарету — Радуйся, что вообще живы, дура. Не вы первые, не вы последние. Натренирует руки, полазит, небось не сдохнет. Пенсию получает — не сдохнете. Тут все дешево, еще и разжиреете! Чего смотришь, урод?

Сергар подъехал близко, встал всего в шаге от бандита и внимательно посмотрел в его лицо. Тот безмятежно щурился, выпуская дым ровными колечками, и обратил внимания на «Олега» только тогда, когда тот сплюнул на землю.

— Запоминаю тебя — так же холодно ответил Сергар, глядя в бесцветные, рыбьи глаза мужчины — Свидимся когда-нибудь!

— Угрожаешь, дурачок? — легко усмехнулся Андрей, щелчком отправляя окурок в лужу под дом — Не ты первый, не ты последний. Советую больше никогда меня не видеть. Это плохо кончается. Иногда — для всей родни дурака. Лес большой, места всем хватит.

— Сынок, отойди! — забеспокоилась Мария Федоровна — Пусть проваливаются отсюда! Я этого так не оставлю! Я буду писать в прокуратуру, в суд!

— Да хоть в Гаагский суд по правам педерестов — ухмыльнулся мужчина, и повернулся к грузчикам, выбрасывающим последний мешок — Все, закончили? По машинам! А вам не хворать, лохи!

Он снова хохотнул, открыл дверь джипа и через пять минут обе машины уже пылили по корявой, ухабистой дороге, помаргивая красными огоньками фонарей.

— А кто такие лохи, Мама?

— Мы, сынок — Мария Федоровна опустилась на траву, прямо у порога, и замерла, сгорбившись, как совсем старая старуха — Так бандиты называют тех, кто не может дать им отпор, тех, кого они обманули, у кого отняли все, что смогли. Прости, сынок, дура я старая, дура! Обвели вокруг пальца, как... как...

Мария Федоровна заплакала — тихо, горько, беззвучно. Сергар смотрел на нее, и в душе просыпалась холодная ярость — нет, вы не знаете бывшего боевого мага, а ныне грабера Сергара Семига! Не знаете!

— Мама, не надо! — сказал жестко, твердо — Выживем! Пенсия есть, крыша над головой есть — и слава богам!

— Богу! — поправила Мария Федоровна, утирая слезы — Один у нас бог, Олежа, один. И опять нас испытывает! Но мы все выдержим, все!

И снова заплакала, неудержимо, ручьем, раскачиваясь из стороны в сторону, будто ива зимой под ударами северного ветра.

— О! Соседи появились! — из-за ветхого забора, поросшего вьюнком, появился мужчина лет пятидесяти-шестидесяти, заросший седой щетиной, в засаленной, когда-то белой матерчатой кепке. От него разило перегаром за три шага, а три оставшихся в челюсти зуба щерились в веселой ухмылке, криво желтея в разинутой пасти. Типичный пьяница, коих в любом городе и деревне немалое количество, и выглядят они одинаково, хоть в этом мире, хоть в том. Вечно пьяные, вечно ищущие, где бы похмелиться — Сергар их не любил, хотя и оставлял за ними право творить со своей судьбой все, что они хотят сотворить.

— Что от нас хочешь? — мрачно спросил Сергар, в упор глядя на веселого мужика, продолжавшего улыбаться, будто встретил долгожданных родичей.

— Помочь хочу! Да ты не серчай, паренек, думаешь дядя Петя хочет что-то у вас стибрить? Неее... спросить — могу! Заработать — могу! А стибрить — нет! За крысятничество руки нужно отрубать!

— Крысятничество? — не понял Сергар, потом догадался — А! Ты не ворует у своих. Ясно.

— Не ворую у своих! — радостно заключил мужичок — Видал я, кто

вас привез! Вампир!

— Кто?! — удивилась Мария Федоровна — какой такой вампир?!

— Хе хе... это не тот, кто кровь пьет! — обрадовался мужичок — Это Вампир! Андрей Вампоров. Бандюган! Они по квартирам шустрят. Мы все тут такие, как и вы — и я тоже. Квартирку отжали, сунули на рыло тысчонки, и давай сюда! Тоже бедолаги, да? Они выбирают таких, что ответку не дадут. Знают, волкИ, кого щемить! Инвалида и бабенку! И когда, ссуки, крови досыта напьются — не знаю!

— Они кровь пьют? — на всякий случай переспросил Сергар, и был награжден недоуменным взглядом мужичка:

— Ты чо, парень... того? Какую кровь? Хотя... дааа... кровушки они у нас попили, точно!

— Сын долго в коме лежал память потерял. Сейчас учится всему заново, так что... А я учительница. Бывшая. Мария Федоровна меня звать.

— Машенька? Маша! Для Марии Федоровны ты еще молоденькая бабенка! — хохотнул мужчик — Я мож за тобой еще и приударю! Вона ты красotka какая! Эх, где мои семнадцать лет!

— Тьфу на вас — улыбнулась Мария Федоровна, и вдруг невольно, удивившись себе, поправила локон волос — Вы лучше помогите вещи занести! Видите, что наделали — выкинули все, а вдруг дождь? Или кто-нибудь украдет. Я и в доме-то не была... может там и полов-то нет.

— Есть!. Есть полы! Печка есть! Русская! Натопить — жара! Токо летом-то на печке не готовим, зимой! А летом летняя печка есть, во дворе! А так в доме все ништяк! Ну... ободрана, ни без этого, но ваще-то все в норме! Эти домищи наших дедов пережили, и нас переживут! Ничо, Машенька, не одни вы таки. Нас тут горемык полная деревня. Домов двадцать. Живем, ничо так живем. Магазина нет — вот плоха. В соседней деревне есть- три кэмэ отседова. Ну ничо, я шеметом щас за соседом, мухой прилетим, затащим твой хабар! Не перживай! Все покажем, научим, как горе мыкать. Обвыкнешь — и ваше медом пакажецца! Тута лес, тута речка, грибы скоро пойдут, ягода в лукошки сама прыгает! А то коровку заведешь, коз, курей, яйки будут, молочко польется! Чем не жизнь! Ну щас, щас я, не перживайте!

Мужичок исчез, слегка озадачив своим напором, а Сергар с интересом спросил:

— А чего он говорил? Я половины, или даже больше не понял! Это какой-то другой язык?

Мария Федоровна улыбнулась, тихонько вздохнула, пригладила волосы и коротко пояснила:

— Так говорят в просторечии. У нас многие из тех, кто жил в деревне, да и в городе тоже, побывали в тюрьме. Я сейчас не буду тебе рассказывать — почему они там побывали — кто-то за дело, кто-то совсем зазря, но факт состоит в том что они соприкоснулись с преступниками, переняли их профессиональный жаргон, а теперь не могут без него обойтись, заменяя нормальные слова так называемой «феней», бандитским жаргоном. Вот так.

— То есть — этот человек бандит? — насторожился Сергар — Может его нарочно заслали? Ограбить хотят?

— Что у нас грабить? — горько усмехнулась Мария Федоровна — Хотя... сто тысяч у нас есть. Хотя это оставили, негодяи! Вместо квартиры в хорошем районе... ох, я и дура!

— Не дура ты! — жестко бросил Сергар — Против настоящего, умного преступника не сможет выстоять ни один неподготовленный человек! Тебя обманули — это их ошибка! Я встану на ноги, и вытрясу из них все, что они взяли! И больше того! Поверь мне! Они еще не знают, с кем связались!

— Вояка... — грустно усмехнулась Мария Федоровна, встала, тихо охнув, и побрела к дому — Пойду, погляжу, что там, внутри. У нашей бабушки такой дом был, у моей мамы. Продала я его, когда с тобой беда случилась. Не помнишь? Не помнишь... Старые дома — внизу скот держали, сарай там, клетки для кур. А жили наверху, там и печка. Знаешь, почему так?

— Почему?

— Чтобы в мороз не выходить на улицу. Вся скотина внутри, даже если снегом заметет — не надо срочно откапываться, спустился по лестнице вниз, и ты уже у коровы. Понял?

— Понял — Сергар озабоченно осмотрел высокую лестницу, и легонько вздохнул — Придется ползать! Но ты не переживай, я сам буду забираться и спускаться. Мне только коляску надо будет затащить, неохота ползать по полу. Хотя... я и сам смогу затащить — мне только веревка нужна. Оставлю внизу, а потом сверху за нее и затащу!

— Умница! — кивнул Мария Федоровна, и толкнула толстую, скрипучую дверь, подбитую резиной — Интересно, кто тут раньше жил?

— А бабка Марья жила! — хохотнул дядя Петя, появившись из-за угла в сопровождении четырех таких же как он засаленных, потрепанных жизнью, нестройно поздоровавшихся мужиков, — Померла прошлый год! Потом этот дом как-то Вампир выкупил. Да он воце все дома тут выкупил, всю деревню! Всех, каво кидает, сюда загружает! Вот, парней привел! Ты

вот чо, хозяйка — ты дай-ка нам на смазку, пару сотен — мы первачка у Аньки купим, а сама картохи навари, чо-ничо на стол соорудишь. Вот тебе ведро картохи! Самосад! Растет — один-десять! Ужась как прет! Плитка-то есть? Лектрическая? Нету? Щас сконтролим! Васек, мухой за плиткой! Давай, давай, не переломишься! Ты это, Машенька, не думай — пока не перетащим, не разложим — ни глотка! Ни-ни... честна говоря — щас если приложимся — нас уже не оттащишь, поляжем, как озимые! Хе хе хе...

Закипело, зашумело — доходяги, которые выглядели чуть краше живых трупов, неожиданно бодро хватали мешки, ящики и тащили их наверх, шатаясь, будто тащили невероятную тяжесть.

Мария Федоровна уцепилась за нож, чистила картошку, бросая ее в здоровенную кастрюлю, принесенную тем же дядей Петей (Такой большой у Марии Федоровны не было — прежние прохудились, а им с Олегом зачем ведерные емкости?). «Олега» решительно отстранили от общего процесса: «И без инвалидов разберемся! Иди — дыши воздухом, птичек слухай, травки, а то пожри какой — вона, кошки траву жрут, и здоровее делаются! Оглоблей не перешибешь! Хе хе хе!»

Что такое оглобля, Сергар не знал, но совет насчет травы, как ни странно, был совершенно верным. Если бы маг мог найти нужные травы, вероятность того, что он встанет на ноги, даже без магии, была очень велика.

Решив последовать настоящему совету новообретенных соседей, Сергар медленно покатил к опушке леса, туда, где виднелось зеркало реки.

Сосны были красивы. Так же красивы, как и в мире Сергара. Там они назывались по-другому, но это ничуть не меняло их сути — пахнущие смолой, хвоей, уходящие в небо — сосны были достойны стать мачтами самых лучших кораблей — если бы такие были в этом мире. Увы, в мире Марии Федоровны и дяди Пети моря бороздили громадные, стальные судакорода, лишенные изящества и красоты парусных, воздушных, как облака кораблей. Сергар понимал, что парусники медленнее, меньше, гораздо менее удобны, чем эти стальные громадины, но... сердцу не прикажешь, как говорил один персонаж фильма, увиденного Сергаром по телевизору.

Река тоже была хороша. Небольшая, все шагов двадцать в ширину, она была глубокой, с темной, но кристально чистой водой. Из подмытого на дуге крутого берега торчали корни деревьев, напоминая щупальца невиданных чудовищ, а с той стороны, где стояла деревня — длинный пляж белого песка, вылизанный водой и ветром. К пляжу вел пологий спуск, будто специально врезанный в берег огромным бульдозером. Скорее всего, в этом месте много десятков лет ходили на водопой тучные стада

коров, однако теперь от этого стада не осталось и следа — пляж был девственно чист. Нынешним обитателям деревеньки и в голову не приходило, что можно пойти, поваляться на песочке, или же забраться в текущую воду, чтобы смыть застарелые грехи, накопленные за свою трудную, бурную жизнь.

Сергару мучительно захотелось спуститься вниз, сбросить одежду, броситься в прохладную воду и погрузившись с головой, забыть обо всех проблемах, что как снежный ком с ветки обрушились на его русую голову, придавив своей невыносимой тяжестью.

Нет. Представил, как он мучительно долго едет по песку, увязая колесами, как ползет, будто зверь с перебитым хребтом, захлебываясь яростью и пеной, и все желание искупаться тут же улетучилось, будто его и не было. Когда-нибудь! Когда-нибудь...

Подумалось — неужто, нет ни одного мира, где нет проблем? Где нет войн? Где нет жадности, подлости, неутолимой тяги к власти? Были два государства, две Империи — Кайлар, и Зелан. Два брата, двоюродных брат, императора — что им делить? Что делить... Полоску земли вдоль границы? Два острова, на которых нет ничего, кроме птичьего дерьма и сотен тысяч орущих, гадающих чаек? Почему погибли тысячи, десятки тысяч солдат, и почему теперь народ, говорящий на том же языке, верящий в тех же богов, что победившие, считается народом низшим, второго сорта, почти рабским народом? Почему десятки городов лежат в руинах, и на их улицах бродят толпы мерзких тварей, питающихся человеческой кровью, мясом, душами?

Сергар уже слышал теорию, что империи обязательно должны расти, иначе они умрут, и в конце концов должна остаться одна, огромная, которая поглотит все остальные. Но разве это утешение для сотен тысяч, миллионов погибших на бессмысленных, не нужных человеку войнах? Вот он — молодой, здоровый парень, маг, даже лекарь — посвятил свою жизнь убийству людей — ради чего? Ради кого? Ради амбиций одного, не очень умного, не очень хорошего человека, наслаждавшегося роскошной жизнью тогда, когда он, Сергар, кормил вшей, сидя в грязной балке перед позициями зеланской армии?

Последние годы службы эта мысль все чаще и чаще приходила ему в голову, и когда империя Кайлар все-таки проиграла в войне, честно сказать, он даже вздохнул с облегчением — все! Закончилось! Наконец-то! И... я жив!

Сергар развернулся, и покатился к дому, откуда в вечернем воздухе слышались громкие, радостные голоса добровольных помощников. Его губы тронула легкая улыбка — забавные люди. Все-таки в глухих

провинциях люди попроще и посердечнее, чем в крупных городах. Это он замечал не раз, и не два.

И все могло быть гораздо, гораздо хуже...

Глава 3

«Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят!» — Сергар осторожно перецепился руками с ветки за канат, и по нему опустился в коляску. Грудь жгло, пот стекал в глаза, но бывший боевой маг был доволен. Всего за две недели тренировок он подтягивается уже пятьдесят раз! И это после того, как полгода пролежал в постели! Нет — что ни говори, а отличный результат.

Помогали специальные упражнения, которые Сергар проделывал каждый день. Он входил в транс, и сосредоточившись на процессах, происходящих в организме, пытался ускорить его восстановление. Это очень непросто. Тело было чужим, оно категорически отказывалось подчиняться воле новой сущности, оказавшейся в черепной коробке, приходилось часами сидеть неподвижно, пытаясь ускорить движение жизненных сил.

Сергар занялся этими упражнениями на второй день после того, как очнулся в доме Марии Федоровны, и только через неделю у него начало кое-что получаться. Теперь процесс пошел гораздо быстрее — больше двигался, постоянно находился на свежем воздухе. Простое, здоровое питание — молоко, творог, мясо. Действительно, в деревне все было дешевле — имея по городским меркам совсем небольшие деньги, можно было довольно сносно существовать.

Единственное, о чем жалел Сергар — не было телевизора. Уже привык к этой странной штуке, и первое время его просто ломало, как ломает наркоманов, не получивших очередной дозы. Потом привык. Ну, нет телевизора, и нет. И демон с ним. Или как тут говорят — черт.

В деревне ни у кого не было телевизора. Вернее — телевизоры были, но они ничего не показывали — старые, разбитые, неработающие. Спутниковых антенн не было ни у кого, а как объяснили Сергару, без этих круглых штук телевизор показывать не будет. Он не до конца понимал — что такое спутник, что такое антенны, но верил обитателям этого мира. А что еще оставалось? Кроме как верить. Или не верить...

Эта деревня была чем-то вроде порта, в котором пришвартовались старые, никому не нужные корабли. Дырявое днище, обросшее ракушками, обожженные пожарами надстройки, порванные паруса — последнее пристанище умирающих морских бродяг.

Люди похожи на корабли — уходят они в жизненное море пахнущие

свежей краской, звенящие от переполняющей энергии, гордо рассекающие волны могучим форштевнем, а в конце жизни — потрепанные ветрами, побитые о камни, скрытые в прибрежных водах, источенные дровоточцами, до конца своих дней пытающиеся держаться на плаву.

Никто из жителей Самсоновки не рассчитывал выбраться из последнего порта в своей жизни. Вернее — на словах-то рассчитывали, но в глубине души понимали — никуда они отсюда не уедут, и останутся тут, на краю деревни, в жирном, липнущем к ногам черноземе. Как и все те, чьи покосившиеся, черные от времени кресты деревенского кладбища сиротливо торчали из высоченной травы, буйно вымахавшей на прахе обитателей деревни.

Эти люди не были злыми, подлыми, или глупыми — нет, их погубили две вещи — излишняя доверчивость и спиртное. Впрочем — первое проистекало из второго. Налей тому же дяде Пете стакан водки, и ты его друг по гроб жизни. А если будешь наливать регулярно, да еще и закуску — так ты вообще царь, бог, и мессия, пришедший в этот мир для того, чтобы осчастливить хороших людей.

Дяде Пете, как оказалось, было всего-навсего пятьдесят лет от роду, он был чуть старше, чем Мария Федоровна, но выглядел лет на двадцать старше. Некогда он был уважаемым человеком, по крайней мере с его слов. Работал на заводе, имел машину, квартиру, но... начал пить. Каждый, кто приходил к токарю Пете с просьбой что-то сделать, тащил бутылку водки. А если есть бутылка — куда ее девать? Ну не выливать же?

«Жена говорила — „Бери деньги, бери деньги!“ Не брал. Как можно взять со своих? Нехорошо!»

В общем — закончилось все очень дурно. Машину продал и пропил. С завода выгнали. Жена ушла, забрав детей. Осталась только квартира, и ту разменяли, оставив дяде Пете однокомнатную, правда в хорошем районе. Вот так и оказался он здесь, в Самсоновке, в развалюхе — гораздо худшей, чем у Марии Федоровны. Той хоть денег дали, а ему просто налили водки, сказали подписать, он и подписал.

Жили обитатели Самсоновки тем, чем живут деревенские жители испокон веков — собирали ягоды, грибы, ловили рыбу — солили, сушили, продавали в райцентре на базаре, куда отправлялись на автобусе из соседней деревни, Афонькино — утренним автобусом туда, вечерним оттуда — пьяные, счастливые, с деньгами и покупками — если день удачный, и просто пьяные — если не очень. Кто-то был уже на пенсии — тогда совсем хорошо, а кто-то ждал своих пенсионных семи тысяч как подарка от бога, такие, как дядя Петя, или Коля, как он сам себя называл —

мужик неопределенного возраста, грузный, здоровенный. Когда таскали вещи Марии Федоровны, он в одиночку затащил наверх, в дом, тяжеленный платяной шкаф, отодвинув всех остальных добровольных помощников толстопалой ручищей. Бывший чемпион, бывший тренер — спился, как и многие, не перенеся звонкого визга фанфарных труб и тяжести жизненных неурядиц. Не он первый, не он последний, как сказал доморощенный философ дядя Петя.

Вот так прошли первые две недели деревенской жизни Сергара. В общем-то, вполне недурно, довольно сытно и даже весело. Тренировки, разговоры с мужиками — если они не были заняты на сборе ягод и на огороде — и обучение Марии Федоровны.

Все вечера она посвящала образованию «Олега», благо что знаний у нее хватало, учить любила, а делать было особо и нечего. Дом, хотя и пошарпанный, был вполне приличным — и не только снаружи. Старенькие, но чистые обои, выскобленные полы — старушка, что здесь жила, старалась содержать дом в порядке — насколько могла. О ней все отзывались очень хорошо — говорили, что умела лечить травами. До ближайшей больницы отсюда добраться было очень даже проблематично, так что знахарка была на своем месте. Со слов дяди Пети к ней приходили даже из соседних деревень, и она никому не отказывала. Денег не брала. Еду, молоко, крепкий самогон — он и для настоек, и для оплаты услуг селян, «твердая валюта», как говорил дядя Петя.

Были в Самсоновке и женщины, тоже в возрасте, такие же несчастные, потерявшие все, что имели. Лишь одна не пила — Анька — та, что делала самогон. Этой «Аньке» было лет шестьдесят — полная, грязноватая баба с хитрыми, маслянистыми глазками. Марии Федоровне она очень не понравилась, да и Сергару тоже — войдя к ним в дом, тут же начала шарить взглядом по полкам, по шкафам, шмыгая красным, разбухшим от соплей носом. Видя, что ей не особо рады, быстро смылась и больше не приходила, видимо почувствовав отношение новых соседей.

Передохнув, Сергар покатился на задний двор, к сараю, сложенному из таких же толстых бревен, как и дом. Когда-то в этом сарае стояли телеги, висела сбруя, была сложена всякая всячина, нужная домовитому хозяину — дядя Петя, которых все про всех знал, сообщил, что по верным сведениям в доме этом самом жил когда-то купец, и этот купец закопал самовар с золотом. Где закопал — никто не знает, а еще — этот клад заговоренный, и кто его выкопает — умрет в муках, загнивая заживо. На этом кладе были убиты три работника купца, и похоронены над ним — чтобы охраняли. И когда кладоискатель подымет самовар — привидения увяжут за ним и

будут есть его изнутри.

На вопрос: «Откуда известно, что убиты трое работников и закопаны над кладом, если никто не знает, кто тот находится? Кто видел, как его закапывали?» — дядя Петя важно ответил, что это дело всем известное в округе, и на глупые вопросы он не отвечает.

Сергар потянулся к рукавам, достал из ножен, притянутых к предплечьям два ножа, заточенных до бритвенной остроты, и метнул их в стены сарая, в мишень, нарисованную кусочком мела, оставшимся среди вещей Марии Федоровны. Фигура человека очень напоминала Вампира — скуластое, жесткое лицо, тяжелый лоб, широкая грудь. Сергар неплохо рисовал — наследственное, от матери.

Один нож вонзился туда, где у нарисованного Вампира находилось сердце, второй — прямо в правый глаз. Чтобы наверняка. Чтобы наповал.

Получалось уже хорошо — девять бросков из десяти попадали туда, куда нужно, не отклоняясь ни на сантиметр, и это притом, что ножи не были специальными ножами для метания — простые кухонные ножики, несбалансированные, с тяжелыми деревянными ручками. Сергар, конечно, их подработал, подточил, как следует, но все равно эти клинки были далеки от совершенства.

Дядя Петя, который всегда с интересом наблюдал на том, как тренируется «Олег», рассказал, что в соседней деревне есть кузнец, он же токарь, Василий Михалыч, и этот самый кузнец легко сделает Олегу любой нож, какой захочется. Только вот самогоном не берет, а требует деньги, и ножи будут стоять дороже, чем в районном универмаге.

Сергар хотел заказать себе настоящие, боевые клинки, но потом передумал — зачем? Тренироваться он может и этими, а денег у них в семье не так и много — нужно будет еще на зиму сделать кое-какие запасы, так что эти сто тысяч стоит побережь — да и светиться ни к чему! Спросят — зачем инвалиду из захолустной деревни боевые метательные ножи? С какой целью? Пойдут слухи, может дойти и до Вампира, а как тот поступит, узнав о некоторых приготовлениях одной из его несчастных жертв?

Честно сказать, Сергар вообще не понимал, зачем Вампир оставил их в живых. По всей логике он должен был закопать обоих где-нибудь в лесу, и забыть о них, как о раздавленных тараканах. Однако — и деньги оставил, и дом все-таки дал. Какая-никакая, но крыша над головой!

Объяснений могло быть несколько, но основная версия — а зачем Вампиру их убивать? Беспомощных, бесполезных? Что они могут сделать? Учительница? Инвалид? Человек со сломанной спиной не представляет опасности для организации, существующей уже десять лет и выдавшей все

на свете — от бунта «клиентов», до мести ближайших родственников, пытавшихся наказать бессовестных дельцов. Зачем Вампиру вешать на себя лишние трупы? Вот когда Сергар начнет представлять из себя хоть какую-нибудь опасность, тогда — да, а так... выкинули из квартиры, и забыли.

Сделав сотни две бросков, накатавшись к сараю и обратно, Сергар отправился в дом, откуда доносился вкусный запах мясного супа. После тренировок, после прогулок на свежем воздухе, организм требовал все больше и больше пищи, и Сергар уже боялся растолстеть. Тем более, что Мария Федоровна готовила очень умело, обладая настоящим кулинарным талантом. Она могла из ничего соорудить что-нибудь вкусное, и дядя Петя, частенько заходя к ним в гости, закатывал глаза, хлебая борщ из щербатой эмалированной миски: «Внатури, как в ресторане! Ну ты, Машенька, даешь! Таких хозяек поискать! Днем с огнем не найдешь!»

Мария Федоровна уже слегка успокоилась после того, что с ними произошло, но Сергар с болью и негодованием заметил, что в ее темных, ранее не тронутых сединой волосах появились белые пряди. Она постарела, как-то съежилась, и часто сидела безмолвно, глядя куда-то в пространство, за окно, туда, где темнел сосновый бор. О чем думала — неизвестно.

Сергар как-то спросил ее, но она лишь улыбнулась, и сказала, что это все неважно. Ни о чем. О жизни, о судьбе, о людях. И о том, что хороших людей все-таки больше, чем плохих. И он, Олег, должен это запомнить.

«Олег» помнил. А еще, он помнил одну истину — хочешь, чтобы твой огород не зарос сорняками — прополи его, и как можно быстрее. Но Маме он об этом не сказал. Зачем беспокоить? Разволнуется, распереживается, а то еще плакать начнет — упаси боги! Сергар не переносил женских слез — лучше уж толпа разъяренных мертвяков, чем одна рыдающая женщина! По какому поводу бы она не рыдала...

У ворот Сергар заметил автомашину. Он не особо разбирался в автомобилях, вернее совсем не разбирался, но было видно, что это не особо дорогой автомобиль — не такой, как у Вампира. Тот был блестящим, пахнущим кожей и чем-то неуловимым, присущим дорогим вещам. Этот — кое-где помятый, кое-где ржавый, с одним «глазом» — другого «ока» автомобиль лишился по милости своего владельца, устроившего из него передвижной сортир на колесах. Даже за два шага от машины несло пролитым спиртным и застарелым табачным дымом, вьевшимся в самоходную повозку до самых ее печенок — если таковые в ней имелись.

Прислушавшись, Сергар услышал в доме резкие, раздраженные, незнакомые голоса. Иногда прорывался голос дяди Пети, что-то бубнящего,

будто оправдывающегося, и голос Марии Федоровны — звонкий, напряженный, как тогда, когда она разговаривала с риэлтерами-мошенниками.

Снова кольнуло сердце — недолго же продержалась тишина! Что, Вампир кого-то прислал? Зачем? Отобрать оставленные деньги? Вот только полчаса назад думал о том, что бандит мог это сделать, но почему-то так и не сделал, и вот тебе! Получи! Правильно говорят — нужно поменьше думать о плохом, и тогда, возможно, оно и не сбудется.

В доме что-то загремело, будто кто-то сбросил со стола всю посуду, снова послышался взволнованный голос Марии Федоровны, оборвавшийся так, будто кто-то закрыл ей рот.

Сергар покатился к лестнице, сполз на нижнюю ступеньку, сложил коляску, привязал ее к канату, укрепленному наверху, и быстро пополз на второй этаж, стараясь не очень стучать своими бесполезными ногами-корягами. До веранды он взлетел буквально за секунды, подгоняемый мощный поток адреналина, омывшего его мышцы, коляску взлетела наверх, как перышко, еще минута, и он снова сидит в кресле, управляясь с ним так, будто сидел в этом кресле всю свою жизнь.

Дверь в прихожую была приоткрыта, с веранды Сергар хорошо слышал то, что там происходило. Через минуту ему было совершенно ясно — на них напали, и не вампировы бандиты, а какие-то совсем чужие, те, которых он и не знал. Послушав, не стал мешкать, и ловко перевалившись через порог, въехал внутрь, стараясь держаться на расстоянии нескольких шагов от незваных гостей.

Их было двое. Молодые, крепкие, ничем не примечательные — кроме синих татуировок на костяшках пальцев. Дядя Петя рассказывал о таких татуировках, о том, что их носят люди, прошедшие через тюрьмы, и они очень гордятся этими «знаками отличия». Сергар так и не понял, чем тут гордиться — тем, что ты не умеешь ничего, кроме как воровать? Или тем, что был таким идиотом, что даже воровать не сумел так, чтобы не поймали? Но говорить дяде Пете этого не стал. Зачем? У местных свои понятия о чести, у Сергара — свои. На его взгляд тот факт, что ты скитался по тюрьмам нужно не выпячивать, а скрывать, но тут была другая жизнь, и Сергар не хотел входить в нее со своим уставом. Гордятся — ну и демон с ними, пусть гордятся! Плевать.

— О! Сынок пожаловал! — издевательски распахнул руки один из «гостей», светловолосый парень лет тридцати, с неприятным, кривым прищуром серых глаз — Теперь разговор веселее пойдет!

— О чем разговор? — мрачно осведомился Сергар, наблюдая за тем,

как Мария Федоровна поправляет взлохматившиеся волосы и трогает покрасневшее с левой стороны лицо (ударили?!)

— Они денег хотят! — вмешался дядя Петя, сидящий на полу возле стены и размазывающий по подбородку свежую кровь, натекающую из разбитого носа — Говорят, что Вампир вам денег дал, и мол, они тут хозяева, и все им должны платить за вход! Пацаны, вы чо беспредельничаете, в самом деле! С какой стати мы должны вам платить?! Вы чо, не видите — старики, старухи, да инвалиды?! Да откуда мы бабло возьмем?! Внатури, от кого вы работаете? Кто старшой? Я бы с ним побазарил, объяснил! Грех же стариков со старухами обижать!

— Я старшой! — крепкий, почти квадратный парень лет двадцати пяти-тридцати подошел к дяде Пете и коротко, без размаха пнул его в бок. Сергар явственно услышал, как хрустнуло сломанное ребро — Что хочешь сказать, старый пень?! Ничего? А чего замолчал? Нечего сказать пацанам? Так заткни хайло и не воняй! Старый п... ..! Глотку тут разевает! Я щас тебе в глотку...засуну, чтобы не вякал!

— У нас и получше есть, чем старый п... р — ухмыльнулся второй, высокий, худой парень лет двадцати — Баба-то ничо так... еще не старая. Попользуемся — и ей хорошо, и нам в тему! Давай?

— Попозже — «старшой» криво усмехнулся и окинул Марию Федоровну взглядом — Да, жопастая телка! Впердолить ей — дело святое!

— Вы ответите! — тонким, срывающимся голосом закричала Мария Федоровна — Вас посадят!

— Дура ты! — «старшой» лениво, наотмашь, хлестнул женщину по лицу — Деньги давай, сука! Вампир точно тебе денег дал! Потратить вы не успели — некуда, в этой заднице, которую по ошибке кличут Самсоновка! Давай, говорю!

Он снова поднял руку, чтобы ударить, но не успел. В глазнице бандита вдруг выросла рукоять ножа, уйдя едва не половины в мягкую субстанцию.

Второй бандит раскрыл рот — то ли чтобы крикнуть, то ли выругаться, но захлебнулся кровью, прижав руки к горлу, в которое воткнулся второй нож. Сразу не упал. Сделал несколько шагов, страшно хрипя, булькая, и свалился уже на веранде, суча ногами, дергаясь, будто хотел удержать уходящую жизнь. Скоро он затих.

— Силен, парень! — нарушил тишину дядя Петя, морщась от боли — Этот п... р мне ребро сломал. И внатури — не одно. Щас вот чо — я за Колей — мы сами их не осилим вытащить.

— Какое вытащить?! Милицию надо звать! Милицию! — срывающимся голосом сказала Мария Федоровна — Это была

самооборона! Я видела по телевизору, рассказывали — можно обороняться, если напали! А они напали! Деньги вымогали! Угрожали! И нельзя ничего трогать! Следственная группа должна все осмотреть!

Дядя Петя встал, застонав от боли, снова скривился, прижав руку к боку, сел на табурет и внимательно, исподлобья, посмотрел на Марию Федоровну:

— Машенька, это глухомань. Кто будет следяком, как дело повернет — одному богу известно. Могут сказать — зачем убивал? Они же вашей жизни не угрожали? Ты знаешь, скоко людей сидят на зоне за превышение самообороны? Не знаешь? Много. Парень учился бросать ножики, заранее их готовил. Зачем? Хотел каво-то убить? Вот и убил. Ну и? Пойдет на зону, как миленький. Ну да — срок скостят, он же инвалид, Опять же — эти отморозки деньги шакалили. И все равно — скажут, что он не должен был подрезать козлов. Что дело ментов покарать преступников, что ето самосуд, и... в общем — лет пять точно дадут. Может семь. Тебе это надо? Ему — это надо?

— Что предлагаешь, Петь? — устало спросила Мария Федоровна, потерев лоб. Голова как-то сразу заболела — то ли от того, что по ней ударили, то ли от крови, бросившейся в мозг из-за перевозбуждения

— Щас я позову Коляна, он вытащит козлов, усадит их в тачку. Я знаю одно местечко — омут там, а проехать можно, хоть и с трудом. Глубина — ужась какая! Канет машинка, век никто не найдет. А если и найдет — поздно будет. Рыбки с раками их так объедят — фиг поймешь, от чего сдохли! И концы в воду. А ты тут помой все как следует, кровянку выскобли. Вот так.

— А мне что делать? — спокойно спросил Сергар, слегка удивленный таким здравомыслием дяди Пети и удивляясь в очередной раз — почему в этом мире человек не может защитить себя, свой дом, уничтожив грабителей? Ну что за глупая статья: «Превышение самообороны?!» Почему любой негодяй может забраться в дом, а ты, если не дай боги, его убьешь, сядешь в тюрьму?! Это мой дом! Моя жизнь! Я могу ее защищать так, как считаю нужным!

— Ничего — усмехнулся серый от боли дядя Петя — Все, что ты мог сделать — сделал, внатури. И ништяк сделал! Я тебя и раньше уважал, пацан, за стойкость твою и незлобивость, а теперь говорю — ты просто молодец! Не ожидал! Думал — балУется с ножичками, так просто, кин насмотрелся про ниндзев, а ты вона чего! Молоток! Убить человека не просто! Другой бы щас валялся в истериках, а ты — орел!

«Знал бы ты, скольких я уже убил, и в каких драчках бывал! Небось

челюсть бы отвисла» — внутренне грустно усмехнулся Сергар, и тут же посерьезнел.

— Дядя Петя, проблем после не будет? Тебе виднее, ты тут давно живешь. Полиция, или дружки этих бандитов?

Дядя Петя задумался, помолчал, минуты три, потом выдал:

— Я вот как соображаю: угол глухой, куда ушли, где пропали — кто будет искать? Дружки придут — мы подготовимся, небось не уйдут, как и эти, тут останутся. Ножички я тебе новые сделаю. А то и эти отмоём, будут как новые! Почему бы и нет? Да и мы не пальцем деланы, Колян им башки поотшибает! Жалко его не было, уж больно он не любит гопоту! Участковый приедет, либо еще кто — скажем, што никак не видели. Покрутицца, да свалит. Ему тоже неохота дело затевать, ему начальство жопу взгреет — почему допустил преступленье? Почему профилактическую работу не вел? Да он даже не поедет — чо он, дурак, чо ли?

* * *

Дядя Петя ошибся. Участковый появился в Самсоновке через неделю — молодой, грузный, здоровенный парень в шапочке с козырьком и с папкой в подмышке. Он приехал на зеленой, угловатой автомашине(дядя Петя назвал машину «уазиком»), проехался по деревне, на минуту остановился возле дома Аньки, внимательно глядя на то, как над крышей поднимается столб дыма из трубы. Анька, как всегда, варила самогон, и только глупый человек мог не знать, что дым трубы над домом в летнее время — верный признак того, что тут живет самогонщик.

Заходить к ней не стал, проехал дальше, присматриваясь к дороге, на которой не успел зарости след, оставленный автомашиной убитых бандитов, проехал напрямик к дому где жила Мария Федоровна с сыном, заглушил двигатель и вышел, громко хлопнув стальной дверью. Потянулся, зевнул, и сунув папку в подмышку, зашагал к крыльцу, на котором стояла Мария Федоровна с тряпкой в руках. Он как раз отмывала ступени, натоптанные после дождя. Земля жирная, черная, так что повозиться пришлось немало..

— Здравствуйте! — громко, четко поздоровался участковый, глядя на женщину пристальным, испытующим глазом, будто надеялся на ее лице прочитать ответы на свои вопросы — Вы хозяйка дома?

— Я, и мой сын — спокойно, настороженно ответила Мария Федоровна, оглядываясь туда, где «Олег», за углом дома, ползал по своему

канату, ловко, как мартышка перебирая руками — А что вы хотели? Что-то случилось?

— Пропали двое парней. Говорят — поехали сюда, в Самсоновку, вроде как хотели посетить бабу-травницу. А все знают, она тут жила. В этом доме. Так вот — вы никого не видели? Их тут не было?

— Никого не было... — Мария Федоровна стрельнула глазами за угол, туда, где был сын, и снова помотала головой — Никого!

— А следы? — полицейский в упор посмотрел на женщину — Так никого и не видели? Вот что, уважаемая... я думаю, нам стоит побеседовать обстоятельнее. Давайте пройдем к вам в дом, и поговорим. Или мне вас пригласить в к себе в пикет?

— Не надо в пикет... — Мария Федоровна положила тряпку в ведро с грязной водой, и та медленно погрузилась, пуская пузыри воздуха. Женщина проследила за утонувшей тряпкой и грустно усмехнулась — вот так и она, все тонет и тонет в грязной воде проклятой жизни. Впервые ей захотелось умереть, и она не попросила прощения у Бога за эту грешную мысль. Ну когда же все кончится?! За что это ей?!

Они уселись за стол в кухне, друг напротив друга. Полицейский молчал, молчала и Мария Федоровна. Потом она не выдержала, и предложила:

— Может вам чаю налить? Жарко. Небось в горле пересохло?

— Давайте. Не откажусь.

Полицейский кивнул, Мария Федоровна вскочила, засуетилась у плиты — недавно ей купили газовую плитку и небольшой баллон — Коля привез из райцентра. После того, как она две недели готовила на электрической плитке и на печи под навесом во дворе, газовая плита казалась верхом роскоши.

Человек быстро привыкает к хорошему — к газовой плите, центральному отоплению, горячей воде из крана, а когда чего-то из этого, так привычного, лишается — мечтает вернуть себе прежнюю жизнь. Так и Мария Федоровна, все никак не могла привыкнуть к деревенской жизни, лишенной мало-мальских радостей, легко доступных горожанам.

Наконец — вазочка с сахаром, вазочка с вареньем, печенье и чайные чашки со смешными слониками на боках, утвердились за кухонным столом, накрытым новой клеенкой (тоже Коля привез). Участковый смотрел на суетящуюся женщину молча, больше наблюдая не за ней, а рассматривая обстановку прихожей, она же кухня. От его глаз не ускользнули ни свежeweыскобленный пол, ни только недавно наклеенные обои (дядя Петя настоял — могли забрызгать кровью «Менты — они шибко въедливые,

уцепятся — не отцепятся! И будете срок тянуть! Ну их нахрен!»).

Уже когда Мария Федоровна усаживалась на табурет, налив кипятка участковому и себе, вкатился хмурый, настороженный «Олег», сходу развернувшись так, чтобы удобнее было метнуть нож. Ничего хорошего от полиции он не ждал, помня то, как участковый в городе работал в связке с бандитами. Увы, во всех мирах городская стража продажна — в большей, или меньшей степени.

Появлению Олега полицейский не удивился. Не поздоровался, ничего не сказал, только сделал рукой приглашающий жест, а когда Сергар отрицательно помотал головой, равнодушно пожал плечами, мол, как хочешь.

Опять помолчали, похоже было, что участковый совсем не из болтунов. Он вроде и не замечал возникшего в комнате напряжения, отхлебывал чай — отдуваясь, потя, утирая лоб платочком, который достал из внутреннего кармана кителя. Платочек, как ни странно, оставался чистым, хотя и потемнел от пота. Полицейский умудрился не запахаться и в этой пыльной жаре, что было совсем не так просто, особенно катаясь по проселочным дорогам.

Выпив содержимое чашки, он перевернул ее вверх дном, поставил на блюдечко, сложил пальцы в замок и положил руки на стол.

— Куда трупы дели?

Мария Федоровна захлебнулась чаем, долго откашливалась, а когда откашлялась, сипло спросила:

— Какие трупы?! Вы что? Как вы смеете? Не знаю, как там вас звать, но...

— Сергей меня звать. Сергей Петрович Воскобойников. Участковый инспектор, старший лейтенант полиции. Я здешний, вырос в Жарковке, каждую ямку в округе знаю, каждый лесок. Охочусь с детства. Следы разбираю. Когда-то мечтал стать промысловиком, на север уехать. Но вот так сложилось — стал милиционером. Полицейским, как сейчас говорят. Если считаете меня дураком — заблуждаетесь. И я вам докажу это — на раз-два. Эй, парень, подъезжай поближе, а то мне все время кажется, что ты хочешь выстрелить в спину из обреза. Нет у тебя обреза? Ну и замечательно...

Сергар подъехал к столу и оценивающе посмотрел на мужчину, одетого в форму. Тот был грузен, на вид рыхловат, но опытный глаз бойца сразу видел мощные, покатые плечи, широкую грудную клетку и руки, способные переломить древко копья одним щелчком. Человек был силен, как медведь, и так же обманчиво вял и спокоен, когда не знаешь — то ли

зверь лизнет тебе руку, то ли вырвет ее из плеча, чтобы пообедать доверившимся ему идиотом. С этим человеком ухо нужно было держать остро!

— Вот и замечательно — улыбнулся участковый неожиданно мягкой, широкой улыбкой — И вообще — расслабьтесь. Я не арестовывать вас приехал. Я приехал установить истину, какой бы она не была. Я сейчас буду рассказывать, а вы меня не перебивайте, слушайте.

Он снова помолчал, потом вдруг перевернул чашку, поставил на доньшко и кивнул Марии Федоровне:

— Да, жарковато сегодня! Не люблю жару. Мне бы лучше морозец, чтобы снег хрустел, чтобы иней на шапке! Ты любишь зиму, Олег?

— Хмм... — не нашелся чего сказать Сергар, и сдавленно выдавил — Не очень. Лучше пусть будет тепло.

— На вкус и цвет товарищей нет! — усмехнулся участковый — Ну что же, продолжим. Ко мне два дня назад обратилась Кирьянова Нина Петровна, она же Нинуха. Пропал ее сынок, Мишаня, он же Кирьянов Михаил Сидорович, «Кирюха». С ним был дружан, Харитонов Андрей Михайлович, погоняло «Толстый». Они поехали в Самсоновку, к травнице. Это Нинуха так сказала — к травнице. И пропали. Пропала и машина — отец Кирюхи на ней когда-то ездил. Так вот — она требовала их найти. Заявление принесла. Надо сказать, что Кирюха и Толстый уже намозолили мне глаза, мутили тут воду, бухали, драку устроили, и то, что они пропали — мне плевать, но возможно что-то задумали? Какое-то преступление? Далеко уехать на машине они не могли, в город поехать точно не могли. Машина на отца, страховки нет, да и прав у Кирюхи нет. Это до первого поста ДПС. Потом закроют. Они и так вышли по УДО, чуть что — снова на зону. Ну вот я и заинтересовался — чего тут у меня на земле творится? И первым делом пошел к нашей колдунье...

— К кому?! — не выдержал Сергар — колдунье?!

— Ну да — пожал плечами участковый, и посмотрел на «Олега» — Колдунье. Есть у нас лекарка, баба Надя. Лечит травами, лечит руками — почище докторов. Кто не хочет в район ехать в больницу, или просто не шибко болеет — все к ней. А кто-то и вообще к докторам не хочется ехать. Баба Надя все решает — руки-ноги вправляет, опухоли убирает, кости правит. Но речь не о ней. Я ведь как мыслил — если эти подонки что-то сотворили, кого-то обидели — этот кто-то пойдет к бабе Наде. Она почти никому не отказывает, всех лечит. Отказывать мне в информации лекарка не будет — себе дороже. Я все-таки власть, и могу осложнить ее жизнь. Хотя и не хочу этого делать. Итак, баба Надя сообщила, что к ней обратился Петя

из Самсоновки, и у него были сломаны три ребра. Она сделала ему перевязку, уткнула, дала отвар, ну и... все. Я поспрашивал кое у кого в деревне, слухи тут быстро разносятся, узнал, что в Самсоновку, в дом покойной бабы Маши, вселились новые люди. Что их привез Вампир — известный гаденыш, но не совсем уж отморозок, кое-какие деньги переселенцам он оставляет. Ну и вот — я сложил два и два, приехал сюда, и мне все стало ясно.

Участковый замолчал, облегченно вздохнул, и стал с видимым наслаждением потягивать чай из чашки. В кухне повисла звенящая тишина, такая бывает только в глухих деревнях, когда в ушах звенит от недостатка бьющей в уши горожан звуковой информации. Горожане этого не замечают, и только тогда, когда оказываются в безлюдных местах, понимают, что живут в непрерывной какофонии — машины, соседи, самолеты, гул воды в трубах и гудение проводов. Здесь же — ничего, и только кровь шумит в ушах, да мозг выдает фантомные звуки — далекий, далекий звон — дззз... дззз... дззз...

— Что тебе стало ясно? — не выдержал, резко Сергар, чувствуя твердую рукоять ножа на предплечье — И что собираешься делать?

Участковый внимательно посмотрел на «Олега», поднял брови, как бы показывая, что он все понимает и предлагает сбавить тон, недоуменно скривил губы, снова уперся взглядом в чашку, и поболтал содержимым, оставшимся на дне, будто гадание на чайных «нифелях», было основным занятием в его жизни.

— Что ясно? Да все ясно. Наехали на вас, Петя пытался вас защитить, ему набуздали, сломали ребра. Потом кто-то из ваших соседей помог, и отморозки лежат сейчас где-нибудь в глубоком омуте, кормят раков и рыб. И поделом — таких тварей надо топить еще во младенчестве. Ну что хорошего может родиться у Нинухи, которая с юности была шлюхой — все окрестные деревни перезаражала триппером, а потом сошлась с бывшим угроловником, с которым вместе бухали и воспитывали сына — непонятно от кого зачатого. И второй такой же отморозок, дружан Кирюхин — не царских кровей. Когда они откинулись с зоны, я за голову схватился — жди беды! Твари сели за грабеж, воровство, вымогательство, и какой болван отпустил их по УДО — только богу известно! Одного не знаю — кто их завалил? Если только Коля? Парни-то крепкие, не так просто их прикончить. Ну что затихли? Полы выскребали, обои сменили! Только того не знаете — кровь никуда не девается. Есть специальный анализ, который выявляет кровь, даже если ее не видно. Так кто их завалил?

— А если я? — решился Сергар — Поверишь?

— Ты? — усмехнулся участковый — Ну зачем врешь-то? Соседа выгораживаешь? Ты Кирюхе на один удар, уж извини, парень. Он боксом занимался, парень крепкий. Что, Коля завалил? Он мужик серьезный, не смотри, что спился. Чемпион города! Был... В тяжелом весе. Итак — кто завалил двух отморозков? Заметь — я не спрашиваю — где они, черт с ними, но я должен знать, кто на моей земле может убивать!

Сергар осторожно достал из рукава нож и без замаха метнул его в участкового. Нож вонзился в табурет возле ляжки полицейского, а Сергар замер, ожидая реакции стража порядка.

— Вот оно как! — покосился тот на рукоять ножа. Опустил руку, выдернул нож из табурета — не сразу, тот глубоко засел — и снова повторил — Вот оно как... никогда бы не подумал. Где учился метать? Спецназ? Ранение? Поучаствовал?

— Олежа полгода лежал в коме! — заторопилась Мария Федоровна — Он вообще-то домашний мальчик! И я...

— Ага, домашний! — насмешливо перебил участковый — Вижу, какой домашний. Но неважно. Не спрашиваю, куда вы дели тела, не спрашиваю, кто вам помог их отнести к машине. Это не важно. Главное — я теперь все знаю.

— И что будешь делать? — снова напряженно спросил Сергар.

— Только не надо меня убивать! — усмешливо хмыкнул мужчина — Во-первых, знают, куда я поехал. Во-вторых, гибель участкового — это вам не двух урок пропащих зарезать. Шум будет такой, что...

— Да я и не собирался тебя убивать! — слегка смутился Сергар, который как раз и обдумывал, как это ловчее, если что, подрезать оставшимся ножом слишком умного здоровяка. И не успеет ли тот, прежде чем истечет кровью, свернуть Сергару голову. И пришел к выводу, что бить нужно только в глаз, чтобы клинок вошел в мозг, иначе шансов никаких.

— Ну... спасибо тогда! — снова усмехнулся участковый — А то я уже было подумал, что пора падать на пол и отползать!

— Ээээ... зачем — отползать? — не понял, удивился Сергар, и тут же догадался — А! Ясно. Из-под обстрела, да?

— Догадливый. Нет, парень, ты точно где-то повоевал. Я по твоему взгляду вижу. Я своих издаю. Сам две горячие точки прошел.

— Точки? Какие точки? — недоуменно переспросил Сергар, и Мария Федоровна тут же пояснила:

— Он память потерял. Лежал полгода, потом очнулся — и ничего не помнит. Даже меня не помнит! Так что вы не удивляйтесь. Я его и языку учила, и грамоте — все заново, как ребенка. Но он вообще-то быстро

учится, вспоминает!

— Вижу — медленно протянул участковый — Вспоминает. Интересные вы люди, да. Впрочем — неинтересных людей нет. Все люди по своему интересны. Но есть и такие, которых хочется читать, как хорошую книгу! Каждая страница — открытие! Каждый листок — на пять обычных жизней! Интересно!

— Вы философ — неожиданно усмехнулась Мария Федоровна, видя, что никто не собирается крутить им руки и засовывать в «канарейку» — Деревенский философ. Анискин! Вот вы кто.

— Кстати — да, люблю я этого персонажа — легко согласился участковый — Конечно, наврали там много, в деревне все проще, и одновременно сложнее, да и деревни тогда были другими, но в общем-то все осталось как и прежде. Люди те же, и почти не меняются. С пещерных времен. Всегда были подлецы, и всегда были те, кто за тебя душу положит. И на том мир стоит!

— Вы тоже интересный человек — уважительно сказала Мария Федоровна — И хороший. Другой бы...

— Другой бы к вам просто не поехал, прогнал Нинуху, налил бы стакан водки, жахнул его, и спать! Как прежний участковый, до меня. А я так не могу. Я люблю деревню, хочу здесь жить. Это моя земля! И я хочу, чтобы на ней был порядок. Если бы не вы — я бы этих отморожков... нет, не убил бы — я же закон — закрыл бы их. За что-нибудь. Очистил бы землю. Но я вам этого не говорил. Все-таки вы преступники, что ни говори. Суду плевать на то, что они на вас напали, хотели ограбить — для суда главное, что вы живы, а они нет! Я бы лично вообще позволил народу иметь оружие. Пистолеты, например. Тогда бы и нам было меньше работы. Понимаете... бандиты имеют оружие, а вы нет. Если бы вы могли дать отпор, и если бы суд был всегда на стороне тех, на кого напали... хмм... тогда это была бы не наша жизнь. Ну да ладно. Попил, поговорил с хорошими людьми — пора и честь знать. Надеюсь, болтать вы не будете. Это и в ваших интересах. Если упомянете, что я знал о том, что вы сделали — откажусь, а вам устрою такую жизнь, что мало не покажется! Поняли меня? Вижу — что поняли. Пошел я.

Участковый встал, грузно шагнул к двери, и тогда Сергар вдруг решился:

— Погоди! Можешь мне помочь?

— В чем? — не удивился мужчина — Чем смогу...

— К бабке Наде свозишь? Мы заплатим!

Сергар с надеждой и замиранием в сердце посмотрел в широкое,

толстогубое лицо участкового, будто опасаясь найти там оттенок презрения, или насмешки, но тот ничем не выдал себя, если и был недоволен просьбой парня.

— Надеешься, что она покудесничает над твоей спиной? Компрессионный перелом позвоночника, да, парень? Мда... видал я такое. Не лечится, как ни крути... увы. Но чего не бывает? Христос вон тоже — сказал хромоту: «Брось костыли, и иди!» Он взял, да пошел. Может и ты так пойдешь, ежели Бог даст.

— Вы верующий? — с надеждой спросила Мария Федоровна, перекрестившись на образа, стоявшие за легкой занавеской — Эта бабка Надя не ведьма? Она не черная? Я бы не хотела, чтобы Олежа к черной ведьме пошел! Боюсь я их, нехорошие они, против Бога!

— Знаете, Мария Федоровна... я воевал. И под обстрелами был не раз, и не два. Когда мимо тебя свистят пули и осколки, ты быстро приобщаешься к Вере. Только и шепчешь: «Господи, пронеси! Господи, помоги!» Одни, когда опасность проходит, забывает о Боге, другие... Да, верующий. А что касается бабки Нади — не бойтесь. У нее образа в доме, она молится, и вообще бабулька хорошая. Сейчас уже почти не практикует — ей за восемьдесят, ветхая совсем, но вообще-то к ней ездили и из других областей. Вся родня у нее в городе, а бабка отказалась переезжать. Травы по лесу собирает, снадобья варит. Ну и лечит деревенских, когда не болеет. Частенько болеть стала. Я ей говорю — бабка Надя, вот так как-нибудь прихватит тебя в лесу, и что будешь делать? Она мне: «Ну и чего? Помру, да и все — пусть муравьи едят, да мыши. Из праха вышли — в прах уйдем. Какая разница моему телу, кто его съест? Душа вечна, и она не умрет!» Вот такая бабулька.

Участковый помолчал, будто собираясь с силами к следующей долгой тираде, и минуты через две выдал, глядя на напряженное, побледневшее лицо Сергара:

— Отвезу, чего там. Только обратно не знаю когда отвезу. Я вечером, в ночь, в область поеду, вызывают на совещание районных участковых, мать их за ногу, делать им нечего! Так вот обратно — дня через три. Придется тебе самому добираться, или меня ждать. В принципе — можно у бабки Нади переночевать, она не будет против, места у нее хватает. Только с собой что-нибудь взять — ну, жратвы какой-нибудь, все-таки бабулька не шибко богата, а от своих ничего не берет, сама им подсовывает — знаю.

— Мама, я поеду! — загорелся Сергар — Собери мне с собой в дорогу, ладно?

— Ладно — легко согласилась Мария Федоровна, не веря в чудо, но

все-таки загораясь огнем надежды. Кто знает, может тут, в глуши, и вправду есть чудо-лекари, о которых не знают в большом мире? Показывают же по телевизору экстрасенсов, так они такие чудеса творят — ум за разум заходит! Аж с мертвыми разговаривают!

* * *

Трудно сидеть на сиденье жуткого аппарата, несущегося с огромной скоростью по отвратительной дороге — если у тебя вместо ног высохшие коряги. Сергар вцепился в зеленую ручку, в сиденье, и все дорогу ругался на родном языке, перемежая отборные ругательства здешними, земными — когда попадался особо злой бугорок, через который дьявольский аппарат перелетал, будто его поддали под зад. Участковый лишь посмеивался, глядя на мучения пассажира, но тот на него не злился — противно, когда все считают тебя убогим инвалидом, как бы невзначай убирая взгляд от безжизненных конечностей, спуская тебе и грубость, и раздражение — только потому, что ты не ходишь, а ползаешь на руках.

Сергей обращался с «Олегом» так, как с любым другим человеком. Как с равным. И потому — Сергару было с ним легко. Бывший боевой маг чувствовал в нем старого вояку — такого как он сам — с которым не нужно что-то из себя изображать, и можно быть таким, каков ты есть.

Ехать было не очень далеко — ну что такое для машины несколько километров, пусть даже и плохой дороги? Меньше часа — и они уже стоят у дома, непохожего на тот, в котором жили Сергар и его «мать» — одноэтажный, довольно большой, он был совсем не старым, красного кирпича, с хорошим, свежепокрашенным забором.

— Дети ей дом купили — у нее двое сыновей, и дочь. А еще — внуки. Хорошая семья! — пояснил участковый, усаживая Сергара в разложенную коляску — Ее-то дом на краю деревни, вон там, у леса. Не хотела переезжать, но старший, Матвей — отчаянный мужик! — сказал, что вынесет ее на руках, а дом спалит к чертовой матери! Только тогда согласилась переехать. Старушки, как и коты — привыкают к домам, не выковыришь! Щас я схожу, предупрежу ее, а ты тут посиди. Мало ли что... мож, ей не до тебя. Заболела, или чего еще...

Сергей подошел к воротам, нажал кнопку, и где-то далеко, в глубине дома, послышался звонок. Минут пять никого не было видно, затем калитка открылась, из нее вышла маленькая, сухонькая старушка, едва видимая на фоне здоровенных ворот, тем более, что как и ворота, платье и

кофта бабы Нади голубели васильковым цветом.

Старушка посмотрела на Сергара, улыбнулась, махнула рукой, подзывая его к себе. Он подкатился, бросив коляску вперед сильными, жилистыми руками, и она одобрительно кивнула головой:

— Давай в дом, сынок. Там поговорим. Сережа пусть едет, а мы с тобой поболтаем.

— Я узелок сейчас заберу... — Сергар двинулся к машине, но бабка Надя остановила:

— Сережа принесет. Пусть жирок растрясет. А то засиделся, растолстел!

— Вот вечно ты, бабка Надя, меня позоришь! — прогудел участковый, вытаскивая из машины вещмешок Сергара — Не так уж я и засиделся! А это не жир, а броня! Ты вообще знаешь, что гладиаторы в Риме были совсем не худыми и жилистыми, как нам показывают? Они были толстыми и сильными, как я! А почему толстыми? Чтобы жир не пробили, чтобы кровью не истечь! Опять же — гасит удары палицы!

— Болтун! — рассмеялась старушка — И чего только не напридумает! Езжай уж, вояка! Гладиатор, тоже мне! Кстати — твоя Маруся забегАла, говорит — хотите снова ребятенка зачать. Так вот — никаких ребятенков еще полгода. Она не совсем окрепла еще. Смотри — нарушишь — больше ко мне не обратишься! Не буду помогать! Понял?

— Понял я, понял! — участковый покраснел, нарочито не глядя на Сергара. Потом кинул на него взгляд, ухмыльнулся, и развел руками — Видал?! Диктаторша! А все почему? Больницы нет рядом! Вот она из нас веревки и вьет!

— Болтун! — отмахнулась старушка — Что ваши врачи? Бестолочи! Только и знают, что глупые таблетки назначать, да глупыми машинами людей мучить! Выродилось лекарское искусство, выродилось. Я вот внукам говорю — учись, учись, пока я жива! Ведь некому умение оставить! Совсем некому! А младшая мне и говорит: «Бабушка, как ты все видишь? Для меня — мясо, и мясо! Я ничего не вижу!» Ну вот что скажешь? Вот ты, Сережа, иди ко мне в обучение — будешь лекарем, люди тебя любить будут, всегда будешь при деле, всегда сыт!

— Каждому свое, баба Надя — участковый задумчиво посмотрел на небо, на солнце, склоняющееся к горизонту, на пруд, видневшийся чуть поодаль — на плотине весело визжали мальчишки, прыгая с надутой камеры, плавающей по воде — Я умею ломать кости, а не вправлять их. И меня это устраивает. Кто-то ведь должен давать тебе работу, нет? А если серьезно — кто-то должен быть и солдатом, кто-то должен делать эту

грязную работу. У всех свое умение, так ведь?

— Так, сынок — печально кивнула старушка — Все так. А жаль. Лучше бы никогда не было проклятой войны. Пойдем, Олежа. Пусть едет. Его жена заждалась. Он ведь, негодный, сейчас ей ребеночка заделает, а она потом прибежит ко мне, и будет просить этого мальчика поддержать, укрепить, чтобы роды прошли хорошо и без боли.

— Откуда ты знаешь, что будет мальчик?! — ошеломленно переспросил участковый, который уже почти сел в машину.

— Знаю! — отмахнулась старушка, заходя в калитку — Вот мне тоже, тайна! Знаю, и все тут! Как и то, что она тебе сегодня напекла пирогов с клубникой. Давай, беги, да не переусердствуй за столом... и так растолстел.

Сергар ожидал увидеть в доме что-то особенное — какие-то особые колдовские инструменты, которыми так любят обвешивать стены жилища все колдуны лекари. Но ничего подобного не было. Чистенький дом, с половичками, хорошими обоями, с большим, на полстены телевизором и белой стиральной машиной, которая жужжала, проворачивая что-то внутри своего блестящего нутра. Не было ничего, что бы указывало на профессию бабы Нади — кроме кушетки, стоявшей в дальней комнате, куда лекарка сопровождала своего пациента.

— Раздевайся! — сказала она, повелительно кивая на кушетку — Ложись на простыню. Все с себя скидывай, не стесняйся. Меня чего стесняться? Я старая бабка, мне твои причиндалы не интересны. Если не болят, конечно. Кроме того — врачей ведь не стесняются, так?

Сергар улыбнулся — он не раз, и не два, слышал примерно такие же слова от своей матери, которая принимала пациентов. Только без «старой бабки». Его мать была еще довольно молода, хотя и старалась во время приема изобразить из себя что-то вроде умудренной опытом, старшей женщины. Она говорила, что так ей люди доверяют больше.

Сергара всегда это обстоятельство удивляло — какая разница сколько лет лекарю, если он вылечивает болезнь? Да хоть пять лет от роду — только чтобы выросла новая рука, или нога! Люди странные существа, в этом он убеждался не раз, и не два.

— Так... так... ну что сказать — все с тобой ясно. Небось на дьявольской тележке катался? На этой рычащей метле, да? Эх, дураки вы, дураки... молодые — все дураки. Вам кажется, что живете вечно, а ведь ваша жизнь, как огонек свечи — дунул сквознячок — и нет пламени, только прах, вонь и темнота. Все, можешь одеваться. Пошли, чаю попьем, поговорим.

Сергар оделся, баба Надя помогла ему взобраться на кресло. Через

пять минут они сидели за столом, на котором лежали куски пирога с клубникой, нарезанные ломтиками колбаса, копченое сало и свежий, круглый хлеб, одуряюще пахнувший так, что у Сергара забурчало в животе.

— Ешь давай, худоват больно — улыбнулась старушка — Пирог вот, с клубникой — вкусно Маруська печет!

— Вот откуда ты знаешь про пироги, что испекла жена участкового — догадался Сергар — А я-то думал...

— Думал — я вижу на расстоянии, что ли? — усмехнулась баба Надя — Само собой, оттуда и знаю. Только Сережке об этом не говори — пусть жути побольше будет! Хе хе хе... Должна же я поддерживать образ ведьмы?

Сергар нахмурился — она что, обманывает людей? А он надеялся... всюду обман. Везде обман. Земля обмана!

— Не сомневайся — будто прочла его мысли баба Надя — Я лечу. И хорошо лечу. И много чего могу еще. Теперь давай поговорим о тебе. Кто ты такой?

Сергар поперхнулся чаем, ошеломленно взглянул на старушку и поставил чашку на стол. Баба Надя молчала, глядя ему в глаза, и он видел, как в зрачках у старушки мерцает синяя искра. Яркие, голубые глаза старой женщины будто светились, как если бы в голове у нее висел фонарь.

— Я не понимаю! — пролепетал он, моргая, и чувствуя, как на глаза накатываются слезы, будто в глазницы бросили мелким песком — О чем ты говоришь?

— Ты знаешь, о чем я говорю! — монотонным голосом повторила старушка — Ты не тот, за кого себя выдаешь! Ты чужой! Это тело не твое! Кто ты? Демон? Ты плохой? Хороший? Зачем ты здесь?

— Кто ты?! — со страхом переспросил Сергар, глядя на старуху, превратившуюся из доброй, худенькой старушки во что-то странное, жуткое существо со сверкающими синими глазами и белым, будто мраморным лицом.

— Неважно. Это — неважно! Главное — кто ты! Отвечай!

— Человек! — хрипло выдавил из себя Сергар — Я был боевым магом в своем мире. Добывал артефакты. Меня выбросило в этот мир, в тело Олега. Куда он делся — я не знаю. Он хотел покончить с собой, наглотался таблеток, и едва не помер. А зачем я здесь — да кто знает? Вот ты — зачем здесь? И я так же. Только боги знают?

— Боги, боги... бог один — ворчливо сказала старушка — Остальных придумали люди, чтобы побольше содрать денег со своих глупых соотечественников. Ясно. В общем — тебя выбросило в этот мир, в пустое

тело без души, и скорее всего, ты здесь застрял до конца своих дней, как и все, кто здесь оказался. Как и я.

— Ты?! — выдохнул Сергар — Ты — тоже?!

— Тоже, тоже... — вздохнула старушка — И я тоже. Только очень, очень давно. И похоже, что не из твоего мира. Ну-ка, скажи что-нибудь на своем языке.

— Я боевой маг, служил в армии, потом стал вольным грабером! — сказал Сергей на языке своей родины. Баба Надя поморщилась, помотала головой:

— Я так и знала. Другой мир. У вас сколько лун?

— Две. Красная, и черная.

— Солнце какого цвета?

— Ну... такое же, как и здесь. А что, бывает другого цвета?

— Всякое бывает — уклончиво пояснила женщина, которую теперь у Сергара язык не поворачивался назвать бабушкой — Магия сохранилась? Магичить можешь?

— Нет — Сергар сокрушенно опустил голову — Сколько не пытался коснуться Силы, бесполезно. Вроде — вот-вот коснусь, рядом, только руку протянуть — а не могу. Будто руки отрубили!

— Знакомое ощущение, да — довольно кивнула баба Надя — Пока я смогла снова магичить... прошло лет десять после перемещения. И то случайно получилось. Знаешь как?

— Как?

— Током меня ударило. Сильно. Я тогда отлетела метров на пять, сознание потеряла. А когда очнулась — чувствую, могу магичить! Я аж визжала от восторга! Только недолго радовалась — против моей прежней силы — раз в десять меньше. Но и этого хватило, чтобы я чувствовала себя уже не такой уродкой, как раньше. Да, да — уродкой! Ты же знаешь, что такое лишиться магии! Как будто руки отрубили...

— Почему ты мне открылась? — настороженно спросил Сергар — Зачем тебе это? И как ты сумела увидеть мою сущность?

— Как увидела? Ну я же все-таки колдунья. Вижу, и все тут. Как вижу? Как две фигуры, которые никак не могут слиться вместе. Ты не принимаешь Олега в свою душу, боишься его принять, ты не хочешь, чтобы он с тобой слился. Потому — не можешь излечиться. Пока не будет единения души и тела, пока ты не станешь единым целым со своим материальным «я», излечения не будет.

— Не понимаю — протянул растерянный Сергар — Я живу в этом теле, оно мое. Как это я не слился? Слился! Ну да ладно — черт с ним,

потом. Скажи, а что, ты такая тут одна?

— Не одна — усмехнулась «баба Надя» — Есть еще, такие как мы с тобой. Но нас очень, очень мало. Тех, кто с магическими способностями. Без них — гораздо больше. Но они никогда не скажут, что прибыли из другого мира. Да и те, кто владеет магией, не скажут. Зачем? Чтобы посадили в дурку? В средние века так вообще нас сжигали на костре... Или чтобы тебя захватили злые люди, и заставили исполнять их волю? Нет уж... все те, кто переселился в чужие тела стараются скрывать свою суть. Как я, например. Для всех — баба Надя, старушка, которая пробавляется мелким лекарским делом, траволечением. На самом деле...

— А семья? — перебил Сергар — Дети, внуки? Они — знают? А муж твой где?

— Муж? Помер муж — спокойно сказала «бабулька». Давно помер. Дети есть, да. И внуки. Скоро я умру, меня закопают. Потом выберусь из могилы — помогут те, кому помогала я — и пойду куда глаза глядят. Совершу обряд обновления, стану снова молодой, здоровой, красивой, снова полюблю какого-нибудь парня, и цикл начнется сначала.

— И сколько у тебя уже было таких циклов?! — с легким страхом спросил Сергар, глядя в синие глаза существа, выглядевшего как тихая, ветхая старушонка.

— Ишь, чего захотел знать! — усмехнулась «баба Надя» — Неприлично спрашивать у женщины, сколько ей лет! Не скажу. Много. Очень много. Так много, что мне кажется — пора бы уже и не выбираться из могилы. Хватит.

— А что, и такое бывало? Умирали Не хотели жить?

— Бывало. Почему и нет? — равнодушно кивнула женщина — Поживешь с мое — узнаешь.

— А я поживу? — с замиранием сердца спросил Сергар, надеясь на тот ответ, который хотел услышать.

— Поживешь — пожала плечами «баба Надя» — Если обряд обновления будешь совершать. И если твои магические способности вернутся — потому что без магии обряд не работает. А вот если не совершишь обряд — умрешь так же, как и простые, земные люди. Ну... может подольше поживешь — лет до ста. Или еще дольше. Но все равно умрешь. Я не знаю, почему так происходит. Почему так, а не иначе. Все в руке Создателя — как ты его не называй — Иешуа, Аллах, или Создатель всего сущего. Не знаю, кто открыл обряд обновления. Но только все происходит именно так, как я говорю. Нас тут на Земле не так уж и мало, я тебе потом расскажу, как все устроено в нашем кругу, в кругу колдунов.

Если, конечно, к тебе вернется твоя магия.

— И все-таки — зачем ты все это мне рассказала? — снова переспросил Сергар, не глядя на старуху.

— Почему бы и нет? Мне-то тоже кто-то когда-то рассказал. За все время, что я лечу людей, через меня прошло только трое наших. Как могла — я их поддержала. Вот и ты — как я могу тебе не помочь? Колдуны должны поддерживать друг друга. Это закон! Весь мир против нас.

«Баба Надя» помолчала, потербила ложечку, лежавшую на блюде, и продолжила:

— Так-то, парень. Да, вот что — тебя не нужно предупреждать, чтобы ты лишнего не болтал языком? Впрочем — тебе все равно никто не поверит. Ведь я всего лишь баба Надя, деревенская лекарка. Провидица, и травница. И больше никто.

Глава 4

— Пей! Пей до дна!

— Не поместится!

— Пей, я сказала! Вот так! Теперь ложись на живот и терпи. Будет немножко больно, но тебе не привыкать — ты же вояка! С печки бряка...

— Ай! Черти бы всех задрали! Ай-яй! Ты чего там, железом жжешь, что ли?! Пыточная какая-то, а не лекарская!

— Ругайся, ругайся, ничего... все в порядке. Я много больных навидалась, такое иногда выдавали — ушли в трубочку скручивались! Ты еще молодец, терпишь. Правда и боли настоящей-то пока не было.

— Как не было?! Да ты охренела! Аааааааа! Аааааааа! Да твою мать! Да в гроб тебя ети! Да в крестину гробину мать!

— Узнаю самсоновских! Петька научил, да? Ругайся, ругайся! Эй, живой?! Что, сознание потерял? Ну тем лучше...

Лекарка положила руки на поясницу застывшего в беспамятстве парня и начала медленно, миллиметр за миллиметром сканировать его тело. Нашла порванные нервы, нашла разбитые, неровно сросшиеся позвонки, закрытые для прорастания нервов. Подала строго дозированный импульс, размягчая, формируя кости позвоночника.

От ее рук исходил хорошо различимый в полумраке голубой свет, мерцающий, пульсирующий, то разгорающийся, то потухающий почти совсем. Шла минута за минутой, и прошло около получаса, когда лекарка прекратила сеанс.

Сергар так пока и не очнулся, и бабка Надя ушла на кухню, накрыв его простыней. Будить не было смысла — пускай отдохнет, наберется сил. А их ему надо будет ой, как много. Ничего не делается просто так, энергия ниоткуда не берется, никуда не исчезает бесследно. Чтобы сформировать нормальные позвонки, понадобилось столько Силы, что лекарка едва не исчерпала свои ресурсы до самого предела, до опасного предела, грозящего ее собственной жизни. И это все притом, что она усилила воздействие колдовской силы специальными снадобьями, «размягчающими» природную защиту тела Сергара.

Каждый организм инстинктивно сопротивляется воздействию магии на его органы, и лекарь тратит часть своей Силы на преодоление этой защиты. Иногда защита бывает такой крепости, что лекарь не может справиться, даже если наваливается всей своей магической мощью.

Обычно это бывает, когда пациент другой маг, сильный колдун. Или лекарь слаб.

Надиена когда-то была очень сильной колдуньей, придворной магией Салдана Махруха, и могла одним движением пальцев закрыть рану, убрать боль и запустить процесс регенерации. Не было равных личной лекарке Великого Салдана.

Когда-то — вот кодовое слова. Теперь она была на уровне слабой деревенской лекарки захолустного района Симерской пустоши. Самой дырявой дыры на всем белом свете.

Почему некоторые из перемещенных обретали на Земле БОльшую силу, чем при жизни? Почему некогда могучие маги или полностью теряли свои способности, или становились уровнем ниже низших магов своего мира?

Надиена обдумывала этот вопрос, и пришла к выводу: при переходе души через Океан Силы, та или теряет какие-то способности, или наоборот их обретает.

А еще — перемещенная сущность по каким-то причинам не до конца срастается со своим носителем, с тем телом, которое стало сосудом для нового содержимого.

Почему так получалось? Тут было несколько вариантов. Например — в теле осталась старая сущность, не желавшая улетать в небытие, именно она и мешала новому владельцу как следует овладеть организмом.

Надиена встречала таких людей. Иногда они даже не знали, что являются «переселенцами». Они не знали — Надиена знала. Люди эти вызывали у лекарки смешанное чувство жалости, и какой-то даже брезгливости, как больные заразной болезнью, которая передается прикосновением, либо воздушно-капельным способом. Коснешься неудачника, и вот ты уже заразился неприятностями, бедами, неудачами. Обычно эти люди больны психическими заболеваниями, часто они не могли управлять своим телом в полной мере и были инвалидами.

С Сергаром дело было пока что неясным. То, что сущность иномирянина не срослась с новым организмом — это не вызвало сомнения и было видно — легко, если глаз наметан. А у Надиены он был точно наметан. Она не соврала — за несколько сотен лет, что лекарка жила на Земле, ей на жизненном пути попались всего-навсего три человека, которым она открылась, и которым рассказала все, что знала по переселенцах, и обо всем, что с этим связано. Но тогда она точно знала — это колдуны, такие же, как она. И они ей были нужны. Без них пройти обряд обновления не просто проблематично, а практически невозможно, и

хотя Надиена вслух говорила, что устала жить на белом свете, на самом деле, не прочь была поскрипеть суставами еще пару тысяч лет. А может и больше.

Тот, кто раскрыл ей секрет обновления, колдун по имени Маралан, говорил, что число циклов в общем-то ограничено, и через сотни, а может тысячи лет — колдун, или колдунья, все равно умирают.

Надиена не видела Маралана уже много сотен лет и не знала, жив ли тот сейчас, а если жив — под каким именем, и с какой внешностью ходит по миру. А если бы знала — расспросила бы побольше. Увы, задним умом все сильны, нужно было вовремя выдоить информацию из старого колдуна, но... казалось, он будет рядом вечно.

Увы, однажды проснувшись погожим летним утром на шелковой простыне в своем загородном доме Надиена не обнаружила колдуна справа от себя на пахнущем любовью ложе. Ни любовника, ни записки, ничего.

Дважды она заводила семью. Один раз тогда, когда в этих местах бегали волки, в реке плескались семьи медведей, а по полям скакала дикая орда в воняющих потом стеганых халатах и волчьих шапках.

Семью — мужа, и двоих детей — убили, а ее, красивую молодую бабу, угнали в рабство, откуда она сбежала, изведя своих хозяев злым колдовством.

С той поры она семьи не заводила, ограничиваясь недолгими любовными связями и случайными встречами с понравившимися мужчинами. И боже упаси — никаких детей!

Но женская натура все-таки брала свое, и когда она увидела, что мир стал гораздо стабильнее, что уже нет опасности потерять близких в какой-нибудь мерзкой междоусобице, или от павшей на голову бомбы фашистского бомбардировщика, Надиена решилась — вышла замуж за очень хорошего человека, которого полюбила всей своей душой.

Увы, им не пришлось стариться вместе. Муж погиб, когда в его машину врезался грузовик, у которого отказали тормоза.

Прежде чем умереть, муж успел подарить ей двух сыновей и дочь — красивых, умных, замечательных детей.

Дети, внуки (три внука и две внучки) — о чем еще может желать женщина? Только о том, чтобы был жив ее муж, ее любимый. Увы, этому не суждено сбыться никогда.

Одно поддерживало Надиену — может он возродился где-то в ином мире? И вспоминает ее, любимую, думает о ней темными ночами, когда луна повисает над коньком крыши. Вот как она, Надиена, вспоминает его сейчас.

Надиена вздохнула, встала, и пошла посмотреть на пациента. Сергар спал, сопя носом, как ребенок, и Надиена улыбнулась — он был очень похож на покойного мужа. Можно подумать — какая-нибудь родня. Кстати — ничего удивительного, в жизни все бывает. И двойники, и далекая, неизвестная родня. Вон, у соседей — рраз! И вдруг объявилась тетка на Сахалине, которую уже и не чаяли когда-нибудь увидеть. И вообще не знали о ее существовании!

Именно потому, что Сергар был очень похож на покойного мужа, Надиена и открылась ему, решила помочь. И теперь сомневалась — правильно ли сделала? Не ударит ли в нее рикошет от этого поступка?

Надиена побрела в спальню, медленно разделась, натянула на себя ночную рубашку. Скрипнув суставами села, грустно улыбнулась — давно пора совершить обряд обновления, а она тянет время. А все почему — семья! Придется уйти от них...

Как может она оставить своих близких? Ведь для них она умрет! Совсем умрет. Навсегда! И никогда не сможет прижать к груди внуков, внучек. Обнять детей... Только посмотреть — издалека, не приближаясь, чтобы не заметили... чтобы не вспомнили старые фотографии, где она молода и красива.

А хочется снова вернуть молодость. Хочется, чтобы не скрипели суставы, чтобы не ныли руки, чтобы каждая перемена погоды не откликалась болью в голове. Хочется снова стать молодой красавицей и лечь в постель с мужчиной. Таким, как Сергар.

Надиена усмехнулась — вот что значит оставит мужика в доме! Сразу мысли грешные в голову полезли!

Когда погиб муж, ей было пятьдесят лет, а выглядела она на сорок. Да и сорока никто не давал. И с тех пор у нее не было ни одного мужчины... а ведь хотелось.

Забралась в постель, накрылась простыней и уткнулась взглядом в потолок, постаравшись выбросить из головы все мысли, не относящиеся к делу — лекарскому делу.

Завтра Сергар проснется, и все будет ясно — как прошло лечение, как отреагировал его организм на вмешательство чужой магии. Над ним еще нужно работать, но главное сделала — восстановила раздробленные позвонки, освободила, срастила нервные волокна. Еще пару дней работы, и все будет готово.

Пару дней — Надиена усмехнулась. Когда-то она могла поднять такого, как Сергар одним мановением руки! Одним касанием, одним толчком ее могучей силы! Где те годы? Зачем немилосердный Всевышний

выбросил ее в чужой мир? Этот вопрос она задавала себе сотни раз, и каждый раз не находила ответа. Разве может человек постичь замысел богов? Даже если этот человек — колдунья, умеющая сращивать кости и выращивать новые нервы...

Надиена снова вздохнула, натянула на плечо простыню и через пару минут уже дремала. Снился ей покойный муж — молодой, красивый, очень похожий на Сергара, и ей с ним было очень хорошо, спокойно.

* * *

Сергар очнулся от невыносимого зуда. Зудело так, что он невольно застонал — протяжно, от души, будто раненый зверь. Под кожей бегали тысячи насекомых, пожиравших его живьем, и конца тому не было!

— Ооооох... да чтоб я сдох!

— Чего ты там? Что сказал? Старайся ругаться на русском языке, иначе выглядит подозрительно.

— Да чтоб я сдох! — продублировал Сергар по-русски — И поскорее! Ооооох!

— Вот теперь ясно — все идет хорошо! — откликнулась «бабка Надя» — И это замечательно!

— Кому замечательно, а кому не очень! — откликнулся бывший боевой маг, и выругался так, что у портовых грузчиков завяли бы уши. По-русски выругался, благо дядя Петя знал множество отборных ругательств.

— О! Я даже что-то новое узнала! Богатый у тебя словарный запас! Быстро научился! Ну хватит ныть, что ты, как баба причитаешь! Терпи! Чувствительность возвращается! Радуйся!

— Я и радуюсь — уныло подтвердил Сергар, потянувшись к ногам, потер колени — Чешется!

— Чеээшется! — передразнила женщина — Если бы ты знал, сколько мне это стоило сил! Лет пять жизни отнял. А то и больше. Пей отвар. Пей, сказала! До дна! И спи... спи! Спи! Спи!

Надиена повела рукой над головой Сергара, он моргнул глазами, зевнул и бессильно откинулся на подушку:

— Усыплееешь... я не хочу спаа...

Глаза закрылись, и он тихо засопел, выводя носом рулады, будто маленький сверчок в палисаднике дома. Надиена усмехнулся, достала из кармана небольшой кружевной платок и пошмыгала парню нос. Снова усмехнулась и оставив платок возле пациента, на подушке, пошла в зал.

Только шагнула за порог — звонок. Кто-то зажал кнопку звонка, и не отпуская ее, пока Надиена не открыла калитку ворот.

— Ты чего названиваешь? — жестко спросила она, глядя снизу вверх на здоровенную бабищу с пропитым лицом, на котором отразилась вся непутевая жизнь — Чего надо?

— Ведьма! Ведьма! — выдохнула вместе с перегаром та, кого давно уже звали Нинухой — Чтоб ты сдохла, ведьма! Тебя сжечь надо! Сжечь! Извести!

— Слышала уже — кивнула Надиена — Не раз, и не два. Еще что-то есть сказать?

— Есть! — бабища достала початую бутылку водки, приложилась, и громко хлебнула, утерев губы рукавом — Твари! Это вы извели моего пацана! Мишаню моего! Мою краавиночкуууу...

Баба загослосила, пошатнулась, и вдруг трезво взглянула на Надиену:

— Я выведу вас на чистую воду! И тебя тоже! Ты лечишь без диплома! Ты аферистка! Тебя нужно к ответственности призвать! Ик!

Она зажала рот и на секунду замолчала. Потом оторвала ладонь и снова завопила — истошно, мерзко, брызгая слюнями:

— А твоего дружка участковава посадить! Штоб не покрывал преступнекаф!

— Каких преступников? Ты с дубу рухнула? Последние мозги пропила? — Надиена удивленно подняла брови, потом нахмурилась — Иди отсюда! А то сейчас Серега подъедет, в пикет упечет!

— Не подъедет! — довольно усмехнулась бабища, собрала пальцы в кулак, величиной едва не с голову лекарки и поднесла его к лицу Надиены — Вот вы где у меня! И ты, и Серега твой! Што смотришь?! Глазыньки-то вытаращила! Вона как выперилась! Только я не верю в твои колдовские штучки! Плевала я на тебя, аферистка! Всеооо...все я знаю! Загубили маво Мишеньку, загубили! Всех вас в бараний рог скручу!

— Да что ты плетешь, дура! — взорвалась Надиена, шагая назад и пытаясь закрыть калитку. Только напрасно старалась — бабища ухватила за калитку могучей рукой и не дала ей закрыться:

— Погодь! Все знаю! Мишенька поехал к городским, в Самсоновку, я слышала! К этому уроду, который щас у тебя! Которава ты щас лечишь, ведьма! И видели люди, как он поехал! А потом он пропал! Убили его там! И участковый ездил в Самсоновку! И привез этого безногого урода! Ну што, как теперь тебе?! Небось бабла менту дали? И с тобой поделились, да? Все знают, Серега и его приשמандовка все к тебе ныряют! В общем — заложу я всю вашу банду, и оборотня в погонах, и тебя, аферистку

проклятую! И урода вашего! Всех, всех вложу, если не...

— Что если? — спокойно спросила Надиена, повернувшись к бабе и соображая, что делать. Сергар не сказал ей про убийство, но сложить два и два не составляло никакого труда. Не зря участковый расспрашивал ее про больных с ушибами и переломами, не зря он оказался в Самсоновке, откуда и привез Сергара.

— Деньги! Ты мне дашь денег! — понизив голос, выдохнула Нинуха — Пятьсот тыщ! И тогда — я как могила! И живи себе, живи!

— Сдурела? Откуда я возьму тебе пятьсот тысяч? — Надиена оторопело хлопала глазами, и сжала пальцы в сухой кулачок — Я тебе что, миллионерша?! Я денег за лечение не беру! Живу на пенсию! Да на то, что мне дети дают! Иди отсюда! Проваливай! Не знаю я, куда делся твой придурочный сынок! А если делся куда-то, туда ему и дорога, пьяни и бандиту!

— Вот ты как заговорила! — неожиданно трезвым голосом заговорила Нинуха — Пьяни, и бандиту? Следствие разберется, какой пьянь и бандит, и кто его убил! Завтра же поеду в район! Добьюсь правды! Всем вам попухнет, вы меня еще не знаете!

— Знаю, как не знать? — с горечью сказала Надиена, тяжело вздохнув и отвернув голову в сторону. От Нинухи крепко пахло немытым телом, потом, застарелым перегаром и свежим водочным духом от пролитой на грудь паленой водяры.

«Что-то надо делать!» — пришла в голову мысль, и тут же затерялась в горечи решения, которое придется принять. Кодекс врачей гласил «Не навреди! Не употреби умение во вред людям!» Увы, Надиене не раз, и не два приходилось нарушать этот кодекс. Иначе просто не выжить. Иначе — не выжить.

— Что зыркаешь глазенками-то? Думаешь — не докажу? Думаешь — обстряпаете с Сереженькой своим, да с детишками твоими- похороните меня? А вот хрен тебе! Я всем сказала, что к тебе пойду! Вот только не сказала — зачем! Пока не сказала!

— Это хорошо, что не сказала — бесцветно сказала Надиена, и поманила пальцем — Иди сюда. Я дам тебе часть денег сейчас, остальное завтра, хорошо?

— Завтра до обеда! — торжествующе хохотнула Нинуха, и пошатнулась — Сколько сейчас даешь? Вот я же знала, что у тебя бабки есть! Знала! Денег она не берет, курва старая! Берешь! Все берут! Дураков нет!

— На, возьми! — Надиена сунула руку за пазуху, Нинуха

приблизилась, наклонила голову, следя за рукой лекарки, и тогда старушка другой рукой быстро коснулась виска женщины, вложив в выплеск максимальное количество Силы, которое сейчас могла себе позволить. Увы, она такеще и не восстановилась до конца после работы с Сергаром.

Нинуха, как подкошенная рухнула на землю, выключенная так же верно, как если бы ее стукнули поленом по давно немытой голове.

Надиена прислонилась к стене, ощущая, как бьется сердце, норовя выскочить из груди. Давно надо было провести обряд обновления, но дети?! Внуки?! Как она будет жить, не касаясь их тел?! Не видя их лиц?! Не слыша их голосов?! Ох, боги... как ей выдержать?! Вернее — сколько еще она может выдержать? Колдовать становится все сложнее, колдовство отнимает жизненные силы, и восстанавливаться все труднее. Колдовство — сродни физической выносливости — чем ты слабее, чем дряхлее, тем меньший запас волшбы в твоём «кошельке». Если как следует перенапрячься, не уследить за расходом — можно и в гроб загреметь.

Постояв, посмотрела по сторонам (не видел ли кто-то?!), уцепила Нинуху за толстопалую руку, и пятясь — как муравей здоровенную гусеницу — потащила женщину во двор. Старые мышцы скрипели, суставы трещали, в глазах плыло, но туша монстроидальной пьяницы медленно, но верно вползла во двор и устроилась на траве-подорожнике, ровным газонным слоем укрывавшей площадку перед летней кухней.

Надиена нарочно не бетонировала эту площадку, несмотря на то, что Матвей зудел об этом регулярно, раз в месяц — это точно. «Мам, давай забетонирую! Mam, грязища! И машину поставить некуда! Ноги все пачкать!»

Не понимают — нельзя заковывать землю. Нужно подпитываться от нее Силой! Ходить по ней босиком! Глупенькие... не зря она выбрала это место, не зря. Здесь — место Силы. Если бы не оно... конечно, в старом доме пятно больше, энергии больше, но чтобы построить новый, не сносить же старый дом, в котором было так хорошо, в котором выросли дети? И в котором лежал муж... такой красивый... даже в гробу.

Надиена разулась, встала босыми ногами на прохладную, щекочущую ступни траву, подвигала пальцами, чувствуя, как по ступне пробежал муравей, торопящийся по своим делам, закрыла глаза и мгновенно подключилась к ручейку Силы, помчавшейся в нее живительным потоком. Вздогнула, захлебнулась от наслаждения, от переполнившей ее сласти, радости, от восторга, распиравшего душу! И закрыла поток. Хватит! Иначе можно потеряться в этом ручье энергии. Слаба стала. Душа едва держится в ветхом теле. А ведь когда-то она могла и без подзарядки!

Восстанавливалась за минуты! Эх, где они, ее двадцать лет?! Как давно это было, как давно...

Отбросив лишние мысли, снова наклонилась над Нинухой, возложив на нее обе руки — ладонями по вискам. Секунда — женщина вздрогнула, дернулась, открыла глаза и тут же закатила их под бровные дуги, уставившись на лекарку красными прожилками белков. Тело Нинухи затряслось, ноги мелко задрожали, забились в судороге так, что заскрипели сухожилия, перенапряженные до предела. Затем женщина обмякла, безвольная, как кукла.

— Ты забыла про сына, ты забыла, зачем приходила ко мне, про Самсоновку, про инвалида, про участкового. Когда очнешься — пойдешь домой. Ты никогда не приходила ко мне. И ты больше никогда не будешь пить спиртного. Если ты выпьешь хоть каплю — тебя вырвет, и будет нести три дня. Запрет на спиртное! Навсегда! Навсегда! Навсегда!

Надиена оторвала руки от головы Нинухи, опустилась на траву и снова подключилась к источнику Силы. Минута, две — она снова была полна, но физических сил хватило только на то, чтобы сидеть прямо, на падая на бок.

— Оххх... — Нинуха встала, покачиваясь, схватившись рукой за голову, непонимающе оглядываясь по сторонам. Увидела открытую калитку, и тихо, как зомби, вставший из могилы, побрела к выходу. Надиена проводила ее взглядом, а когда та вышла и пошла по пустынной улице, поднялась, закрыла дверь. Теперь нужно было что-нибудь съесть и отдохнуть. Физические силы на исходе.

Уже засыпая на кровати в спальне, услышала звонок сотового телефона — судя по мелодии, звонил Матвей. Но сил подняться не было. «Потом, все потом!» — промелькнуло в голове, и Надиена уснула.

Чтобы никогда уже не проснуться.

Ей было не восемьдесят. Ей было сто четырнадцать лет. Вернее — этому телу.

А прожила она от «рождения» в новом мире девятьсот пятьдесят три года.

Надиена Голударк, урожденная Сиамаг, Высшая Клана Уард, Потомственная магиня, лекарка, дочь великого ученого, лекаря милостью Создателя, Амароля Сиамаг.

Да покоится ее тело с миром!

Да найдет ее душа новое, благородное, молодое тело!

Сергар проснулся от ощущения того, что левая нога немилосердно чесалась. Так чесалась — что терпеть не было никакой возможности. Он пошевелил пальцами, подтянул ногу поближе к руке, и... окончательно проснулся. Проснулся, и... едва не завопил от радости! Ноги двигались! Он мог сгибать в коленях, шевелить пальцами ног, он чувствовал прикосновение руки, когда касался колена, бедра, лодыжки!

Ура! Ура! Славься! Славься, великая лекарица бабка Надя!

Сергар быстро оделся, и поскорее переместился в кресло — ноги еще негодились для хождения, не держали. Мышцы атрофировались, «усохли». Нужно было заново учиться ходить, на костылях — благо, что костыли дома были, у дяди Пети. Остались от кого-то от соседей. Деревянные, но крепкие — он показывал, в сарае лежат.

«Вот как встанешь на ноги, пацанчик, я тебе их и подгоню! Будешь на клюшках шкандыбать, а как наостришься — вернешь!»

Переместился в зал, привычно перебирая руками по держателям на колесах, осмотрелся — никого. Тишина, все будто вымерло. Тихо журчит холодильник, где-то жужжит муха...

— Ау! Бабка Надя! Эгей!

Тишина. Спит?

Проехал в спальню, усмехнулся — ага, спит. Хотел оставить на месте, не трогать, но очень уж хотелось есть. Обновленные, ожившие ноги требовали питания, мускулы наращивать!

Тронул лекарку за руку — рука была холодной, как у... мертвой?! Подкатился к голове, протянул руку, пощупал пульс... нет! Нет!

— Бабка Надя! Надя! — крик из души, из сердца, навалился на нее, схватил за плечи, тряхнул обеими руками — Надя! Как же так?! Надя!

— Убил! — женский голос за спиной оглушил, рванулся в уши — Убил! Мама! Мама!

Обернулся, попытался что-то сказать, но не успел — удар по голове, и темнота. Не успел заметить — кто ударил. Просто — бац! И все. Готов.

Очнулся лежа на полу, лицом вниз. Было очень плохо — руки болели, голова трещала, тошнило. Голоса — мужские, возбужденные, грубые. Женские голоса — кто-то вдалеке причитает, воеет, как по мертвому. По мертвому? Вспомнил! Бабка Надя!

О боги... за что?! Единственный человек в этом мире, который мог помочь, единственный, кому мог довериться до конца, и вот!

— Очнулся. Матвей, ты чем его приложил?

— Чем-чем... поленом!

— Инвалида? Ну нахрена?

— Интересное дело! Он убил мою мать, а я что, церемониться с ним?! Да я его, суку, сейчас задушу, и пусть судят!

Удар в бок, боль, внутренности хлюпнули, протестуя против насилия над своей нежной плотью.

— Прекратить! Вон отсюда! Это дело полиции, никакого самосуда! Еще не известно, отчего бабка Надя умерла! Откуда ты знаешь, что это он сделал?!

— Да чего тут знать?! Маша видела, как он ее душил! И я видел — он держал ее за горло! И она мертвая! Ты чего, за убийцу, да?! Тварь ты, Серега! И пошел ты нахрен, я его щас прибью, гада!

— Назад! Стрелять буду! Суд разберется, экспертиза — он, или не он! Пошли все отсюда, я его допрошу! Вон, сказал!

Сильные руки подняли Сергара, усадили в коляску — легко, как ребенка. Поднял голову — перед глазами широкое, толстогубое лицо участкового. Хмурое, с прищуренными глазами, расстроенное.

— Это ты?!

Сразу не понял — изображение двоилось, тошнило, едва не вырвало. Сглотнул, подождал, пока комната перестанет вертеться, ответил:

— Я ее не трогал. Проснулся, пошел искать — она лежит. Я пощупал шею — мертвая. Очень жаль. Очень, очень жаль!

— Ему жаль! Потрогал!

Сергей тяжело сел в кресло напротив телевизора, положил голову на сцепленные в кулаки и упертые в колени руки. Могучие плечи обвисли под тяжестью беды.

— Ты так рано вернулся? — вдруг спросил Сергар, глядя на новообетенного, а теперь, похоже, потерянного друга.

— Вернулся — мрачно ответил участковый, неприязненно глядя на Сергара — Вот что, парень, вляпался ты, и меня вляпал. Сейчас повезу в район, в отдел, иначе тебя прибьют. Матвей мужик резкий, бывший десантник. Он тебе голову открутит — и пискнуть не успеешь. И твои ножки не помогут.

— Да нет у меня ножигов, ты же знаешь. Дома оставил — пожал плечами Сергар — Маме позвонить можно?

— Сейчас — нет. Телефон у мужиков. Хотя... номер помнишь? С моего можно — он достал из кармана старенький, потертый аппарат, но Сергар отрицательно покачал головой:

— Я номер не помню. Не умею обращаться — мама с дядей Петей как-то сделали, чтобы я кнопку нажал, и сразу до мамы дозвонился.

— Ладно. Пофиг. Я ей скажу и так. Потом заеду.

— Это... дядя Петя костыли обещал, ты напомни ему, пусть даст, ладно?

— Костыли? Ты можешь ходить? — не удивился, равнодушно — Бабка Надя вылечила?

— Да. Но ходить еще не могу. Мышцы слабые. Разучился. Сергей, мне незачем было ее убивать! Мы подружились! Она очень хорошая женщина! Была...

— Была... — эхом повторил участковый — Только никто не верит, что она просто так умерла. Говорю тебе — Маша видела, как ты за ее горло держал. Парень, если окажется, что ты ее убил — я сам сверну тебе шею. Обещаю.

— Да ты идиот, что ли?! — вспыхнул Сергар, чувствуя, как кипит внутри от горя и отчаяния — Она меня лечила! Я ей обязан! Я бы за нее сам убил кого угодно!

— Тихо! — отрезал Сергей — Я сказал, ты услышал. Сейчас пойдем к машине, будь настороже. Могут попытаться тебя отбить. Народ собрался. Бабку Надю все любили. Так что...

Да. Любили. Десяток плевков, кусок дерьма, который не смог отбить рукой, камень из щебня — прямо в ухо, тут же зазвеневшее, как колокол.

Порванная рубашка участкового, три сбитых с ног полупьяных парня, норовившие врезать палкой, выдранной из палисадника.

Да, верный признак того, что покойницу любили. Верный признак.

— Ффуххх! Думал — не доведу! — Участковый одной рукой держал руль, другой бросил Сергару пластиковую бытылку с водой и тряпку — На, утрись, а то смотреть противно. Весь в плевках. И на ухе кровь. Зацепили все-таки?

— Хуже бывало — мрачно констатировал Сергар, вытирая лицо мокрой, не очень чистой тряпкой и думая о том, что хуже все-таки наверное не бывало. В роли отверженного, подонка, убийцы, подлеца, быть ему еще не случалось.

Участковый покосился, но ничего не сказал. Похоже, не поверил.

Из деревни вела вполне приличная насыпная дорога, через полчаса перешедшая в гладкое, покрытое асфальтом шоссе. Машина Сергея с ревом летела вперед, рассекая пространство, а Сергар задумчиво глядел вперед, думая о том, какое будущее его ожидает, и что лежит на весах — сколько хорошего, и сколько плохого.

Хорошее — он все-таки обрел свои ноги.

Плохое — все остальное, и главное — смерть старушки. Теперь некому будет помочь сориентироваться в новом мире, некому будет связать

с остальными переселенцами-магами, некому будет научить — по каким законам те живут в земном мире.

И некому будет научить его обряду обновления, и это, наверное, самое главное! Жить сотни лет! Эта мечта была так достижима, и вот — случайность, и все прахом! Игры богов!

И жаль «бабку Надю». Очень, очень жаль..

* * *

— И чего мне с ним делать?! — мужчина в форме, в смешном головном уборе смотрел на эту парочку через окошко в сплошной стеклянной стене и недовольно кривил губы — Ты на кой черт его сюда приволок?! Думал, он сбежит?!

— Хе хе! Петрович отжег! — хохотнул парень, тоже в форме, стоявший возле столика у лестницы, ведущей наверх, и вооруженный автоматом — Ты сегодня в ударе, командир!

— Нет — ну а чо я ему должен сказать? — ухмыльнулся капитан, довольный произведенным эффектом, даже если засмеялся всего лишь постовой у лестницы — Мне вот чего делать с этим уродом? Даже если он поубивал полгорода! Ты представляешь, что его надо как-то спустить вниз, в «обезьянник», кто-то его должен водить в сортир, и при этом держать на руках, а то он свалится! Севрюгин, ты будешь держать уroda на руках?

— Я чо, ополоумел, что ли?! — отозвался постовой у лестницы, скука которого развеялась, как не бывало — Серега его приволок, Серега пускай его на горшок сажает! Гы гы гы...

— Слышал, Воскобойников, что народ говорит? — ухмыльнулся капитан — Так что забирай своего проклятого уroda и вали отсюда! Некому тут с ним заниматься! Не приспособлено помещение!

— Что тут происходит? — высокий представительный мужчина с полковничьими погонами и в еще более смешной, огромной фуражке остановился возле окна дежурной части и недоуменно посмотрел на инвалида-колясочника, руки которого были закованы в наручники — Это еще что тут такое? Кто допустил?!

— Товарищ полковник! За время моего дежурства особых происшествий не было! Докладывает капитан полиции Михайлов!

— Михайлов, что это за человек, и кто позволил надеть наручники на инвалида?

— Это все Воскобойников, Александр Михайлович! Это он приволок

урода, и заковал его в наручники!

— Воскобойников, ты чего, ополоумел?! — полковник в сердцах стукнул кулаком по козырьку у окошка дежурной части — Ты что, инструкции не знаешь?! Выговор захотел?! Инвалида — в наручники! Спятил?!

— Этот инвалид подозревается в убийстве Надежды Родионовны Есауловой, в просторечии бабы Нади, небезызвестной целительницы. Я задержал его до выяснения причин смерти бабы Нади, и еще для того, чтобы уберечь от самосуда деревенских жителей. Они его едва не убили. Так куда мне прикажете его девать? Возможно — это убийца. Прикажете мне его отпустить?

— Ты говори, да не заговаривайся! — резко бросил полковник, с отвращением и неприязнью глядя на Сергара — Как это — убийцу отпустить?! А зачем ты его заковал? Чтобы не сбежал, что ли?

— Хе хе хе... Простите, товарищ полковник! — прыснул со смеху постовой у лестницы — Просто Петрович только что то же самое сказал!

— Мне нужно было оставить его снаружи, чтобы прикинуть, как доставить внутрь — спокойно пояснил участковый — Как вы видите, товарищ полковник, наши вертушки совершенно не приспособлены для пропуска инвалидов-колясочников. Потому мне пришлось переносить его на руках, а потом уже усаживать в кресло. Которое я тоже перенес на руках. Если вы мне прикажете — я отпущу подозреваемого и займусь своими делами. Но в этом случае я не отвечаю за последствия.

— А с чего решили, что это он лекарку убил? — нахмурился полковник — Инвалид?! Зачем? Нелогично.

— И я считаю — нелогично! — согласился Сергей — Вот только попробуйте это доказать сыну бабки Нади, и всем деревенским. Жена Матвея, сына бабки Нади, утверждает, что этот парень бабку душил, она застала его прямо на ней!

— На бабке?! — удивился полковник — Он чего, насиловал ее, что ли? Час от часу не легче! Хотя какое насилие — он же колясочник. И хотел бы, да не может... хмм... может потому и задушил? С расстройства? Эй, ты какого черта бабку задушил?

— Идиот! — отчетливо сказал Сергар, и отвернулся в сторону. Он устал, ему ужасно хотелось есть, пить, и по-маленькому в сортир. У него было не просто ужасное — отвратительное настроение, когда хочется просто забиться в какую-нибудь дыру, вроде комнаты в гостинице, упасть на кровать и никого не видеть — по крайней мере пару дней. И лучше при этом хорошенько нажраться.

— Что ты сказал?! — покраснел полковник, и не получив ответа, приказал — В камеру его! В обезьянник! Оформляйте на трое суток, а потом решим — по результатам экспертизы. Вызовите дежурного следователя, пусть оформит. А ты — рапорт, объяснение от злодея, все, как положено. Регистрируйте в КУП.

— Товарищ полковник, а кто же его вниз потащит?! — взмолился дежурный — Я отлучаться по понятным причинам не могу, помощник дежурного — тоже! Кто его в камеру понесет, кто будет таскать в сортир?! Мне чего делать-то?!

— Воскобойников задерживал — вот он пусть его и тащит — разрубил Гордиев узел выдавший виды полковник — А что касается сортира — пусть в штаны гадит, сволочь! Будешь в штаны гадить, паскудник? Ты зачем бабку убил, может сразу расколешься?!

— Пошел на...! — четко и внятно произнес Сергар, пользуясь лексиконом дяди Пети — Чтоб ты сдох, волк позорный! Чтобы ты до конца жизни в штаны делал, гаденыш!

— Оооо... вон ты какие слова-то знаешь! Похоже не зря тебя Воскобойников прихватил! Бандюган! Не гляди, что инвалид! Давай, Воскобойников, тащи его вниз! Да наручники-то сними, черт тебя подери! Не дай бог проверка из области — греха не оберешься, доказывай потом, что мы боялись побега инвалида-клясочника, на всю жизнь пятно, будут смотреть, как на дураков!

— И не зря! Вы и есть дураки! — злорадно добавил Сергар в которого будто бес вселился. Ему не раз говорили, что если не поест — с ним совершенно невозможно общаться. На голодный желудок Сергар становился злым, желчным, вспыльчивым и скорым на расправу типом, от которого лучше держаться подальше. По крайней мере — со слов однополчан. Сам Сергар за собой подобного не замечал. Или не хотел замечать.

Полковник поднялся по лестнице, а участковый вынул Сергара из коляски и усадил на потертый диван для посетителей. Потом взял коляску и побрел вниз по каменной лестнице, в подвал, туда, где находились камеры задержанных.

Здесь пахло хлоркой, а еще — нечистотами, потом, блевотиной. Всем тем, что выделяли в мир существа, запертые за стальной решеткой камеры предварительного заключения, или в просторечии — КПЗ.

— Пошли! — участковый легко, как ребенка поднял Сергара на руки, и тот для себя отметил: не ошибся, когда предположил, что у этого человека стальные мышцы. Полнота была кажущейся...

— Гы гы гы! — заржал постовой у лестницы — Серега, а на горшок? Ты его не забудь попсыкать! А то засыт и засрет всю камеру!

— Пошел на...! «Ласково» ответил участковый, и не слушая бормотания обиженного сержанта, зашагал вниз. Уже дойдя до нижней ступеньки, вдруг остановился и спросил:

— В самом деле — в сортир хочешь?

— В самом деле — хочу! — мрачно кивнул Сергар — По-маленькому. Я того и гляди в штаны упушу!

Участковый кивнул, прошел по коридору и занес Сергара в помещение, по вонючести своей отличающегося от коридора лишь количеством содержания хлорки в воздухе. Честно сказать — от хлорки здесь едва не ело глаза, и горло Сергара перехватило спазмом, когда он хватанул этой хлорно-воздушной смеси.

Кроме возвышения в полу и дырки, в которой журчала вода, здесь ничего не было, потому участковый вздохнул, взял Сергара за подмышки сильными руками, повернув к дырке на расстоянии доступности, и предложил:

— Давай, только быстрее. Иначе я тебя долго не продержу. Ты тощий, но на удивление тяжелый! Говна видать много... вот ты мне жизнь устроил, черт тебя задери!

Сергар не заставил себя ждать, и через несколько минут он уже въезжал в закрытую толстой решеткой комнату, в которой сидели несколько «собратьев по несчастью», не выразившие по поводу прибытия нового сокамерника никакого восторга. И даже наоборот — кто-то из лежащих на деревянных топчанах хрипло сказал:

— Вот только уroda нам здесь и не хватало! Сцука и так дышать нечем, а эти волки позорные пихают к нам, и пихают!

Сергар не обратил на говорившего никакого внимания. После того, как он сходил в туалет, жизнь вместе с мочевым пузырем слегка облегчилась, но от этого не стала лучше. Его мучил голод, и он догадался — почему. Страшный, неутолимый голод, когда хочется есть каждые полчаса, и когда съеденное переваривается за считанные минуты, практически не оставляя шлаков для выхода из организма.

Снадобья и заклятие. «Бабка Надя» напоила его специальным снадобьем, которое ускоряет процессы организма, и одним из побочных эффектов был ужасающий, неутолимый голод. Телу нужно было есть, и оно просто визжало от невозможности выполнить свое желание — набить пищей пустой желудок. И съедало само себя.

Вторым побочным явлением были раздражение и вспышки ярости,

мозг будто отключался, и даже при умении контролировать эмоции, получалось не очень хорошо. Если человек изначально был невыдержанным, «без тормозов», то получив такое снадобье он превращался в безумца, одержимого желанием сломать, разбить, а то и убить — разрушить все, что было ему не по душе.

Сергар был уверен, что «бабка Надя» это знала, но все-таки рискнула. Почему? А почему бы и нет? Средство это очень эффективно, если хорошо питаться, мышцы нарастают, как тесто на дрожжах. Что касается агрессии, так тоже ничего страшного — кто может вызвать агрессию у человека, запертого в доме и не выходящего на свет? Если только сама лекарка, но она умеет себя защитить от любого человека, не владеющего магией.

Подкатившись в стене, откинул голову, уперев затылок в холодный бетон, закрыл глаза. Перед внутренним взором мелькали лица, фигуры людей, картинки из увиденного в последние дни.

Бабка Надя, скорчившаяся на постели и ставшая совсем маленькой, меньше, чем была при жизни.

Участковый — огромный, сильный, смотревший на Сергара с презрением, осуждением, как на предателя и подлеца.

Матвей — здоровенный, как и Сергей — глаза мокрые, в них боль и ярость.

Холеный полковник в своей смешной широкой шляпе, которую здесь назывли «Фуражка».

Веселый постовой, скучный дежурный, разбитые, испытые рожи сокамерников.

Век бы этого всего не видеть! И поесть! Поесть! Ну почему не попросил Сергея дать хоть кусок хлеба?! Он бы понял... Гордость, все гордость! А пора бы отвыкнуть от гордости. Уже не боевой маг, сильный мужчина, которого не взять голыми руками — он низший из низших!

Безногий инвалид, к тому же обвиняемый в убийстве старухи! Куда еще ниже-то?

Задремал. Вернее — впал в состояние близкое к дремоте. Так легче переносить нелегкую жизнь. Например — когда сидишь под дождем в открытом поле, из жратвы только размокший сухарь, а проклятый обоз с мясом и хлебом застрял в грязи возле ближайшей деревни. И командование (чтоб его понос прошиб!) не разрешает покинуть ту лужу, в которой обосновалась ганза!

В прежние времена бы Сергар бы воспринял все павшие на него тяготы как нормальную часть жизни, а теперь... теперь он отвык, расслабился без воинской службы.

Ослаб. Да, ослаб! И не только телом.

Грохот стальной двери, шаги, глуховатый, хриплый голос:

— Во! И урод здесь! Спит спокойно, козлина!

— Ты чего до него докопался, Сеня?

— Чо-чо, бабку замочил он, урод гребаный! Слыхали про бабку Надю? Вот он ее и задушил!

— Да ты чо? Внатури? Вот гад! А откуда знашь?

— Следак сказал. Грит — его Воскобойников притащил, прямо с бабки снял!

— Ни хера себе! Он чо, мохнатый сейф вскрывал?! Чо он на бабку-то полез?! Не — погодь, чо-то не вяжется. У меня сосед покойный на коляске катался, так вот говорил — ничо не работает у этих инвалидов. Ниже пояса вообще ничо не работает. Так что гонишь.

— Чо я гоню?! Ты базар-то фильтруй! Чо услышал от следака, то и говорю! Задушил! На бабке лежал! А чо он там может, чо не может — я те чо, доктор, чо ли?

— Так вот и не гони, раз не знашь. Мож, следак нарошно фуфло прогнал, а ты на ментовские штучки повелся! Чо, внатури, ментам веришь?

— А давай ево и спросим! Делов-то! Эй, ты, урод, просыпайся! Хорошо дрыхнуть!

Сергар почувствоваал удар — кто-то пнул его в колено, да так, что коляска развернулась боком к стене. Открыл глаза, готовый к бою, и в первую секунду не понимая, где находится. Ему снился мертвый город, толпа бродячих трупов, и Сергар не очень удивился, когда перед его лицом возникла рожа, похожая на одного из тех, кто заполняет улицы убитых городов — бледная, с покрасневшими белками глаз, и такая же бессмысленно-тупая.

— Проснулся?! Давай, говори обществу, с какого...ты бабку завалил, уе...к!

Толстогубый хотел сплюнуть, но покосился на одну из лежанок и не решился. Плевать в «хате» — запаadlo.

— Ты чо молчишь, пялишься?! — не унимался парень — Ты чо, в уши долбишься, чо ли, не слышишь?! А может тебя надо научить, што старшим отвечают?! (парень был не старше Олега, но важность момента делала его великим, мудрым, старым)

Сергар молча смотрел на незнакомца, и в голове у него звенело — пусто, гулко, как в медном котле. Не отвечать! Держаться!

— Глянь! Опять спать вздумал! Ты чо, не уважаешь пацанов?! Ах ты урод гребаный!

Парень схватил Сергара за волосы, с размаху хлестнул его рукой по лицу. Широкая ладонь, пахнувшая потом и мочой, скользнула по губам Сергара, выбив из них брызги слюны, попавшей на рубашку «собеседника». Замахнулся еще раз, но...

Вспышка ярости — мгновенная, яркая, утопившая мозг в желании бить, крушить, терзать!

Память не подвела. И пусть рефлексy еще не те, да и руки совсем другие, но эти руки тренированы, сильны (попробуй-ка подтянуться пятьдесят раз подряд!), и пусть даже не такие умелые, как свои руки, руки боевого мага, но...

Короткий, хлесткий удар в кадык! Толчок!

Хрип, бульканье, падение тяжелого тела, скрежет каблучков по каменному полу, и мысль: «Вот теперь мне конец! Что же я наделал?!»

— Гля! Он убил его! Пацаны, он Сеню убил! Ни... себе! Эй, начальник, скорую давай! Скорую! Тут этот большой урод Сеню убил!

Через пять минут вокруг Сергара все завертелось, закружилось — на него снова надели наручники, зачем-то пристегнули к столу, привинченному к полу, стоявшему в комнате для допросов. Сбежалось все начальство — судя по большим фуражкам и звездам на погонах. Хотя Сергар и не особо разбирался в здешних званиях, он уже знал — чем больше звезд, и чем звезды крупнее — тем главнее командир. Заглядывали в комнату, смотрели на инвалида в кресле, как на диковинку, как на раненого, но опасного зверя, сидящего на цепи, но не ставшего менее опасным.

Одним из первых появился участковый Воскобойников — он мрачно смотрел на своего «подопечного», и ничего не говорил — да и что можно было сказать? Когда Сергей подошел ближе, прикрыв дверь, Сергар все-таки не удержался, и негромко, вполголоса, сказал:

— Он первый напал. Ударил меня. Я был вынужден защищаться.

— Сокамерники говорят другое. Мол, он хотел поговорить, наклонился к тебе, а ты его ударил. Ни за что.

— Я тебе сказал, ты услышал. А там — хочешь верь, хочешь — не верь. Сергей, мне поесть надо. Хотя что-нибудь. Баба Надя... — голос Сергара дрогнул, и едва не дал петуха. Справившись с волнением, продолжил — Она напоила меня снадобьем, после которого очень хочется есть. Мое тело сжигает само себя. Если я сдохну, вашему начальству не понравится. Придумай что-нибудь.

— Снадобье, говоришь? — на широком лице Сергея прошла тень недоверия — Ладно. Что-нибудь придумаю. Ты точно не убивал старуху?

— Сергей, не будь идиотом! Зачем мне было ее убивать?! Я испугался, что с ней сделалось плохо, полез проверить пульс, решил попробовать откачать... и тут мне врезали по башке. Все. Больше ничего. Вы же будете делать экспертизу, все будет ясно. Ты вот что скажи — что мне грозит за убийство этого придурка? Он, вообще, кто?

— Баклан — не думая, сказал Сергей — Мелкая шпана, горлопан. Не авторитетный. Что будет? Если драка была — лет пять могут дать. Но у тебя есть отмазка — ты инвалид, и ты защищался. Толкнул его, стукнул, и случайно попал в горло. Ты ему трахею перебил. Если бы вовремя помогли, дали дышать, он бы не сдох. Так бы — помер Максим, да и хрен с ним — но... это убийство! Да еще в самом РОВД! Ты, подозреваемый в убийстве, появляешься в КПЗ и тут же убиваешь соседа по камере! Скандал! В общем — крутить тебя будут по-полной. Я тебе сказал, как ты должен защищаться. Тебе дадут адвоката, но ты его особенно не слушай. Ему на тебя класть с прибором. Адвокаты и за деньги-то не больно работают, а уж бесплатно — ты ему нахрен не нужен. Хорошо, если хотя бы поможет заявление оформить, либо еще какой документ. И держись! Везде люди живут, и в тюрьме тоже. Будь осторожен на словах, и в делах, иначе может быть очень плохо. Жаль, что некому рассказать тебе о законах в тюрьме, я не успею, сейчас следователь должен подойти.

— Я знаю о воровских законах в тюрьме — мрачно ответил Сергар — Дядя Петя рассказывал. Целыми днями об этом болтал. Я запомнил. Зачем ты мне все рассказал? Про адвоката, и про защиту? Ты мне поверил?

— Честно сказать, я с самого начала не верил, что ты убил бабульку. Почему тогда я тебя все-таки привез сюда? Скажу. Тебя можно задержать только на три дня. Экспертизу сделают за один день, может два дня. Не больше. После этого тебя бы отпустили. Если бы я тебя отпустил сразу — начался бы скандал, но это не самое главное. Народ у нас горячий, они хлебнут горилки, и... в общем — прибили бы тебя, и зачем мне это надо? Во-первых, меня бы точно наказали, если бы я отпустил подозреваемого в убийстве. А так — разобрались, и отпустили. Во-вторых, убили бы тебя — тоже повесили бы на меня. Мол, отпустил, не обеспечил, и так далее. Пострадали бы и мужики — их бы за тебя посадили. Так что... тебе лучше пока побыть за решеткой. Спокойнее — и мне, и тебе. И всем. Понял?

— Понял. Пожрать дашь?

— Скоро. Никуда не уходи! — участковый ухмыльнулся, и быстро, бесшумно вышел из допросной, не оглядываясь назад. Сергар же расслабился и застыл, закрыв глаза и стараясь унять дрожь, его почему-то трясло — то ли от холода — в комнате царил промозглый, могильный

холод, то ли от нервного возбуждения. Что было довольно странно — что он, никогда не убивал людей? Это был честный бой — подонок сам напросился, и кто виноват, что у боевого мага сработали рефлексы?

Сергар полтора десятка лет занимался и воинскими упражнениями, и упражнениями для поддержания тела в боевом состоянии — как еще могла отреагировать его сущность на угрозу извне? Только уничтожением этой угрозы, и никак иначе! Боевые годы даром не проходят. Память.

После ухода не прошло и минуты, как в комнате появилась симпатичная девушка в синей форме, которая усиленно напускала на себя важность и значимость. Следовательно строго спрашивала Сергара о том, что произошло в камере, он вяло отвечал, находясь в странном, каком-то отстраненном состоянии. Голос девушки слышался далеко-далеко, как сквозь вату, и зудел, зудел, зудел.

От девушки пахло благовониями — здесь их называли «духами», этот запах смешивался с запахом тюрьмы, дав странную атмосферу, ни на что доселе не похожую. В коридоре гудели голоса, сливаясь в однообразный фон, прерываемый выкриками какого-то мужчины, чего-то требующего, чем-то возмущающегося. Сергара ничего не возмущало. Он ничего не требовал, ничего не хотел, только чтобы его оставили в покое.

Не выдержав, сказал об этом девушке в синей одежде, она замолчала и перестала задавать вопросы. Сергар попросил ее принести попить, но девушка как будто не поняла, и тогда он просто закрыл глаза и свесил голову на грудь, после чего больше не сказал ни слова.

* * *

— Юль, ты не видишь, что ли — он вырубился?! Ты чего тарацишься на него? Скорую давай!

— Вызвала уже. Серега, вот ты приволок всем проблему! Он вообще странный — говорил на непонятном языке! Он что, иностранец?

— Какой иностранец? Хмм... не знаю. Вроде — нет. Я ему пожрать принес. Он говорил — бабка его лечила и дала какое-то снадобье, от которого хочется есть. И что если он не поест — может умереть.

— И чего ты молчал? Сразу надо было скорую вызывать! Вот помрет, кто будет отвечать? Я?

— А кто? Ты приняла, и все, все претензии направляй к начальству. Я свое дело сделал!

— Вот всегда так! Вечно следователи крайние! А вы ни за что не

отвечаете!

* * *

— О! Наконец-то, приехали! Вот сюда!

— Снимите наручники, вы что, с ума сошли?! Мы его забираем.

— Как — забираете?! Он убийца!

— Я не знаю — кто он, карманный вор, насильник, или убийца — если его сейчас не увезти в стационар, он умрет! Пишите тогда отказ и берите ответственность на себя! Я в этом случае не отвечаю за его жизнь! Капитан — дадите бумагу?

— Следователь — вот она решает. Все вопросы к ней.

— А я-то чего?!

— Он на тебе висит, а кто еще-то?!

— Черт! Черт! Сергей — чтобы тебя черти унесли! Тащите в машину, а ты поедешь с ним! И проследишь, чтобы он не сбежал! Я сейчас к начальству, подам рапорт, чтобы обеспечили охрану! Ох, ты и притащил нам засаду!

Глава 5

Снова боль, снова очнувшийся мозг не сразу понимает, где находится его носитель. Белый потолок с рыжими разводами. Стена, окрашенная голубой краской. Резкий запах спиртного раствора, хлорки, еще чего-то неуловимого, химического. Рядом с кроватью — стойка из блестящего металла, на стойке закреплены прозрачные бутылки, перевернутые вверх дном. От одной из бутылок отходит прозрачная трубка, на конце трубки игла, воткнутая в руку, в сгиб, в вену.

Поднял левую руку, осторожно потрогал трубку — удивительно! Прозрачная, как стеклянная, а не ломается! Из бутылки в «отстойник» на трубке капает прозрачная жидкость — в руку? Они что-то заливают ему в кровь?

Потрогал иглу, и тут же отдернул руку — рефлекторно, привычно повинувшись команде:

— Не трогай! Руки убрал!

Повернул голову — у столика в оголовье кровати возится девушка в белом халате. Довольно молодая, почти девочка. Лицо решительное, строгое, но очень симпатичное, милое.

Посмотрела на хлопающего ресницами Сергара, смягчилась:

— Не нужно трогать. Либо сразу занесешь, либо выдернешь иглу, и мне снова втыкать! Зачем лишняя работа? Да и тебе терпеть...

— А что... в бутылки?

— Что ты сказал? На каком языке? — девушка удивленно подняла брови, и Сергар выругался про себя — опять забылся!

— Я спросил — что в бутылки?

— А что за язык такой? — не унималась девушка — В бутылки? Глюкоза, и кое-что еще, поддерживающее. Ты чуть не помер. Говорят, тебя какая-то аферистка-лекарка накачала своими ядовитыми штучками, и ты того... хотел на тот свет. Теперь все нормально, откачаем. Больница же! У нам не помрешь! Не дадим! Так что за язык-то? И чего тебя охраняют? Милиционера поставили! То есть — полицейского!

— Подозревают в убийстве — Сергар мрачно посмотрел на девушку — Вот эту самую лекарку и убил. Говорят — что я убил.

— Да ладно! Какой из тебя убийца? — хихикнула девица — Тебя самого можно мухобойкой прибить! Ты ж колясочник!

— А еще он убил сокамерника! — буркнул ворвавшийся в комнату

участковый Воскобойников — Голой рукой. Наповал! И тебя прибьет — если лезть будешь. Вот что, дорогуша, вали-ка ты отсюда, мне с подозреваемым поговорить надо!

— Вообще-то я тут на работе! — оскорбленно повела носом девушка — Я вообще щас главврачу скажу, и вас самих отсюда выведут! У вас вообще-то удостоверение есть?

— Какое удостоверение, дура? — рыкнул Сергей, делая отвратительно-злое лицо — Ты что, не видишь, что я в форме? При исполнении? Дебильных ментовских сериалов насмотрелась, что ли?! «Разбитых хренарей»? А ну пошла отсюда, пока не привлек за противодействие законным требованиям работника полиции! Кыш, мокрощелка!

Сергей вдруг быстро перегнулся через стул, стоявший у постели Сергара, и звонко хлопнул по тугому задку девчонки. Та взвизгнула от неожиданности и быстро заспешила к двери, с опаской поглядывая на здоровенного полицейского. Уже стоя в дверях, оглянулась и мстительно заявила:

— Вот сейчас позвоню вашему начальству и скажу, как вы меня за задницу хватаете! Вы скорее всего оборотень в погонах, маньяк, и вас надо искоренять!

— Вот прямо сейчас и начинай! Пошла отсюда, сказал! А то я тебя щас сам искореню!

Девушка выскочила, а Сергей уселся на стул, жалобно скрипнувший под его тяжестью:

— Вот и славно. Теперь тишина и покой.

Огляделся по сторонам и удовлетворенно хмыкнув, сказал:

— Глянь-ка, отдельную палату тебе дали! Как вип-персоне! А обычно тут в больничке по десять человек лежат в палате!

— Боятся, что я соседей начну душить? Потому одного положили? — криво ухмыльнулся Сергар.

— Не без того, да! — участковый невозмутимо еще раз огляделся по сторонам и подтянул к себе длинный сверток, с которым вошел в палату — Вот! Костыли, как ты просил. Петька прислал. Мать твоя в порядке, плачет, само собой. Просилась сюда — я не позволил. Все равно не пустят, только зря проездит. Нужно разрешение следователя на посещение. Разрешение не дадут, пока дело не направят в суд. Адвоката тебе уже назначили, скоро притащится. Кого — не знаю, да и разницы никакой нет — я тебе уже говорил.

— Экспертизу сделали?

— Сделали... — отвел глаза участковый, потом вздохнул и поджал губы — От старости померла. Просто остановилось сердце. Устала видать. Всем свой срок на роду написан. Вот и ей пришел. Если бы ты не замочил того баклана, в камере — сейчас уже был бы дома.

Участковый помолчал, потер запястья рук, сцепил их в замок.

— Вот что хочу тебе сказать... частично я виноват, что ты оказался под статьей- не привез бы тебя, баклан бы не докопался, ты бы его не грохнул. Потому — чем смогу помочь — я помогу. Чтоб по-честному. Вот сумка, мать тебе еды собрала. Костыли, как просил — я привез. И еще — совет тебе — даже если ты уже можешь ходить, на суд катись в коляске. Тогда или меньше дадут, или вообще на условный вытянешь. Хотя... вряд ли. Все-таки убийство, есть убийство. Старайся пробыть здесь, в больнице, как можно дольше — тут и кормежка получше, и лекарства есть. Переведут в тюремную больничку, в область — там не забалуешь. Та же тюрьма, только... в общем — ясно. Но на всякий случай костыли тебе оставляю. Почему-то мне кажется, что ты не захочешь все время кататься в тележке. Нет? Я так и думал. Ну что же, смотри сам. Тебе жить. Я со следователем поговорю, она девка хорошая, о свиданке с матерью договорюсь. Попозже. Что-то еще принести?

— Книг каких-нибудь — подумав, попросил Сергар — газет всяких, можно старых. Я ничего не помню, ничего не знаю о мире...

— Кстати — вот еще способ отвертеться! — воодушевился Сергей — Коси на сумасшедшего! Полежишь в дурдоме пару месяцев, потом выпустят! Правда нельзя будет машину водить, ружье иметь, травмат купить — зато не будешь сидеть! Не хочешь? Ну — твое дело. А то ведь запросто. Потеря памяти, то, се... подумай.

— Вот он пришел, командует тут! — в палату ворвалась давешняя девица, глаза которой метали молнии — Меня прогнал, рукоприкладствует!

— Вы что себе позволяете, капитан?! — высокий мужчина в белом халате на строгий костюм нахмурясь посмотрел на участкового — Вам кто разрешил находиться в палате, да еще и без халата?! Вон отсюда!

Посмотрел на Сергара:

— Он что, бил вас? Не стесняйтесь, скажите, больной! Не бойтесь, он вас не тронет!

— Нет, не бил — отрицательно помотал головой Сергар, и чуть улыбнулся, видя, как стушевался могучий Воскобойников — Просто навестил.

— Навестил — и вон отсюда! — приказал незнакомец — Я главврач больницы, и я не разрешаю разговаривать с больным, едва вышедшим из

комы! Вы что, загубить его хотите?! Уходите отсюда, иначе я сейчас позвоню начальнику УВД, и вы вылетите с работы, как пробка!

— Ухожу уже, ухожу! — буркнул Сергей, подмигнул Сергару левым глазом — Чего так разорались-то?

— Еще и не так разорусь! Сейчас еще и жалобу на вас подам! — галвврач ткнул пальцем в сержанта, выглядывающего из-за медсестры — Вам же сказали — никого не пускать?! Зачем вы пустили капитана?!

— Да как я не пущу старшего по званию?! — сержант сделал страдальческое лицо — Да и знаю я его! Не чужой! Мне было велено не пускать никого из гражданских, а за ментов ничего не говорили! Так что зря вы на меня кричите!

— Я еще разберусь с вашим начальством по поводу вашего поведения! — грозно пообещал седовласый, и ушел быстрым шагом, разметывая в стороны полы халата. В комнате остались только Сергар, и девушка, довольно улыбавшаяся так, будто сделала хорошее, доброе дело и ждет теперь похвалы.

— Вот хам! Эти менты такие хамы! У меня брат немного выпил, проехал до магазина, так они права отняли! А он трезвый был! Сволочи! Бездельники! Ненавижу ментов!

— А за что? — неожиданно спросил Сергар, глядя на то, как капли из бутылки мерно падают вниз, будто роса с ветки после дождя.

— Ну... все ментов ненавидят! — неуверенно протянула девушка — Они людей бьют, обижают! Деньги вымогают!

— Все вымогают? — серьезно спросил Сергар, вдруг обнаружив, что линия бедер девушки выглядит очень соблазнительно, а ее тонкие, стройные лодыжки вполне соответствуют его представлениям о красоте.

— Ну... наверно не все, но у нас в городе — точно все! — вдохновилась девушка, поправляя бутылку и трогая маленький краник на трубке — Так и смотрят, кого бы сцапать!

— А если тебя обворуют, ограбят, куда пойдешь? — равнодушно спросил Сергара, снова окидывая взглядом бедра девушки и вдруг чувствуя, как кровь приливает у него куда надо...

— В полицию пойду... — нерешительно ответила девица, и тут же усмехнулась — Ну да, поняла, куда ты клонишь. Хоть и сволочи, а идти-то больше некуда. К ним и пойду. Там тоже есть приличные парни. У меня подружка, Ритка, за мента замуж вышла. Ничо так парень, я сама бы не отказалась с ним закрутить! Живут, чо, вполне так нормально! Дите скоро будет!

— А ты не замужем? — вдруг спросил Сергар, чувствуя, как румянец

тронул щеки.

Девушка смущенно хихикнула, потом ткнула в сторону коляски и улыбаясь покачала головой — Ты же колясочник, зачем тебе? Неужто ухаживать задумал? Ой! Прости... я не хотела обидеть. Просто колясочники не могут ничего! Ну... это... с женщинами! Ты не обижайся, ты красивый парень, но... Эй, это еще чего такое? Мдааа...

Девушка посмотрела на простыню, покрывающую Сергара, и прежде чем тот успел что-то сказать или сделать, пощупала бугорок, образовавшийся на простыне. Удивленно посмотрела на Сергара, еще раз пощупала, покачала головой и спросила, насмешливо скривив губы:

— Ты чо, симулянт, что ли?! У колясочников не стоит! А у тебя — как кол!

Вскочила, схватила за бутыл на стойке:

— Ой! Чуть не проморгала! Ты следи давай, говори, когда бутыл заканчивается, а т засосет воздух — помрешь! Щас я тебе бутылку переставлю, мы еще поговорим. Все равно пока делать нечего, все на обед разбежались. Да и... неохота из-под старых пердунов утки выносить, я лучше с тобой побуду, ладно? У нас нянечек нет, все сами делаем. Задолбали уже — то сделай, се сделай...

— Ладно. Сиди — усмехнулся Сергар, и подумал о том, что во всех мирах найдутся те, кто отлынивает от работы. Особенно, если это молоденькие девицы, мечтающие о хороших женихах.

Девушка сменила пустую бутылку на полную, села рядом с кроватью на табурете и снова уставилась в лицо Сергара. А он стал смотреть на нее, внимательно разглядывая простодушную и весьма симпатичную девичью мордочку, слегка тронутую веснушками. Девушка была невысокой, можно даже сказать маленькая, но очень ладная, с фигуркой, обтянутой приталенным халатом.

— Ну вот! Продолжаем разговор! — хихикнула медсестричка, и взгляд ее метнулся к уже поуникшему бугорку под простыней — Так ты чего, правда симулируешь? И это... мент сказал, что ты кого-то там убил — тоже правда?

— Я не симулирую. И правда убил — дернул плечом Сергар — Я и не ходил. Разбился на мотоцикле, вот и не ходил. Меня лекарка, бабка Надя вылечила. Теперь начну ходить. Надеюсь, что начну! — поправился он — А что касается убийства — ну да, какой-то там баклан меня ударил, я в ответ, ну и попал ему по горлу. А он возьми, и помри. Вот и все.

— Бывает! — сочувственно вздохнула девушка — У нас сосед, Витька Колесов, подрался возле магазина, стукнул раза — а парень возьми и ударься

башкой о бордюр. Ну, Витьку и закрыли. Он боксер был, обвинили, что применил специальные навыки! Пять лет дали, как копеечку! А ты не применял специальные приемы? Не занимался боксом?

— Боксом? Нет, не занимался.

— Даже если занимался — на суде молчи! Витька бы не ляпнул про бокс — так бы и проскочил! А ходить ты будешь, я знаю! Раз член стоит — точно будешь! Нам на курсах медсестер говорили. Вот если бы не стоял — тогда да. Хмм... палата у тебя удобная. Никого соседей нет!

Медсестра загадочно усмехнулась, хотела что-то сказать, но не успела — дверь открылась и вошла давешняя следовательница, та, что вела допрос в УВД. С ней был сержант, сидевший на табурете за дверью. Увидев следователя, медсестра отошла в сторону и села на табурет у окна, раскладывая что-то на эмалированном подносе, стоявшем на подоконнике. Она всем своим видом показывала, что ей все равно, что делается в палате, и не смотря ни на что, будет героически исполнять свои обязанности. Исполнять обязанности ей не пришлось, потому что молодая следовательша решительно выгнала девицу из палаты таким тоном, что едва не замерзла жидкость в бутылках. Как ни странно, медсестра не решилась перечить грозной полицейской, хотя там была ненамного старше ее самой.

Следующий час Сергар отвечал на вопросы следователя, дотошно выпрашивавшей все подробности драки. Допрос прервался только один раз, когда нужно было вытащить иглу из вены — закончилась жидкость в бутылки.

Когда допрос окончился, Сергару было предложено прочитать написанное, но он отказался и просто поставил какую-то закорючку внизу каждого из листов. Подумал — да что она может написать такого, что так уж изменит ситуацию? Какая разница, что написано? Что будет, то и будет. Плевать.

После ухода следователя остался в палате один, так что можно было спокойно, без помех полежать, а лучше — посидеть. А заодно проверить сумку, которую принес ему участковый.

В пакете были пирожки, пахнувшие невероятно вкусно. И странно — Сергар вроде бы и хотел есть, но ел будто насильно, запах пирожков с мясом будоражил, но не так, как следовало ожидать после голодной комы.

Подумав, понял — бутылки! Из бутылок что-то вливали. То, что перебивало аппетит. Можно было предположить, что его фактически питали изнутри, вливая сразу в кровь. И медсестра что-то об этом говорила...

Почти насильно запихнув в себя три пирожка, сложил остальную еду в сумку (кусок мяса, помидоры, огурцы, вареные яйца) и отложил ее к тумбочке, стоявшей у изголовья (холодильника в палате почему-то не было). Развернул сверток с костылями, удовлетворенно кивнул — они! Поставил поближе к кровати, расставил ноги чуть шире плеч, перенес вес на костыли... ррраз! Встал, пошатываясь, но с наслаждением ощущая ступни, к которым прилила кровь.

Ноги работали! Работали! Славься бабка Надя!

Сделал несколько неуверенных шажков, застыл, борясь с головокружением, и снова пошел вперед, дойдя до стены, у которой стоял платяной шкаф. Развернулся, чтобы пойти к кровати, зацепился за табурет, на котором недавно сидела медсестра, и с грохотом рухнул на пол — костыли полетели в сторону, один из них с силой ударился в стену, да так, что брызнули белые осколки от электрической розетки. Голова Сергара оказалась как раз у блестящих внутренностей, ранее скрытых за белой крышкой, и «ходок» замер, боясь коснуться опасного предмета.

Его уже однажды било током — когда в квартире Марии Федоровны пытался включить электрочайник и взялся рукой за оголенные штыри вилки. Тряхнуло так ощутимо, что он отлетел от розетки едва ли не на метр, и запомнил «славное» ощущение проходящего сквозь тело электрического тока на веки вечные.

Мария Федоровна тогда перепугалась, побелела, и долго рассказывала «сыну» об электричестве, и о том, как оно может быть опасно. Сергар все это хорошо запомнил... «стимул» запомнить был очень велик.

Сейчас же он вспомнил не о том, что рассказывала Мария Федоровна, а про то, что ему говорила бабка Надя — как она заново обрела умение магичить.

В дверь никто не вошел, никто не поинтересовался, что это тут грохнуло, так что можно было спокойно делать то, что он вдруг сейчас, сиюминутно решил сделать. Если увезут в тюрьму (не если, а увезут, точно!) — там он точно не сможет. Только здесь, и только сейчас!

Еще раз с опаской посмотрел на дверь, задумался — как сделать действие тока сильнее? Со слов Марии Федоровны, опаснее всего, когда ты в луже, мокрый. Когда касаешься провода мокрой рукой.

Насколько Сергар помнил, судя по словам бабки Нади, ее ударил ток на 380 вольт, а в сети, уже со слов Марии Федоровны — 220. Это, само собой, меньше 380, и что это значит? Значит, чтобы усилить действие, нужно быть мокрым! Если ударить палкой легонько — эффект будет одним. Если сильно, большой палкой — совсем другое дело! Значит нужно

усилить действие тока. Логично? Логично!

Сергар подобрал костыли и медленно потащился туда, где капала вода — к маленькой двери, за которой находилось то, что ему нужно — туалет!

Ванны тут нет — увы. Он надеялся, что та будет в туалете, но... хотя бы есть раковина с краном, и то спасибо!

Нужно было действовать быстрее, пока кто-нибудь не пришел, и Сергар открыл кран, пустив струю воды. Затем сел на унитаз, дотянулся до струи, бьющей в блестящее пятно в углублении раковины и начал горстями набрасывать на себя холодную, пахнущую хлоркой жидкость.

Здесь все пахло хлоркой! Все! Сергар некоторое время после своего появления в этом мире едва заставлял себя пить воду, от которой несло отвратительным сладким хлорным духом. Потом привык, но и сейчас еще никак не мог взять в разумение — зачем так уродовать воду? Неужели она настолько заразна, что ее надо убить мерзкой вонючей жидкостью?

Холодная вода текла по спине, пропитывая больничную одежду, которую надели на Сергара во время беспамятства, стекала на пол, пропитывала штанины, которые сделались тяжелыми, неприятными, ледяными. Зубы тут же заклацали, будто тогда, под проливным дождем на плато Мориси, когда их оставили без обоза, без жратвы под открытым небом, под секущими струями ливня. Всю ночь они сидели сгрудившись кучками, и ждали утра, солнца, мечтая лишь об одном — чтобы все это поскорее закончилось, пусть в бой, пусть они даже сдохнут, но только не этот мерзкий, принизывающий ледяной дождь!

Сейчас Сергара дошел до той же точки — что угодно, лучше сдохнуть, чем так жить! Инвалидом, лишенным магии...

Оперся на костыли, поднялся с крышки унитаза, и оставляя за собой мокрую дорожку пошлепал в комнату. Прислушался к тому, что происходило в коридоре — тишина, больница будто вымерла. Из больничной кухни доносился запах пригоревшей каши, и Сергар невольно сглотнул слюну — неплохо было бы поесть! Но это уже потом. Сейчас есть нельзя — как перед боем, когда тебе в живот могут вонзиться две пяти доброй zelанской стали. Лучше быть налегке.

Впрочем — какое там налегке, когда только что сожрал три пирожка, и они еще не успели перевариться?! Или успели? Наверное — да, иначе почему опять захотелось есть? Значит, бабкино снадобье до сих пор работало, подгоняло процессы в организме.

Опустился на пол рядом с розеткой, оперся спиной на непонятную конструкцию, прикрепленную внизу, у подоконника. Похоже, это была система обогрева помещения — судя по тем фильмам, что видел по

телевизору. Батареи отопления, так их вроде называли. Только здесь они были не такие как в квартире Марии Федоровны, а плоские, тонкие, покрашенные краской кремового цвета. Впрочем — его это не особенно интересовало. Так, отметил для себя, и все. Вот, мол, наверное, батареи. Вот они — какие-то странные, непонятные. Ну и все. Лишние знания. Мусор.

Протянув руку к розетке, долго не решался коснуться блестящих контактов — помнил, как врезало в прошлый раз. Сидел минуты две, клацая зубами от холода, пока вдруг не обозлился на себя, такого убогого, нерешительного, такого болвана, не способного ни к чему — даже к тому, чтобы убить себя! Или подняться над собой нынешним... То, что он может погибнуть от удара током, Мария Федоровна ему говорила, но Сергару в это почему-то не особенно верилось. Он не мог себе представить гибели от какого-то невидимого «тока». Вот от меча — это понятно. От стрелы — да. От удара копьем. От прилетевшего огневика. Но от неведомого «тока»?!

Выругавшись, цапнул за розетку, решив для себя не отпускать ее как можно дольше и приготовившись к боли!

Того, что произошло потом, Сергар не ожидал — такой боли, такого удара, парализовавшего дыхательные мышцы и само сердце! Сергара выгнуло дугой, начало бить судорогами, рука его, зажавшая контакты вцепилась в них так, что сейчас смертельный захват с трудом разжал бы и могучий участковый, появившись он в тот момент в комнате. Другая рука Сергара схватилась за батарею отопления, вцепилась в нее так, что едва не погнула краешек алюминиевой пластины.

Выручило Сергара то, что розетка была в общем-то хрупким сооружением, сделанным из дрянной пластмассы, не рассчитанной на то, чтобы кто-то, способный подтянуться пятьдесят раз подряд, вцепился в ее, со всей силой тренированных занятиями и ездой на коляске пальцев.

Он раздавил розетку, как орех. Зажатые в ладони, соединенные вместе провода устроили короткое замыкание, оно выбило предохранители, линия обесточилась.

Сергар упал на пол, бездыханный, с остановившимся сердцем.

Тут бы ему и конец, но боги, которые еще не доиграли свою игру, послали на спасение бестолкового боевого мага своего агента, вернее — агентшу, которую в больнице знали под именами Маша, Машка, Машенька, а на улице Рокоссовского, дом пять — как «Машка, Витькина сеструха, в натуре не трогай, а то огребешь проблем! Он сцука внатури авторитетный пацан! Щас сидит!»

Когда Маша всплыла в палату, распространяя вокруг себя ауру

доступной сексуальности, Сергар как раз только что завершил акт самоубийства, и теперь лишь слегка подергивался, пованивая подгоревшей кожей. Он успокоился на полу, глядя в потолок остановившимися голубыми глазами, которые прошлый раз Машеньке так понравились (Хороший парень! Симпатичный такой! И хозяйство у него рабочее... после Мишки я уже два месяца ни с кем не была! Эдак и мхом зарастет!)

К чести Маши, она мгновенно отреагировала на полученную ее мозгом информацию, не стала терять время на охи, ахи, глупые вопросы, причитания и слезы — завопив, как карета скорой помощи, бросилась к ординаторской, и через пару минут в палате Сергара уже стоял дефибриллятор, а реаниматолог, на беду свою вернувшийся из туалета, куда ходил покурить, держал в руках два «утюга», стоя на коленях перед лежащим на полу «покойником». Пациента вытащили из лужи, уложили на сухое место, сбросив с него мокрую пижаму, и готовились врезать по сердцу высоковольтным разрядом — не чета по мощности тому, что он получил из бытовой розетки.

Бах!

Тело Сергара дернулось, но сердце не заработало.

Жжжжж... — набрал заряд дефибриллятор.

Бах!

Никакого эффекта.

— Красивый парень! — тихо буркнула под нос одна из молодых докториц, с жалостью глядя на «Олега» — Мог бы жить.

Бах!

Бах!

Время шло.

Четыре минуты. Пять. Шесть.

Бах!

— Все, хорош... — реаниматолог устало поднялся с колен — Готов. Время уже. И нахрена же он взялся за розетку? Да еще и мокрый? Кто его облил водой?

— Как хорош?! Почему хорош?! Давай, реанимируй... твою мать! — Маша возмущенно фыркнула, и потрясла кулаком — Вась, ты чо, охренел?! Работай!

— Да умер он! — устало бросил молодой врач, невольно заглядывая в разрез халата медсестры. Сиськи у той были знатные, да!

— Чо ты сиськи мои разглядываешь?! Реанимируй, кобель ты эдакий! Тьфу!

Маша плюхнулась на колени рядом с Сергаром, и вдруг со всей силы

врезала ему сложенными вместе кулаками прямо по груди — раз, другой! Звук был таким, будто кто-то ударил палкой по туше свиньи. Врач-терапевт, которая стояла рядом, даже поежилась, представив, какой синячина был бы, если бы ей врезали таким вот манером.

— Да бесполезно, чего время тратишь! — в сердцах сплюнул реаниматолог — Беги за каталкой. В морг надо. Все, сержант, кончился ваш арестованный. Теперь не погоняешь чай с медсестрами! И вообще — это вы проследили, допустили, чтобы он покончил с собой! (Мстительно) Теперь тебя накажут, да?

Реаниматолог был очень недоволен присутствием сержанта у дверей палаты. Ладно бы у дверей! Тот в общем-то и не сидел перед дверями (на кой хрен охранять безногого, куда он денется?! Начальство вечно дурит!), а вечно бегал в сестринскую и охмурял медсестричек. А всем известно — трах медсестер это неотъемлемое, законное право врача! А не какого-то там сраного мента! Пусть шлюх в притонах трахает, а тут не его курятник! Здесь есть свои петухи!

— Яааа?! Да это вы его проморгали! — возмутился сержант, ровные усики которого едва не встопорщились от возмущения. Сейчас он был похож на разъяренного кота — Может это вообще вы его убили! Кто знает, чего вы с ним делали?! Может подсыпали чего? Врачебная ошибка! Врачи-убийцы! Вы еще ответите!

— Тихо! — вдруг рявкнула Маша так, что стоявшая рядом терапевт вздрогнула, и едва не выругалась матом — Дышит! Он дышит! Вот вы болваны — не смогли его реанимировать! А я смогла! Вот за что вам вообще деньги платят, а?! Бестолковые!

— Ты это... говори, да не заговаривайся! — неуверенно бросил реаниматолог, хватая руку «покойника», чтобы прослушать пульс и убедиться, что очередной покойник так и не состоялся.

Впрочем — в этом уже не было нужды. Несостоявшийся мертвец открыл глаза и что-то сказал на непонятном языке. Заметив же, что лежит практически голым на полу, и вокруг стоит толпа народа, явственно выразился:

— ...вашу мать! Это что за херь?! Холодно! Дайте что-нибудь сухое!

— Ты чего, самоубийством решил с собой покончить? — прозорливо догадался сержант, и тут же наткнулся на неприязненный взгляд узника и еще более неприятные слова:

— Идиот! Упал я, не видишь, еле хожу! Упал, и случайно схватился за розетку! Дайте же сухую одежду, гады!

Через десять минут Сергар уже сидел на кровати, закутанный в одеяло

и пил сладкий чай из здоровенной кружки. Рядом сидела Маша — она просто-таки влюбилась в спасенного ей парня. Не потому, что он был особым красавцем — хотя и да, симпатичный (хромой... а так бы...), не потому, что ее вдруг пронзила стрела Купидона. Этот спасенный ей больной был живым укором всему врачебному персоналу, бестолковому, зазря получающему свои длинные рубли, а работающему меньше любой медсестры! (Извечный плач и стон младшего медицинского персонала). Что бы они делали без медсестер, полоумные, самодовольные придурки?!

Маша сидела рядом с Сергаром, и ей очень нравилось изображать из себя мать Терезу, демонстративно не глядя в сторону заглядывающих в палату товаров и злодеев-врачей, не сумевших по своей глупости спасти парня. А она спасла! Она, Маша, а не вся толпа умственно отсталых, именующих себя врачами!

— Это я тебя спасла! — торжествующе рассказывала Маша, поглаживая Сергара по плечу — Они тебя дефибриллятором — бах! — а никак! Ты только дергаешься! И сердце не запускается! А я вспомнила, как на занятиях говорили — кааак! — врезала тебе кулаками по груди! Сердце-то и запустилось! Вот! Тебя как звать?

— Се... Олег! — слегка обескураженный напором девицы Сергар едва не назвал настоящее имя, и тут поморщился: болела грудь, болела голова, болело все тело. И вообще все у него болело — душа тоже. Он оказался таким идиотом, что чуть не лишился жизни просто не за медяк! Непростительно, глупо, просто тупо!

— Олег... Олег — Маша покатила имя на языке, и оно ей понравилось. Олегов у нее еще не было — А я Маша! Машенька! Олег, а ты точно не хотел с собой покончить?

— Точно. Не хотел — Сергар вздохнул, и уткнулся в кружку. Потянулся за печенькой, принесенной сердобольными медсестрами, одеяло спало у него с плеча, и Маша заботливо поправила, вернув на место и подоткнув на груди:

— Грейся, грейся! Это хорошо, что не хотел. Я самоубийц не люблю. Сумасшедшие! А я с сумасшедшими дела не имею. Ну их, к черту! Еще в горло вцепится! Ты не вцепишься мне в горло? Зубами, например? Как вампир?

— Вампир? — не понял Сергар, потом вспомнил — Нет. Если так... слегка только прикушу. Любя! Ты любишь, когда тебя целуют в шею?

— Эээ... люблю — смутилась Маша — Только у меня щекотно делается по спине. Мурашки бегут! А ты женатый?

— Нет — слегка растерялся «Олег» — А чего спрашиваешь?

— Нууу... так. Для разговора! — улыбнулась девушка, и вздохнула так, что верхняя пуговица халата едва не отлетела, но все-таки удержалась на месте. Что, впрочем, не помешало Сергару заглянуть в вырез халата и кофточки, чтобы полюбоваться гладкими, безупречными полушариями, от вида которых у Сергара сильнее побежала кровь в жилах.

Маша прекрасно знала силу своего «оружия», потому чуть улыбнулась, потянулась, как кошка, и встав с кровати, сказала:

— Вечером к тебе еще зайду. После ужина. Поболтаем! Расскажешь мне, что за язык, на котором ты все время хочешь говорить, а еще... ну... найдем о чем говорить. Вечером все разбегутся, в отделении не будет никого, так что поговорим. Скучно, телек неохота смотреть — все одно и то же. Ерунда какая-то. Одни новости, да брехливые сериалы. Я лучше с тобой посижу. Ты не против? И вот еще что — хочешь сходить в душ?

— Душ? Нуу. да, конечно.

— Тогда щас скажу твоему вертухаю, чтобы не возбухал! Мол, тебе обязательно надо в душ, для гигиены, а то помрешь. Мыло вон там есть, полотенце, пижама у тебя чистая. Тебя проводить? Дойдешь?

— Дойду — ответил Сергар, и шумно отхлебнул из кружки

* * *

Сергар лежал, чувствуя себя почти счастливым. Впервые за последние сутки он был чист, сыт, лежал в чистой мягкой постели, и главное — ноги его теперь были почти как новенькие! Если только забыть про их нежелание бегать и прыгать. Впрочем — как и ходить быстрее, чем двигается улитка (До душа, что в конце коридора, «полз» минут пять. И там, в душе, едва не свалился...) Но все это дело наживное — мышцы нарастит, не проблема. Одно только его мучило, одна мысль не давала покоя — получилось, или нет? Магия — вернулась?

Казалось — возьми, да попробуй! Дел-то! Войди в транс, коснись океана Силы, напитайся магической энергией, и...

А если нет? А если не получилось: Если все было напрасно?! Тогда как?

Подумал, и рассердился — ну какого демона?! То есть — «черта»! Надо привыкать даже думать по-здешнему, чтобы больше не было таких казусов, как сегодня, когда после пробуждения начал говорить на кайларском. Нет — только русский язык, и все тут!

Потянув время, сколько мог, Сергар закрыл глаза и сосредоточился на

своих ощущениях, вернее — на том, как он ощущает этот мир. Нужно было протянуть невидимый канал к Силе, но так, чтобы если энергия бросится в тело, не она выжгла бы его дотла, не выплеснулась наружу, будто масло из масляного фонаря.

В транс войти было трудно — все отвлекало, все было каким-то не таким — и запахи, и звуки — даже капель из пропускающего воду крана отвлекала так, что невозможно сосредоточиться

Опять ругнул себя. Когда-то его ничто не могло отвлечь — ни ледяной дождь, ни храп товарищей! Даже пролетающие над головой огневики — и те не могли отвлечь от трансa во время набора энергии! Просто — опять тянет время, боится!

Скрипнул зубами, и заставил себя работать как надо. Через несколько секунд уже плавал в черном Ничто, в котором ему нужно было протянуть канал к энергии Мироздания.

То, что его не выкинуло из Великого Ничто тут же, после входа — уже обнадежило. Раньше он мог войти лишь ненадолго, всего на пару секунд, и его сразу выбрасывало в реальность. Теперь же он повис в этом «вакууме», как шарик, светящийся в темноте ночи, как магический фонарь, прицепленный на плечо колдуна.

Поплыл вперед — все быстрее, быстрее... туда, где как ему думалось, Сергар увидел зарево далекого океана Силы. Дальше, дальше, быстрее, быстрее, еще быстрее! Вокруг Сергара вдруг появились звезды — незнакомые созвездия, которые по мере движения размазывались в светящиеся полосы. Ему казалось, что прошли часы, долгие, долгие часы, но на самом деле — прошла лишь доля секунды с начала путешествия в Ничто. И Сергар это хорошо знал. Учили, чего уж там. Хорошо учили. Вдолбили в голову знания по магии! В Ничто нет пространства, нет времени. Что есть? Никто не знает. Как не знают, что такое Сила, и почему одним дано с ней управляться, другим — нет.

Океан Силы возник внезапно, вот только что все было темно, мерцание звезд на бархатно-черном фоне, и вдруг — вот он! Переливающийся всеми цветами радуги, прекрасный, желанный, и... такой недостижимый!

Недостижимый потому, что дорогу к нему преграждала невидимая стена. Ощущение было таким, как если бы Океан Силы налили в гигантскую ванну, и вот там он бушевал, гонял огромные волны, вздетые до самых небес, пытался пробить стену, но... бесполезно. Он не мог достать до Сергара, и Сергар не мог добраться до него. И не было никакой возможности припасть к морю Силы, черпнуть хотя бы одну ложку Силы,

такой желанной, такой сладкой!

До своего перемещения в новый мир Сергар буквально купался в этом море энергии, плавал в нем, будто рыба. Теперь — он будто человек, который стоит возле стеклянного сосуда, умирает от жажды, но не может хлебнуть ни глотка! Нет отверстия, нет крана, который можно открыть чтобы напиться вдоволь!

Будто повинуюсь мыслям Сергара, Ничто куда-то исчезло, а сам океан оказался заключен в небольшой, круглый сосуд, аквариум — маг видел такой по телевизору. В них люди держали рыбешек — маленьких, цветастых, очень красивых. В этом аквариуме не было рыбешек, не было водорослей — ничего, кроме светящейся субстанции, именуемой Силой.

Сергару не казалось странно, что весь Океан уместился в маленький аквариум-шар, в котором безумный мастер не оставил ни одной дырки — в Великом Ничто бывает и не такое, здесь переворачиваются с ног на голову все представления о мире, о пространстве, о времени! Бывает так, что войдя в Ничто ты думаешь, что пробыл там час, или два, а на самом деле — меньше секунды. Но случалось и такее, что люди, застрявшие в Ничто, не ощущали времени и думали, что прошла всего секунда, на самом же деле, их тело уже умирало от жажды в реальном пространстве. Потому, первое, чему учили магов — контроль на своим сознанием. Не Сила должна дозвлеть над человеком, а человек над Силой!

Сосуд с энергией стоял на простом белом столике, посреди комнаты, ужасно похожей на палату, в которой сейчас лежал Сергар. Окрашенные краской стены, вытертый пол с задравшимся линолеумом. Ни кровати, ни шкафа, ни двери в туалет — просто комната, столик и сосуд.

Взяв в руки «аквариум», Сергар вдруг метнул его в стену, да так, что обвалилась штукатурка, и комната наполнилась известковой пылью, повисшей над полом и не собиравшейся падать вниз.

Сергар щелкнул пальцами — пыль исчезла.

Усмехнулся — все, что происходит в Ничто — плод его разума, отголоски увиденного в реальной жизни. Сон. И подготовленный человек, колдун, может им управлять.

Вот только на «аквариум» это не действует. Сосуд — не часть Ничто. Он — само Ничто! Его часть! Его плод!

Щелчком пальцев создал здоровенный боевой молот, размахнулся, крикнув от натуги, и врезал по «аквариуму» так, что зазвенело в ушах. Молот подскочил, едва не ударил в лоб неудачливому вскрывателю аквариумов, и Сергар с руганью отбросил его назад. Бесполезно! Надо что-то помощнее!

И тогда у него руках появился автомат — такой, какой он видел по телевизору. Эти автоматы прошивали насквозь любой автомобиль — если верить киносериалам — но на проклятую «стекляшку» не действовали совсем никак — пули отражались от прозрачной поверхности пульсирующего светом шара и разлетались в стороны, угрожая убить самого Сергара!

Пулемет. Бесполезно. Стены в щербинах от рикошетивших пуль.

Гранатомет — такой, каким он его представлял и видел на экране. Чуть не оглох, и едва отдышался. Хорошо хоть представил, что находится в невидимой броне! Иначе бы посеколо осколками.

Потом вдруг здоровенная гирия на тросе, а Сергар оказался в кабине огромного механизма. Впрочем — сидя на табурете, таком, как стоял в палате. И палата стала огромной, как стадион.

Гирия расплющилась об «аквариум», трос оборвался, экскаватор исчез. Все бестолку!

Сергар замер в тоске и недоумении — что делать?

И вдруг в голову ему пришла смешная мысль. А вдруг?! Почему бы и нет?

Он поднял «аквариум», водрузил его на стол — такой, какой стоял у Марии Федоровны в зале. Отошел назад, и...

Мышка была совсем не маленькой. Здоровенная мышатина величиной с автомобиль. Хвост — больше похожий на бревно, покрытый жесткой шерстью, сквозь шерсть плоть просвечивает розовым. Гигантские острые резцы в огромной пасти — будто улыбается, предвкушая, как будет грызть тапок. Воплощенный кошмар домохозяйек!

Мышь плотоядно ощерила зубы на Сергара, клацнула ими, почему-то ухмыльнулась, сделавшись похожей на дядю Петю, и как кнутом хлестнула хвостом по «аквариуму». Сосуд упал, и... от него откололся маленький кусочек! Совсем, совсем маленький! Но откололся!

Из дырочки тонкой струйкой, будто светящийся дым, полилась Сила, рассеиваясь в пространстве.

Сергар бросился к «аквариуму», поднял его, припал к пробитой дырочке, и едва не повизгивая от наслаждения, стал вливать Силу в рот, глотая, захлебываясь, наслаждаясь каждым живительным глотком, доставшимся его измученной магическим голодом сущности.

Наконец, невидимые «емкости» в теле мага были наполнены и Сергар с облегчением опустил «аквариум», который тут же начал расти, снова превращаясь в громадный барьер, перегородивший Великое Ничто.

Но в этом барьере теперь была дырка. Дырочка — маленькая,

крохотная, в которую и таракан едва пролезет — но она была. И теперь Сергар мог считать себя настоящим магом. Теперь он в любой момент мог напиться Силы — с трудом, не так, как раньше, но мог.

Все эти иллюзии, как он прекрасно понимал, были лишь иллюзиями, которые выдавал человеку мозг, стараясь облечь непонятные ощущения в виденные ранее картинки. На самом деле, никто не знал, как выглядит Сила, как выглядит Великое Ничто — каждый видел их так, как... видел. Это знает любой маг, даже самый завалыщенький, неумелый, начинающий свою карьеру колдуна. И Сергар, магические способности которого уменьшились против прежнего в несколько раз. А может и в несколько десятков раз...

Впрочем — он не отчаивался. Есть в плотине дыра, а там, где есть дыра, вода все равно сделает промоину больше. Проточит.

Время, только время поможет. А времени у Сергара достаточно.

Он открыл глаза. Солнце уже заходило за многоэтажные дома, стоявшие вокруг больницы, и в палату вползли тени. Сергар щелкнул пальцами, и над его изголовьем загорелся яркий, маленький фонарик — магический шар-светильник, размером с ноготь мизинца. Когда-то Сергар мог создать магический шар размером с человеческую голову. Он был сильным магом, что ни говори. Не таким, как сейчас. Но и то, чего удалось добиться, было просто великолепно! Теперь может колдовать! Врачевать, зажигать огонь, и делать еще много, много полезных вещей, которые пригодятся в новом мире!

Или не пригодятся. Зачем магический фонарь, когда можно зажечь лампу? Зачем огневик, когда можно выстрелить из ружья? Или автомата. Или пушки.

Плевать. Он теперь снова маг и все будет замечательно! Сергар счастливо улыбнулся, и провалился в сон — без сновидений, без боли и волнений. Он очень устал. Путешествие в Ничто — это вам не по парку прогуляться.

И ему было хорошо — впервые за долгие дни и месяцы.

* * *

— Ты спишь? Олег, ты спишь?

Сергар вначале не понял, что зовут его, но когда прохладная рука коснулась щеки, вздрогнул, и открыл глаза. В свете уличных фонарей увидел миловидное личико со вздернутым вверх носиком, пухлые губки,

колечки-сережки, поблескивающие в аккуратных ушках, не прикрытых белой круглой шапочкой, непременным атрибутом здешних лекарок.

Девушка улыбнулась, увидев, что «Олег» проснулся, и аккуратно присела на край кровати, целомудренно сдвинув колени и немного нервно теребя халат на груди.

— Знаешь, а я сейчас хотела сказать тебе: «Я не такая! Не подумай чего! Я тебе не шлюха!» — вдруг прыснула Маша, и Сергар невольно улыбнулся. От девчонки веяло здоровьем — телесным и душевным, а еще — каким-то неистребимым оптимизмом, будто все ей нипочем и любую проблему она рукой разведет. Он и сам был когда-то таким же — молодой парень, завербовавшийся в армию, мечтавший о подвигах и не верящий в свою смерть.

О подвигах он перестал мечтать после пары месяцев службы, еще в учебном подразделении боевых магов, где ему популярно рассказали — кто он есть такой. «Быдло, скот, тупой сельский колдунишка, возомнивший, что армия — это лагерь для увеселения и здесь нужно только жрать, спать, девок трахать, да в сортир бегать!»

В возможность умереть он поверил после первого же боя, когда в двух парней рядом с ним вмазали шары огневики, и на него свалились их поджаренные трупы. Довольно после этого он не мог не то что есть — даже видеть, как жарится мясо. Ему все время чудился запах паленой ткани и виделись запеченные, белые глаза Идрана, парня из соседней деревни, который пришел в армию вместе с ним и мечтал, заработав денег на службе, купить дом и жениться на соседке Сергара, золотоволосой Имруле..

После того боя Сергар уже не боялся струсить. Если надо — тут же падал на землю, прямо в грязь, надо — полз тысячу шагов, вжимаясь в размешанную с дерьмом и кровью черную жижу. Странное выражение — «бояться струсить», но правильное. Человек часто думает о том, что подумают люди, что скажут, увидев, что он предпринимает все возможные меры, чтобы избежать гибели. Боится, что его сочтут трусом. И гибнет, хотя легко мог бы избежать гибели. А погибать Сергар не хотел.

А еще — он каждый день учился убивать. Магией, мечом, ножом, голыми руками — только так можно было выжить, только так он мог сохранить свою жизнь — забрав чужую.

— А я и не думаю, что ты шлюха — улыбнулся Сергар, очень надеявшийся на обратное. От девушки пахло благовониями, чистым женским телом, и у бывшего боевого мага снова начался процесс, доказывающий, что Сергар стоит на пути выздоровления. И скорого!

— Врешь небось! — усмехнулась девушка, и вздохнула так, что ее груди поднялись вверх, как и восставшая плоть Сергара — Мол, зачем пришла в парню ночью в его палату? Для чего?

— Нуу... скучно, наверное — предположил Сергар, дыхание которого слегка участилось — Ты же обещала прийти. А этот... мент, он не помешал? Ну... охранник?

— Охранник? Он с Ленкой из кардиологии куда-то попилил, твой охранник! — пренебрежительно фыркнула Маша — Не люблю ментов! У нас в районе все их не любят! Тьфу! Не хочу про них говорить. Давай лучше про тебя поговорим, а? Ты такой интересный! Как ты смог здорового парня завалить?! Мне Петька... ну мент этот... рассказал, что ты и правда одним ударом завалил парня, что к тебе докопался в камере! Ты что, какой-нибудь спецназовец? Откуда научился так драться?

— Ээээ... ммм... — не нашелся что сказать Сергар, и невзначай положил руку ближе к бедру девушки, коснувшись ее костяшками пальцев — Я вообще-то много чего не помню. После комы. Не помню даже, что значит «спецназовец». Слышал где-то, но не помню, что это такое. Извини.

— Это как так — не помнишь? — удивилась Маша, и тихо хихикнула — Все знают, что такое спецназ!

Облегченно вздохнула:

— Врешь! Мне Петька... мент, рассказал, что ты крутой спецназовец, что тебе в бою спину перебило, и что ты владеешь приемами специальной борьбы, которую только спецназовцев учат! А когда в камере тебя хотел баклан опустить, ты не выдержал беспредела, и убил гада!

— Хмм... нуу... да, обучен кое-какой борьбе — принался Сергар, и снова чуть придвинул руку. Бедра девушки было гладким, упругим, и таким желанным, что простыня над пахом приподнялась бугорком, и не видно этого было только благодаря темноте.

— Ну вот! А что же врешь тогда! — обиженно фыркнула Маша — Ты мне не ври! Я же за тебя! Ты мне нравишься! Ты хороший, я знаю. У тебя такие глаза синие... я всегда мечтала, что за мной приедет какой-нибудь олигарх и увезет с собой на красивой белой машине! И он будет блондин, как ты, и с синими глазами, как у тебя!

— Разочарую — хмыкнул Сергар — Я нищий, больной, и только-только стал подниматься на ноги. Олигарх из меня, как из дерьма стрела!

— Что из дерьма? Стрела? — прыснула Маша — Вот ты смешной! Почему стрела?! А не пуля?! Да ладно, ладно — так даже забавнее! Ну, расскажи о себе, расскажи! Как воевал, как ранение получил! Как тебя учили воевать! Я страсть как люблю рассказы об армии! О спецназе! У

меня был парень один, спецназовец, он так интересно рассказывал! Как он на войне целый блокпост бандитов вырезал! Голыми руками двадцать человек поубивал, а потом забрал у них ящик водки, и унес к нашим!. И они с дружанами бухали! А когда генерал приехал — послали его на... й!

Маша выругалась так, будто это было не грубое ругательство, а обыденное слово, употребляемое каждый день, и не менее пяти раз в час. Сергар усмехнулся — понятно, девица не из высших слоев общества.

Впрочем — это было видно и так, по манере речи, и хотя бы по тому, что она работала мелкой лекаркой, помощницей врачей, не найдя себе лучшей работы. Лучшей жизни.

Слова про крутого спецназовца позабавили — Сергар понял, кто такой спецназовец, вернее — вспомнил. Немало сериалов было создано вокруг их подвигов, явно придуманных, и совершенно нереальных. Он не любил эти сериалы, особенно такие, где стреляли, лилась кровь, умирали люди. Предпочитал смотреть комедии, любовные мелодрамы, мультфильмы и новости — развлечения, информация. Человеку, который десять лет видел только кровь, грязь и смерть совсем не хотелось смотреть на эти безобразия и в своей загробной жизни. Именно загробной, потому что как еще назвать эту жизнь? Погиб, и обрел новое существование...

А эдаких «спецназовцев» он насмотрелся вдоволь — парни, которые лучше владели языком и членом, чем мечом и заклинанием. Любимцы девиц из хороших семейств, болтуны и выпивохи. Часто они были вполне приличными парнями, с которыми приятно провести время за столом в трактире. Вот только в бою Сергар предпочел бы иметь рядом с собой не «спецназовца»- выпивоху, а такого как он сам, угрюмого убийцу, обожженного десятками сражений, который не побежит, не бросит товарища, а будет стоять насмерть, поливая врага огневиками и площадной бранью.

— Не ругайся! — нахмурился он, погрозив девушке пальцем — Тебе не идет. Ты красивая, желанная, такая славная девушка — зачем тебе мат?

Маша слегка смутилась, отвернулась в сторону, потом снова лукаво посмотрела на парня в постели:

— Правда, желанная? Я красивая? Скажи, на мне можно жениться?

— Запросто! — не покривил душой Сергар — Такая красotka! Да ты мечта мужчин!

— Мечтааа... — непонятно протянула Маша — Мне двадцать лет, а я все не замужем! Только и норовят на меня залезть, кобели проклятые, а замуж — никто не зовет! Да и за кого выходить?! Пацаны тупые, поговорить не о чем! Стоят, курят, харкают, да грегочут, как лошади! Или

бухают! А я хочу красивой любви! Принц какой-нибудь... или на худой конец... крутой спецназовец! — она покосилась на Сергара, и не увидев усмешки на худом лице, продолжила — Я бы его ждала из командировки в горячую точку, а когда он приедет — бросалась бы ему на шею! И дочку! Дочку хочу! Мы бы с дочкой его встречали, а потом шли гулять по парку! А все бы завидовали — он такой красивый, в форме, весь в этих... веревочки такие... блестяшки... а! Аксельбанты! Вот! И все девки мне бы завидовали! А потом мы с ним легли бы в постель, и он кааак... ммм...в общем — нам было бы хорошо — смущенно закончила Маша — Вот!

— А ты не думала над другим вариантом, Маш? — грустно усмехнулся Сергар — Привезли тебе твоего спецназовца в гробу. В закрытом. Голову ему оторвало. Или вообще на части — мешанина одна. И осталась ты одна с дочкой. А то еще — пришел бы он с войны без ног. И катался в коляске... вот как я. Ни денег, ни работы, одна жалкая пенсия. Даже член не работает. И начала бы ты от него бегать к соседу, потому что молодая, хочется, ну не самотыкой же себя пользоваться?! А он бы все понимал, все видел, и ничего мог сделать. Потому что деваться некуда. И начал пить. И тебя бить, когда настроение совсем дерьмовое. А ты назло ему закрутила бы еще с врачом. И с другим соседом. И тоже начала пить. И он сгорел бы от водки, а ты бы постарела, сделалась страшной и злой.

Сергар замолчал, посмотрел на Машу, и выругался про себя. Она плакала, и слезы текли по щекам, поблескивая в тусклом свете, падающем из окна.

Девушка отвернулась, молча попыталась встать, но Сергар поймал за руку и тихо попросил:

— Не уходи. Прости за то, что я тебе наговорил. Все у тебя будет хорошо! Встретишь своего спецназовца...

Маша снова всхлипнула, вырвалась, встала, пошла к двери. Уже взявшись за дверную ручку, вдруг остановилась, вытерла слезы и уже спокойным, слегка хриловатым голосом сказала:

— Это ты про моих папку и мамку рассказал. Он был военным, в Афганистане воевал, еще где-то... рассказывать не любил. Все точно, как ты сказал. Только нас двое — я, и Витька, брат. Он щас сидит за грабеж. Они банк хотели взять, дураки. Одному ногу прострелили — теперь безногий в тюряге гниет, отрезали, Витька — ему в грудь угодили из пистолета. Думали — помрет, а он выжил. Ну пятнадцать лет и влпили. Они инкассаторов постреляли...

— Прости — виновато бросил Сергар — я тебе прямо в больное место... я не буду тебе врать, ладно. Посиди со мной. Мне худо, тоскливо.

Кроме мамы никого в этом мире у меня нет, впереди непонятно что, и что делать — я не знаю.

— Ладно... — Маша вытерла нос платочком, который достала откуда-то из выреза и снова села на кровать — Ты же не виноват, что угадал. Так все-таки, кто ты такой? Воевал, да?

— Воевал — сознался Сергар — Да, меня учили убивать. И когда полез этот гад, я ему врезал. Теперь судить будут.

— Я вот те чо скажу, Олеж — задумчиво протянула Маша — Ты не показывай, что ходить умеешь. Понимаешь? На суд поедешь на коляске, чтобы жальче было, суд тебя и не осудит! Ты же не хотел убивать! Тебе условняк и присудят!

— Хмм... а откуда ты знаешь? — удивился Сергар — Откуда такие познания? Это тебе участковый сказал?

— Это тот капитан? Боров наглый? — пренебрежительно фыркнула Маша — И ничо он не говорил! Я и так знаю! Я же на улице выросла, у нас половина двора сидела! Или сидит... Столько наслушалась про тюрягу, про законы, про адвокатов и суд — юристом можно стать! Хи хи... Только ведь не поедешь на коляске, или я не знаю мужиков! Вы такие болваны... ой-ей! Все выпендриться хотите! Хи хи...

— Ага, болваны! — довольно подтвердил Сергар, и взял ее руку в свои ладони — Прости, что я наговорил тебе про спецназовца...

— Да правда все это — вздохнула Маша — Не будет у меня прекрасного принца, не будет спецназовца. Выскочу я замуж за какого-нибудь болвана, например — врачешку, типа Васьки-реаниматолога. Потрахаемся, я залечу, заставлю жениться. Будем мы с ним собачиться, ненавидеть друг друга, он медсестер трахать, а я иногда — с любовником, чтобы отдохнуть от нелюбимого мужа. Нарожаем пару детей, купим по ипотеке квартиру. Машину в кредит. Ну и все такое прочее. Постылое все. Скучное, аж скулы сводит!

— А мать живая?

— Жи-ваая! Чо ей сделается! В магазине работает, продавщицей. Побухивает, все соседские мужики на ней перебывали. Любооовнички... мать их... ! На меня все зырят, козлы....! Прости... вырвалось. У нас все ругаются, и девки, и парни. А ты видать из хорошей семьи, да?

— Мама — учительница русского языка и литературы, отец... погиб он давно. Мама меня воспитывала.

— Вон чо. сирота тоже! — Маша погладила Сергара по плечу, слегка вздохнула — Жизнь такая, чо поделаешь...

Сергар вдруг потянул девушку к себе, она молча упала ему на грудь.

Изо рта девушки пахло мятой, и Сергар усмехнулся — то ли жевательная резинка, то ли зубы почистила перед тем, как идти в «гости». Готовилась?

Девушка смотрела в его глаза спокойно, молча, будто чего-то ждала, и Сергар решился — притянул к себе и поцеловал в пухлые, сладкие губы так, что девушка легонько вскрикнула и отстранилась:

— Тише ты, медведь! Только без засосов! Не хватало мне завтра с эдакими пельменями вместо губешек домой шлепать! Ты уж того... осторожнее! Дай я сама!

Она придвинулась, нежно, ласково чмокнула его в верхнюю губу, потом отсела, быстро расстегнула халат, сбросила его на стул, сняла шапочку, отправив ее туда же, затем изогнувшись, как кошка, сняла лифчик. Стоя под светом фонарей в одних узких трусиках и чулках, спросила, загадочно улыбаясь:

— Я красивая? Ну, скажи — красивая?! Меня взяли бы в модели?!

— Обязательно! — хрипло сказал Сергар, которого сейчас меньше всего волновали проблемы карьеры любой из моделей в мире, и Маши в частности — Иди ко мне!

Он поймал Машу за руку, потянул, но она вырвалась и погрозила пальцем:

— Тихо ты! Дай трусики снять! Я знаю, что мужики любят это делать сами, но у меня дорогое белье, и не дай бог ты его лапищами-то порвешь! У меня парень был, давно — так он мне такие красивые трусики французские порвал, пидарюга, что я всю ночь плакала! Ой, прости... не хотела.

Маша выскользнула из кружевных трусиков, и снова встала возле кровати, оглаживая плоский живот, и торчащие вперед полные груди с острыми сосками. Она не была худой, как не была и толстой. Прихотью природы ее тело было на самом деле совершенным — приспособленным и для родов, и для секса, и как часто бывает у таких женщин, Маша прекрасно знала силу своей притягательности, и при каждой возможности пользовалась ей совершенно беззастенчиво и эффективно. У Сергара аж дух перехватило от вида обнаженной красоты в черных чулках, потирающей стройные бедра. «Смерть мужикам!» — вот как это называлось.

Маша подошла к кровати, сдернула простыню, которой был накрыт Сергар, потом решительно стянула с него пижамные брюки — под ними он был совершенно голым, (трусов запасных так и не нашли), а потом уселась сверху, ему на бедра.

— Ты уже готов! — удовлетворенно кивнула — Вот что, давай я сама,

хорошо? И это... у тебя резинка есть?

— Что? — не понял Сергар — Какая такая резинка?

— Да знаю я, что вы не любите в резинке! Все вы мужики такие! — фыркнула Маша — Мне вот только залететь не хватало! От каторжника! Погодь, я щас дни посчитаю... я и сама-то не люблю в резинке, это и правда как самотыкой шустрить... ну почти как. Так... ага... семь... пятого числа... Можно! Ура! Неохота было в сестринскую идти за сумочкой, а сразу-то и забыла!

Маша приподнялась, взялась рукой, и... Сергар почувствовал, как он входит в нее, такую горячую, такую желанную, такую... такую...

Невольно застонал от наслаждения. Маша тоже.

Вздохнула тяжело, с привизгом, и начала медленно, плавно, наращивая темп, двигаться вверх и вниз, закусив губу, и тихо постанывая — все громче, и громче, пока Сергар не прижал ладонь к ее губам:

— Тише! Услышат!

— Да... да... не могу ничего с собой поделаться... ты. такой слааадкий... ааах... ааах... да, я тише, тише, тише...

Она уже скакала на нем, нанизываясь до самого предела, кровать скрипела, постанывая, как сама наездница.

Сергар ощущал такое наслаждение, какое может ощущать мужчина, у которого не было женщины года три, не меньше! Маша буквально истекала соками, она была горячей, упругой, ее аккуратно выбритый лобок стучался о Сергара, оставляя на нем мокрое пятно, минута, две, три... и... все закончилось. Организм, истомленный долгим воздержанием, завершил цикл — Сергар выгнулся, задергался в сладких судорогах, наполняя девушку семенем, и она, почувствовал это, почти перестала двигаться, слегка разочарованно спросив:

— Что, уже все?! Я и не кончила! Ты еще можешь, или чуть позже?

Сергар вдруг почувствовал легкое чувство вины, а еще — досаду. Уподобился «короткострелам», неспособным удовлетворить женщину! Вот же... мда. Поганое чувство.

Впрочем — бывало всякое. И хуже бывало — когда выжрешь три бутылки красного Фернейского, не то что удовлетворить женщину — член-то свой найти без чужой помощи не сможешь!

А для того есть свои приемы... чтобы не прослыть придурком, неспособным удовлетворить женщину.

Нет, не язык. Вернее — не только язык.

Он маг, или не маг! Лекарь, или не лекарь?!

Сергар обхватил сидящую на нем девушку за поясицу и послал

импульс Силы ей в тело. Он знал, куда и как нужно воздействовать, чтобы она получила свой самый сильный в жизни оргазм. И она его получила.

Выгнувшись так, что едва не коснулась затылком простыни у ног Сергара, Маша глухо и протяжно застонала, задержалась, схватилась за живот, который вздрагивал и колебался, будто у девушки внутри сидело некое инопланетное существо. Ее глаза закатились, оставив одни белки, зубы оскалились, как у волчицы, встретившей соперницу, а по коже прокатилась волна мурашек, будто девушка попала под холодный душ.

— Ааааээээ... ыыыы...!

Сергар не отпускал Машу, с наслаждением ощущая, как дергается матка девушки, всасывая в себя его семя.

Нет ничего слаще в мире, чем секс, и нет ничего приятнее видеть, как сотрясается в оргазме удовлетворенная тобой женщина! Это Сергар знал наверняка.

Лучше вина, лучше еды, лучше денег — упругое, прекрасное тело, которое дергается и стонет от наслаждения в твоих руках!

Это жизнь! Это то, ради чего можно жить!

Маша обмякла, и Сергар опомнился, прекратил посылать импульсы силы, положил девушку рядом с собой, нащупывая пульс. Он был частым, довольно ровным, и у незадачливого мага отлегло с души. Были случаи, когда от слишком длительного, интенсивного оргазма женщины сходили с ума, или даже умирали!

Сергар слышал такие истории, и когда сам изредка применял любовную магию, старался колдовать строго дозированно, чтобы не переборщить с колдовством. Тем более, что сам он однажды спьяну едва не убил проезжую дворянку, решившую завести интрижку с «мужественным боевым магом», накачивающимся винищем в одной из таверн Гоглеба.

«Мужественный боевой маг» был совсем не прочь нанизать на свой «вертел» смазливую «курочку», но проблема была в том, что у него совершенно отказывался работать самый нужный для этого механизм. Пришлось применять любовную магию, да. Баба вопила так, что смеялся весь трактир. Звук проходил даже через толстые бревенчатые перекрытия старого, построенного лет триста назад сооружения.

Сергар тогда спьяну увлекся и эту девицу пришлось буквально реанимировать — после часа непрерывного оргазма она едва не свихнулась. Или все-таки свихнулась — поговаривали потом, что она преследует магов, и требует обслужить так, как это сделал некий боевой маг.

Хорошо, что тогда их перекинули из Гоглеба в Мутагар, а то бы или

она Сергара заездила, или ее муж, известный купец, попытался бы нанять убийц, чтобы лишить любвеобильную женушку объекта вождения.

А то и чего хуже — потащил бы в военный суд и заставил ответить за применение запрещенной любовной магии против свободной подданной Империи Кайлар.

Вообще-то такая магия считалась черной, и не приветствовалась в среде магов-лекарей. Особенно, если они состояли на воинской службе. Привыкание к искусственному магическому оргазму становилось таким прочным, иногда даже после разового применения, что женщины бегали за магом, как ручные собачки за опытным дрессировщиком, выполняя все его прихоти ради одной страсти — повторить еще хотя бы раз нечто подобное.

Маша медленно открыла глаза, повернула голову с Сергару, будто не узнавая, и хрипло, облизав губы, спросила:

— Что это было?! Я чуть не сдохла! О господи! Как хорошо! Мне никогда не было так сладко! Ты колдун! Ты настоящий колдун!

— Да, колдун — усмехнулся Сергар, поглаживая ладонью упругую грудку Маши — Я просто не хотел говорить об этом.

— Болтун — хихикнула Маша, и жарко дыша в плечо Сергара, предложила — Давай повторим, а? Очень уж хочется! Только я щас это... к раковине схожу, ладно? А то из меня льется — ужас как! Я тебе тут и так всю постель залила. Да ладно... потом сопру простыню в сестринской, поменяю. Надо будет отстирать, а то старшая сестра просечет — вони будет! Она и так на днях орала — бордель, мол устроили, е... сь со всеми направо и налево! Ой, прости! А сама-то, сама она?! Там клеймо ставить негде, старая задница! Блядища! Как старшей сестрой-то стала, лучше бы рассказала! Сука! Я щас!

Девушка спустила ноги с кровати, схватилась рукой между ног и пошлепала босыми ногами по полу по направлению к туалету. Сергар же остался лежать, глядя в потолок, и тихо улыбаясь.

Жизнь налаживается?

В паху легонько зудела натертая плоть, бедра были мокрыми, а душе пели полковые трубы:

Тра-та-та! Тра-та-та!

Может это совсем и не ад? Ну не могут же в аду девушки быть такими красивыми?! Может его и не ради наказания сюда прислало божественное провидение?!

Он слушал плеск, журчание воды в туалете, и думал о том, что скорее всего дела все-таки наладятся, иначе и быть не может. Ведь теперь он маг! А маг и в этом мире может устроиться совсем даже недурно. Например —

пристроиться любовником к богатой даме!

Хе хе хе... как в кино! Как в сериале! Тут это принято — пристраиваться к бабам!. Только вот противно, боевой маг — и как шлюха? Нет, это не для него. Но кто мешает просто «помечтать»? Приятно знать, что у тебя не один выход в мир... и ты не окажешься на помойке, как содержимое ночного горшка.

— Я все! Готова!

Гладкое, прохладное от воды тело плюхнулось на Сергара, и он отбросил все свои «мечты». Какие могут быть мечты, когда женские губы тискают, ласкают твою стосковавшуюся по ласке плоть?! Когда горячий язык прохаживается там, куда допускают только жен и любовниц?

Нет, все планы, все мысли — на потом. А теперь — только наслаждение, только жаркий шепот, только страстные стоны и сладкая, горячая плоть.

И так хочется, чтобы это продолжалось вечно!

Глава 6

Утро началось с танцующей старухи.

Кто-то хорошенько двинул по кровати чем-то тяжелым, и Сергар мгновенно очнулся, как обычно в первый момент не соображая, где находится. Присмотрелся — перед глазами мельтешит необъятная задница, обтянутая не очень чистым, некогда белым халатом. Задница двигалась в такт движению хозяйки туда-сюда, совершая танцевальные пируэты, и Сергар некоторое время любовался этим танцем, вдруг вспомнив владелицу трактира «Веселый дуб», такую же могучую бабу, как и та, что мыла сейчас полы в этой палате.

Трактирщица почему-то воспылала к Сергару великой любовью, кормила его бесплатно, подливала вина, и не брала за угощение даже медной монеты, на зависть соратникам незадачливого молодого мага. Вначале он был доволен, как на Земле говорят — «халявной» жрачкой, но потом внимание метрессы стало его напрягать, особенно после того, как она вынесла дверь в комнату, где Сергар уединился с молоденькой шлюшкой. И случилось это в тот самый момент, когда он уже подходил к пикну наслаждения, облапив девку, как старый пес молодую суку.

Все бы ничего, но проклятая девка так перепугалась штурма двери, организованного треклятой бабой, что ее причинные мышцы непроизвольно, спазматически сжались в могучем судорожном объятии, и боевой маг третьей категории попался в любовный капкан, как лиса злому охотнику. На шум сбежались посетители и охранники заведения, и все с удовольствием наблюдали за тем, как красный от стыда Сергар пытался освободиться от не менее красной, повизгивающей от страха девки.

И это все на фоне громогласной ругани трактирщицы, обещавшей неблагодарному парню все кары, какие может придумать оскорбленная, отвергнутая женщина.

Закончилось все в общем-то довольно скучно, не пришлось вызывать и лекаря — Сергар знал, что нужно делать в подобных случаях. Лекарь же, какой-никакой. Трактирщица от угроз перешла к слезам, халява же с этого дня закончилась, впрочем, как и период отдыха между военными походами. Через два дня Сергар и его соратники строем шагали в сторону зеланской границы, с удовольствием вслух, со смаком вспоминая те недолгие недели, когда корпус находился на переформировании и пополнении.

Вспоминали все, кроме Сергара — его мужское «хозяйство»,

пострадавшее во время агрессии трактирщицы и синее, как баклажан, все еще побаливало. Вспоминать, как в сторону его голого зада тыкали пальцем развеселившиеся пьяные солдаты, не очень-то хотелось. Представление — вещь конечно интересное, особенно эдакое, но лучше в этой сцене быть не комедиантом, а зрителем, затерявшимся в толпе таких же как он радостно грегочущих ублюдков.

«Танцующая старуха» наконец-то заметила, что за ней наблюдает будущий каторжник, разогнулась, и с ненавистью сказала, обращаясь куда-то в пустоту, к видимым только ей недоброжелателям:

— ХОдите все, хОдите! Топчите! Ух, ноги бы поотрывала! Натопчут, нахавозят, и пошли радостные! Калмыки! Барабаны пустые!

Сергар хотел осведомиться, чем же ей не угодила народность калмыков, о которой он в общем-то не слышал ничего плохого, и о том, почему барабаны не должны быть пустыми, но не успел. Дверь распахнулась и в нее вошла делегация, во главе с давешним мужчиной, который защищал Сергара от нападков полиции. Он тогда назвался главным врачом, но имени защитника Сергар не расслышал.

Впрочем — и не имел ни малейшей нужды в подобной информации. На кой черт ему имя какого-то там врача в богами забытом провинциальном городке?

За главным врачом вошли двое мужчин помоложе, тоже в халатах, девушка в белой курточке и белых штанах — так тут частенько ходили медсестеры, и еще двое женщин в халатах, из-за спин которых выглядывал постовой — не тот, что бы вчера, другой. Помоложе, потолще, и поглупее на вид.

Рядом с главным врачом шла следовательша, которая допрашивала Сергара сутки назад. На плечах девушки накинут белый халат, в руке кожаная плоская сумочка — тут их называли папками — на лице важность, впитавшаяся за годы работы в полиции.

Главврач хищной птицей подлетел к Сергару, схватил его за руку, пощупал пульс, нагнулся, оттянул веко, рассматривая что-то, что было недоступно простым смертным, а когда насмотрелся, повернулся к следователю и веско сказал:

— Вчера этого пациента выводили из состояния клинической смерти! С его слов, он случайно упал и схватился за электрическую розетку. После удара током его сердце остановилось, и если бы не наши врачи, сейчас он лежал бы в морге! А перед этим пациент находился в коме после того, как некая знахарка опоила его ядовитыми составами! Вы понимаете, что он сейчас балансирует на грани жизни и смерти?! А если я сейчас разрешу

перевезти его в тюремную больницу, и по дороге он умрет? Кто будет отвечать? Вы?! Да черта с два! Вы скажете, что я разрешил перевозку, что он был здоров — с моих слов, и что вы порассчитывали на мои знания. Мол, обманул я вас! Так вот — я против перевозки этого больного! Ему нужно находиться в стационаре не менее недели! И только потом я соберу консилиум и определю — можно ли ему перебираться за тюремные стены!

— Но... он убийца, Михаил Петрович! Нам нужно следствие вести! В суд направлять! Сроки!

— Я вообще вас не понимаю — фыркнул мужчина — Чего вы привязались к парню?! Он и ходить-то не может, на коляске ездит! Что, сбежит от вас? И вся ваша шайка толстозадых нахлебников не сможет догнать этого олимпийского чемпиона по бегу?! Скажите — зачем его арестовывать? Неужели нельзя подписку о невыезде, например? Дело выведенного яйца не стоит! Прибил какого-то шпаненка, за то, что тот пытался его унижить! И то — случайно прибил! Инвалид!

— Случайно — не случайно, но следствие нужно вести, есть закон, и вообще — это не ваше дело! — сверкнула глазами следователь — У нас людей не хватает, а мы держим тут постового!

— Так не держите, черт вас побери! — яростно выдохнул главврач — Ну вот на кой он мне тут нужен, этот ваш постовой?! Медсестрам подолы задирать? Или пол топтать!

— Ногами топчут! Топчут и топчут! Все затоптали, паразиты! — удовлетворенно подтвердила «танцующая старуха», которая гремела ведрами в туалете, не обращая внимания на представительную делегацию — Всех бы вас метлой, паразитов!

— Видели, что народ говорит? — ухмыльнулся главврач — Метлой вас! В общем — милая девушка — лежит он у нас еще неделю, а там забирайте и делайте, что хотите. Если совесть позволит. Вы вообще хорошо спите после того, как посадите несчастного безногого инвалида? Совесть не гложет?

— Меня никто не гложет! — парировала следователь, лицо которой покрылось красными пятнами — Главное, чтобы вас неглодало!

— Меня ничего не гложет! — тут же ответил врач, окидывая взглядом сержанта, на беду свою выглянувшего из-за спины терапевта Марии Семеновны — Я для людей работаю, лечу, спасаю, а не как некоторые — у дверей просиживают и девок разглядывают!

«Разглядыватель девок» тут же спрятался за широкую спину хирурга-травматолога, и не найдя взглядом спрятавшейся «мишени», главврач еще более жестко добавил:

— Все! Лишние — уходите! Мне больного нужно осмотреть! Консилиум! Когда можно будет его забрать — я вам скажу! А до тех пор нечего меня отрывать от работы! Вон! Все вон!

— Ага, ходют, и ходют! Вон все отседова! Вон, паразиты! Топчут, и топчут, топчут и топчут! А ведь ниверситеты покончали, паразиты! Весь пол засрали! — уборщица грозно тряхнула мокрой тряпкой и загремела шваброй, шурудя возле унитаза.

Следователь вышла из палаты поджав губы и бросив на Сергара такой «нежный» взгляд, что если бы она умела метать огневики, от бывшего боевого мага сейчас осталась бы лишь кучка полусгоревших вонючих останков.

— Закройте за собой дверь! — грозно припечатал главврач, последним снарядом довершая поражение вражеской армады, и когда следователь и не подумала исполнять приказание, довольно кивнул — Вот, и все они такие! Один вред от них! В конце восьмидесятых у меня колеса с машины сняли, так эти типы два часа уговаривали не писать заявление, мол, все равно не найдем, только затаскаем! А в девяносто пятом отобрали права, когда я поехал по медицинской надобности, и сел за руль своего автомобиля выпив всего один бокал вина! Мерзавцы! (Справедливости ради надо сказать, что вся медицинская надобность уважаемого главврача заключалась тогда в том, что он поехал к другому медицинскому работнику, жене заведующего реанимационным отделением Хитрова Сергея Дмитриевича, находившегося в тот момент в командировке, на курсах повышения квалификации)

Из всей этой перепалки Сергар вынес несколько важных для него пунктов информации: во-первых, он пробудет в больнице не меньше недели, и это уже хорошо. За неделю придумает, что ему делать и как ему жить.

Во-вторых, большинство народа стоит за него, прослышав об истории с придурком, напавшим в КПЗ. То, что уже все знают о том, что с Сергаром случилось, ничуть его не удивило. Маленький городок, скучно, делать нечего, поговорить не о чем, всех событий — кто кому морду набил, да кого застали с чужой женой. Весть об инвалиде, голыми руками убившем здоровилу прямо в КПЗ разнеслась по больнице как молния, чему в немалой степени способствовал сержант на посту у двери палаты. А из больницы, через родственников больных — по всей округе.

Минут двадцать Сергара крутили, вертели, осматривали — все те, кто пришел с главврачом — по очереди, кивая, делая умное лицо, выдавая время от времени комментарии на непонятном Сергару языке. Мага все это

немного забавляло — во всех мирах, все лекари стараются набить себе цену, говоря странные слова, создавая свой, особый, лекарский язык, долженствующий ввести простых смертных в священный трепет. Больной должен верить, что лекарь произошел из рода небожителей, что он всемогущ — тогда и лечение проходит эффективнее, и деньги платят охотнее.

Наконец, осмотр закончился, и вся делегация выплыла из палаты, как корабли под парусами. Последним вышел главврач, перед уходом махнув рукой «предмету обсуждения» и неожиданно подмигнув левым глазом, что видимо должно было означать безоговорочную поддержку. А может — просто удовлетворение от того, что напакостил ментам. Явно было, что в этом городе их не очень-то любили. И главврач не исключение.

За «высокой делегацией» палату покинула и «танцующая старуха», уже на пороге выдав очередную тираду про «паразитов, поганящих чистые полы».

Наконец-то — один! На столике «заманчиво» испускает запахи некое варево, выглядящее довольно-таки отвратно. Серая каша, вроде как на молоке, хлеб, остывший чай. Кто принес — непонятно. Столько народа только что было в палате — невозможно за всеми уследить.

Не стал раздумывать — уселся, и быстро, взяв хлеб заглотив безвкусную липкую жижу, не задумываясь о вкусе.

Сергар не ел, он питался. Ему нужно было набить желудок, ввести топливо для организма, и он его вводил. Не заботясь о вкусе.

Съел хлеб, выпил чай — как ни странно, довольно сладкий. Сегодня систему не ставили, и Сергар задумался — почему? Пришел к выводу — все, и в том числе главврач, знали что лечить Сергара уже не от чего. Что ему нужно только лишь подкрепить силы, а не вымывать из организма мифический «яд».

Не наелся. Достал пару пирожков, тех, что принес участковый, принялся — вроде еще не испортились, хотя и пролежали сутки. Съел, подобрав все крошки. Вкусные пироги! С капустой. Вот теперь — нормально. Жить можно!

Снова улегся на кровать, не накрываясь простыней. Сосредоточился, напрягся, и начал медленно поднимать выпрямленные, сдвинутые вместе ноги. Получилось! С трудом, не сразу, но получилось!

Потом еще раз, еще... После десятка поднятий ноги тряслись, дрожали, а на лбу выступили мелкие капли пота. Тяжело!

Спустил ноги с кровати, сел. Потянулся за костылями, оперся на них, встал, пошел к окну, стараясь не брякнуться на скользком, влажном от

мытья линолеуме.

Посмотрел — розетку, в которую он вчера так опрометчиво сунул пальцы, уже отремонтировали. Усмехнулся — хорошо, что живой! И все получилось так, как хотел!

Вспомнил бабушку Надю — если бы не ее рассказ об электричестве! Что бы тогда он делал? Вдруг нахмурился — не сходится. Ничего не сходится! Если так называемая бабушка произвела уже несколько циклов омоложения — сколько ей должно быть лет? Лет пятьсот, не меньше? Тогда почему она рассказала, что ударило ее током совсем недавно? Ведь судя по рассказу, обрела она магическое могущество не очень давно? Десятки лет назад? А как тогда без магии проходила через обновления? Ничего не сходится. Ерунда!

Сергар посмотрел в окно — во дворе гуляли пациенты больницы в застиранных больничных пижамах. С ними — то ли жены, то ли сестры, то ли любовницы. Ворковали, разговаривали — видимо о домашних новостях. Улыбались...

Сергар тоже улыбнулся — вспомнил эту безумную ночь. К утру Маша уснула, а во сне вздрагивала, постанывала, шлепала губами, и когда Сергар пытался пошевелиться — хваталась за него так, что он морщился — острые, отточенные ногти девчонки впивались в тело, как когти зверицы.

И зачем это они так оттачивают ногти? Они называют это маникюр... Если только использовать как оружие? Есть такое снаряжение у лазутчиков — «когти», чтобы лазить по деревьям, по стенам. Но для женщин?! Бессмыслица!

Снова мысли метнулись к бабушке Наде. А если она специально дала Сергару намек, как нужно вернуть магию? Если соврала? Зачем соврала? С какой целью? Может для того, чтобы скрыть свой настоящий возраст? А потом вдруг передумала? Этих женщин не поймешь... Если бы она хотела причинить зло — ложь понятна. Но тут-то — зачем врать?

Увы, Сергар никогда не мог понять женщин, впрочем — как и все мужчины. Сложная, непредсказуемая душа. Уже к двадцати годам он пришел к выводу, что женщина — это тот же мужчина, только спятивший. И как любой сумасшедший, женщина непредсказуема, опасна и хитра. Только что она была влюблена, готова сделать ради тебя все на свете, а через час — ты ее враг, заслуживающий самой страшной смерти.

Убила! И тут же рыдает на трупе, потому что жизнь закончилась, и оказывается этот мерзкий тип был ее главной драгоценностью в постылой жизни.

Так погиб приятель Сергара, грабер Ион. На свою беду он связался с

некой истеричной особой, которая таскалась за Ионом по всем трактирам, устраивая сцены, когда тот напивался, и покупал себе очередную шлюшку. Ион с любовницей то сходились, то расходились, то дрались, то мирились, заканчивая примирения сексом, о котором тут же узнавал весь Микардар — Ион любил рассказывать подробности особенно бурных ночей, гордясь своими постельными подвигами.

И закончилось все это ударом в затылок — острым, тонким, похожим на шило кинжалом. Разъяренная дама воткнула его Иону в затылок так, что Сергар, который в это время был в трактире, с трудом выдернул застрявший в черепе клинок.

Увы, спасти несчастного не удалось. Мозг был непоправимо разрушен. Да и времени после нападения прошло слишком много, никакой лекарь бы смог не помочь, тем более простой армейский лекаришка вроде Сергара.

Говорили, что эта дама после убийства то ли повесилась, то ли вышла замуж за старосту соседнего поселения — старого пердуна, с кучей взрослых детей и большим капиталом. Во всяком случае ее больше никто не видел.

В прежние времена даму скорее всего бы повесили, или откупили за большой, очень большой выкуп, но после войны мелкие бытовые драки, убийства и кражи никого не волновали, если, конечно, объектом преступления не был один из победителей, подданный Зеланской империи.

Кого может волновать гибель одного из граберов, добывающих хлеб насущный занимаясь очисткой территории от мерзких артефактов? Родни, способной отомстить, у Иона не было, и вообще никакой родни, так что закопали его на кладбище возле трактира, разделив нехитрое барахло поровну — между теми, кто копал яму.

Сергару предлагали взять на память о товарище кое-что из его вещей, но он отказался — зачем все время иметь при себе напоминание о том, что судьба самого Сергара скорее всего будет такой же, как у этого одинокого «зверя». Умрет, закопают, и никто больше о нем не вспомнит. Кроме шлюх, которым грабер во время своих загулов щедро подбрасывал звонких монет.

После того случая Сергар беспробудно пил целую неделю, и едва не погиб, когда отправился в мертвый город трясясь с похмелья (не помогали даже заговоренные снадобья, потому что пил во время запоя всякую дрянь — лишь бы горело ясным пламенем)

Вздохнув, отбросил воспоминания, схватился за подоконник, и крепко держась за его край, начал приседать. Получилось три раза подряд, на третий — едва поднялся. Ноги тряслись, мышцы — как ватные. Подождал, передохнул — еще три приседания. Потом еще три.

Когда со лба покатались капли пота, остановился, хватая воздух широко раскрытым ртом. Хватит! На сегодня — хватит. Или «на сейчас»? Попозже нужно продолжить. Не тренировать мышцы — они и не нарастут.

Взял костыли, пошел — «ватные» ноги несли с трудом, подгибались, и это было очень неприятно. Но гораздо приятнее, чем знать, что ты вообще никогда не будешь ходить!

Улегся в постель, закинул ладони на затылок. Хорошо! Мышцы гудят, кровь расходится по телу — жизнь! Живем!

Маша, Маша... перед рассветом он ее растолкал, едва добудившись — так девка вымоталась. Девчонка была ненасытна, и угомонилась только тогда, когда сил не осталось почти совсем. Вымотала и себя, и Сергара. Если бы не магия...

Вот и еще применение колдовства — отбиться от ненасытной партнерши! Когда уже ничего не хочется, кроме как отвернуться к стене и заснуть...

Маша была очень недовольна тем, что ее разбудили, а когда оценила ситуацию как следует — наскоро поцеловала нежданного любовника и унеслась, накинув халат, положив в карман трусики, чулки и лифчик (Потом надену! После душа!). Только тогда Сергар уснул как следует, без сопящей в плечо подружки.

Честно сказать — он не любил спать с кем-то. Лучше одному, не ощущая, как кто-то кладет на тебя ногу, или дышит в подмышку. Или тянет тебя за причинное место, потому что ей именно сейчас приспичило удовлетворить проснувшийся в ночи голод по мужчине.

Нет уж! Для себя давно решил — если когда-нибудь все-таки женится, у него будет отдельная спальня! Пришел к жене, полюбил как следует, и к себе — отдыхать. Быть супругом — это такой труд! Нужен полноценный отдых!

Сергар вошел в транс — в этот раз довольно легко и просто припал к «роднику» магии, глотнул. Немного глотнул — запас был еще вполне приличным. Ну что он там истратил за ночь? Смешно! Один магический фонарик, да десяток женских оргазмов — куда было тратиться магии? Это же не серия из двойных огневигов на максимальной мощности, когда падаешь от напряжения, вымотанный так, будто весь день грузил телеги с дровами!

Сейчас он наверное и одного огневика не смог бы запустить. Вернее — огневика той силы и размера, какие привык создавать. Раньше Сергар был корабельным орудием, сейчас — легкий пистолет, если следовать земным терминам.

В оружии маг уже слегка разбирался. Немудрено — все-таки старый вояка, такие вещи понимаются интуитивно, на уровне инстинктов. Тем более что Мама много уже ему порассказала — и про войны, и про революции, и про то, как живет Земля, которая каким-то чудом еще не погибла от людской глупости.

Полежав, решил сходить в душ, а заодно погулять по коридору. Душевая комната была гадкой, с облупившейся плиткой, пропахшая мочой, кровью анализов и сигаретным дымом, которого Сергар совершенно не переносил, но горячая вода, хлещущая из ржавой дудки так, что едва не протыкала кожу, перевешивала на весах достоинств все недостатки.

Одним из главных достижений этой цивилизации Сергар считал не телефон, не оружие, способное уничтожить целые континенты, а именно это — горячий душ, воду, способную смыть с человека грязь, пот, и... заразу, которая может уничтожить целый город, где так никто и не додумался до изобретения душа с горячей водой.

Душ был заперт, изнутри кто-то крикнул звучным голосом: «Щас, я через пять минут! Подождите!», и Сергар встал к стене, между дверями палат, закрыв глаза, и невольно чуя тяжелый запах, исходящий из этих средоточий людских бед. Судя по информации из телевизора, несмотря на то, что здешняя цивилизация технически стояла на несколько порядков выше, чем мир Сергара, здесь так и не победили болезни, которые в «отсталом» Кайларе с успехом лечили даже простые захолустные лекари. Например — те же переломы позвоночника, не говоря уж о сложных вещах, таких как отращивание конечностей — дорогое, но вполне доступное колдовство.

— Сынок! Сынок! Ты не стой тут! Они все видят!

Сергар вздрогнул, повернул голову — перед ним стояла небольшая, худенькая, встрепанная седая старушка. Аккуратная, чистенькая, и очень старая — кожа сморщенная, и желтоватая, как пергамент старых свитков.

— Кто видит?! — слегка ошеломленно спросил Сергар, оглядываясь по сторонам, пытаясь разглядеть «супостатов», но никого не увидел. В сестринской слышались пронзительные, возбужденные голоса медсестер, в душе шумела вода, переговаривались больные в палатах за закрытыми и приоткрытыми дверями, но в коридоре никого не было, если не считать случайно тени, мелькнувшей за стеклянной дверью коридора в самом дальнем его конце. Мент-охранник, который должен был его стеречь куда-то опять пропал, скорее всего, передвинулся ближе к кухне — время обеденное, а нормальный служака при первой же возможности ищет кухню — «святое дело, пожрать»! Коридор был пуст.

— Они! — шепотом сказала старушка, прижимая палец к губам — Я не сплю! Они подкрадываются ночью и откачивают у меня кровь! И у тебя откачают! А потом отправляют в Америку!

— Куда?! — опешил Сергар, начиная понимать то, что сейчас происходило.

— В Америку! Они делают там опыты, им нужна наша кровь! — старушка заговорщицки шепча придвинулась к Сергару, пошатнулась, и едва не упала. Маг подхватил легкое, невесомое тело, едва не потеряв костыли, бабулька уткнулась лбом ему в середину груди, теплая, худенькая и у Сергара вдруг защемило сердце — чья-то мать... бабушка! А у него вот нет матери. Померла.

Что на него нашло — Сергар так и не понял. Правая ладонь будто сама по себе легла на затылок старушки. Сила вырвалась наружу, рука засветилась, еле видимо в дневном свете, потом свечение затихло, почти пропало, но... Сергар уже увидел.

В мозгу женщины таился мерзкий паучок. Опухоль, которая пустила ноги-щупальца сквозь плоть, питаясь ей, пульсируя, разрушая ткань. Сергар не знал, была ли это раковая опухоль, да и какая разница? Это была чужеродная плоть, страшный «демон», питающийся мозгом. И он убивал женщину. Это маг знал точно.

Лекарь обхватил голову старушки второй рукой, теперь Сергар держал женщину обеими руками за виски так, как влюбленный держит свою женщину перед тем, как поцеловать, или как мать держит ребенка, чтобы улыбнуться ему перед сном и отправить в постель.

Сила утекала ровным ручейком, формируясь в хирургический нож, и как раскаленным ножом вырезала, выжигала сгустки проклятого «демона», не оставляя ни кусочка, ни одной «ножки» там, где эта пакость пронизала здоровую субстанцию головного мозга.

Здоровый мозг виделся Сергару полупрозрачным, как желе, пронизанное сосудами, нервами, и в этом желе умирала — дергаясь, будто вереща чужеродная ядовитая плоть.

Казалось, прошли часы, прежде чем с опухолью было покончено. Старушка стояла все это время по стойке «смирно», глядя остановившимися глазами в лицо Сергара, но ничего не видела. Приказом-посланием Сергар отключил ее восприятие, ввел в транс, и женщина не чувствовала боли, ничего не слышала, не осознавала, как если бы ее опоили самым сильным в мире наркотиком.

Уже напоследок, лекарь быстро прошелся магическим взглядом по ее телу, сделав прозрачным, как и мозг — убрал начинающуюся язву, которая

зарубцевалась за несколько секунд, и дал толчок организму, запустив, как здесь называли, процесс регенерации. У лекарей Кайлара это называлось — «дать жизни».

Тело, получившее послание-приказ «оздоровись», включало скрытые резервы организма, убивало болезнетворные бактерии, таившиеся в дальних уголках плоти, залечивало мелкие ранки, обновлялось, и при достаточном умении, силе лекаря, можно было даже получить дополнительные несколько лет жизни. Немного, но получить. По крайней мере, после такого лечения человек довольно длительное время, иногда годами, чувствовал себя гораздо более здоровым, чем раньше, и внешне выглядел намного лучше.

Буквально на глазах старушка порозовела, морщины слегка разгладились, прошла синюшность губ, перестали дрожать руки, которые она опустила вдоль тела.

— Ой, что же это делается?! — заголосила какая-то баба, и Сергар вздрогнул, рефлекторно выпустив старушку, мягко свалившуюся ему под ноги — Убил! Глянь, он старушку убил! Что сделал, каторжник?! Милиция! Мииилицииыя!

Баба вопила так пронзительно, так громко, что из палат повыбежали, повыползали все, кто хоть как-то мог двигаться. Они с ужасом и негодованием смотрели на уголовного, которого, как они знали, держали под охраной в отдельной палате, и который сейчас, на их глазах убил невинную старушку!

Из сестринской выскочили медсестры, санитарки, откуда-то, как чертик из коробочки, вынырнул толстомордый полицейский, на ходу утиравший жирные, выпачканные желтым губы.

«Яичницу небось жарил мент...» — почему-то подумал Сергар, которого колотила крупная дрожь. Он сейчас вытащил из себя столько Силы, что при его нынешнем состоянии это обязательно должно было сказаться на физическом самочувствии. И сказалось. Его просто трясло, как во время приступа желтой лихорадки.

Сержант неожиданно сходу ударил черной упругой дубинкой так, что у Сергара зазвенело в ушах. Он устоял, и только крепче прислонился к стене, без которой давно свалился бы на пол.

Сержант еще раз замахнулся дубинкой, та свистнула, снова целясь в висок, но Сергар был уже готов к нападению — выхватил оружие из воздуха, дернул в сторону, наклоняя, закручивая спиралью, за дубинкой потянулся сержант, потерял равновесие, и... кубарем полетел на пол, хлопнувшись о линолеум, как мешок с картошкой.

Снова завопила та же самая дурная баба:

— Убииил! Убииил! Он милицианеэра убииил! Каторжник убииил!

Люди шарахнулись назад, полицейский начал подниматься с пола, пыхтя и нащупывая дубинку, и тут вдруг подала голос старушка, из-за которой собственно и начался весь переполох:

— А где я? Что случилось?

— Убииил! — заходилась криком дурная баба, и кто-то из мужиков, стоявших рядом с ней рывкнул, перекрывая дикие вопли придурочной дамы:

— Заткнись, дура! Какого... ты орешь?! Кто кого убил?! Вон, живая, чо орешь-то?!

— Ну, это... я видела, как он ее душил... за голову держал!

— Идиотка, всех подняла! — сплюнул другой мужик, пожилой, держась за сердце — Аж сердце чуть не остановилось! А ты чего кидаешься на людей, вертухай поганый! Инвалида палкой бить, сука ты, волк позорный! Я щас на тебя в прокуратуру напишу, козел вонючий! Глянь, набросился на парня, и давай его лупцевать, гнида ты протокольная! Разожрали морду на народных харчах, и лупцуют нас, рабочий класс! Эвона, какую харю-то нажрал!

— Да я чо? — растерялся сержант — Она вон орет — убили! Этот стоит возле старухи, она лежит! А знаете, в чем его подозревали? В убийстве другой старухи! Старуха вроде сама померла, да осадок-то остался! И чо я должен был делать?

— Башкой думать, чо! — припечатал довольный собой защитник рабочего класса, и подойдя к старухе, сидящей на полу, демонстративно-заботливо помог ей подняться — Вставай, бабушка, как себя чувствуешь? Что тут было?

— Я хорошо себя чувствую, очень хорошо! — старуха вдруг улыбнулась, светло, ясно, и вдруг шагнула к Сергару — Давно так хорошо себя не чувствовала! Я в больнице, да? Ничего не помню, все как в тумане. Помню — подошла к этому парню, о чем-то с ним говорила... а потом ничего не помню. И вообще — не знаю, как тут оказалась! Меня кто-то привез сюда, да?

— Дочь привезла — тихо сказала незнакомая медсестра, взрослая женщина лет сорока, с резким, худым, но довольно красивым лицом — Пойдемте в палату. Вам на снимок нужно, сейчас пойдем делать!

И громче добавила:

— Разойдитесь по палатам! Вам что здесь, представление? А вам, сержант, действительно надо думать, прежде чем людей бить по голове! Я

доложу главному врачу о вашем поведении!

— Да я чо?! — лицо сержанта покрылось красными пятнами, было заметно, что он напуган — Я ничо ему и не сделал!

— Я сейчас посмотрю — многозначительно покивала медсестра, и ощупала голову Сергара, который так и стоял молча, до боли сжав зубы — Гематома у него на виске! Может быть сотрясение мозга! Нелюди! Не разобравшись, избивать человека! Правильно про вас говорят — оборотни в погонах!

Она окинула сержанта яростным, жгучим взглядом, и уже другим голосом, участливо, спросила Сергара:

— Так что тут было, парень? Расскажешь?

— Сам не знаю — соврал «парень» — Бабушка вышла из палаты, что-то начала мне говорить, я даже не помню что. Я стоял, ждал, когда же наконец помоется человек в душе, очереди своей ждал. Бабулька упала на меня, потеряла сознание. Я ее пытался подхватить, но сами видите — куда мне, на костылях? Тут еще эта баба заорала — ну я и не удержал, уронил. Вот и все. А потом началось — этот придурок налетел, стал бить меня. Я закрылся рукой, он раз попал, раз промахнулся, свалился. Ну — вы сами видели. Вот и вся история.

— Нет, это не вся история! — многозначительно кивнула медсестра — История закончится, когда я этого борова к прокурору потащу! Сейчас же позвоню в УВД, пусть они расследуют нападение на больного! Ах, негодяй, ах, подлец! Ну ты у меня попляшешь!

— Не нужно — вдруг попросил Сергар — Голова пройдет, чего ей. Он думал, что старушку защищает, не разобрался. Всякое бывает в жизни. Я на него не в обиде.

— Добрый, да? — прищурилась женщина — А потом он кого-то прибьет, и кто того, другого, пожалеет?

Она помолчала, пристально глядя на поникшего полицейского, усмехнулась и махнула рукой:

— Ладно, не буду жаловаться. Живи. Только чтобы на глазах не вертелся, бездельник! Дармоеды...

Открылась дверь душа, оттуда вышел распаренный, краснолицый человек лет пятидесяти, одетый в спортивный костюм. Недоумевающе посмотрел на группу больных, толпящуюся в проходе, на милиционера, на медсестру возле дверей палаты и медленно пошел в конец коридора, шурша ногами по линолеуму.

Медсестра проводила его взглядом, кивнула на дверь душа:

— Шагай. Освободился. Потом пришлю кого-нибудь из девчонок —

таблеток дадут, компресс поставят. Как у тебя башка-то выдержала, так шибанул — небось, искры из глаз! А ты, сержант, вали отсюда — на кухню — и сиди там. Тьфу!

* * *

Обед ему принесли в палату. Сергар съел жидкий суп, рыбную котлету с макаронами, выпил чай, съел все, до крошки. Его уже не трясло, и он даже успел «подзарядиться», набрав Силы, что добавило оптимизма. Каждый выход в Ничто, каждый набор Силы — это тренировка магических способностей, а еще — наслаждение. Великое наслаждение...

Положив на голову марлевую повязку, пропитанную пахучей жидкостью (Все это принесла молоденькая медсестричка, рассматривавшая интересного пациента вытаращив глаза, как неведомую зверушку), Сергар забылся в полудреме. Он и спал, и не спал. Хотел спать — но не мог. В организме что-то происходило. Кровь неслась по жилам, как сумасшедшая, сердце стучало, Сергар будто горел, сжигаемый невидимым огнем.

Магия! Вернулась магия. И когда он поработал со старухой, выплеснул большое количество Силы — это будто подтолкнуло процессы в его организме. Тело обновлялось, тело не хотело быть придатком к инвалидной коляске!

Сергар не мог понять, что с ним происходит, но то, что происходит странное, новое — знал точно. Ныли кости, гудели мышцы, звенели нервы, распространяя по телу сигналы тревоги.

А еще, он не мог понять, когда это вдруг стал лекарем высшего ранга. Только лекарь высшего ранга мог видеть тело человека насквозь, так, как видел сегодня его сам Сергар. Ведь он никогда не умел ТАК лечить. Максимум — затянуть не очень опасную рану, дать импульс оздоровления, ну и по мелочи — залечить мозоли, остановить кровь. Но чтобы видеть тело насквозь, чтобы управляться с плотью, будто с мягкой глиной?! Нет, это ему не было доступно.

Этого не могла даже мать, сильная лекарка, к которой пациенты приезжали издалека. Такой дар был хорошо если у одного из десяти опытных лекарей.

Бабка Надя? Ее Дар? Она, напоследок, осчастливила его особыми, присущими высшим магам способностями? Может быть.

А может, это последствия того, что он некоторое время был мертв? Здешние лекари называют это «клиническая смерть». А что — он видел по

телевизору передачу на одном из каналов, там рассказывали о различных таинственных явлениях, в том числе и о том, как люди, пережившие клиническую смерть, вдруг обретают новые способности, такие, каких у них у кого не было!

Все может быть. Все. Вот только — какая разница, как он обрел эти способности? Главное — теперь они у него есть. И нужно думать, как дальше жить.

«Итак, теперь я лекарь. И как в этом мире маг-лекарь может заработать на своих способностях? Как может вытащить себя и Маму из западни, в которую их загнала жизнь? Ведь я не брошу Маму, пусть она не родная! Занял место сына — значит, принял на себя ответственность за жизнь матери бывшего хозяина тела!

И кроме того — настоящий боец своих не бросает. Мама боролась за меня, пласталась, стараясь прокормить, вылечить — разве она не заслуживает награды? Сдохну, а помогу!

Вначале нужно разобраться с полицией. Да, я на самом деле убил этого скота. И ничуть об этом не жалею! Таких тварей давить надо! Терпеть не могу шпану!

Хе хе... я уже и думать начал на русском языке! И это хорошо. Это правильно! Теперь я Олег! Надо раз и навсегда запомнить — Я — ОЛЕГ! Олег! Олег! Олег!

Так. Что мне грозит? Условный срок. Или небольшой срок. Нужно изобразить из себя немоощного. Все об этом говорят, значит нужно прислушаться. Нужно прекратить изображать из себя бойца!

Вот зачем я свалил мента? Ну врезал бы он мне — синяком больше, синяком меньше! Нужно зажать рефлекс, забыть, что я боевой маг! Все, кончился бой! Кончилась война! Кончился боевой маг. Есть лекарь — Олег.

И кстати — у этого лекаря есть диплом лекаря! Вот же я болван! Вот и будет возможность заработать! Только что я знаю о здешней медицине? Они и говорят-то на другом языке, когда называют болезни! Ну и что? Долго научиться? Ты забыл, как делается „Сок памяти“? Или „Светлая голова“?

А травы? Где найти нужные травы?

Да что травы? Разве тут нет трав? Берешь книгу, где написано о лекарственных травах, ищешь то, что тебе нужно — по изображению — и все! По фотографии! И пусть травы здесь называются иначе — какая разница, как их называть? Главное — что работают так же, как в обычном мире.

Хммм... в обычном. А какой мир обычный? Какой призрачный? Иногда мне уже кажется, что этот мир обычный, а тот, другой мир мне

привиделся во сне... А может и привиделся? Может на самом деле я просто Олег, начитавшийся фантастических романов, и спятивший во время комы?

Тьфу! Бред! Я же все помню! Я же помню учебку, в которой учился пускать огневики, помню вонь сгоревшего тела, сожженного вражеским огненным шаром, помню мертвые города, в которых ходят живые мертвецы и пролетают птицеосы! Я помню! Это не может быть сном! Не может!

Сон, не сон... какая разница? Думать нужно как жить, а не копаться в ощущениях. Эдак и с ума сойти можно... а вообще странно, да — Земля ничем не отличается от Мира. Материки — те же. Один в один. Только называются по-другому. Деревья — те же. Только с другими названиями. Люди — те же. Такие же жадные, такие же щедрые, такие же злые и добрые. Только здесь нет магии. Почему-то нет магии.

Почему? Интересный вопрос. Во-первых следует принять за основу то, что это все-таки другой мир, а я пришелец. И рассматривать тогда все нужно глазом пришельца.

Я должен пройти через суд. Должен получить статус добропорядочного человека, чего бы это мне не стоило. И тогда я смогу жить. Тогда буду думать, как сделать ту жизнь, которую я хочу. Олег. Олег. Олег! Помнить.

Я стану врачом. Устроюсь куда-нибудь в небольшую больницу. Там будут рады получить на работу врача. Маша рассказывала, что врачей не хватает — в районе не хватает. Все стараются уехать в большой город, чтобы больше заработать.

Хмм... а как я буду зарабатывать? Начну брать деньги от больных — узнают, будет скандал! Врач-взяточник. Начну лечить магией — тоже скандал. Здесь не любят знахарей, очень не любят. Даже странно, почему так не любят. И почему их, магов, нет? Почему не развита магия, как в Кайларе? Выжгли? В старину, когда сжигали ведьм?

Почему-то эта цивилизация пошла совсем в другую сторону — от магии к пистолетам, от магии к пушкам и самолетам, от магии — к автомобилям и телефонам. И люди упорно не верят в магию, упорно ее отрицают! И это несмотря на то, что маги встречаются и в этом мире! Не часто, но ведь встречаются! Как та же баба Надя.

Хмм... а почему я считаю, что маги тут редки? Потому, что баба Надя так сказала? Она обманула меня один раз, почему не могла обмануть и в другой?

А как же та передача, по телевизору? Ну где экстрасенсы соревнуются? Мама сказала, что это так, обман, я и поверил ей. А может не обман? Может, это и на самом деле маги? Может мама не знает?

Как мне найти магов? Как с ними связаться? Только так — показать себя на экране, и пусть сами меня найдут!

Это нужно будет обдумать... Ну вот — нашел магов. Вернее — они меня нашли. Дальше что? Как они ко мне отнесутся? Каковы у них правила, законы? Или все эти маги подчиняются законам государства? Сомневаюсь...

И кстати — как так случилось, что о них никто не знает, и все считают магов выдумкой?

Что-то в этом есть странное... а может лучше не высовываться? Так, на всякий случай. Чую — здесь пахнет чем-то дрянным... смердит от всего этого!»

Дверь скрипнула, Сергар... Олег открыл глаза.

Сержант. Осторожно вошел, помолчал, оглянулся на дверь, прикрыл ее поплотнее, и понизив голос, сказал:

— Ты это... не сердись, ладно? Не хотел я тебя бить! Вижу — лежит бабка, а эта дура еще вопит! Ну и что я мог подумать? Ты это... не надо жаловаться, ладно? Щас строго со всей этой херней, уволят, и куда я пойду? Тут, в раене работы нет ни хрена, за копейки горбатицца? Да еще и кинут... У меня жена на сносях, сын еще есть... кормить надо. Был бы один, тогда... а так...

Сержант жалко улыбнулся, лицо его покраснело и сделалось несчастным, таким несчастным, что можно был подумать — сейчас он встанет на колени, и станет умолять о прощении.

Не встал. Воровато оглянулся, достал из-за пазухи бутылку водки с красной надписью «Столичная».

Дядя Петя говорил, что ее разливают в Ждановке, в гараже, бригада кавказцев. А еще говорил, что они надувают с градусом — по закону водка должна была быть сорокаградусной, это же водка едва дотягивала до тридцати.

«Всему цивилизованному миру известно, что из литра спиртяги выходит четыре с половиной поллитры, эти же аферисты в натуре вытягивают на пять пузырей!»

— Вот... спрячь! Вечером подкрепишь силы. На компресс, так сказать!

— Убери — сморщился Олег и закрыл глаза, чтобы не видеть жалкой физиономии мента — Никуда я не буду жаловаться. И водки не надо. Вопрос закрыт.

— Ну, как хочешь! — с видимым облегчением вздохнул полицейский, шагнул к двери, взялся за ручку, но не открыл, обернулся и еще тише бросил — Ты знаешь, я тебя зауважал. Думаю — придурок какой-то,

утырок, уголовщина, а ты вон чо... Кстати, а как ты меня бросил на пол? Я сто кэгэ вешу, а ты меня одной рукой! Это чо, айкидо, да?

— Айкидо — нетерпеливо махнул рукой Олег — Дай поспать! Голова болит — сил нет! И не без твоей помощи, между прочим.

— Да, да, я понимаю! Ты это... если чо... я послабление какое сделаю! Может чо там купить, или погулять во дворе. Ты же не сбежишь? Ну да, ну да... куда ты сбежишь. Ну все — отдыхай! Я пошел!

Сержант дернул дверь, шагнул, и... столкнулся со старшей медсестрой, которая врзалась в него, отскочив, как мячик от скалы. Ойкнула, подозрительно посмотрела на полицейского, на Олега, лежащего с компрессом на голове, и строго спросила, хмуря нарисованные брови:

— Это что еще такое?! Вам кто позволил входить к больному?! Ваше место в коридоре — так вот там и сидите! Он тебя не бил? (Олег помотал головой)Его счастье! Уходите!

Медсестра решительно захлопнула дверь прямо перед носом сержанта, озадаченно вытравившего глаза, подождала, и снова распахнула:

— И нечего тут подслушивать! Вот туда идите! К фикусу! Там сидите! Здесь врачебная тайна!

— Какая — врачебная? — вяло трепыхнулся сержант — Вы вообще-то медсестра, а не врач!

— Вон, сказала! — медсестра уткнула руки в бока, и пока сержант не перетащился на противоположную сторону коридора, не двинулась с места, похожая на эпическую воительницу, наблюдающую за ходом битвы ее войска. Только потом плотно затворила дверь, и пройдя к кровати охваченного врачебной тайной пациента, села на табурет. Села, и молча уставилась на Олега, не говоря ни слова, лишь слегка покусывая губы, будто на что-то решаясь.

Молчал и он. Честно сказать — говорить не хотелось, и головная боль, раскалывающая голову не располагала к беседам. Даже с боевыми союзниками.

Когда молчание затянулось до неприличия, женщина решилась:

— Ты что сделал с Лидией Михайловной?

— О создатель! — вырвалось у Олега, голову которого кольнул особенно болезненный приступ боли — Это еще кто такая?! Чего я опять сделал-то?!

— Это бабушка, из-за которой сегодня был скандал. Что ты с ней сделал? Ты экстрасенс?

— Не понимаю, о чем вы говорите — насторожился Олег — Какой такой экстрасенс?!

— Вот что, парень, со мной вилять не нужно. Я хоть и не врач, но знаний у меня побольше чем у иного врача! Кстати сказать — давно могла бы быть врачом, если бы был диплом. Только сейчас уже поздно учиться, да и смысла нет. Ну так вот: у бабульки нашли неоперабельную опухоль мозга. Сегодня должны были сделать дополнительные снимки. Сделали. Опухоли на месте не оказалось. Из-за опухоли у нее развивалось психическое расстройство. Теперь же Лидия Михайловна рассуждает совершенно здраво, всех узнает, все понимает. А ведь только недавно она рассказывала о вселенском заговоре, о переливаниях крови и всяких таких чудесах. А еще — она будто помолодела. Кожа разгладилась, морщин стало меньше. А язва куда делась?

— А я знаю — куда у вас тут чего деваается?! — хмыкнул Олег, больше всего мечтающий сейчас о том, чтобы его оставили в покое — Тут много народу ходит. Может и прихватили, что плохо лежит. Я-то причем? Не брал!

— Очень смешно! — серьезно и холодно сказала медсестра — Я слышала, из-за чего ты сюда попал. Бабку Надю многие знали. Она передала тебе умение?

— Какое умение? — закашлялся Олег, не открывая глаз — Не знаю ни про какое умение!

Женщина вздохнула, поправила локон, выбившийся из-под шапочки, устало посмотрела на парня, лежавшего на кровати и тихо попросила:

— Можешь помочь? Я заплачу!

Олег почувствовал в ее словах такую боль, такое отчаяние, что едва не вздрогнул — открыл глаза и в упор уставился в лицо собеседницы:

— Я не понимаю... но чем могу. Почему и нет... Что случилось?

— Дочка у меня — с трудом вытолкнула из себя медсестра — Она голову застудила. Менингит. Слепла. И... умственно отсталая. Как Лидия Михайловна — была. Не уследили — простуда, и простуда... к бабке отправили, а там... А она что соображает? Чаем с малиной отпаивала... дура! Век не прощу мамашу! Пока догадались скорую вызвать — уже поздно. Девочке шестнадцать лет... а она как овощ. Один случай на тысячи. Как в лотерею выиграть.

Женщина вдруг зажала лицо руками, ее плечи задергались, сдавленные рыдания ушли вглубь, выйдя наружу чем-то вроде кашля. Справилась с собой, утерла глаза шапочкой, которую стащила с головы, помолчала, добавила:

— Хотели к бабке Наде ее отправить, но та, сказали, не принимает. Даже знакомых. Старая, мол, стала. Помереть боится. Но я все равно бы

поехала, в ноги пала, умоляла бы! Только вот поздно уже. Нет бабки Нади. Понимаешь? И тут вдруг узнаю — ты вон что сотворил! Потому и спрашиваю — поможешь? У меня есть деньги! Я тебе сто тысяч дам! Двести! Все отдам, что у меня есть, только спаси дочку! У меня кроме нее никого нет!

— Вы замужем? — вдруг спросил Олег, и тут же поморщился — Не подумайте чего...

— Все, что хочешь! — тут же отрезала женщина — Если хочешь, я буду тебя ублажать — все сделаю! Спать с тобой буду! С кем скажешь буду спать! Только помоги!

— Да не требую я со мной спать! — покраснел Олег-Сергар — С чего вы взяли!? И денег мне не надо! Я для разговора спросил! Просто хотел узнать...

— Не замужем — устало кивнула женщина — Дочка у меня единственный свет в окне. Все отдам за нее! Все! Убью! Куплю! Отдамся! Душу дьяволу продам, только спаси!

— Не надо никому ничего продавать — устало вздохнул Олег, и сел на кровати, опершись на спинку — Вы понимаете, что может и не получиться? Я не хочу вас обнадеживать, мозговая горячка — это серьезно. Это редко кто лечит. Можно облегчить страдания, но вылечить совсем... мама говорила, что редко кто умеет лечить такую болезнь. Нарушаются связи в мозгу, нервы — так их называют. А они растут очень медленно и трудно. Нужно много силы, чтобы суметь их срастить. И очень опасно. Мозг такая штука, что лазить туда... хмм...

— Ну ты же залез в мозг к Лидии Михайловне! Ведь получилось?! И тут получится!

— А если она умрет? Если я что-то нарушу? Тогда как?

— Тогда... — женщина прикрыла глаза, снова их открыла и в упор посмотрела на собеседника, положив ладони на бедра — Тогда пусть лучше умрет. Чем так жить... Так что, поможешь?

— Я не знаю — покачал головой Олег, глянув в окно на освещенные солнцем пятиэтажки — Нет-нет, я попробую, чего уж там... только не знаю — смогу ли. Со старушкой вышло случайно, и то я едва не свалился на месте от усталости, а тут... не знаю

— Получится! — убежденно, горячо подтвердила женщина! Обязательно! Иначе это несправедливо! Есть много людей, которые гораздо хуже меня! За что мне такое наказание? За что?

— Не знаю — серьезно, подумав, ответил маг — У каждого свое наказание. За что-то. Боги несправедливы и своенравны...

— Ты сектант? — вдруг остро взглянула медсестра — Почему «боги», а не «бог»? Впрочем — какая разница?! Делай что хочешь, но верни мне дочь! Я не знаю, что тебе предложить, не знаю как сделать, чтобы ты сделал все возможное! Хочешь... ее возьми! Вылечишь — и возьми! Любовницей! Женой! Только вылечи!

— Хватит! — вдруг рассердился Олег — Всему есть предел! Договорилась! Совсем охренела! Молчи! Я и так сделаю все, что только можно, и не надо мне от тебя ничего! Тьфу! Аж противно стало! Так и хочется тебя выгнать к чертовой матери, чтобы больше не видеть!

— Прости! Прости! Я уже сама не знаю, что говорю! Помоги! Милый, дорогой, век буду за тебя богу молиться! Или богам! Кому скажешь, тому и буду молиться!

Женщина вдруг бухнулась на колени, ухватила Олега за ноги и стала целовать их, поливая слезами. Олег от неожиданности оцепенел, нагнулся, схватил женщину за бока, пытаясь поднять, и...

В этот момент дверь распахнулась, и в палату вошла Маша.

Девушка выглядела очень соблазнительно — юбка-шорты открывала круглые, гладкие бедра, соблазнительные коленки, узкие, сухие лодыжки. Полупрозрачная кофточка с глубоким вырезом не давала шанса сомневаться в том, что у девица имеется крепкая, упругая и полная грудь. От девки просто-таки веяло сексом. Она вообще была сплошной рекламой натурального секса!

— Это еще что такое? — растерянно спросила девушка, глядя на то, как старшая медсестра убирает голову от коленей парня — Мда... ты тут времени не теряешь. Зоя Федоровна, ну вы даете! Еще меня попрекали! Шлюхой меня называла!

Старшая медсестра встала, запустила руки в карманы, посмотрела на Машу долгим, запоминающим взглядом и спокойно, сухо сказала:

— Олег, зайди чуть позже ко мне в кабинет, а то тут не удастся договорить. Лезут, как тараканы!

— Что, не успел кончить, да? — сочувственно спросила Маша, нарочито тяжело вздохнув — А ей надо было потеревить как следует! Что же вы, не научились, за сорок-то лет? При такой-то практике?

Олегу показалось, что старшая медсестра сейчас врежет наглой девке, но Зоя Федоровна молча повернулась, не удостоив Машу взглядом, и вышла из палаты, с громким стуком захлопнув дверь.

«Почему на двери нет запора?» — вдруг подумал Олег, а вслух сказал:

— Зачем ты так? Ты же ничего не знаешь!

— Я ничего не знаю! Я все знаю! Что, на старое мясо потянуло?! —

ядовито фыркнула Маша — Мой минет тебе уже не по вкусу?! Опытную телку захотелось?! Кобель проклятый! Все вы мужики одинаковые! Все! Я к нему лечу на крыльях, вся такая влюбленная, в парикмахерскую сходила, новую юбку купила, трусы французские — для него! А ему тут старая курва отсасывает! Скотина! Ублюдок! Гадина!

Маша бросилась на Олега, выставив вперед ногти, красные, будто их обмакнули в свежую кровь. Он еле успел поймать руки девицы, та шипела, пыталась пнуть, укусить, ругалась такими словами, что часть из них он не слышал даже от дяди Пети, известного мастера ругательных дел.

Наконец, запал Маши иссяк, и она перешла к другому виду оружие — слезам. Начала рыдать, обвинять Олега в том, что он влюбил ее в себя, что он заставил ее бросить кучу великолепных мужиков, каждый из которых мог составить ей великолепную партию, отвезя на Багамы и купив бентли.

Олег не знал, что такое «Бентли», но догадался, что эта штука где-то рядом с французским бельем и прической, за которую Маша отдала «аж тыщу» рублей.

Справедливости ради нужно сказать, что на взгляд Олега эта прическа «аж за тыщу» рублей была ничуть не лучше той, которая нормально устроилась на голове Маши до эпического посещения ей «супердорогого парикмахера». В принципе, таким девицам как Маша, с его точки зрения — все равно какую прическу водрузить на прелестную головку — их красоту ничем не испортить.

Впрочем, говорить Маше об этом он не стал — был слишком зол, и не просто зол, ему хотелось хорошенько врезать проклятущей девке широким кожаным ремнем, да не один раз.

У него тут же всплыло воспоминание о приятеле Ионе, закончившем свои дни на кладбище возле оврага. Тот тоже спускал своей любовнице такие вот дикие представления, посмеиваясь, и говоря о том, что ревность проклятой девки его возбуждает. Довозбуждала...

— Пошла вон! — Олег перехватил руку Маши, которой она вяло в очередной замахнулась на «злодея», рывком поднял с кровати и толкнул к двери, придав такое ускорение, что девица едва не врезалась в косяк головой — Вон отсюда! И не приходи больше! Вон!

На крыльях ярости Олег вскочил на ноги, забыв, что они его не держат, шагнул к двери, открыл, и вытолкнул девчонку наружу. Потом подошел к кровати и плюхнулся на спину, заложив руки за голову.

Грудь ходила ходуном, Олега просто распирало от энергии и ему хотелось набить кому-нибудь морду. Или нажраться. Или то, и другое сразу. Пожалел, что отдал менту паленую водку — сейчас бы «засосал из горла»,

как говорил дядя Петя.

Его злило все — и неловкость ситуации, когда Маша застала в «интересном положении», и обещание, которое он дал Зое Федоровне, и вообще — вся цепочка «неловкостей», которые тянулись за ним, как шлейф вонючий за грязным бродягой.

Ну вот зачем, зачем он пообещал этой бабе, что полечит ее дочь? Когда сам еще не разобрался со своими способностями, когда запаса сил хватает только на самые простейшие заклинания, когда он уже давно позабыл, что значит по-настоящему работать с больными!

В армии лечил?! В армии не бывает больных! Там только раненые — тяжелые, или легкие! Какие там лихорадки? Кто их лечит? Иди вперед, или подымай — симулянт проклятый! Нет раны — здоров! Есть рана — на, бери, помажь мазью от мозолей, и все пройдет!

«Это армия, сынок, а ты думал — куда попал?! В бордель с юными шлюхами?! Если так думал — ошибся! Пока не выйдешь из учебки, шлюха у тебя только одна! Нет — две: правая, и левая! Так что заткни пасть, и учись!

Понаберут уродов, маменькиных сынков...»

Глава 7

Плавное движение. Выпад! Шаг назад. Защита! Выпад!оборот. Выпад!

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Кровь толчками расходится по телу, разгоняет мышцы — насыщенная жизнью, яркая, горячая! Кислород. Жизнь. Газ? Жизнь!

Ноги дрожат. Но держат. Плохо держат... устал.

Скрипнула дверь, дыхание, голоса в коридоре.

— Олеж... прости, а? Олеж...

— Вон пошла!

— Ну Олеженька... прости дуру, а? Приревновала... ну дура я, дура! Ну сам пойми — прихожу, а ты с бабой! Да еще и в такой позиции... коленно-локтевой. У меня крыша и поехала! Я тебе рассказывала, что гражданским браком жила? Нет? Ну это... с парнем, в общем. Думала поженимся... Пришла с дежурства, а он вот так, с бабой! И она ему наяривает, полирует!

— Живая?

— Кто? Я?!

— Баба та!

— А чо ей сделается... так... пару пучков вырвала, жопу отбила. Она как раз удобно стояла, а зад как футбольный мяч! Классно! Я в детстве любила мяч гонять! Хороший у меня удар!

— Парень выжил?

— А откуда знаешь? А! Догадался?! Хи хи... она ему чуть не откусила. Крови было! Скандал! Он на меня заяву кинул, мол членовредительство! Ой, умора, вся ментура вповалку лежала! Членовредительство! Так и разбежались мы с ним. Квартиру снимали, так деньги пропали, гадство! Ну — что за квартиру отдали.

Помолчала, нерешительно:

— Я ведь к Зойке ходила... хотела ей глаза выцарапать! А оно вон чо... Она мне все рассказала. Мы помирились. Оказалось, вполне неплохая баба. А я ее терпеть не могла! А у нее вишь чего... дочка. Я бы за дочку не то что любому дала, я бы весь мир разнесла! А ты не любой... тебе любая даст! Дак чо теперь, она виновата, что ли? Так ты чего, правда этот... экстрасенс? Тут такое про тебя все рассказывают! Что ты и мента одной рукой чуть не прибил, и что бабку вылечил! Что вообще колдун! И что того

урода в кэпэзэ ты убил просто пальцем показал, мол, умри, он и сдох! Скажи, ты правда колдун?

— Правда.

— Клаааасссс! Я балдею! Ну ничего себе! А я-то думала, как это ты ночью меня так здорово отделал! У меня такого никогда не было! Думала — ты какую-то секретную технику знаешь! Ну например — был где-то за границей с секретной миссией, попал в плен, убежал, и в монастырь! Ну... китайский, какой-нибудь! Там наострился драться, а еще — всякие китайские штучки — я про них по телику смотрела. Нажмешь на точку какую-нибудь, на заднице, ну, какую знаешь точку, я и того... кончила! Нет, а чего ты смеешься?! Я по телику слышала, точка «Г» какая-то есть, ее нажимаешь, и женщина вся твоя!

— Вся? А может немножко себе оставляет?

— Тьфу на тебя! Ты вот смеешься, а люди дельно по телику говорили! Там врачи рассказывали!

— Меньше нужно всякой ерунды смотреть. Да, я кое-что умею. И ни в каких монастырях не был. Кстати, а почему монастырь-то?

— Ну... как почему? Ты что, не знаешь, что ли? Там монахи живут, китайские! Они всю жизнь учатся драться. Иголкалывание еще делают, лечат травами, говорят — эксрасенсы! Ну как ты вот!

Маша наконец осмелилась подойти, и сесть на табурет. Все это время она стояла у порога, переминаясь с ноги на ногу, будто нашкодивший ребенок.

Впрочем — так оно и было. Насколько Олег мог судить, несмотря на развитое тело, разум ее не очень далеко ушел от уровня подростка. По крайней мере — Олегу так показалось. И скорее всего — так оно и было. Многое зависит от той среды, в которой живет человек. Если не все зависит. Не без исключений, конечно, но...

— Олеее... а, Олег! Ты pomoжешь ей?

— Помогу... если смогу. Пока не уверен.

— Ты это... помоги ей, ладно? Я тебя очень прошу... очень!

— Это она тебе сказала — меня уговорить?

— Кхе-кхе... угу. Но я и сама бы тебя попросила! Когда узнала. Она говорит — все сделает, чтобы ты согласился. И для меня все сделает, если я тебя упрошу.

— Так вот почему ты ко мне опять притащилась? Да? Знаешь, что, девочка...

— Не надо, Олег! Я все равно бы пришла! Наверно, я в тебя влюбилась...и не потому, что ты меня трахаешь хорошо... хотя и это

здорово! Нет! В тебе что-то такое... ну я не знаю — что! Ну не знаю! Не могу без тебя, и все тут! Вот я ушла утром, а сама думаю, думаю... как он там без меня? Все ли хорошо? Скорей бы к нему вернуться, посмотреть на него... потрогать. Я тебя ждать буду! Если тебя посадят! Обязательно ждать буду! Тебе все равно много не дадут, я знаю.

— И что, ни с кем спать не будешь, когда я сяду?

— Что я, курва какая? Да ни боже мой! Только ты! Зуб даю! Все зубы даю! А насчет Зои — ну если она сама предлагает, так почему нет? Она так-то влиятельная баба, не смотри, что медсестра! Она с главврачом шашни крутит, любовница его. Говорят — еще с администрации с кем-то там встречается. Красивая баба, не смотри, что ей под сорок. То-то я и взбесилась... а теперь вот переживаю. Ты что, не видишь, как я переживаю? Ну, хочешь — на колени встану?! Только это... подложу чего-нибудь, ладно? А то чулки у меня новые, а линолеум драный, порву еще... А хочешь, я тебе щас сделаю...

— Отстань! Не надо на колени! Что у вас за привычка такая, чуть что — на колени!

— А так удобнее. Я вообще не люблю, когда мужик на меня наваливается. Я задыхаюсь! Сзади люблю! Или сверху! Нет — лучше сзади, мне лень самой дрыгаться.

— Тьфу! Я не про то! Ладно... забудь. Зоя сказала, когда приведет дочь?

— Она вроде поехала за ней... скоро уж должна приехать. Зоя так-то недалеко живет, но девчонку нужно собрать... в общем — скоро.

— А меня спросили? Вот демоны вас задери! То есть — черти вас унеси — меня-то почему не спросили?! Может, я сейчас еще не могу лечить?

— Ну ты же бабку вылечил... как не можешь? Ты это... она денег может дать!

— Ты взяла у нее деньги? — Олег окаменел лицом, прищурил глаза — Ну-ка, смотри на меня! Брала?

— Ннет... а что, надо было? — Маша простодушно похлопала глазами — Если что — могу взять! Если ты боишься. А что такого? Ведь лечишь, а не аферист какой-то! Почему не взять, за работу-то? Все берут! За операции, за то, что помогают. И я брала! А что — зарплата маленькая, разве можно на нее прожить? Я не знаю, каким местом думает начальство, но попробуй, проживи на семь тысяч! Поесть-попить, одеться-обуться, за квартиру отдать! Ну как можно на семь тысяч?

— Да ладно?! Семь? Не может быть... пенсия, и то больше.

— Пенсия — может быть, а вот зарплата семь тысяч четыреста рублей! Это тебе не Москва! Да и там говорят в государственных больницах не сахар. Двадцать пять — тридцать. А жить в Москве дорого. Дороже, чем у нас. В общем — задница!

— Ясно.

Сергар... Олег задумался, внимательно посмотрел на довольную, сияющую Машу, помолчал с минуту, тихо сказал:

— Маш... давай с тобой кое-что выясним. О нас с тобой.

— Давай. О нас с тобой — нахмурилась девушка — Что, прогнать хочешь? Лучше нашел, чем я? Я что-то не так сделала? Или делаю? Так ты скажи — я все сделаю, как ты хочешь! Я терпеливая!

— Маш... — Олег покусал губы, снова помолчал — Я ведь не люблю тебя. Ты же знаешь. Мы с тобой случайно встретились, раз переспали... это не означает, что я твой жених, что мы предназначены друг другу! Мне с тобой хорошо, да. И что? У тебя сколько было мужчин?

— Так в этом дело? — горько выдохнула Маша — Брезгуешь мной? Шлюха я, да? Сколько мужиков было? Да десяток. Может больше. Не считала я. Чистенький, да? У тебя за тридцать лет баб не было? Ждал единственную? А знаешь, как я бабой стала? Кто первым у меня был? Пьяная была. С пацанами. И кто был первым — не знаю. Трое их было. Хорошо хоть не залетела. Морду воротишь? Да, не из семьи олигархов я! Мамка продавщица, попивает. Папка спился и помер. Брат в тюрьме! Все, что есть — задница красивая, сиськи, да морда ангельская — как мужик один мне сказал, командировочный. Говорит — езжай в столицу, там тебе цены не будет! А я не хочу в столицу. Я не хочу продаваться! Я любить хочу! И в тебя влюбилась — что, преступление?

— Не преступление, девочка — Сергар покачал головой — и не брезгую я. Я сам в грязи, как... хмм... в общем — хватанул я дерьма по своей жизни. Тебе не надо знать. И что там у меня впереди — не знаю. И любить уже разучился. Ты мне нравишься, хоть и дура. В постели с тобой хорошо. И зла в тебе не чувствую... так, придурь одна. Но у меня нет будущего, и нет к тебе любви. Тебе хочется жить с человеком, который тебя не любит?

— А что, я первая и последняя такая? — Маша улыбнулась уголком рта, лицо ее вдруг перекосилось, но как ни странно, при этом не потеряло красоты и миловидности — Живут люди и без любви! Моей любви на нас обоих хватит! Мне плевать, что ты под следствием, мне плевать, что с нами будет! Я за тобой на край света пойду! И не потому, что ты меня хорошо трахаешь!

— Ты уже говорила — мрачно кивнул Олег-Сергар — Ну что ты заладила — «трахаешь», «трахаешь»?! ты же говоришь — тебе секс не важен, а главное что ты меня любишь!

— Издеваешься? — колко глянула исподлобья — Не веришь? А оно так и есть! Секса можно найти сколько угодно, и хорошего, пусть и не такого хорошего, как с тобой — только свистни! Только вот с тобой интересно! Ты... странный. Не такой, как все! Ты — колдун! А они все — тупые уроды! Только жрать, трахаться, пить, гулять! Господи, если бы ты знал, как мне все надоело! Как мне тоскливо! Знаешь, а я все-таки подумывала — в Москву уехать! Хоть что-то изменить, хоть какая жизнь, движение, только не это болото! И вот — ты. Инвалид, а от тебя такой силой веет, такой... такой... да они тебе в подметки не годятся! Все! Скоты тупые!

— Перестань. Не такие уж и скоты, и не такой уж я великий — Олег помотал головой — Хороших людей полно! Тот же участковый, Сергей — отличный мужик. И он специально здесь поселился, ему нравится. Хороших людей хватает, только нужно их увидеть, понять! Ты же вот не плохая?

— Плохая. Я — плохая! — Маша вздохнула — Я в постель к понравившемуся мужику прыгаю! А ведь это нехорошо, я должна ждать любимого, единственного! Я деньги люблю! Хочу одеваться, обуваться — как жены олигархов! За границу хочу поехать — на курорт! Я злая, ревнивая, за своего мужика убить могу! Вот какая я! Вот! Нет, ты не подумай — если у меня есть мужик, я с другими не буду! У меня есть понятия о совести! Честно-честно! Никогда такого не было, чтобы я от своего мужика гуляла! Ну... пару раз если только. И то — они сами виноваты! Бухали, не до меня им было, не до секса — нажраться только, и спать! А я же не железная! Но они и сами гуляли, я знаю!

— А если я гулять буду? Ты будешь тогда из постели в постель прыгать, с чужими мужиками спать?

— Ты же сказал, что я не невеста — Маша горько улыбнулась — Тогда почему от меня требуешь верности? Если будешь меня трахать как следует, если не будешь меня обижать — зачем мне искать на стороне? Ты что думаешь, бабы от хорошей жизни на стороне мужиков ищут? Значит, что-то не устраивает, значит — он чем-то виноват! Конечно, если не учитывать совсем уж дур ненормальных, нимфоманок. Бабе хорошего мужика, чтобы драл как следует, дом содержал, детишек делал — да мы за него богу молиться будем, на край света за ним пойдём!

— Хмм... ладно. Пусть будет так — Олег задумался, и снова кивнул —

Будем считать, заключили с тобой договор. Мы с тобой вместе, до тех пор, пока это связь не начнет кого-нибудь из нас напрягать. Тогда честно говорим другу другу все, что думаем, как друзья. Что-то не устраивает — разбегаемся. Никаких обязательств. Никаких претензий и сцен ревности. Узнаю, что ты с другими мужиками крутишь — расстаемся. Не люблю делить бабу еще с кем-нибудь. Если это только не шлюха за деньги. Но там другое дело — купил, сделал дело, и ушел. Но любовница, моя женщина — только для меня одного. Ну а ты, если что, не закатываешь мне сцены ревности, как сегодня! Даже если и вправду застанешь меня за... ну... в общем — понятно. Согласна? Если да — давай попробуем быть вместе. Если нет — уходи. Прямо сейчас. Спасибо тебе за отличную ночь, за добрые слова, и... прощай.

Молчание. Тягостное. Долгое.

В коридоре кто-то бубнит, мужские голоса, женский смех на улице. Журчание в канализационных трубах. Муха — откуда взялась? Кружит, целится, жужжит... начни гонять — сейчас же сцука спрячется, и говори после этого, что у насекомых нет мозгов! Хитрая, тварь!

Мысли — тоже жужжат. Расслабленность, хочется лечь, забыться. И никого не видеть хотя бы пару дней! Но нельзя. Пока нельзя. Пока — он не имеет своей жизни, своей судьбы. Чужая судьба. Чужое тело. Чужой мир. Чужие порядки и люди. И нужно к ним привыкать.

— Гадина ты! И все вы мужики гадины! — наклонилась, схватила за шею, впиалась в губы, отпустила, посмотрела в глаза. Глазищи зеленые, с искорками, смеются.

— Все равно тебя люблю! Никому не отдам!

«Попался. Все-таки попался! Закончу, как Ион! Ладно... жизнь покажет...»

Вслух:

— Жизнь покажет!

— Покажет — эхом, с усмешкой — Давай не будет заглядывать вперед? Живем — как живем. Что будет завтра — какая разница?

«Пятнадцать лет так жил. Сегодняшним днем. В своем мире. И снова, здесь?! Ну а что я ждал — в „загробном“ мире будет легче?»

— Я не вовремя?

Маша отпрянула от Олега, пересела на табурет. Зоя Федоровна слегка улыбнулась:

— Если что, я чуть позже зайду, хорошо?

— Да все в порядке. Я сейчас уйду — не смутилась Маша — Вам поговорить нужно? Наедине? (Посмотрела на Олега, мол, видишь, какая

покорная? На все согласная! Вот!)

— Я дочку привезла. Олег, посмотришь? Полечишь?

Сергар легонько вздохнул, кивнул:

— Посмотрю. Ведите. Я вас только вот что попрошу... принесите мне еды получше. Эту дрянь больничную видеть уже не могу!

— А я разве не сказала!? — всполошилась Маша — Вот же дура! Я тебе котлеток нажарила, картошечки наварила, огурцов купила — базарных, сами мы не закручиваем. Селедочки, даже наливочки принесла! Сливовой — вкусная! Мммм! Я чуть-чуть попробовала — язык проглотить! На торносливе!

— Чего язык? — не понял Сергар, занятый своими мыслями.

— Проглотишь... — слегка растерялась Маша — Ну... выражение такое. Вкусно, значит. Покушаешь?

— Я могу сходить в кафе, принести чего-нибудь повкуснее. Надо? — неуверенно предложила Зоя Федоровна — Чего хочешь? Что принести?

— Ничего не надо! — отрезала Маша — мне что, выкидывать! Наготовила! Щас покушает, и полечит! Покушаешь, Олежа?

— Покушаю — кивнул Сергар-Олег — Немного. Живот бурчит с голоду, отвлекает. С вашей больничной еды не растолстеешь.

— Отлично! — обрадовалась Маша и начала доставать из сумки продукты. Остановилась, кивнула Зое — А вы пока приготовьте дочку. Щас он, пятнадцать минут, и все. Правда, Олежа?

— Правда! — обреченно кивнул Олег, которому казалось, будто он попал в огромную колею от повозки-лесовоза, и никак не может из нее выскочить. Бежит, бежит, бежит... как пойманная мышь по клетке, подпрыгивает, надеясь выскочить на простор — и не получается. Слишком глубока колея, слишком малы силы.

* * *

Девочка была хороша. Если забыть, что с ее красивых губ свисает струйка липкой слюны, а глаза невидяще смотрят куда-то вверх, выше голов. Постригли коротко, видимо чтобы меньше заботиться о волосах. Одета в халат, под халатом ничего, кроме памперса. Такие Мария Федоровна надевала на Олега, пока были деньги. Потом перестала. Дорого.

Тело хорошо развито, можно сказать — красиво. Небольшие, крепкие груди, круглые, упругие бедра, длинные ноги. Фигуры Маши и этой девочки очень похожи, только Машина грудь покрупнее. А так — переставь

головы, не отличишь!

«Красивые женщины красивы одинаково!» — вдруг подумалось Олегу-Сергару — «И только уродство разное. Видимо есть какие-то параметры, по которым человек сам не понимая того определяет, что эта женщина красива, а вот эта — нет. Впрочем, наверное — дело вкуса. Вспомнить только Гезера! Он с ума сходил по толстухам, да таким, чтобы рука толщиной с его ногу!

Извращение? Наверное. А может и нет. Я вот не люблю жареный лук, можно сказать — не переносу, так это извращение, или просто особенность организма? Каждый любит то, что любит. Кто-то стройных, длинноногих, а кому-то нужны огромные, волосатые, как обезьяны! Я вот терпеть не могу волосатых женщин! Даже излишнее оволосение на лобке уже отвращает, что уж говорить о пучках волос в подмышках — а тот же Гезер обожал, как он говорил, „подергать за бороду“! Ну что тут скажешь... люди!»

— Зоя, скажите менту, чтобы никого сюда не пускал. Даже главврача. Нет, мы по-другому сделаем — найдите какую-нибудь палку, сейчас подопрём дверь.

— Швабра! Швабру сейчас! — Маша шмыгнула за дверь, и через две минуты снова возникла в палате, встрепанная, отдуваясь, будто бежала километров десять.

— Проклятая баба! Это не баба, это бульдозер! Нет — танк! Я эту Таньку прибью когда-нибудь! Еле отобрала швабру! Вцепилась, ручищи — во! Гналась за мной! Отстала только тогда, когда я сказала, что Зоя велела принести!

— То-то я думаю — что это шум такой? — Зоя Федоровна помотала головой, не отрывая глаз от сидящего на табурете Олега — Надеюсь, без членовредительства?

— Хватит болтовни! — негромко, но властно сказал Сергар — Зоя — мента предупредить. Потом заходите и держите оборону! Никого не пускать! Мне не мешать — что бы не происходило! Все ясно?

— А что может произойти? — жадно, с любопытством, глаза блестят!

— Маш, глупых вопросов не надо, хорошо?

— Все, мент будет сидеть у двери. Все готово.

— Раз готово — приступаем. Молчание!

Сергар засучил рукава пижамной куртки и придвинув табурет, сел рядом с девушкой, лежащей на его постели. Подумалось — хорошо, что она в памперсах! Другой постели-то нет, вдруг надует? Хотя, если получится, можно будет требовать и кровать получше, и постельное белье

почище...

Усмехнулся — еще не начал, а уже далеко идущие планы строит! Если так — надо было брать деньги. Баба сулила. Так почему не взял? Решил — нужно вначале осмотреться, нужно понять, как можно безопасно зарабатывать. Иначе попадешь в беду. Здесь есть налоговая служба, есть люди, которые следят за законом. Попасть в тюрьму за неуплату налогов — что может быть глупее? И так проблем хватает! Кроме того — если уж в Кайларе для того, чтобы заниматься лекарством нужен был патент, так тут вообще все строго! Не любят здесь знахарей-колдунов, жуликами считают. Вначале нужен какой-то статус — например, экстрасенса. А уж потом... там видно будет. Тем более — куда он деньги денет? Сидя под арестом? Если только Маме передать... Нет, не до того пока.

Да и скребануло в душе — взять деньги от безутешной матери, готовой на преступление и унижение ради дочери? Все-таки нельзя богатеть на беде... хоть и лекарь.

Снова усмехнулся — плохой из него лекарь! Настоящий лекарь с пациента три шкуры сдерет! Хотя... кого считать настоящим лекарем? Мать, когда у пациента не было денег — ничего не брала. Лечила, и не брала.

«Сынок, запомни — судьба накажет, если отказать в помощи тому, кто в ней нуждается, тому, кто не может заплатить. Деньги — это еще не все. Есть такой закон — сделал доброе дело человеку — круг должен замкнуться. Если этот человек тебе не оплатит — у тебя прибудет счастья, а у него убудет. У него начнутся беды, неприятности — пока не вернет добро. Пусть даже и через кого-то. Конечно, это в том случае, если человек мог тебе оплатить. Но если не мог... тогда судьба тебя наградит! Забудь о деньгах — и деньги будут, и слава будет, уважение людей, счастье, любовь — только живи честно, лечи людей, и все получишь!».

Когда мать умерла во время черного мора — Сергар с горечью вспоминал ее слова. За что же ее ТАК «наградила» судьба? Отца? За что? За их добрые дела?

Нет в мире справедливости, и не будет. Вот тогда он и решил уйти в армию. Если добрые дела не востребованы, так может злые в почете? Оказалось — и они не особо вознаграждаются... ни в этом мире, ни в загробном.

Хотя — что назвать злыми делами? Если только убийство таких же вояк, как и он, Сергар, только с той, другой стороны. Разобраться — не подличал, за спинами товарищей не прятался, мирных жителей не грабил, не насиловал. Да, убивал — так это ведь его работа! Как тогда казалось —

лучшая, чем работа лекаря. Дурак был...

Вокруг рук медленно разгоралось колдовское зарево. Ладони и пальцы засветились зеленовато-голубым светом, невидимым среди белого дня. Впрочем, не только среди дня — вообще не видимым, если смотреть глазами обычного человека. Сила вытекала медленно, по капельке — нужно было вначале «разогреть» руки, открыть в них каналы, через которые высунутся лучи-щупальца.

«Представь себе, что твои руки стали мягкими, пластичными, как глина. Чтобы они стали такими — пусти немножко Силы, подогрей кожу. А когда почувствуешь, что готов — начинай выращивать щупалы, которые войдут в больного.

Ты должен чувствовать щупалы, как продолжение самого себя, как пальцы, как язык, как свою кожу!

Ты должен соединиться с больным, стать с ним единым целым! Только тогда увидишь, какая болезнь гнездиться в теле пациента, только тогда ты сможешь понять, что с ним не так, и только тогда ты сможешь воздействовать на болезнь, уничтожить ее, выжечь дотла!

Но бойся переоценить свои силы! Если болезнь сильна, если она глубоко укоренилась в теле больного, а ты недостаточно силен — хворь может перейти на тебя, и тогда участь твоя, ученик, может быть печальна. Болезнь набрасывается с такой силой, что может убить лекаря наповал! Это называется „рикошет“, и похоже на то, как арбалетный болт, отразившись от щита, вонзается в голову неосторожного воина.

Чтобы такого не случилось, всегда ставь защитный барьер, всегда будь наготове и обрывай связь при малейшей угрозе того, что ты не справишься в борьбе с недугом. Применяй снадобья, которые усилят действие чар, не надейся только на свои силы!

В мире мало великих лекарей, которые могут творить настоящие чудеса, в своей мощи не применяя заветных снадобий. Ты же должен знать рецепты тридцати основных составов, которые помогут выжить твоим пациентам, и само главное — тебе»!

Итак, теперь мы переходим к главе: «Лечебные травы, магические отвары и способы их приготовления.

Индар Гарун, „Трактат о лечении, в помощь начинающему лекарю“. Издание пятое, дополненное. Имперская академия Кайлара, 45798 год от Создания Мира.»

Тело было здоровым, каким оно может, и должно быть в шестнадцать лет. Все органы светились сочным, зеленым светом здоровья, болезнь не успела навести тут свои порядки. А вот мозг...

Тускло-красный, местами черный, он воспринимался как потухший уголек, и пахло от него так же — гарью, окалиной, чем-то неприятным, будто в очаг засыпали груды костей и они теперь тлели, распространяя мерзкий смрад.

Сергар удивился — раньше он не воспринимал магический запах болезни, запах пораженных органов! Собственно, это был не «запах», так, как его привыкли понимать простые люди. Это был магический запах, и чувствовали «запах» только лекари, которые достигли определенного уровня в лекарском деле!

«Мелкие» лекари, вроде Сергара, для которого лекарское дело было лишь побочным умением на воинской службе, ничего такого не чуяли, довольствуясь лишь тем умением, которым одарили их боги. В лекарственных трактатах писалось, что умение «вынюхивать» болезнь можно развить путем долгих тренировок, но честно сказать, Сергар не встречал еще ни одного мага, который сумел бы развить таковую способность, и давно считал, что в древних трактатах слишком много преувеличений, не нужно верить им безоглядно и тем более, заморачиваться проблемами, которые совершенно не важны обычному боевому магу. Другое дело — учиться боевым искусствам, это и в бою поможет выжить, и сохранит здоровье в трактирных драках. А толку-то, если ты унюхал, что человек пахнет желтой лихорадкой, или же черной ползухой? Как это поможет выжить солдату, мечтающему дожить до окончания контракта и не потерять при этом не только конечности, но и саму жизнь!

Что делать? Ну вот — что делать, когда ты совершенно не умеешь работать, как настоящий маг-лекарь? Когда тебя никто не учил работать с мозгом, потому что работать с мозгом могут только самые сильные, самые умелые маги! Даже мать, и та не бралась за мозговую лихорадку! Говорила: «Это не для нас, сынок. Лучше не лезть в мозг. Можно совсем его загубить! Или погибнуть самому.»

«Каждый организм стремится восстановить свою жизненную энергию, свое здоровье. Если бы этого не было, люди умирали бы даже от простой царапины, в которую проникла зловредная лихорадка. Организм борется, уничтожает злое проклятие в него попавшее, заращивает раны, восстанавливает органы, лечит себя сам. Однако же, он не всесилен. Человек не может отрастить себе руку или ногу, если ему не помогает магическая Сила.

Почему так происходит? Некоторые исследователи ссылаются на волю богов, например Эстор Сиогнский в своем трактате „О божественной сути явлений“ прямо говорит: „Человеку не суждено узнать волю богов, кроме

как через свою судьбу, и не суждено понять, чем руководствовались боги, создавая то, или иное явление“.

Что значат эти слова многоуважаемого богослова и лекаря? Только лишь то, что этот ученый не смог понять суть происходящих процессов, и отослал читателя за разъяснением к богам, зная, что те не снизойдут до ответа смертному существу. Я же утверждаю — пытливый разум может и должен проникать в суть вещей.

По моему скромному разумению, и согласно проведенным мной исследованиям, человек суть сосуд закрытый, стремящийся к равновесию. Если из сосуда отлить немного налитой в нем жидкости, он не будет бежать за кухаркой и требовать наполнить его. Он просто успокоится и останется таким, каков он есть. Пока не попадет в заботливые руки и они не наполнят его новой жидкостью, новой жизнью.

Так и человек — стоит дать толчок, наполнить его магической Силой, направив ее в нужное место, и почувствовав заботу тело тут же начнет процесс восстановления. Все зависит от той силы, которая будет приложена, и от самого организма, к которому приложили силу — насколько оно будет сопротивляться вмешательству.

Увы, некоторые „сосуды“ настолько крепки, настолько сильно сопротивляются воздействию, что маг-лекарь бессилен что-то в них изменить. Только самые сильные, самые опытные, самые умелые маги могут совершать то, что они совершают. Кроме одного — воскрешать мертвых.

Впрочем, о такой богопротивной ворожбе в этом трактате мы говорить не будем, тем более что даже обсуждение подобного колдовства запрещено Коллегией Магического Искусства.

Я не согласен с запретом на обсуждение богопротивной магии мертвых, но вынужден подчиниться запрету, ибо я законопослушный лекарь и должен соблюдать закон.

Потому, от Магии Мертвых мы сейчас перейдем к параграфу: „Лечение болезней, кои наведены злонамеренными действиями колдунов“.

Тема очень важная, в свете десятилетней войны, кою ведет наш Великий Император, обеспечивая работой множество наших коллег.»

Трактат «О природе вещей, и о некоторых вопросах прикладной магии» Индар Гарун, Имперская академия Кайлара, 45796 год от Создания Мира. Гриф: «Для внутреннего пользования, не одобрено для печати» Росчерк поверх: «Департаменту расследований проверить на предмет измены государству» Агент третьего класса Самург.

Насытить мозг магией. Пожелать, чтобы он был здоров! Соединиться,

стать частью больного! Что может быть проще? На словах...

«Стань таким, как прежде! Восстановись! Восстановись! Возьми здоровье, возьми Силу!» — бесплотные «щупалы» паутиной опутали мозг девушки, насыщая его жизнью. Мозг, только что покрытый черными пятнами и красными проплешинами, приобретал нормальный вид, запах тлена и гари исчезал, перебиваемый свежим запахом зеленой травы, мокрого луга, запахом леса и ветра.

Верный признак того, что плоть восстанавливается нормально. Если бы нет — лекарь ощущал бы только неприятный запах, только смрад, и чем ближе к смерти, тем «запах» тлена сильнее. Пока не исчезнет совсем, вместе с душой пациента. Мертвец в магическом пространстве не «пахнет» ничем. Нет души, нет и «запаха».

Сергара уже трясло. Он выдоил себя насухо. Силы оставалось только на то, чтобы закрыть, залечить последнее красное пятнышко на мозге девушки — оно медленно исчезло, растворилось в зеленом сиянии, и лекарь облегченно вздохнул — Все! Сделано! Первый этап пройден. И вроде как успешно.

Сергар-Олег открыл глаза, посмотрел на замерших в ожидании женщин — Маша вытаращила глаза, будто смотрела на представление комедиантов, Зоя была бледна, на губе выступила капелька крови — видимо так закусил, что острые зубы пробили кожу.

Когда Олег повернул голову и пошевелился, Зоя шумно выдохнула и с надеждой спросила:

— Что?! Ну — что?! Не молчи! Говори — что с ней?!

— Жива — Сергар устало вытер лоб трясущейся рукой — Пока жива.

— Что значит — пока?! Почему — пока?! — Зоя схватилась за горло и побелела, хотя казалось — куда больше белеть? И так бледная, как простыня. Впрочем — здешние простыни были гораздо темнее, чем им полагалось быть простыням.

— Эээ... ммм... я неверно выразился — вымученно улыбнулся Сергар, тут же сообразив, что ляпнул и решив, как выкрутиться из ситуации — Я имел в виду — жива, но пока что на прежнем уровне. Мозг ее здоров, но...

— Что — но?! Что — но?! — перебила Зоя, лицо которой исказилось, став некрасивым, злым, неприятным — Ты ничего не сделал?! Почему ты ничего не сделал?! Ведь бабку ты вылечил! А почему ее не вылечил?! Ты... ты...

— Тихо! — вдруг рявкнула Маша, сделавшись властной и холодной — Молчи! Дай ему сказать! Он все сейчас пояснит, правда, Олежа?

— Не зови меня Олежей — хмуро бросил Сергар, потирая лоб, искоса глядя на Зою, стоявшую в изголовии кровати. Женщина сжала кулаки и прижала их к груди, будто боялась что халат распахнется настежь — Не люблю я этого имени. Девушка жива. Мозг у нее сейчас здоров, но ее в мозгу нет.

— Как нет?! Как так может быть — нет?! — снова не выдержала, и хрипло каркнула Зоя — Куда она делась?! Вот же она лежит! Чего ты несешь?! Аферист! Ты — аферист! Что сделал с бабкой?! Вы с ней договорились?! Хотели меня обмануть?! Да я вас!..

— Да заткнись ты, дура! — рявкнула Маша, и схватила за руку Зою, шагнувшую вперед, к лекарю. То ли женщина желала его ударить, то ли хотела вцепиться в лицо похожими на когти пальцами, которые угрожающе растопырила в стороны.

Сергар не склонен был преуменьшать способность разъяренных женщин лишать зрения неосторожных мужчин, впавших у них в немилость, потому был настороже и поспешил все объяснить:

— Я вылечил мозг. Устранил последствия лихорадки. Чему сам удивлен — раньше я этого никогда не делал, а вот теперь смог. Но душа девушки покинула тело. Куда она могла улететь — я не знаю. То есть — в этом теле нет его хозяйки. Тихо, тихо! Не орать!

Сергар постарался, чтобы в голосе не продребезжал звоночек смертельной усталости, и звучал он как можно грознее:

— Молчать! Когда я говорю! Потом будешь орать! Я предупреждал, что может и не получиться! Но ты бегала в истерике и не слушала! Теперь — слушай! Я сделал все, что мог! Если душа все-таки осталась в теле, она спряталась где-то в мозгу. Где-то там, куда я не смог добраться. Потому, что я никогда не делал такой работы, никогда не лечил больных, душа которых спряталась, либо улетела! Ты понимаешь, нет?! Теперь — ты понимаешь? Я не могу прыгнуть выше своего уровня! Я не могу сделать того, что я не могу сделать!

Из Зои будто вынули стержень. Она упала на дочь, завывала, зарыдала, забилась, будто в судорогах. На все это страшно было смотреть — так рыдают по мертвым, так оплакивают то, что дороже всего на свете, и чего никогда уже не вернуть — любимого ребенка, выношенного, вынянченного, памятного до последнего родимого пятнышка на теле, до ямочки на щеках, до ноготка на мизинчике! Нет ничего хуже, чем пережить свое дитя...

— Помоги! Да помоги же! — Зоя оторвалась от тела дочери, бросилась к Сергару, уткнулась головой в пол — Помоги! Сделай что-нибудь! Век за

тебя бога молить буду! Я знаю, ты можешь! Или я тебя убью! Убью!

Женщина подняла голову, впилась в лекаря взглядом горячим яростью глаз, и Сергар невольно почувствовал холодный озноб — жутко! Вражеские маги не были так страшны! Куда там зеланским магам! Разъяренная женщина, которая защищает своего ребенка, гораздо страшнее! И ведь убьет, правда!

— Попробую помочь, я же сказал — Сергар устало помотал головой — Ты меня недослушала. Если душа девочки осталась в теле — постараюсь поставить на место. Если же она все-таки улетела — ничего не смогу сделать. Пойми, я лекарь, а не бог. Только боги могут поймать душу, и вставить ее в новое тело.

— Что тебе для этого нужно?! Что!? — захрипела Зоя, закашлявшись, подавившись рыданиями — Что тебе нужно, чтобы начать?

— Отдохнуть. Немного отдохнуть. Подзарядиться — коротко ответил Сергар, пытаясь подняться с табурета — Еще — хорошей еды. Мяса, сметаны, сыра, красного вина. Хорошего красного вина. Можно подогреть его с пряностями. Мне нужно восстановить силы. Два часа отдыха, и я буду готов.

— Все сделаю! Все! — Зоя вскочила, будто подброшенная катапультий, пошатнулась, удержалась на ногах и лихорадочно пригладила волосы, проведя по ним ладонью правой руки — Если что-то еще надо — скажи! Я сейчас! А дочку куда?

— Тут пусть лежит. Не трогайте ее. Мне принесите кровать — прилягу. Или хотя бы матрас на пол бросьте, я немного посплю. Да, лучше матрас — поменьше суеты, не привлекайте внимания. Все! Пошли!

Сергар дождался, когда у подоконника на пол ему положили матрас (он даже не посмотрел — чистый, или нет — в больнице матрасы особой чистотой не отличались), с трудом, с помощью Маши, добрался до своего «великолепного» ложа и свалился, забывшись тяжелым, беспокойным сном.

Ему приснилась битва под Скельгеном, впервые, после стольких лет. Он навсегда постарался забыть тот день, тот час, ту минуту, а тут, вдруг — опять, как наяву: огромный, закованный в сталь всадник с мечом в руках. Сергар ничего не смог поделать — тот выскочил из-за бугра откуда-то сзади, врубился в шеренгу магов, как наказание богов!

Маги не носили кольчуг — они плохо влияют на способность подзаряжаться Силой. Не носили брони — по той же причине. Их оружие, их защита — магия. Но только не после двух часов непрерывной стрельбы огненными шарами.

Какой придурок поставил этакую хлипкую защиту с флангов? Маги никогда не работали без прикрытия! Во время стрельбы они были беззащитны сзади и с флангов, и зеланский конник тяжелой кавалерии доказал это в полной мере.

Двое магов погибли сразу, зарубленные одним ударом — конник косил шеренгу, как добрый косарь луговую траву! Еще двое — прежде чем кто-то успел сказать: «Ах!»

Сергар все-таки успел метнуть в конника кинжал, бессильно скользнувший по тяжелой броне, и лишь привлечший внимание «смертоносной стальной башни» к магу, не желавшему умирать без боя.

Навсегда запомнилась блестящая стальная полоса, взметнувшаяся вверх и ярко блеснувшая в свете полуденного солнца. Зазубрины на слегка волнистом лезвии, кровь, рубиновыми капельками разлетающаяся по сторонам, голубой камень, вделанный в крестовину рукояти. Взгляд из прорезей высокого, украшенного султаном шлема, и царапина на правом наплечнике — даже не царапина, борозда, вероятно проделанная наконечником тяжелого копья.

Сколько раз Сергару снилась эта картина! Сколько раз посреди ночи он просыпался с яростным криком, пробуждая своих боевых товарищей, или трактирную шлюху, купленную за три серебряных монеты!

Ярость! Страх! Боль, и осознание скорой гибели — этого не забыть никогда!

Его тогда спасла случайность — отступая назад, пытаясь избежать удара клинка подскользнулся на кишках Иссольда, прежде стоявшего в строю слева, и разрубленного ударом тяжелого меча. Упал, машинально прикрывшись рукой, и меч, вместо того, чтобы развалить на две части, «всего лишь» отсек левую руку выше локтя, пройдя в пальце от груди и распоров новую форменную куртку, только сегодня утром полученную в интендантской службе (Вы их нарочно рвете, что ли?! Казна только на вас и работает! Небось новые продаете, а деньги пропиваете, проклятые моты!).

Конник замахнулся еще раз, но через мгновение уже превратился в воющий, но еще живой кусок поджаренного мяса. Кто-то все-таки сумел сохранить часть Силы, не использовав ее до предела. А может, успел подзарядиться, пока уничтожали его товарищей.

С тех пор Сергар никогда, ни при каких обстоятельствах не осушал себя до конца. Всегда оставлял Силы на пару-тройку выстрелов.

Фонтанирующую кровью культю ему перетянули, слегка полечили, затянув рану, и отправили в тыл. Руку потом вырастили за счет казны — не из человеколюбия, нет — государству было глубоко плевать на какого-то

там боевого мага, но ведь кому-то все-таки нужно стоять в строю и палить по рядам зеланской конницы? А так же легкой и тяжелой пехоты.

Вот и вылечили. Отсутствие руки не означает прекращение контракта. Вот если бы голову, тогда — да. А рука — что, рука отрастает! Месяц боли, зуда, горечи снадобий, безумного аппетита за обеденным столом — и конечность на месте.

Для гражданского человека эта работа лекаря стоила бы огромных денег. Таких, какие он не смог бы заработать и за всю свою жизнь.

По крайней мере так сказал угрюмый лекарь высшего разряда, мобилизованный для нужд армии, как и многие из тех, кто месил грязь под хмурым небом Пограничья. Давно уже не хватало кадровых военных и глупых добровольцев, желавших сложить голову на службе Императору. Теперь в армию сгоняли всех, кто мог держать оружие. Или колдовать — как этот лекарь, мужчина лет сорока, с выражением вечного недовольства жизнью на холеном, чисто выбритом лице.

Говорили потом, что этот самый лекарь потом погиб во время прорыва вражеской конницы в район штаба соединений армий Кайлара. Тогда был начисто вырезан офицерский госпиталь и убиты около половины высших офицеров Кайлара.

Возможно, что именно это и повлияло на исход войны. Если армией командуют не кадровые офицеры, а глупцы, получившие должность за взятку, по знакомству или по наследству — участь армии предрешена. И страны — тоже.

* * *

— Олег, подымайся! Олег! Олег!

Сергар застонал, открыл глаза. Тут же почувствовал вкусный запах еды, увидел небольшой столик, уставленный тарелками. Все, что он заказывал — мясо, сыр, глубокая чашка с каким-то горячим варевом, бутылка вина, и рядом большой хрустальный бокал с рубиновой жидкостью.

Много пить не стал — сделал несколько глотков, чувствуя, как терпкая жидкость обжигает пищевод, начал медленно хлебать густой суп, наполняя пустой желудок, властно требующий сытной пищи.

На обед ушло около получаса. Сергар не спешил, и не обращал внимания на застывшую, как статуя Зою. Женщина стояла молча, неподвижно, изредка моргая — только это и выдавало в ней жизнь.

Прислуживала ему Маша — подавала, подкладывала, убирала, подливала, искоса поглядывая на молчаливого парня. Пыталась что-то спросить, но он не отвечал, игнорируя любые вопросы, даже самые невинные. Тогда она слегка обиженно замолчала, что тоже не произвело на него никакого впечатления. Не до них. Не до баб.

«Мозговые болезни» — самое сложное, с чем может столкнуться лекарь в своей практике. Мы не знаем, и скорее всего не узнаем, как человек думает, как мыслит, каким способом это происходит. С давних времен, еще с тех пор, когда человек бегал по просторам Мира одетый лишь в шкуры, люди заметили — стоит повредить мозг, и вместо прежнего человека перед вами оказывается животное, или еще хуже — растение, неспособное на человеческое поведение.

Мозг — вот хранилище души, и если его повредить, душа или прячется туда, где болезнь не может ее достать, либо улетает, чтобы найти себе новое пристанище, чтобы начать новую жизнь в новом теле. И лучше так, потому что загнанная в узилище душа страдает, но не может найти выхода из той темницы, в которую себя загнала.

Улетевшую душу уже не поймать, а вот извлечь из «узилища» беглянку — это дело достойное, подвластное тому, кто обладает необходимыми силой и способностью. И главное — способностью. Срубить дерево может могучий лесоруб, но пусть попробует он вырезать из этого дерева прекрасную, радующую глаз скульптуру! Это удел тех, кто УМЕЕТ. Так и в лекарском деле — можно обладать могучей Силой, сносить дома, сжигать армии, но когда потребовалось всего лишь вылечить мальчика, упавшего с забора на камень и ударившегося головой — с горечью сказать: «Я бессилён! Я ничего не могу сделать! Я всего лишь жалкий вояка, неспособный вернуть душу на ее законное место!»

Лишить души может всякий, поставить ее на место — единицы. И пусть будет славен тот, кто на это способен — в этом он уподобляется богам!

И пусть молчат те, кто говорит о том, что лекарское дело вторично, что для Служения Империи требуются только боевые маги, что они ценнее лекарей — эти глупцы ошибаются. Способность спасти человека в тысячу раз важнее умения убивать!

Теперь мы перейдем к способу извлечения души из ее добровольного заключения. О том, что такое душа я говорить не буду — на понятии «душа» я подробно остановился в трактате «Душа, как совокупность жизненного опыта», почему-то поднятым на копыта представителями духовенства. Это тем более странно, что я никак не посягал на догмы

Храма, а своим трактатом, как мне кажется, лишь подтвердил их незыблемость. Видимо уважаемые иерархи недостаточно внимательно прочитали некоторые мои выводы, ограничившись лишь чтением названия одного трактата.

Впрочем — как это не раз уже бывало в моей практике. В свои девяносто лет я ничему уже не удивляюсь и лишь сожалею — научная мысль катится в пропасть под напором волны воинствующего невежества. Но речь в данном трактате — не об этом.

Лекарь, который желает извлечь душу больного из потайного уголка мозга, должен пустить свою душу на поиски этого самого уголка. И когда найдет его — разрушить стену темницы, убедив душу выйти. Или заставив это сделать. Если сумеет — честь ему и хвала. Не сумеет — потеряет душу свою, оставшись в больном мозгу пациента на веки вечные.

Именно потому лишь немногие мастера решаются производить подобное лечение. Невыгодно. За то время, что лечишь такого сложного и опасного больного, можно вылечить десяток пациентов с прыщами, несварением желудка и облысением, получив за то звонкой монеты полные кошельки.

И никто не оценит труд настоящего лекаря, способного работать с душой пациента — эта работа так же опасна, как и не видна.

«Из трактата „Вопросы душевного здоровья населения государства, и о некоторой практике на этом поприще“ Индар Гарун, Имперская академия Кайлара, 45799 год от Создания Мира. Гриф: „Для внутреннего пользования, не одобрено для печати“

Росчерк поверх: „Старик совсем спятил. Проверить контакты на предмет заговора против Его Императорского Величества. Доложить в Департамент Расследований“ Автор замечания неизвестен».

— Снимите с нее все!

— И памперс?

— Все снимите! Держите дверь, чтобы никто не вошел. Если мне помешают — она погибнет. Я — тоже.

Сергар решительно сбросил с себя пижамную рубаху, штаны, оставшись совсем нагим. Зоя закончила раздевать дочь, нерешительно глянула на лекаря, ничего не сказала, подошла к двери и вдруг уселась на пол, опершись на дверь спиной:

— Устала. Посижу. Не войдут — только через мой труп. Маша, помогай!

Маша кивнула, села рядом, и обе женщины стали внимательно наблюдать за тем, что делал Олег — одна со страхом, недоверием, другая

— со жгучим любопытством и радостным восхищением, уж больно картина была забавной! На постели — голая девица, уткнувшаяся взглядом в потолок, над ней — мускулистый парень, голый, как Адам! Заснять на фотик — ну просто таки порно-сцена, а не лечение!

Маша тихонько достала телефон и незаметно для Зои сделала несколько снимков, едва не повизгивая от удовольствия — будет что показать Анжелке!

«Вот это парень, не то что Анжелкин мохнатый Зураб-ларечник! Небось локти кусать будет! И поделом! Говорила ей — учиться надо было на медсестру, тут не только старые бабки и древние пердуны бывают, тут можно такого жениха отхватить! Ну... вот такого! Как Олег! Кстати сказать — и ноги у него уже вполне ничего! В шрамах только, но шрамы даже украшают мужчину! А спина? Мускулы так и перекатываются! Ни жиринки — просто культурист, да и только! А руки?! Как схватит за задницу, как прижмет...ооооо! Скорее бы ночь! Да ухватиться за его „рукоятку“! Вот же одарил бог парня таким хозяйством... до самого сердца достает! Он даже на вкус приятный! Не то что нашенские придурки... не курит, не пьет — мечта, а не мужик! Костями лягу — но тебя никому не отдам!»

Маша почувствовала такой приступ возбуждения, что едва не кончила. Покосилась на Зою — отвела глаза, устыдившись дурным мыслям. Баба переживает, а она только думает как раком встать, да зад парню подставить!

«Ну не сука ли я? Нет — а что сука-то? Что естественно, то не безобразно! Я что, отнимаю что-то у Зойки? Наоборот помогаю! А то, что „встал“ на парня — так это природа, я все-таки человек, баба, а не холодная статУя! И ничего человеческого не чуждо, как кто-то там сказал. Маркс, что ли? Но хорош самец, да... хорош! Как я его хочу! Ууууу... щас завою, как волчица!»

* * *

«— Чем больше площадь контакта тел, тем большее воздействие ты оказываешь на пациента.

— Мам, а чего, я должен голышом ползать по какой-нибудь бабке? Тьфу!

— Нет, сынок — мать улыбнулась, а отец за столом поперхнулся и выронил деревянную ложку, зайдясь в приступе яростного смеха — Тихо, Смул! Ну не мешай, а?! Я объясняю ему азы лекарского дела, а ты

хихикаешь!

— Да я вспомнил, как ты лечила того парня, от воспаления легких! Нет — ну ты представь — я захожу, а ты по пояс голая прижимаешься к его спине! А он чего-то там радостно повизгивает, мерзавец! И как не повизгивать, когда к нему прижались красивая баба такими-то сиськами! Хо хо хо...

— Фууу... Смул! Ну чему ребенка учишь! Сынок, не слушай его! Папка шутит!

Мать секунды две крепилась, потом вдруг не выдержала и прыснула смехом:

— Ты бы видел свое лицо! Приехал с рынка, весь такой ничего не ожидающий, а жена тискается с голым мужиком! У тебя глаза так вытаращились, я думала — на пол упадут! Спасибо, сразу не прибил, хоть спросил, зачем это я на него залезла! Другой бы по башке сразу! Хи хи хи...

— Люблю потому что... — ухмыльнулся отец — Но вообще-то мысль была шандарахнуть чем ни попадя. Уж потом вспомнил про лечение...

— А что, такое лечение редко применяют, мам? — Сергар смотрел на хохочущих родителей и не понимал — чего они так развеселились? Что такого смешного, если лекарка обнимается с полуобнаженным пациентом, и главное — зачем?

Мать вытерла слезы, успокоилась, и деловитым тоном пояснила:

— Редко. Во-первых, кому охота тискаться с каким-то там пациентом? Даже если хочешь его спасти. Это уж от отчаяния, когда ничего не помогает, и ты делаешь ставку на все свои силы. Мы ведь не лечим особо сложные случаи, для того есть Высшие Лекари. Вот пусть они и ползают голышом по всяким там пациентам... хе хе хе... Кроме того — чтобы добиться максимального эффекта не нужно плотного контакта — достаточно напоить пациента специальным снадобьем, повышающим его чувствительность к магии. А вот если нет снадобья, или оно не помогает... вот тогда — да! Тут уже прямой контакт, единение, и лучше как можно плотнее, как можно большей площадью! Лучше — раздеться совсем и лечь на него так, чтобы руки касались рук, голова головы, а ноги ног! И тогда...

— Тогда бы я тебя точно прибил! — захохотал отец, откинувшись на спинку стула, и отбросив от себя ложку, загремевшую по столу — А для пущего контакта и лучшего лечения не надо еще засунуть и...

— Тьфу на тебя, похабник! — расхохоталась мать, и отвернувшись от Сергара показала мужу кулак — Вот — кто про что, а он все про ЭТО! Тьфу! Тьфу на тебя!

Сергар смотрел на них и ничего не понимал. Ему вчера исполнилось шесть лет, он был уже большим мальчиком. Мужчиной. Но у взрослых еще много непонятного... они странные. И чего тут смешного?»

* * *

Девушка была теплой, гладкой, и как ни странно — хорошо пахла. Как пахнут все домашние девчонки — молочком, свежестью, чистым девичьим телом. Дыхание тоже чистое, губы пухлые, красные, будто накрашенные.

«Красивая девочка!» — мелькнула мысль, и тут же умчалась — не до нее! Даже мужская плоть, восставшая после того как лекарь взгромоздился на девушку тут же опала, будто убоившись предстоящей задачи.

Сергар лег на девушку, взяв ее ладони в свои, прижавшись своими ногами к ногам девушки, прижавшись губами к ее губам. Теперь они были как зверь с двумя спинами. Как два любовника. Как муж и жена, соединившиеся в одном, едином порыве — зачать новую жизнь.

Тело лекаря засветилось ярким, даже при свете видимым светом, видимым — даже непосвященным. Сергар сейчас просто сочился Силой.

Маша невольно ойкнула, и Зоя быстро закрыла ей рот, накрыв ладонью так быстро, что едва не разбила губу. Девушка обиженно посмотрела на соседку, и та встретила взгляд яростным блеском черных глаза — молчи! Маша кивнула и стала наблюдать за происходящим, уж ничем уже не выдавая свое присутствие.

Хлоп!

Проникновение было таким неожиданным, таким чувствительным, что Сергар едва не потерял контакт со своей Силой. Он буквально впился в мозг девушки, вонзился в него, ворвался, как в темную комнату врываются лучи утреннего света, выскочив из-за отодвинутой занавески. Тьма треснула, разорвалась в клочья, унеслась прочь, испуганная бесцеремонным вторжением, и Сергар остался висеть в пространстве — маленький, как орел в вышине, как маленькое облачко, зависшее над необозримым, великим Миром.

Внизу простиралась равнина, ровная, блестящая, как ледяная. И никого. Совсем. И где душу искать — неизвестно. Ее душу. Девчоночью. Если она тут еще есть.

Куда лететь? Где этот самый домик, где темница, в которой спряталась девушка? Как найти?

И тут же усмехнулся — вот дурак! А как ты находил артефакты? Через

Силу, конечно! Другого пути нет!

Нырок в пустоту!

Спустился на ровное поле — гладкая поверхность была упругой и слегка светилась сине-зеленым светом. Усмехнулся — это что, так воспринимается мозг? Его поверхность? Так она ведь не гладкая! Она вся в бороздках, в извилинах!

Чего-чего, а мозгов Сергар посмотрелся. И не только в учебке, где им показывали вынутые из черепных коробок мозги.

Когда рядом с тобой прямым попаданием огневика сносит половину черепа твоего товарища, и его мозг вываливается, плюхаясь на твою ступню, как выброшенная на берег медуза — волей-неволей запомнишь, как выглядит эта желто-красно серая плоть.

Фаххх!

Во все стороны полетели щупалы-нити Силы, они покрыли «небо», будто паутиной. Посыл-задание — найти!

Образ!

Найти!

Дзынь! Дзынь-дзынь! Ниточка задержалась — поймал! Поймааааал!

Фаххх!

Втянулись ниточки, кроме одной, тут же сделавшей толстой, крепкой, а на конце ее что-то билось, что-то живое — рыбка! Птичка, попавшая в силки!

Дернул — не идет! Крепко сидит! Ну что же — если птичка не идет к охотнику — охотник придет к птичке!

Вжжжик!

Мелькнуло, моргнуло — нет равнины! Нет света!

Комната, освещенная вечерним солнцем. У стены телевизор — большой, просто огромный — Сергар никогда таких не видел, чуть не в пол-стены! На экране — целуются мужчина и женщина — страстно, взасос.

Экран моргнул — и вот эта парочка извивается в судорогах страсти, стонет, корчится. Сергар поморщился — он не ханжа, но все-таки не понимает людей, которые делают это по своей воле, показывают то, что интимно и касается только двоих. Ну... троих — если уж приспичило. Но не тысяч же!

Девушка была тут — в ночной рубашке, прозрачной, кружевной, ничего не скрывающей. Она сидела на диванчике перед телевизором, почесывала длинное гладкое бедро и внимательно смотрела, как мужчина с неестественно огромным достоинством взгромождается на хрупкую,

сисястую девицу. Девица ненатурально вопила, изображая неземную страсть, и Сергар невольно фыркнул — он видел представления комедиантов, которые изображали страсть гораздо достовернее, и для этого не приходилось показывать свои интимные прелести. И возбуждали эти комедианты гораздо сильнее.

— И как ты смотришь такую дрянь? — Сергар уселся на мягкий пуфик у стены, уперев руки в колени.

Кстати сказать — в этом придуманном мире он был таким, каким помнил себя всегда — крепкий, жилистый мужчина за тридцать, темноволосый, зеленоглазый, со шрамом на виске и полоской белых волос на затылке — следом скользящего по черепу меча.

— Ой! Ты откуда взялась?! — девушка вскочила, на ней тут же появился строгий, почти мужской костюм, а в руке — сковорода! Видимо душа девицы считала это оружие совершенно неотразимым. Сковорода была огромной, но девица держала ее легко, одной рукой — чего только не бывает во сне?

— Ты хочешь меня забрать, смерть! — в голосе девицы появились истеричные нотки, она размахнулась, и... Сергар едва успел уклониться от удара — рукоять сковороды сделалась длинной, очень длинной, такой длинной, что позволила этой чертовой девке нанести сокрушительный удар, оставивший на стене глубокую вмятину.

— Ты что, обалдела?! — Сергар выскочил на свободное место посреди комнаты, следя за тем, чтобы у него оставалась свобода маневра, принял боевую стойку, справедливо ожидая от «собеседницы» любой пакости — Я за тобой пришел! Спасать тебя! Меня мать твоя послала!

— Ты — Смерть! Я не верю! Ты Смерть! Я не дамся! Я не дамся! Я не дамся! Иииииии!

Девица вдруг завертелась, закружилась, из одежды на ней остались только узкие кольчужные трусики да кольчужная же блузка со стальными пластинами на груди. Где она видела такой наряд? Почему приняла этот облик?

Нетрудно догадаться. Телевизор. В представлении девушки именно так выглядит крутая девица, способная отбиться от любой напасти, даже от самой Смерти.

Кем она видит Сергара? И это тоже понятно. Если он видел эту Душу, как красивую молодую девчонку, коей она в общем-то и была, то та видела перед собой лишь Смерть — в черном плаще с капюшоном, с косой, которой та размахивала, норовя добить несчастную жертву!

«Так вот о какой опасности говорили древние трактаты!» — мелькнуло

в голове Сергара, и тут же все мысли вылетели, выбитые могучим ударом одного из тех мечей, что девка держала в руке. Хорошо еще, что он успел соорудить на голове стальной шлем, на котором теперь осталась глубокая зарубка!

— Меня твоя мать послала, Зоя Федоровна! — Сергар едва уклонился от сдвоенного удара мечей, распоровших воздух прямо у его плеч. Девка на пару секунд остановилась, но только для того, чтобы яростно выдохнуть:

— Мама не могла послать за мной Смерть! Она скорее сама бы умерла! Умри, сука костлявая!

Вжик! Кланг-кланг!

Сергар вырастил небольшой щит, меч с тупым лезвием — теперь можно было «воевать». Самое глупое в этом всем было то, что он не мог нанести девке удара, не мог принести никакого вреда, и не потому, что вообще не мог, силы и умения не хватало, а потому, что этого делать было нельзя! Каждый удар по душе мог ее разрушить, лишить воспоминаний, или хуже того — разрушить всю личность до основания, и тогда вместо души остались бы только негодные обрывки ее «плоти», ни на что не годные, не способные оживить тело!

Клаш-клаш!

Девка билась на удивление умело — насмотрелась фильмов? Конечно, против Сергара она ничего не могла, даже пробить его защиту, но... стоит ошибиться, стоит ослабить внимание — получить по башке в иллюзорном мире не менее опасно, чем это было бы в мире реальном!

А может и еще опаснее. Рану реальную можно залечить, а вот рану на душе? Вряд ли.

— Остановись! Меня зовут Олег (Не соврал! Зовут!), меня послала твоя мать! Я лекарь, и хочу тебя вылечить! Хочу вытащить из этой темницы!

— Это не темница! — рыкнула девка, закручивая особо хитрую спираль удлиняющимся по ее желанию мечом — Это крепость! И ты, старая мерзкая сука, тут сдохнешь! Ты не забереешь меня!

Клаш-клаш-клаш!

Бам!

Щит разлетелся деревянными занозами.

Бам!

Вместо мечей девушка теперь орудовала двумя дубинами с шарами, усаженными острыми шипами. От ударов этих страшных орудий убийства разлеталась домашняя утварь, так любовно устроенная в этой «крепости».

Разлетелся телевизор, вдребезги разбился чайный сервиз, стоявший на полках, сами полки в полированной мебельной стенке были превращены в древесное крошево. В комнате будто порезвился бешеный жеребец, вволю побесившийся на паркетном полу — его стальные подковы разнесли все, до чего смогли достать.

— Получи! Получи, сука! — девица визжала так, что заглушала стоны развратной парочки, невесть как снова оказавшейся в целом, нетронутом телевизоре.

Комната приобрела прежний вид — похоже девица сама не осознавая того поддерживала равновесие придуманной «норки», в которую забралась, прячась от Смерти.

«Вот оно что! Равновесие!» — стукнуло в голову лекарю, и он решился. Отпрыгнув назад, испарил свое оружие, и сделав пасс, метнул в стену комнаты самый мощный огневик, какой мог создать, представив, что и он, и девушка защищены магическими экранами.

Огневик получился знатный — громадный, в обхват, таких в жизни не бывает, и грохнул он будто корабельное орудие, выстрелы которого Сергара видел по телевизору. Стену просто вынесло, разнесло в клочья, а комнату заволочло гарью и дымом.

Стена тут же появилась снова, но хозяйка «крепости» была вынуждена замереть, занятая восстановлением прежней структуры «крепости», и тогда Сергар напал — могучий удар сбил девушку с ног, вбив ее в стену, с которой посыпались книги, картинки, какие-то фигурки, любовно расставленные на полочках. Сергар выпустил мощный заряд силы, представив, что вяжет девицу с ног до головы толстенными путами, больше похожими на корабельные канаты. Теперь — если бы с пленением ничего не вышло, если бы душа девушки смогла порвать путы — участь незадачливого лекаря была бы предрешена. «Сука Смерть» точно осталась бы в этой крепости навсегда. В виде груды «костей».

Девушка рванулась, канаты натянулись, затрещали... и выдержали.

Завыла, зарычала, потом начала плакать, рыдать, жалобно всхлипывая, как маленький ребенок. И тогда Сергар взвалил ее на плечо, подошел к двери, которую создал в стене и высадил эту дверь ногой, разнеся на мелкие кусочки.

Путь был свободен, и Сергар шагнул за порог.

Девушка вскрикнула, затряслась, кровать заходила ходуном — девицу, зажатую под телом лекаря били судороги.

Затрясся и Олег — он будто боролся, пытаясь прижать пациентку к постели. Оба рычали, хрипели, завывали, и выглядело это так страшно, что Зоя все-таки не выдержала. Она бросила к кровати, хотела схватить Олега за плечи и стащить с дочери, но не успела.

Маша перехватила ее руки и отбросила женщину прочь:

— Не трогай! Он сказал, чтобы ему не мешали!

— Она умрет! Она сейчас умрет! Он ее убивает! — взвизгнула Зоя и снова бросилась вперед.

Но Маша была настороже — схватив безутешную мать за волосы, она рванула ее в сторону, добавив коленом в обтянутый халатом зад с такой силой, что старшая медсестра с грохотом врезалась в дверь туалета.

На пару секунд Зоя застыла на полу, упав на колени, ошеломленная ударом. Лицо женщины скривилось в гримасе, достойной Медузы Горгоны, и через мгновение в ее руке оказалось оружие — эмалированное ведро с отбитым краем. Размахнувшись, Зоя Федоровна метнула этот снаряд в голову Маше, спокойно, с прищуром ожидавшей атаки поверженной соперницы.

Ведро с невероятным грохотом врезалось в стену, покатилося по полу, не причинив увернувшейся Маше ни малейшего вреда — чего-чего, а драться Маша научилась еще в детстве — тот, кто не умеет дать сдачи не может выжить в этой жизни. Особенно на их улице.

— Что, что случилось?! — в комнату попытался проникнуть постовой, но швабра, которой была подперта дверь, не дала ему этого сделать. Полицейский лишь заглянул в щель между косяком и дверью, и тут же отпрянул, пораженный открывшейся картиной — на кровати лежал голый Олег, из-под которого виднелись конечности и голова голой же девицы, а над ними таскали друг друга за волосы разъяренные медсестры. Блузка на груди Маши была порвана вместе с лифчиком, груди вырвались на свободу, а из носа Зои Федоровны капала кровь, покрывая халат сочными рубиновыми пятнами.

Постовой не успел ничего предпринять — сильный удар девичьей ноги уже захлопнул дверь, отрезав его от сверхинтересного зрелища:

— Назад! Не смотреть! Убью!

В Маше проснулась настоящая валькирия, или берсерк в женском обличье. Она поудобнее захватила Зою Федоровну за шею и классическим броском через бедро шваркнула о платяной шкаф, полностью выведя из строя гадкое изделие рук пьяного мебельщика, десять лет ожидавшее, когда

кто-то наконец-то прекратит его уродское существование.

Оглушенная Зоя Федоровна застыла на полу, юбка ее задралась выше пояса, обнажая красивые черные трусики и края черных чулков, по коим уже спустились дыры-стрелки.

— Мам, что тут происходит? — слабый голос девушки прозвучал, как гром среди внезапно наступившей тишины — Ой! Я голая! И мужик на мне! Ты кто такой?!

— Дед Пихто! — вдруг заржала Маша, опускаясь на пол у стены и откидывая голову назад — Суженый-ряженный, вот кто... твою мать! Ой, я не могу! Нет — я тоже как-то так проснулась после дискотеки! Ничо не помню, и мужик голый! Ой, я щас умру со смеху! Ой, я не могу! У меня истерика... вашу мать! Нет, Олежа, с тобой точно не соскучишься!

— Мам, да что тут делается?! — снова, плаксивым голосом спросила девушка, зажимая грудь, скрючиваясь в позу зародыша и глядя на то, как слезший с нее мужчина медленно натягивает штаны, шатаясь, держась за спинку кровати одной рукой — Мам, это что за люди? А чего ты в крови?

— Я тебе все потом объясню — устало, хрипло ответила Зоя, поднимаясь с пола.

Она не плакала, не радовалась, у нее не осталось ничего, кроме огромного облегчения, а еще — чувства благодарности к этому усталому, бледному парню, молча усевшемуся на табурет и прислонившемуся спиной к стене — Это тот, кто тебя вылечил, дочка. Твой спаситель. Его звать Олег. А мы скоро пойдем домой.

И тут ее вдруг прорвало. Зоя упала на пол, рыдала, била кулаками по полу, села, раскачивалась, как дерево под ударами ветра, и только приговаривала:

— Я верила! Я верила! А они говорили — никогда! А я верила! Господи, спасибо тебе! Господи! Ты помог! Ты!

— Не он помог, а Олег! — кривясь, бросила Маша, заправляя груди в изорванный французский лифчик — А ты мне должна еще два комплекта нового белья! И две блузки! За моральный ущерб! Ну ведь нельзя же быть такой душой, а? Сказали же — не мешай! Еле справилась с кобылицей! Тьфу! Жалко лифчик... выбирала, выбирала... иэээххх!

— Олега мне бог послал! — выдохнула Зоя — Спасибо! Спасибо! Куплю я тебе лифчик! Три лифчика! Господи, ну как же хорошо-то, а?! Спасибо, спасибо всем!

Девушка сидела на кровати, закутавшись в простыню, и видно было — она ничего не понимает. Совсем ничего. Но самое главное — теперь может понять.

Душа вернулась в тело. Все-таки — смогли!

Глава 8

— Ни фиги себе! Это что, тут арестованный содержится?! Типа — чтобы не убежал, да? Он отсюда и сам-то не захочет убежать!

Участковый недоверчиво осмотрел палату, бросил взгляд на двухспальную кровать-сексодром и уважительно покачал головой, выпятив нижнюю губу.

— Мдааа... умеют же люди устраиваться! Даже под арестом. А я тебе тут пирожков от матери принес... А ты небось из ресторана питаешься?

— Не совсем уж так-то... но не голодаю — усмехнулся Олег-Сергар, кивая капитану на мягкий стул — Садись, чаю попьем. Маш, сооруди нам чайку, хорошо?

— Оп-паньки! — у Сергея вытаращились глаза — Это еще и прислуга у тебя?! Да какая!

— Моя женщина — пожал плечами Сергар, хитро подмигнул — Заботится обо мне. А что такого? Встретились, сошлись.

— И это все за неделю, что меня не было?! — участковый недоверчиво помотал головой — Вот это да! Ну ты и ухарь! Слышал я, что в больнице что-то странное происходит, но чтобы такое... поверить не мог!

— А что слышал? — Сергар насторожился, Маша, которая стояла у столика возле окна замерла, «наострив» уши.

— Да всякое болтают... — неопределенно хмыкнул капитан — Например, что нашему полковнику кто-то позвонил, и сказал тебя не беспокоить, пока как следует не вылечишься. Что ты совсем при смерти, тебе нужен покой, и чтобы всякие там следователи тебя до поры, до времени не дергали. Не объяснишь, что тут происходит?

— А кто сказал про звонок? А! Ну да... забыл. Следовательша, да?

— Ты помалкивай... я тебе ничего не говорил. Так что же все-таки случилось? Как умудрился?

— Сергей, тебе какая разница? — вздохнул Олег-Сергар — Прими это как... хмм... вот так и прими!

— А еще — невозмутимо продолжил участковый — Говорят, что ты людей лечишь. Это правда?

— Так... раз знаешь, зачем мозги морочишь? — вздохнул Сергар — Знаешь, вот на тебя посмотришь — увалень-увальнем, но только на первый взгляд! Хитрый ты — до невозможности! И опасный.

— Опасный я для врагов — усмехнулся Сергей, и колко глянул на

Олега — Ты же не враг? Нет? Что касается обманчивого вида — многие ошибались, да. Так... ясно... вот и сложился пазл.

— Чего сложился? — не понял Сергар.

— Пазл — задумчиво глянул участковый — Ты тоже не прост. Иногда такой знающий, такой хитрый, тертый, а иногда простых вещей не можешь понять! Кто же ты такой, а, Олег? Пробил я тебя. Никакой ты не вояка — врач ты, недоученный. Разбился на мотоцикле, спину сломал, вот и оказался в коме. Никакими боевыми качествами не славился — ходил в боксерскую секцию — да кто из пацанов не ходил? А вот остальное, ножики всякие...

— Не надо! — повел глазами Сергар, указав взглядом на Машу, жадно прислушивающуюся к разговору — Ни к чему это. Да, лечу людей. Экстрасенс — так вроде это называется. Люди мне дают, что могут. Маша вот мне помогает — она у меня вроде секретаря. Ну и... остальное — тоже.

— Тоже? Хорошее — «тоже»! — ухмыльнулся Сергей, глядя на стройную фигурку Маши — Ты вообще-то думаешь о будущем? Что делать-то будешь? Вечно тянуть нельзя. Все равно придется идти в суд. Придется сидеть в клетке и ждать приговора. Убийство — это тебе не шутка!

— Я знаю. И я ждал, когда ты придешь. Знал, что придешь — кивнул Сергар, снова взглянув на Машу — Мне нужно с тобой поговорить. Чуть позже. Вот сейчас чаю попьем, и поговорим, а Маша пока сходит в магазин, принесет нам чего-нибудь вкусненького, правда, Маша?

— Выпроваживаешь?! — Маша вызывающе вздернула нос и бухнула чайной чашкой о стол — Я что, чужая?! Как будто я ничего подсказать не могу, посоветовать! Между прочим, я разбираюсь не хуже...

— Кышь отсюда! — прервал Сергар, добавив в голос побольше металла — Мы о чем с тобой договорились?

И тут же, мягче:

— Иди, Машуль... купи бутылку сухого красного, для здоровья полезно. И в закуску чего-нибудь. Ты пьешь сухое, Сергей?

— Лучше чего-нибудь покрепче — бесстрастно сказал участковый, наблюдая за тем, как Маша, виляя аккуратным задом, шагает к двери — Мда... Деньги завелись? Интересно. Секретарь, деньги, даже охранник у двери! Рожа у постового чего такая довольная, масляная? Тоже на тебя работает?

— На меня — кивнул Сергар, и слегка вздохнул — Не в этом дело... Маш, иди, что ли! Ну что ты время тянешь! Надо будет — я тебе сам все расскажу!

Маша фыркнула, хлопнула дверью, выходя из палаты, и Сергей снова покачал головой:

— Глазам не могу поверить! Вроде только вчера я тащил тебя на руках, спасая от разъяренной толпы, а теперь у тебя секретарша-полубовница, палата, больше похожая на номер в гостинице, деньги, вкусная еда, даже вино! И это в больнице, под охраной! И как это ты все сумел обстрипать?! И как у тебя вдруг проявились лечебные способности?!

— Бабка Надя видать передала — соврал Сергар — Теперь я лечу людей. И кстати — кое-в чем даже лучше ее самой. Ну... я так думаю, что лучше. Что касается палаты, денег... это все Маша. Я бы сам не смог. Она организовала, и с деньгами тоже Маша управляет. Я денег не беру. Люди дают, сколько могут, если не могут — лечу и так. Маша откуда-то знает, что за люди обращаются, сколько у них денег, и сколько можно запросить, чтобы не разорить, чтобы не накладно было.

— Да что тут секретного? — усмехнулся Сергей — Городишко — что та лужа, в одном конце булькнули — брызги по всей округе! Тут все друг друга знают, здесь приезжих-то почти и нет, а если есть — это к родне приехали, все равно знают. Разузнать о материальном положении не составляет никакого труда. С этим все ясно. Интересно, а сколько Маша себе берет? Не задумывался?

— Берет, наверное — Сергар-Олег равнодушно пожал плечами — Я даже не спрашивал — сколько. А зачем? Как я ее прослежу, если она мне солжет? Так зачем тогда ставить ее и себя в неудобное положение? У меня в жизни и так слишком много неудобных положений, чтобы заморачиваться еще одним. Матери она денег отнесла, мать мне звонила. Да — звонила! У меня теперь и телефон есть — хороший. И даже телевизор со спутниковой антенной. Матери, кстати, поставили? Не видел тарелки?

— Еще бы не видел — фыркнул участковый — Там у нее теперь целая компания просиживает! Петя, и Коля — бывший спортсмен! Чаи гоняют, бездельники, да телик смотрят! То-то я думаю, мать к тебе не рвется! А она, оказывается, с тобой давно уже связалась! Или ты с не

— Я с ней. Говорю — не приезжай, зачем? У меня все хорошо. Несколько раз в день с ней разговариваем, так что все в порядке.

— Это просто замечательно — Сергару показалось, или в голосе мужчины прозвучала легкая издевка — Так что же ты все-таки собираешься делать? Кстати — адвоката не было?

— Был какой-то плюгавчик, но я его прогнал — скривился Сергар — У хорошего адвоката не может быть заштопанного костюма и перхоти на плечах! На кой хрен мне он сдался? Лучше я себя сам буду защищать...

— Как защищать? Ножам? В судью будешь метать, да? — усмехнулся участковый — Ты вообще представляешь себе систему судопроизводства, нет? Ты сможешь составить документ — ходатайство, к примеру? Заявление? Прочитать дело и найти в нем неувязки, чтобы как следует раздолбать в суде?

— Ну... Маша купила ноутбук, у нас интернет теперь есть — Сергар отхлебнул из чашки, помолчал — Ищу законы, читаю, смотрю, как защищаться. А что я еще могу? Ну не этого же перхотного очкарика нанимать?

— А что, других адвокатов нет? Деньги завелись — другого нанять не можешь? Пойми, Олег, адвокат нужен даже не для того, чтобы писать заявления, нет, главное — его связи. Хороший адвокат вхож и в прокуратуру, и к судье, и... много куда еще. А зачем он туда заходит — понимаешь?

— Понимаю я все — вздохнул Сергар — Но и денег-то, честно говоря, особых у меня и нет. На взятки. Вернее — никаких денег нет. Все, что остается — отсылаю матери. Ну и... у Маши. Все равно всех купить не смогу и не успею, так что будь, что будет. По этому поводу я и хотел с тобой поговорить. Только вначале расскажи — как там, в деревне, что, народ так и считает меня убийцей?

— Кто-то считает, а кто-то нет — участковый задумчиво постучал пальцами по крышке стола, взял из вазочки печенье и с треском разломил пополам — Деревенские, они такие — вдолбят себе в голову, и все тут!

Сергей помолчал, макнул печенье в чай. Положил в рот и долго, молча жевал. Сергар ждал. Он знал, что собеседник все равно ему все расскажет, так зачем торопить? Пусть соберется с мыслями — так будет вернее. Этот человек — у Сергара сложилось такое впечатление — основательный, слов на ветер не бросает, но и торопиться не будет. И подталкивать его бесполезно. Только напортишь.

— В общем, все заткнулись, ну и... я немного помог утихомириться. Народ считает, что бабка и вправду тебе силу свою лечебную передала, потому и померла. Известное поверье — колдуны не могут помереть, пока не отдадут умение. Даже если они были хорошими колдуньями, не злыми. Бабка Надя злой не была. Ее любили. А если не любили — так боялись об этом сказать. Башку могут свернуть — ей многие обязаны своим здоровьем и своей жизнью. Дети? Переживают, как и внуки. Похоронили бабку, оплакивают. Что еще можно сделать? Конечно, винят тебя — не за то, что убил — знают, не убивал — но косвенно ведь причастен к ее гибели! Если бы не ты, пожила бы еще! Так что если встретишь Матвея... лучше

перейди на другую сторону улицы — советую. В этот раз может треснуть не поленом — кулаком. А он им кирпичи ломает. Вот так — возьмет кирпичину, положит на два других — хрясь! И пополам. Зверь-зверина, а не мужик! Хмм... кстати, как твои ноги? Вылечились?

— В общем-то, да — грустно улыбнулся Сергар — Хожу, приседаю, даже бегаю — правда еще дохленько. Пью снадобья — из трав варю. Видишь вон те сумки? Это травы. Они помогают лечить, ну и сам пью — для оздоровления. Но на суд пойду на костылях. Одну рваную одежонку, взлохмачу волосы, морду поглупее сооружу — и вперед! Как думаешь, поможет?

— Смеешься? — Сергей ухмыльнулся уголком рта — А так и сделай. Только не перестарайся. Уже полгорода знает, что ты тут творишь, вторая половина бежит к первой, чтобы разузнать получше. Кстати — главврач в доле?

— Ну а ты как сам думаешь? — тоже усмехнулся Сергар-Олег — Я теперь их самый лучший медицинский прибор! Если не посадят — пойду сюда работать. А что? Медицинский диплом у меня есть, все основания принять меня на работу есть. С врачами тут не шибко хорошо, сам знаешь, так что...

— Знаю. В область поубежали. За такую зарплату горбатиться? А денег больших здешний люд не дает. Не потому, что жадный — просто у самих нет. Ну что возьмешь с бабульки, у которой пенсия семь тысяч и сын алкаш? Ты сам-то, много народа бесплатно пропустил за это время? Впрочем — о чем это я? Маша же рулит, ты и не знаешь статистики. Кстати — напрасно ты доверился девке, глаза у нее такие хитрые, такие острые — так и стреляет ими по сторонам, так и стреляет! Ну чисто моджахед из автомата! Того и гляди башку срежет!

— Я знаю — задумчиво протянул Сергар — Я знаю...

— Ну-ка, иди сюда! Иди, я сказал! Руки — подняла вверх! Вверх! Вот так...

— Ты с ума сошел! Ай! Чего еще такое! Ой! Ну чего ты полез?! Сказал бы — я и сама бы сняла! Я тебе никогда не откажу в... ай!

— Вот что, радость моего бытия, если еще раз я поймаю тебя за враньем — такого пинка дам, что ты будешь лететь по воздуху шагов пять, не меньше! И еще — деньги несут на себе заразу. Их могли трогать люди, больные, грязные, и с этих денег зараза вполне вероятно может перескочить на твое нежное тело, которое в ЭТОМ месте особо чувствительно! Ну на кой черт ты суешь деньги в трусы, ты можешь мне объяснить?!

— Ну чего ты кричишь? Ну... сунула, да. А куда еще я суну? В карманы? Наклонишься — они и посыпались! Оставить в сумочке, в сестринской? Эти сучки все раздербанят! Попрут бабло! Так и зырят за мной, гадюки, так и зырят! Так куда класть?! Да и чистые они... наверное. Глянь — краской пахнут! Кстати — мож фальшивые?! Только напечатали? Сомневаюсь — вряд ли Зойка фуфло подгонит! Но вообще-то нужно проверить, да. Давай я в сбербанк схожу, проверю?

— Ты в сторону не уводи. Я тебе что сказал — денег не брать! А ты чего? Зачем у Зои взяла?!

— Эээ... ну и взяла! Я потом тебе хотела сказать, не сейчас. Сюрприз сделать! А почему и не взять? Она на больничном хозяйстве приварок имеет, с медсестер берет — за то, чтобы лучшее дежурство было, чтобы премию начислили, или за то, что прикрыла прогул! Опять же — барахло с главврачом списывают, типа обновили мебель, простыни, ремонт в палатах сделали — а сами через левую фирму бабло хапают! Палаты получше, лекарства получше, на халяву лекарства получить — с больных главврач сам не берет — она берет! Он с ней и делится! И другие врачи так же! Ну... кто-то сами получают, а кто-то через нее берет. Так что эта сотка для нее — тьфу одно! Небось миллионов десять на счету держит, и не жужжит! Машина у нее новая — думаешь, откуда? Нужно было побольше взять, да я побоялась. Зачем злить? Тем более, что она нам еще пригодится. Я вот что тебе скажу — нужно пользоваться своим даром! Дано тебе лечить людей — и слава богу! Тебе есть-пить надо? Надо! И мне надо! И Зое надо! И главврачу — он тоже жрать хочет, и его наглые детки! Потому предлагаю сделать предприятие. Ты лечишь, а я обеспечиваю тебе условия. Деньги не нужны? А мамке твоей нужны? Она на что будет жить? На пенсию? Так нет у нее пока пенсии! И работы нет! Так и будет сидеть в чертовой дыре, в старой развалюхе! Да — я все уже узнала! У меня свои есть способы узнавать! И в ментуре есть свои люди! (Маша не соврала — помощник дежурного Петька Кривоносов — в одном дворе выросли. Только «... он пошел по кривой дорожке, ментом заделался. Не как брат Витька, бродяга по жизни!»)

Молчание.

— Хорошо. Пусть так! Но как ты определишь, с кого какую сумму брать? И как быть с теми, кто не может заплатить?

— Не все могут платить, да. Но всех и не пережалеешь! Жить-то как-то надо? Будешь принимать — кого не очень сложно лечить и без денег. Или кого жалко станет. Ну чтобы не воняли, что ты деньги вымогаешь, и не лечишь. Народ злой, когда обиженный. А те, у кого деньги есть — пусть

платят. Ей-ей люди с удовольствием отдадут деньги, если гарантированно вылечатся! А ты вылечишь, я знаю! Предоставь это дело мне, хорошо? Я все решу. А с этими деньгами... давай - половину твоей маме зашлем, а половину оставим — есть-пить, трусы-лифчики купить. Зойка изорвала мне мое белье, зараза! А еще — тебе нужно другую палату — есть у них, есть! Для VIP-клиентов! Там и кровать хорошая, двуспальная, и телик, и холодильник, и плита — готовить можно! Придется главврача в долю брать, иначе сходу наше предприятие к ногтю прижмет, и... в общем — оставь это дело мне! Я буду бухгалтерию вести, деньги брать — а ты только лечи давай! И все будет в ажуре!

— Думаешь — пойдут ко мне?

— Хе хе... вот ты наивный! Такой большой, сильный, экстрасенс — и наивный! Да уже очередь стоит — к тебе попасть! Только я не пускаю, говорю — отдохнуть должен! Надо же утрясти наши дела, а потом кааак... навалимся на работу! Как нарубим бабла! Уууууу! Тачку купим красивую, кабриолет! Проедем по нашей улице — девки сдохнут от зависти! А денег накопим — в область свалим! Да что в область — в Москву! В саму Москву уедем! Хотя я ее и не люблю. Была пару раз — народ злой какой-то, и все бегут, бегут, бегут... будто в жопу шилом колют! Тьфу! Лучше в Питер поедем! Или нет — воцпе за границу! На Мальдивы! Хочешь на Мальдивы?

— Не знаю я, что такое Мальдивы. Нарисовала ты все красиво и замечательно, только вот не получится ли из всего этого какой-нибудь неприятности? А налоги как же? Полиция?

— Брось ты. Наивный! И в налоговой болеют, и в полиции. Не сам — так родственники. Окажешь услугу — отплатят. Не то что наезжать — еще и охранять будут! Опять же — деньги решают все. Только мертвых не воскрешают...

Маша погрустнела, вздохнула, но тут же снова повеселела:

— Да забей ты! Я все решу! Мамка говорит — у меня организаторский талант! Я гений! Доверься мне — и все будет замечательно! Надейся на меня!

— Надеюсь... — Сергар ухмыльнулся, и подумал о том, что уж чего-чего, но доверять Маше на сто процентов ну точно не следует. Слишком уж шустр! Может наступить день, когда она решит, что вполне обойдется и без своего неожиданного любовника. И что деньги ей нужнее, чем ему. И вот тогда — бойся, не поворачивайся спиной. Не она первая, не она последняя. Зла в девушке Сергар не чувствовал, однако и дураком выглядеть не собирался. Не раз, и не два в своей жизни он видел, как хитрые женщины

вертят теми мужчинами, которые безоглядно им доверяли. И не хотел пополнить отряд умственно отсталых самцов, закрывших глаза женской юбкой и не видящих ничего, кроме упругой девичьей задницы.

В конце концов, Сергар — не юноша Олег, который будучи совершеннейшим идиотом мог покончить с собой из-за какой-то бросившей его девки — он боевой маг, прошедший через годы, через огненные поля битв, политые кровью, и выживший только за счет того, что умел выживать, доверяясь своим инстинктам, чутью старого бойца. А оно его никогда не подводило. И сейчас в голове стучало: «Не верь! Не верь! Не верь!»

* * *

— Машенька, когда колдун будет принимать, а? Мы уж тут заждались! — женщина, с головой в простом потертом платочке поймала Машу за руку и на секунду затормозила ее бег.

— Будет, будет! Я же сказал — позвоню! Ну чего сюда-то претесь?! — Маша скорчила злобную гримасу, вырвалась из цепких рук женщины и быстро, цокая каблучками по лестнице сбежала вниз.

— Ты какого черта пускаешь всех кого не попадя?! Ух, паразит, глаза бы выдрала! Стоишь тут, орясина, дармоед!

Помятый, будто с бодуна охранник ошеломленно похлопал глазами, но ничего не сказал. Не дождавшись ответа, Маша шмыгнула на улицу, а он остался стоять на месте, грудью ощущая заветный полтинничек, похрустывающий в свое удобное ложе нагрудного кармана.

Глупый вопрос — «почему пускаешь?»!

Охранник фыркнул, скривил губы и подошел к стойке гардеробной, где по случаю летнего времени и отсутствия тяжелой верхней одежды без работы скучала гардеробщица баба Маня:

— Баб Мань, видала? Совсем обнаглела эта сучка! Проститутка! Возомнила о себе! Медсестричка какая-то, а туда же! Вот же тварь! Распоряжается, как у себя дома!

— Ты это... Сема... потише с ней — баба Маня заговорщицки подмигнула правым глазом, и наклонившись к охраннику тихо шепнула — Она с главврачом вась-вась! С колдуном опять же только она дело имеет — даже Зойка вхожа только после ее указания! И кстати — ты чо жалуешься? Ты сколько имеешь в день с клиентов-то колдунских? То есть сам за счет Машки живешь! А еще выступишь! Вот узнает она, что ты

на каждом углу ее поносишь, поганишь не по делу, таких тебе пилулей вставит — будешь бежать, да попердывать — прямо до мойки Гургена, откуда тебя поганой метлой погнали! Скажи спасибо — сюда взяли! А ты еще и фулиганишь. И вобще — жадный ты парень, нехороший! Вот сколько уже денег поимел, а с бабушкой-то не поделился! Хошь на конфетки бы когда дал, а?

— Дофига вас, на конфетки! — охранник покраснел, и отходя от старухи, злобно бросил — И ничего я не имею, не ври! Клевета! Дура старая!

— Старая-то старая, да внучок научил меня на телефон-то снимать. Хошь, картинки покажу? Интересныии... глянь-ка — это не тебе ли кто-то что-то протягивает? Не ты ли денежку в карман ложишь, а?

— Вот сука старая! Да на, на — свой полтинник! Подавись! — охранник шлепнул перед старухой голубенькую денежку и в душе его пролилось ведро дерьма. Стало так погано, так отвратительно-печально, что на глаза набежали слезы — ну что за жизнь такая?! Даже старуха, мерзкая, воняющая потом и сладкими дешевыми духами — и та его шантажирует! Удавить суку!

Баба Маня не знала, как близка была к гибели. Она уж давно подумывала слегка пощипать охранников, не делящихся своей добычей. Если бы не внук — никогда бы не догадалась. Молодец, Петруша! Голова! Всего пятнадцать лет — а соображает, как депутат! Далеко пойдет... если не посадят, как папку. Иэээхх... что за жизнь такая!

— Ты рублей сто в день бабушке давай — и делай, что угодно! — охранник вздрогнул, когда гардеробщица как тень, появилась справа от него, он и не заметил, как проклятая ведьма вышла из-за «прилавка» — Тебе заработать сто рублей — двое посетителей, и все! А мне, при такой зарплате да пенсии — это счастье! Век за тебя богу молиться буду! И другим закажу!

— Вот гадина! — выдохнул охранник, и еще один полтинник перекочевал в руку проклятой старухи, тут же засиявшей улыбкой и рассыпавшейся в благодарностях.

Да. День не удался! Придется после работы снова нажраться. А ведь хотел завязать с этим делом! А все она, ведьма! Вот и не спейся так-то!

* * *

Маша махнула рукой, таксист, стоявший у обочины, тут же сорвался

места и с шиком подъехал, тормознув возле ее ног так, что поднялось густое облако пыли. Маша чихнула, и открыв дверцу рыкнула, погрозив водиле кулаком:

— Ты охренел, Амир?! Я вся в пыли! Сколько раз тебе говорила — подъезжай медленно, плавно! Ууу... татарская морда! Вот бестолочь ты, да и все тут!

— Не ругайся, а? Ты такая красивая, а? Пойдешь ко мне второй женой?! Или я первую прогоню — будешь хозяйкой, да! Ух, луноликая пери! Губки твои, как кораллы! Щечки твои — как персики!

— Задница моя — как арбуз! — отрезала Маша, делая сердитое лицо — Когда ты отстанешь со своими фруктовыми приколами?! Поехали давай!

— Куда едем, золотоглазая? — не смутился мужчина, прибавляя уровень звука магнитолы, тут же выдавшей залихватскую восточную мелодию — Хоть на край света, да! С тобой — навсегда! Только плати, щедрая моя!

— Во-во... только плати! Вы, чурки, просто так ничо не сделаете, только за бабки! — фыркнула Маша, недовольно глядя на магнитолу — Вперед поезжай! Да выключи свое дерьмо, я от этих твоих трени-брани сблую щас! Езжай в поликлинику давай! Ну вот какая сука придумала поликлинику делать отдельно от больницы, а? Да еще и за тридевять земель!

— Да чо земель-то? — ухмыльнулся таксист — Всего-то четыре квартала! Тут идти-то пятнадцать минут!

— Некогда мне ходить! Дела у меня! — Маша достала полтинник, пренебрежительно бросила между сиденьями — На, жених хренов! Получи! Потом позвоню, если чо.

— Номер-то помнишь, пери моя?!

— Я еще из ума не выжила. И для того трубка есть телефонная! Там все забито! Все, покедова... бай хренов! Врубай свою дерьмомузыку!

Маша выбралась из машины и бодро зацокала по асфальту. Таксист — мужчина лет сорока, с лицом покрытым черной, с проседью щетиной, которую не брала бритва, задумчиво поцокал языком и со вздохом сказал в пространство:

— Я б вдул... Хорошая Мащя, да не нащя... иэххх...

Машина дернулась, цокнув разбитой крестовиной и унеслась в клубах пыли и в залихватских завываниях зурны. Амир очень любил музыку своей родины, несмотря на то, что жил в России уже десять лет и должен был бы проникнуться местным укладом. Нет, русская музыка ему так-то нравилась, но что может быть лучше родной, той, к которой привык с детства, той, что

напоминает о далеком, утерянном доме...

А девка хороша, да. Завидная сучка! Для породистого кобеля... не для него, «чурки» и «водилы»!

Амир вздохнул и снова нажал на педаль. Первый полтинник за день — ну что за жизнь пошла? Эдак придется на шиномонтаж к родне пойти, а неохота. Тут сам себе хозяин...

* * *

— Привет, Катенок! — Маша обнялась с девушкой из регистратуры, и та заговорщицки утянула гостью в угол, за столик, покрытый белой, вытертой простыней:

— Я выписала, Машуль! А зачем тебе это надо-то? Колись давай!

— Не, Кать — Маша покачала головой и похлопала девицу по руке — Я же сказала — это мое дело, мне надо, вот ты с какой целью спрашиваешь? Чтобы я врала? Сказала же — нос не суй!

— Ладно... забей — Катя недовольно поджала губы, но продолжать допрос не стала — Тут не все, но так-то тех, кого могла. Глянь — это вот адрес, это фамилия. Болезнь указана, имя. Где работает — тоже указано. Еще я созвонилась с Таткой, ну ты ее знаешь — из детской, она тоже мне надиктовала. Кой-чо совпадает, но есть и новые. Вот тут, отдельным списком. Все, как ты говорила. Ну, и... я сделала, в общем-то, чо ты просила.

— Знаю, знаю! — Маша нарочито ласково улыбнулась, полезла в сумочку и достала оттуда запечатанный конверт — Вот тут пять штук, как я говорила. И не бзди — все точно, можешь не пересчитывать — все как в аптеке!

— Ага... как в нашей аптеке, да? — хихикнула Катя — Тогда точно надо пересчитать!

Они захихикали, потом Катя посерьезнела и добавила:

— Слышь, Маш... а Татке? Я чо, из своих платить буду, что ли?

— А сколько ей надо?

— Четыре штуки... я обещала!

Маша молча достала косметичку, вытащила четыре купюры по тысяче и бросила на стол. Как на грех, вошла вторая медсестра, работающая в регистратуре и тут же кинулась к столу, радостно крича:

— Всем раздают?! И я! Я в доле!

— Отвали — Катя подняла брови и махнула головой в сторону двери-

Слышь, дай, внатури, с подругой говорить спокойно, а? Ну что ты везде нос-то суешь?! Иди, говорю, иди!

Дождавшись, когда сотрудница вышла:

— Наушница хренова! Заложит сцука — на-раз! Щас пойдет разносить, что Машка приходила и деньгами сорила! Вот нафуя ты на стол бросила, скажи мне, подруга моя дорогая?! Не хватало еще проблем!

— Забей! Ну — долг приносила, и чо? Торт купи, и замажь суку. Скажи — у Машки днюха, вот и приходила. Долг отдала! Никогда эту гадину не любила... Все, пошла я. Дела!

— Деловая ты стала Машка внатури! — завистливо вздохнула Катя — С колдуном крутишь, говорят! А что, он правда такой красавчик? Девки ходили смотреть, говорят — отпад! Как с кина!

— А я с гавном не кружусь! — презрительно отрезала Маша, и уже на ходу — Ты бы вот меньше с хачиками каталась, может тоже бы себе какого-никакого... колдуна нашла. Я-то вот нашла!

Довольная сама собой, Маша выскочила из регистратуры, а Катя осталась сидеть, кипя от злости на злую суку Машку, которой ни с хрена достался крутой чувак! Хотя по внешности она ничем не лучше ее, Кати, а в постели, парни говорили — совсем бревно! По сравнению с ней, Катькой, конечно! Впрочем — скоро Катя утешилась мыслью, что кроме пяти штук у нее задержатся еще пара голубых бумажек — хер Татке, а не четыре штуки! Обойдется! У нее мужик нормально зарабатывает, да и вообще... нехера баловать!

Выйдя из поликлиники, Маша было собралась позвонить Амиру, подсадовала — надо было поддержать его тут. Но думалось, что задержится у Катки, платить же за простой было жалко. Ругнулась — что, денег нет? Привычка к крохоборству! Тьфу!

Заметила — хундай с шашечками стоит — Володька! Было с ним пару раз, но... он начал что-то про серьезные отношения, латату всякую нести, «Давай вместе будем, проживем»! А на кой он нужен? Член у него приличный? Так кроме члена ничего и нет! Кроме хундая этого — и то в кредит! Какой болван ему кредит-то дал, ему бы только тачку какую-никакую — покататься, девок паялить!

Нет, ну его к черту — щас ныть начнет опять. Отношения выстраивать!

Пошла переулком на «Крест» — перекресток, где собирались таксисты. До больницы и правда можно было дойти негорюхой — за минут пятнадцать если на каблуках, и за пять — дошлепать в кроссовках, но влом идти пешком, точно! И время дорого! Щас надо прием Олегу устраивать,

быть рядом, а то сцуки так и норовят на халяву проскочить! Халява — святое дело! Прикидываются безденежными овечками...

Заторопилась, зацокала каблучками — прием через час!

— Эй, подвезти? — из джипа высунулся смуглый молодой парень, то ли кавказец, то ли... а кто еще-то? Цыгане, если только? Но откуда им тут быть? Гурген давно все подмял, поделил с Череном, хачей, кроме как гургеновских быть не может, а цыган сюда не пускают. Вся шмаль от Гургена идет. Говорят — через Черена. Но мож и болтовня...

— Не надо! — взгляд в сторону, чтобы не смотреть в глаза. Хачи не любят, чтобы на них смотрели в упор, они как звери — поглядел — значит хочешь напасть!

Маша видела про звериные повадки по телику и тогда даже поразились, насколько все похоже на человеческие отношения! Люди — та же стая, только двуногая!

— Садись, тебе сказали, ну чо ты внатуре кобенишься?! — незнакомый парень, коротко стриженный, с заднего сиденья джипа. Успела заметить — номера московские.

— Я сказала — отвали! — процедила сквозь зубы, ускоряя шаг. Как нарочно — рядом никого знакомых! И вообще — никого! Угроздило же пойти этим переулком! Впору вопить, как потерпевшая! И среди бела дня ведь докапываются!

— Давай ее сюда, внатуре! — кто сказал, не заметила. Парень легко, как пушинку дернул Машу к себе, перенес в джип и тот тут же тот сорвался с места, унося содержимое кожаного салона от любопытных глаз.

— Ну что, знакомиться будем! — широко улыбнулся парень за рулем, и Маша вдруг заметила — зрачки расширены! Под кайфом! Кокаин, или что-то такое! Спайс какой-нибудь? Сколько от этой гадости передохло... Глаз опытный — насмотрелась на нарков, и не только в больнице. На улице этого дерьма хватает.

Маша пробовала один раз, покурила — вырвало. Слава богу ее организм не принимает шмаль, иначе бы...

— Не будем. Дайте я выйду! — твердо сказала Маша, скрывая дрожь в голосе — Все знают, где я! Видели! Вам будет хреново!

— Да ничо нам не будет — осклабился бритоголовый — Слышь...ты кобенишься? Денег дадим! Сто баксов — твои! Тут у вас это — деньги, правда, Эрик?

— Ыыыы! — парень за рулем резко заржал, и снова обернулся к Маше — Сейчас поедem, отдохнем, потом пойдешь по своим делам. Да чо ты, в самом деле? Снежка дадим, понюхаешь, выпить, покурить — пацаны

все простые, ништяк все будет! Да, пацаны? Ништяк?

— Ништяк! Эрик, ты голова!

— Проституток снимите — сдерживаясь, процедила Маша — На кой черт вам я? Я не работаю передком! Проблем хотите? Вы чего задумали?

Машу трясло. Вот попала, так попала! Слыхивала такие истории, про увозы, но чтобы она, Маша? Местные никто бы не решился — Витька в авторитете. Только залетные. Но чтобы тут, да такой беспредел?

— У меня брат сидит — за грабеж! Он в авторитете! — решила Маша — Смотрите, он вам кишки на провода наматает! Выпустите сейчас же!

— Бандитская подстилка? — усмехнулся бритоголовый — А мы вот против бандитов! Мы правильные пацаны, правда, Эрик?

Теперь захохотали все, а бритоголовый вдруг резко, неожиданно и хлестко ударил Машу ладонью по лицу:

— Молчать, соска! Будешь делать то, что мы скажем! И шлюхи твои нам нахрен не нужны! Хе хе... нахрен... прикинь, как в тему, Эрик?

— Не нужны нам платные шлюхи! — Эрик глянул на Машу взглядом без белков, и она поняла — это конец. Хотя бы живой оставили! Совсем с катушек съехали! Спайс, наверное — от него бывает так колбасит!

Ее привезли на турбазу — она бывала тут, и не раз. Ну так... с командировочным. Ну и еще... раз несколько. Здесь обычно селили вип-командировочных — воздух свежий, сауна, река рядом — можно голыми бежать к реке и прыгать с мостков. Прикольно, так-то. Вот только не сейчас — прикольно. Сейчас ей хотелось выть от бессилия, страха и боли — губа сразу распухла, а во рту привкус железа. Разбил, подонок!

Джип подъехал к гостевому дому, в воротах не остановили, никто даже не вышел. На базе тоже было безлюдно — будний день, вечером начнут стягиваться любители пожрать, выпить и покувыркаться с девками. В основном — местная блатота, люди с администрации и все, у кого есть немного деньжонок. Турбаза принадлежала Черену, или точнее — Черенкову Виталию Михайловичу, депутату районного собрания, предпринимателю и меценату, жертвующему деньги на городские нужды. Менты сюда не совались, Черен был на короткой ноге со всеми властью имущими города, да и в области был не последним человеком. Он давно уже мог бы переехать в центр, только зачем? Здесь тихо, спокойно, он тут пахан, а там будет если не мелкой, то все-таки сошкой.

Маша знала и про Черена, и про турбазу, и про то, что ментов тут не дозовешься, и что закон тут один — он, Виталя. Вот только не понимала, как беспределышки попали на территорию турбазы и почему их тут так

принимают. Хоть и будний день, но слишком уж тихо — почему нет посетителей? Нарочно разогнали? Черен не допускал беспредела на своей территории, гасил в зародыше — иногда вместе с беспредельщиками. А тут — такое?

Грубо вытащили из машины, зажав ей рот рукой. Протащили через холл, пока Эрик забалтывал парня из obsługi, стоявшего за стойкой с бутылками. Он не видел Маши, как впрочем всегда не хотел видеть то, что видеть не хотел. На кой хрен ему эти проблемы? Он имеет свой кусочек, да еще приварок от левого бухла — начнешь болтать — быстро окажешься или на улице, или где-нибудь в лесу, под березой!

Говорили — Черен в девяностые шибко лютовал, это сейчас успокоился — депутат, вишь ли! Но сцука автомат где-нибудь закопал, точно! Хотя зачем ему? Охранное предприятие теперь есть, ЧОП! С оружием! Законно все!

Парень прикрыл дверь и включил погромче телик. Шел боевичок, типа Рэмбо — там парнище всех ништяк как валил, круто! С ножом таким кривым!

Прикинул, интересно — этот нож отрубит башку одним ударом? Пришел к выводу — ни хера. Вот шашкой если! Говорят — казаки пополам перерубали врага! Взять бы шашку, да и...

Парень покосился на дверь, и снова уткнулся в экран. Герой боевика важно поводил ножом, круто стрелял и всех мочил — вот это жизнь! Небось за такое платят дохера!

Нет — не за стрельбу — это все туфта поганая, а парню, что играет героя. Телки красивые, бухло — не то что тут, паленка под коньяк, старая девятка! У него машины красивые, виски дорогое небось... но надо было в Москве для того родиться! И не в семье учительницы и плотника!

* * *

— Раздевайся! Раздевайся, я сказал! — Эрик сел в кресло, расставил в стороны колени и вприщур посмотрел на тяжело дышавшую Машу. На щеке девушки «красовалась» вспухшая царапина — от перстня бритоголового, он вскользь саданул ей по скуле, когда Маша дрыгалась, вися у него в подмышке.

— На вот, нюхни! — Эрик высыпал на столик немного белого порошка, разбил его на дорожки умелыми, уверенными движениями — видно, что не в первый раз — посмотрел на Машу и кивнул — Слушай,

раздень ее, что ли? А то меня раздражает, когда девка в сауне одетая! Заодно посмотрим, что взяли, может она и не стоит того, чтобы мы с ней позанимались!

— Эрик, ты чо? — всполошился один из парней, тоже смуглый, курчавый — У меня уже как кол стоит! Мы сколько уже без бабы?! Ты говорил — по пути не будем брать, тут светиться тоже не будем, так чо теперь-то? Да мне пофиг, чо там у нее, пусть даже поперек! Я найду, куда засунуть! Классная бабенка!

— Аааааа! — Маша завизжала, что есть силы, дрыгнула ногой, тут же получила удар в поддых, и загнулась, судорожно хватая воздух ртом, покраснев, как рак. Она удержалась на ногах, еще раз попыталась пнуть лысого, который зашел сзади, но это ей ничем не помогло. Он сорвал с нее юбку, разорвав в поясе, как луковую чешую содрал трусики, оставив в одних темных чулках, потом рванул блузку, сдернув вместе с лифчиком, и когда девушка осталась практически голой, Эрик назидательно сказал:

— Вот дала бы сама, и шматье было бы целым! А теперь все, поезд ушел! Хотя зачем оно тебе, шматье-то? Надо было соглашаться, надо. Ведь денег давали! А ты?

У Маши захолонуло сердце — завалят! Точно завалят! Потом вывезут, и по дороге бросят! Кто там разберет, что за девка валяется между Костромой и Москвой? Ай, как все плохо! Как плохо!

— Мальчики, я все поняла! — Маша улыбнулась, и поймала безумный взгляд Эрика — Я сама! Все сама! Вы же хорошие ребята, я просто не так вас поняла!

— Ага. Не так — мрачно бросил бритоголовый, и начал расстегивать пояс — Но щас поймешь.

— Погодь, Пашок, пусть нюхнет вначале. Телки расслабляются от «снежка», слаще трахать тогда. Да и не орут так... а то у меня от бабского визга ушли в трубку сворачиваются.

— А я наоборот люблю, когда орут! — хохотнул бритоголовый — Мне так вкуснее! Чтобы пополам суку! Чтобы визжала! Чтобы просила пощады! Чтобы...

— Фи, Пашок, ты известный садюга — хохотнул Эрик — Во всем нужен смак! Чтобы красиво! Чтобы как в кино! Любишь кино? Порнушку? Вот представь — девка, на передок сумасшедшая, просит четырех парней ее как следует отодрать! И тащится от этого! Кайф? Кайф? Сыграем, детка? Нюхни, давай, не бойся — «снежок» высший сорт, улет!

— Парни, презики бы — хмыкнул четвертый, до того молчавший — Внатури — мож она трипперная? И вообще — я в зад без презика ни-ни,

зараза всякая, глина...

— У бармена иди возьми. И на всех принеси. Правда — кто ее знает? Эй, сучка, ты трипперная? Сарзу говори, а то прибью! И нюхай, нюхай!

Маша втянула краешек дорожки — в носу сразу заledenело, потом ее прошиб пот, в ушах зазвенело, все стало ясным, понятным, и мысль только одна — выжить! Сделать все, что они хотят — и выжить! А когда-нибудь разбогатеет, найдет этих тварей и убьет! Мучительно! Страшно! И вначале вырвет им члены. Как в кино девка мстила! У тут же мысль: «Так то в кино! Убьют ведь, гниды!»

Ее бросили на колени. Бритоголовый вошел грубо, больно, казалось, он достал до самого сердца, которое билось, как сумасшедшее, проталкивая кровь по сосудам, омывая одурманенный мозг.

Эрик пристроился спереди — неприятный, пахнущий козлом, мерзкий. Но все это было ничего. Самое страшное началось потом...

Ее насиловали часа четыре — нюхали кокаин, и снова нисиливали, снова нюхали, и снова насиловали. У нее болело все — внутренности, кожа, которую щипали, царапали, горло, в котором побывали все эти твари, залившие ее своей липкой, вонючей слизью.

Бандиты нюхали, пили, нюхали и пили, а когда у них от перепоя пропала эрекция, они обвинили в этом Машу и начали бить ее, издеваться, заставляя ползать и вылизывать им зады. Потом бритоголовый с пьяным, сумасшедшим смехом засунул ей во влагалище бутылку из-под коньяка. От невыносимой боли измученная Маша потеряла сознание, и что с ней творили потом — она уже не запомнила.

Когда очнулась, обнаружила себя на полу, лежащей на спине, с бесстыдно раздвинутыми в стороны ногами. Бандиты спали — огромное количество алкоголя, вместе с наркотиком сделало свое дело и они вырубались, будто выпили крепкого снотворного.

Маша ощупала себя, уцепилась за доньшко бутылки, засунутой внутрь почти до основания, с чмоканьем вырвала ее и осторожно отставила в сторону, морщась от невыносимой боли и оглядываясь по сторонам.

Первая мысль — найти нож и зарезать тварей! Потом решила — нужно уходить! Очнутся — убьют. Был бы один... Куда ей против них? Даже здоровая не сладит, а так... с разодранной задницей, с разбитой мордой — ее хватит только на то, чтобы уползти! И даже это — проблема.

Поднялась, пошатываясь, и едва не теряя сознания, нашла свою сумочку, порванную блузку, юбку, туфли, которые слетели с ног во время борьбы, медленно пошла к двери. Уже когда выходила, заметила за диваном стоящий на полу дипломат — металлический, блестящий, с двумя

цифровыми замками.

Мгновенная мысль — забрать! Подумала, и решила — а что? Свалит отсюда, бандюганы не знают, кто она такая, уйдет — и с концами! Хоть так им насрать, тварям!

Взялась за ручку дипломата — узкий, вроде небольшой, а тяжелый! Но ярость и ненависть придавали сил, и Маша, схватив добычу, вышла в коридор сауны и побрела к выходу, мимо дверей бара.

За дверью слышались голоса, и она вначале испугалась, но потом поняла — телевизор! Какой-то фильм — стрельба, чего-то бормочут, кричат.

Она любила иногда посмотреть чушь по ящику — почему бы и нет? Отвлекает, забавно. Видимо бармен тоже любил крутые боевички.

Дверь прикрыта плотно, так что не он видит.

Маша знала турбазу, знала, как она расположена, где выходы, где дырки в сетке — раз пришлось ей свалить от настойчивого ухажера-кавказца, бежала, аж пятки сверкали! Хорошо — местный парень показал дыру в сетке, через которую можно было легко свалить. Либо наоборот — попасть на территорию. Но скорее — свалить. Менты друзья, да, но лучше всегда иметь пути отхода. Сразу в лес, и по тропе! Ищи-свищи!

Откуда Маша взяла силы — неизвестно, только ее выносливости могли позавидовать даже альпинисты, восходящие на Эверест. Она шла, сцепив зубы, чудом уцелевшие после ударов (Эрик запретил бить по лицу, сказал, что бомжиху с разбитой мордой драть не будет, а то бы... впрочем — когда вошли в раж, уже особо не церемонились). Тело дергалось от приступов шипучей боли, внутри все болело так, будто ей воткнули кол.

Впрочем — может оно так и было. Смутные обрывки воспоминаний — Эрик берет с биллиардного стола кий, заливаясь идиотским смехом... «На кол суку! Чтобы знала свое место!»

Остановилась только через час, уже изнемогая от усталости и боли, возле речки, которая делала тут крутой поворот. Все это время так и шла — голая, в одних чулках, единственное, что надела — туфли, у которых через десять минут ходьбы по лестным тропам сломались каблуки.

Поломку туфель Маша восприняла безразлично, лишь отметив, что сука Лелька продала ей фальшивые, китайские «итальянские» туфли. Нормальные туфли так бы не развалились. Впрочем — без каблуков идти стало гораздо удобнее, и если бы они не сломались, их следовало бы сломать специально.

Минут десять она смывала с себя засохшую сперму, кровь, холодная вода отрезвила, убрала остатки кокаинового дурмана. Всплыли разные

воспоминания, картинки и... тогда ее вырвало. Драло долго, вылетело все, что было в желудке, и и даже сверх того — густой желчью, кровью. То ли из разбитого рта, то ли из желудка, в который сегодня попала не только кровь...

Прополоскав рот, волосы, слипшиеся будто от клея, Маша с трудом натянула на избитое тело юбку, натянула блузку, попытавшись прикрыть грудь — юбка спадала, блузка расщеперивалась в стороны — пришлось найти острые сучки, проткнуть ткань и закрепить ее так, чтобы одежда не спадала.

Снова надела туфли, пошла от реки — и тут вспомнила о дипломате, который упорно так и тащила с собой. Решила — надо бросить его в воду. Тащить такую тяжесть, в ее-то положении? Скоро проснутся ублюдки, могут организовать погоню! Хотя она и шла так, чтобы не нашли — но кто его знает, вон, в кино показывают — собак пускают! Нужно скорее свалить из района турбазы, а то и правда здесь прихватят, и тогда точно конец.

Размахнулась, и... опустила руку с дипломатом. Что-то щелкнуло в голове — не зря эти твари приезжали! Из самой Москвы! Нет, тут что-то не так.

Опустилась на землю, положила дипломат, потянула вверх замки, не рассчитывая на успех, загадала — если откроются — значит все будет хорошо! Все будет здорово! Не откроется — в воду. Значит — судьба!

Щелк!

Замки открылись. Они не были поставлены на шифр.

Хлоп! Крышка открылась.

И Маша онемела. Пачки денег. Много! Доллары...

Схватила одну пачку — полтинники. Другую — сотни. Много пачек!

Сиротливо притулились две пачки пятидесятых, розовые, словно от стыда — стесняются лежать рядом со своими наглыми зарубежными родичами.

Сунула пачку пятидесятых в сумочку. Подумала — и еще одну. Захлопнула дипломат, встала, застонав от боли. Посмотрела — по ноге прокатилась капля густой, темной крови.

«Порвали, твари! Все порвали! В больницу надо, истеку кровью. С чемоданом не дойду. Спрятать!»

Определилась на местности — неподалеку, на опушке, здоровенный дуб. Маша знала его — еще в детстве, в юности играли, забирались по его корявой коре — наверху была площадка, образованная толстыми ветвями. Там можно было сидеть, болтать ни о чем... целоваться.

Там впервые ее девичья грудь оказалась в потной ладони мальчишки

— Витальки. Они был влюблен в нее и трясся от волнения, даже случайно коснувшись руки Машульки — так он ее звал. Ей, глупой, было смешно наблюдать за страданиями молодого «Ромео», как звал его Машин отец.

Как-то ради прикола Маша позволила Витальке погладить, поцеловать ее груди. Он чмокал как теленок, лоя упругий сосок, Маша же хихикала — ее совершенно не возбуждала такая ласка, было щекотно и чувствовала она себя очень даже глупо.

Тогда же она впервые увидела вблизи мужской член — расстегнула Витальке штаны и схватила рукой...

Мокро, смешно и глупо — вот чем закончился первый опыт ее сексуальной жизни. Виталька тогда чуть с дерева не упал, закатив глаза, как ненормальный.

Витальку через месяц после того убили — убийц так никогда и не нашли. Телефон всему виной- родители купили ему хороший, и Виталя, глупый, ходил с ним по улице, демонстративно слушая музыку, гордо держа аппарат в вытянутой руке.

Забили арматурами, забивали — как скотину. Кто-то свои, точно. Но никто так и не сознался, хотя всех с их двора таскали в ментовку целую неделю, и кое-кому прописали хороших пилюлей.

Маша плакала две недели, потом утешилась знакомством с новым парнем, и скоро потеряла девственность, напившись на дискотеке мерзкого пива-«девятки». Теперь она вообще не переносила вкус пива...

С дипломатом забираться наверх было трудно, особенно, когда у тебя раздолбаны внутренности, а руки болят, будто их топтали ногами какие-нибудь обкуренные бандюганы. Но она все-таки залезла, зная каждую трещинку на коре старого великана, цепляясь за кору так же, как цеплялась за свою жизнь.

На площадке все было по-прежнему, даже стакан, который она когда-то повесила на сучок, был на месте — иногда тут распивали банку бражки, или дешевого вина, так что без стакана никак не обойтись. Кроме их компании об этом месте скорее всего никто не знал, а из тех, кто знал — в живых осталась одна Маша — Витальку убили, Петька бухал, и разбился на моцике, Степка снаркоманился и сдох от передоза.

Мишка только мог быть жив — он уехал в Питер, и с тех пор его не видали. Говорили — подался в какую-то группировку, и скорее всего давно кормит червей. Рядовые бандиты долго не живут, а вылезть вверх ума у него не хватало. Он и был первым, одним из тех, кто тогда, после дискотеки лишил Машу девственности. Потом уже узнала, когда уезжал. Сам ей сказал. А еще — с ней тогда были Петька и Степка.

Так-то она на них не в обиде — чего пьяной-то не воспользоваться? Сама виновата, дура! «Пьяная баба ... не хозяйка!» — не зря в народе говорится. Хорошо хоть презики надели, не залетела. Хотя узнала бы тогда — точно заяву накатала! Ибо — нех... й! Одна компания, а эти суки взяли, и нагнули раком!

Дипломат удобно устроился в развилке, зажатый в щели между корой и почерневшим деревом. Вздохнула — гниет старик! Скоро, скоро кранты ему. Впрочем — скоро, это понятие растяжимое. Он пережил и царей, и революцию, и войну, и ее, Машку, переживет, если... она не поторопится и не свалит отсюда побыстрее!

Спрыгнув, свалилась на бок, полежала, успокаивая дыхание и сдерживая позывы рвоты (видимо, это все-таки сотрясение мозга), встала, скрипнув шатающимися зубами, и снова упрямо пошла вперед.

Нет, никто не сможет убить Машку! Она вам еще покажет, суки! Она вам еще всем задаст, твари гребаные!!

Ништо в мире не может вышибить нас из седла! — так было написано в книжке, что она читала в школе! Маша запомнила. Никто! Никто и ништо не сможет вышибить ее из седла!

Сумочку повесила на шею. Шатаясь, как зомби, такая же «красивая» как зомби, шла, шла, шла...

До дома — семь километров. До больницы — пятнадцать. Только бы до трассы добраться... там Амира вызвать — приедет, куда денется! Только вопросы будут лишние... но ничего — бабки есть, а он бабки любит. Замажет! Нет ничего, что не могут замазать бабки! По крайней мере — она так считает. Или — считала? Дожить бы...

* * *

— Ты что, внатури, О...л?! Где дипломат?!

— Тут я его ставил...

— И где он?

— Эрик, ну чо ты, внатури, я чо взял его, что ли?

— Если ты не брал — кто мог взять? «Вкрадчиво, тихо, зловеще» — видел, как говорят боссы мафии в кино. Не орут, не брызгают слюнями. Скажут тихо — и все трясутся!)

— Да кто... все могли! Ну... кроме нас, конечно. Мы-то не возьмем.

— Пацаны, а девка где? Девка?!

— И правда — где девка? Вчера мы ништяк с ней позабавились. Я уж

думал — сдохла! Когда я вырубился, перед этим помню — ты ей бутылку забивал. Потом ничо не помню!

— Значит живая — Эрик задумчиво покусал нижнюю губу — Здесь чужих было только двое. Давайте сюда бармена! Быстро! Тащи его сюда!

Бритоголовый метнулся за дверь, через минуту появился, толкая перед собой испуганного парня. Тот непонимающе хлопал глазами, тяжело дышал и держался за бок — похоже, получил по ребрам — для профилактики. «Этому скоту время от времени нужно давать по ребрам, иначе не поймут — кто тут хозяин!» — мелькнуло в голове Эрика

— Ты взял бабло?! — не прибегая ни к каким ухищрениям, прямо — Быстро, говори!

Достал из кобуры в подмышке «беретту», предмет зависти «коллег», щелкнул предохранителем, приставил ствол к голове белого от страха парня:

— До трех считаю, потом стреляю: где деньги?

— Какие деньги?! Я не знаю никаких денег!

— Раз!

— Да не знаю я, не знаю!

— Два! Где?! Деньги?!

— Я не знаю, я не брал ничего, пожалуйста! Я не брал!

— Три!

Щелчок! Курок ударил с металлическим звуком, и бритоголовый радостно заржал:

— Гля! Обоссался! Пацаны — глянь, в штаны напрудил! Ну, приколы!

— Похоже, и правда не знаешь — удовлетворенно сказал Эрик, брезгливо глядя на темное пятно, расплывшееся в паху бармена — Тогда другой вопрос: камеры тут есть? Только не врать! Есть?

— Йе... есть! Только это... хозяин сказал — отключить! Типа — VIP-гости, чтобы я сидел и не высывался, только вас обслуживал! Что никого не будет, пока вы не уедете!

— Если п... шь, я тебе ствол в жопу вставлю, и курок спущу, понял, козлина?!

— Я не вру! Хотя у хозяина спросите! Зачем мне врать!

— Хреново дело — вполголоса сказал один из парней, тот, что боялся заразы — Бек не простит. Столько бабла... Что за девка, кто-нибудь хоть посмотрел ее документы? Паспорт там... еще чего. Откуда она шла, кто-то помнит?

— По улице шла, внатури, вот еще нахрен запоминать откуда эти сучки идут!

— Тихо! — Эрик поднял руку и сделал важное лицо — Слышь, ты, придурок деревенский, ты девку эту видел?

— Да я в комнате сидел! Когда вышла, как вышла — ничо не знаю! Обычно я на монитор смотрю, но сегодня отключил!

— Охренеть... Эрик, говорил я тебе — валить отсюда надо! А ты? Денек погуляем, завтра с утра свалим! Чо теперь отец твой скажет, внатури? Тебе-то фули, тебя-то не завалит, а нас?

— Заткнись! — Эрик покраснел от злости и с размаху, с хрустом зубов ткнул стволом «беретты» в рот бармену — Говори, что за девка, где видел, кто такая! Ну! Не верю, что не подглядывал за нами! Ты, сука, драчила, я по роже твоей поганой вижу! Ну?! Подглядывал?! Говори!

— Нет! Я не подглядывал! Но я видел девку... когда вы ее несли — обреченно выдохнул парень — Поклясться не могу, но похоже это Машка Зеленцова. Мы учились вместе, только она помладше. Медсестрой работает в больничке. Живет в городе — адрес я не помню, показать только могу ежели чо. На карте, гуглмапе — на снимке, там весь город есть!

— Слышь, Эрик, может нам Черена подключить? — озабоченно бросил «предусмотрительный», и тут же был награжден яростным взглядом:

— Охренел?! Зачем нам эти рисовки? Чтобы про нас метла мела что мы лохи позорные, которых шлюха обнесла?! Сука! Я ей в жопу бытылку забью, и разобью! Чтобы подыхала в мучениях, тварь!

— Поймать еще надо, чтобы забить! — резонно заметил третий из парней, скривив презрительную гримаску — Небось, она уже катит куда подальше с денежками твоего папаши. А нам всю требуху вывернут за это бабло! Правильно Димон говорит — валить надо было с деньгами, а не посиделки устраивать.

— Потом разберемся — что надо было, а что не надо! — холодно, многообещающе заметил Эрик, пряча злобу в глубине глаз. Сейчас было не до разборок с этими придурками. Как поставить их на место — он решит потом. Сейчас нужно найти деньги, иначе папаша развоняется, как суточное гавно. А вину всегда можно на придурков перевалить! Лохи, они и есть лохи, чтобы терпеть. Терпилы, одно слово!

Через пятнадцать минут и дом Маши, и больница были отмечены на карте, забиты в навигатор — все готово. Еще через пять — все четверо выезжали из ворот турбазы.

Тут уже было довольнолюдно — на парковке стояли машины, по тропинкам расхаживали телки в обтягивающих зады платьях, из ресторана над рекой гремела музыка- жизнь была ключом! Вечер, темно, время

выползать ночным жителям. Днем жарко, да и глаз много, а вот ночью... ночью самое то.

Джип утробно рыкнул, басовито загудел и вырвался на асфальтированную, покрытую заплатками дорогу. До дома Маши было десять минут езды.

Глава 9

Ночь долго не хотела выбираться из своей темной берлоги, и наконец-то подвинуть ошалевший от свободы летний день. В девять часов вечера — светло, как днем!

Весь вечер Сергар лечил бесконечный поток людей, который взялся непонятно откуда, возник, как на дрожжах. За дверью палаты сопела угрюмая толпа людей, тихо устанавливая приоритет прохода к лекарю, толкаясь, шипя сквозь зубы, но не решаясь устроить полноценный скандал.

Зоя сразу объявила — будет ругань, будет крик — тут же на выход из больницы! С первого раза не поверили, но когда одного истеричного мужика, обложившего всех высококачественным матом с позором выпроводили наружу — все сразу успокоились, и только шипели, как клубок змей, истово следя за тем, чтобы ни один наглец не проник к колдуну без очереди. Исключение составляли только те, кого приводила Зоя, либо сам главврач, довольные, сочившиеся важностью и превосходством над притихшей толпой соискателей здоровья.

Сергару было все равно, кого лечить. Особо сложных случаев не было, а те, что попадались, не были для него большой проблемой. Глоток травяного варева, несколько пассов, толчок регенерационной системе человека — и шагай, долечивайся дома! Силы уходило немного, а вот лечебного отвара — литрами.

Когда отвар закончился, лечению настал конец. Толпа страждущих долго не расходилась, пока главврач не вызвал охрану и те по одному, по два вытолкали всех на улицу, безжалостно, не слушая никаких жалоб и стенаний.

«Завтра, все завтра! Не удалось попасть? Значит судьба твоя такая!»

После окончания приема Зоя Федоровна положила на стол в палате Сергара конверт, в котором лежали деньги. Сколько — он смотреть не стал. Не интересно. Положила — и ладно.

Честно сказать, и сам удивлялся такому наплевательскому отношению к своим собственным доходам, и только сейчас начинал понимать бабку Надю, которая не брала денег за лечение. Хотя... самом деле, плата все равно была. Брал ее кто-то другой, или же отплачивали услугами, продуктами — какая разница? Без денег все равно не оставят, настоящий, хороший маг-лекарь — он везде лекарь. Всем нужен. Даже в мире, в котором не верят в магию.

Весь день после ухода участкового Сергар был так сильно занят, что не было времени подумать о том, куда же все-таки делась Маша. Нет, само собой он был удивлен ее отсутствием — чтобы она, в общем-то дисциплинированная девица и не пришла к началу приема?

И деньги — чтобы она, да прошла мимо денег? Бросила дело, которое сама же так любовно организовала? Невозможно. Чего-чего, но Сергар уже неплохо изучил Машу и мог с уверенностью сказать — это невозможно. Значит, что-то случилось. Что? Да кто знает... дерьма в этом мире хватает, несмотря на его, с первого взгляда, устроенность.

Гадать, строить фантастические предположения по поводу отсутствия девушки — просто глупо. Нужно сидеть, ждать, и все само устроится. Или не устроится. Дергаться, бегать по комнате и рвать на себе волосы? Поднимать на поиски всю местную стражу? Его лишь обсмеют — молодая девица не пришла тогда, когда обещала. И что?

За время своей армейской службы Сергар четко уяснил — не нужно совершать преждевременных шагов, бросаться очертя голову в первую пришедшую в голову авантюру — это обязательно плохо кончится. Закон такой. Не спеши, и сохранишь свою голову.

А еще — не нужно сразу предполагать плохое. Маша взрослая девушка, женщина, и как оказалось — вполне расчетливая, неглупая, хотя и слегка инфантильная. Да, противоречиво — с одной стороны, Маша по детски непосредственна, чем-то похожа на дикого зверька, на обезьяну — захотелось съесть плод — схватила, съела, не задумываясь о последствиях.

С другой стороны — девушка была умна, цинична, расчетлива, как старый вояка, который пережил десяток командиров и знает, как выжить в такой сумасшедшей системе, как воинская служба.

Сергар думал над этим феноменом и пришел к выводу, что ничего удивительного нет — та среда, в которой выросла Маша, заставила ее стать такой, какой она стала. Другие здесь не выживали — здешняя жизнь или ломала их, или убивала, или выталкивала, заставляя покинуть отчий дом и отправиться в дальние края на поиск лучшей, более подходящей им жизни. Это нормальный процесс, и ничего странного в нем нет. Пример — сам Сергар, бросивший дом, будущую прибыльную практику и ставший, фактически, ходячим крупнокалиберным оружием в артиллерийской части Империи Кайлар. Да, именно орудием — если применять термины Земли.

У боевых магов основной упор делался на то, чтобы они умели в кратчайшее время выпустить по врагу как можно больше огненных шаров, которые при удачном попадании наносили ущерба не меньше, чем снаряд из земной гаубицы. Скажут, что унижительно чувствовать себя неким

механизмом, орудием, используемым тупыми командирами командирами? Тогда пусть этот кто-то покопается в себе, и скажет с полной уверенностью: «Я не механизм на службе кому-то или чему-то! И никогда им не был, и не буду!»

Вряд ли найдется хоть один такой человек — если только не считать маленьких, совсем маленьких детей. Каждый человек по сути своей винтик в огромной машине, именуемой «жизнь».

Элитные части, состоящие из боевых магов при правильном их использовании могли снести целую армию тяжеловооруженных, подготовленных солдат. И это при том, что для магов не требовалась броня, не требовались боевые кони, не требовалось все то, что составляет головную боль всех интендантов во всех мирах, и казначеев государственной казны. Покорми мага, одень, поставь на поле боя, и под ударами его огнешаров поляжет столько народа, сколько не сможет убить ни один вояка-рубака за всю свою жизнь. Потому боевые маги очень ценились во всех армиях, и всегда были главной целью атак вражеского войска — что и понятно. Не будет вражеских магов — будет победа.

Магам хорошо платили — больше, чем даже офицерам генерального штаба армии. Прощали некоторые «шалости» — мелкие преступления, иногда даже серьезные — так что жизнь мага, если он не полег на поле боя под ответными ударами магов противника, была вполне приличной, сытной, необременительной, и в случае удачи можно было по окончании контракта уйти «на гражданку» с кругленькой суммой на банковском счете. Конечно — если ты не пьешь, не гуляешь с девками, не громишь трактиры и не соришь деньгами направо-налево!

О загулах магов ходили легенды, и шлюхи со всей округи с замиранием в сердце ждали, когда очередная компания боевых колдунов посетит их захолустный трактир. Даже если после этого от трактира останутся одни стены и крыша, весь ущерб обязательно будет возмещен. Или самими магами, или командованием, которое, не желая раздувать скандала, заткнет рты пострадавших мешочками со звонкой монетой. Все равно потом вычтут из жалованья подчиненных, так что...

Когда стало смеркаться, Сергар забеспокоился по-настоящему. Все эти дни и ночи Маша была с ним неотлучно — ухаживала, кормила, ублажала, делала все, что делает хорошая жена и любовница. Он уже как-то отвык оставаться один, и теперь испытывал тянущее чувство беспокойства, тревоги, усиливавшихся с каждым часом.

Сергар постарался себя отвлечь — включил телевизор, послушал новости и героев бредовых телесериалов, страсти в которых ему казались

надуманными и глупыми.

Около полутора часов, как и обычно, посвятил занятиям медитацией и физическими упражнениям — отрабатывал, вспоминал те стойки, связки, удары, которыми он некогда прекрасно владел, и которые не раз спасали ему жизнь на войне, и особенно после нее, во время работы грабером.

В учебке был отличный преподаватель боевых искусств, седой пятидесятилетний преподаватель Сорен Виголь. У него имелись двое помощников, мужчин помоложе, которые отвечали за оружейную подготовку новоиспеченных боевых магов.

Прежде чем выпустить на поле боя, несмотря на то, что необходимость в боевых магов была просто-таки жгучей как раскаленное железо, их все-таки держали в учебке целый год, вылепляя из разношерстной толпы гражданских парней сплоченную боевую команду, способную постоять за себя и нанести урон армии противника. И что лучше дисциплинирует, чем занятия боевыми искусствами?

Кроме того — в этих плавных движениях, выглядевших странными для непосвященного зрителя, заключено не только, и не столько намерение убить противника голыми руками — на самом деле, это пассы, позволяющие ввести тело в состояние, наиболее располагающее к приему максимального количества Силы. Каждая поза, каждое движение, каждый переход из стойки в стойку совершенствует бойца, открывает в его организме внутренние «емкости», «полости», в которых маг накапливает запас магической энергии. Все движения не случайны, каждая постановка ладони, кулака, выпад, переход — суть не только тренировка мускулов и разгон крови по организму, но и «шлифовка» Души, впитывающей в себя магию.

За время своей службы Сергар добился впечатляющих результатов — он мог отправить в противника не менее пятидесяти огненных шаров размером с человеческую голову! И перезарядиться — всего за пять минут! Для большинства магов — просто фантастический результат.

Учитель магии и учитель боевых искусств говорили, что это результат того, что Сергар не гнушался уделять тренировкам все свое свободное время, «вместо того, чтобы шляться по трактирам и щупать грязных шлюх!».

В общем-то, так оно и было — каждую свободную минуту, каждый свободный час молодой маг посвящал тренировкам, и к концу года обучения достиг в этом впечатляющих успехов — его не раз ставили в пример другим ученикам, что как обычно очень не нравилось многим из тех, кто не так уж истово нес свое бремя службы.

И само собой — не раз, и не два его пытались проучить за неразумное рвение, но после того, как Сергар несколько раз жестоко избил тех, кто на него покушался (двоих едва спас армейский лекарь), его оставили в покое.

Вообще-то Сергар всегда считал — пришел на службу — служи. Выполняй то, что подрядился делать. Или не надо было вообще браться за это дело.

Так всегда говорил отец Сергара, который отличался невероятной, просто-таки потрясающей обязательностью.

За последующие десять лет службы Сергар поостыл к боевым занятиям — не до них, когда сидишь под навесом в открытом поле и тебе через дырку в пологе за шиворот льется холодный дождь, но все равно, при первой же возможности старался поддерживать боевую форму — что всегда поощрялось командованием подразделения.

Возможно именно потому, что Сергар уделял так много внимания своему боевому искусству, он и выдержал десять лет службы боевым магом, единственный из всех прослуживший два пятилетних контракта подряд.

Его называли везунчиком, и скорее всего, так и было. За десять лет всего лишь потерянная рука — это ли не везение, когда смерть косила соратников прямо у плеча Сергара, умело пользуясь своей черной косой, от которой не может уберечь ни одна броня в мире...

Позанимался, сходил в ванную комнату — смыл пот, густо выступивший на коже (слаб, еще слаб! Далеко до настоящей физической формы). Наварил зелья, поставил охлаждаться перед напитыванием Силой.

Поел, разогрев микроволновке котлеты с макаронами.

Посмотрел новости, в который раз удивляясь, сколько же в мире зла. Люди убивали друг друга, устраивали теракты, разжигали войны, и все ради чего? Чтобы еще немного добавить к своему и так уже несметному богатству!

Сергар этого никогда не понимал — ну накопишь ты денег, куда их потом денешь? В гроб с собой положишь? На тот свет возьмешь? Уж кто, как не он понимал — с собой ничего не возьмешь, кроме бесплотной души. А душе деньги не нужны, душе нужно другое — покой, умиротворение, любовь...

Маша пришла уже в темноте. Тихо растворила дверь, прошла, села на кровать. Сергар почувствовал запах ее духов, удивился — надушилась на ночь глядя? Или решила таким образом его возбудить?

Сделалось смешно, и Сергар невольно улыбнулся, потом протянул руку, приобняв Машу, сидевшую как истукан на краю постели, привлек ее к

себе.

Она повалилась как подрубленное дерево, ударившись головой о Сергара так, что у него зануло плечо. Голова девушки мотнулась, завалилась в бок, будто вынули хребет, на котором та держалась. Сердце защемило от предчувствия беды.

Вскочил, включил свет. В неярких лучах стенных бра, увидел распухшее лицо девушки, разбитые губы, синяк, затемняющий глаз. Левое ухо в два раза больше правого, на шее кровоподтеки. Потянулся, расстегнул куртку, которую Маша надела на блузку, задрал блузку — все тело в синяках и кровоподтеках, левый сосок прекрасной груди сплошной сгусток крови, будто надкусанный острыми зубами зверя.

В считанные секунды раздел девушку догола, осмотрел — сомнений не было, ее жестоко избили, изнасиловали, изуродовали так, что ей теперь придется долго лечиться, восстанавливая здоровье. Если это вообще возможно — при здешнем способе лечения, и при уровне медицины отдельно взятой больницы районного городка.

Маша была без сознания, похоже, что дошла она из последних сил, буквально на своей железной воле.

Сергар знал, что женщины в большинстве своем невероятно выносливы, еще мать рассказывала — многие женщины, уже будучи больными, преодолевают себя и работают до тех пор, пока не падают замертво. Это заложено в их душе — преодолевать трудности, заботиться о семье, выполнять свой долг.

А еще — у них порог болевой чувствительности выше, чем у мужчин, потому женщины могут переносить страдания более тяжкие, чем мужчины такого же возраста и комплекции.

Так распорядилась природа, так распорядились боги. Мужчина должен драться, бежать, охотиться, быстрее осознать опасность, почувствовать боль, чтобы избежать гибели.

Женщина должна терпеть — несмотря на боль, несмотря на страдания беречь свой очаг, своих детей, своего мужчину.

Сергар защелкнул замок на двери — замок это первое, что он потребовал от администрации. Входить — только по его разрешению. Главврач не протестовал — ну кто перечит курице, несущей золотые яйца? За ту неделю, что Сергар тут лекарил, в карманах «хозяина» больницы оказалось несколько десятков тысяч рублей чистой прибыли! А если так дело пойдет и дальше...

И не надо забывать про полезные контакты, которые образуются в процессе лечения! Тот, кто может провести к лекарю без очереди — само

собой, становится Очень Ценным Знакомым. Нужным Знакомым. Другом!

Приподнял девушку, подоткнул Маше под спину две подушки. Она так и лежала — закрыв глаза, тяжело дыша — прерывисто, хрипло, в груди что-то булькало и «поскрипывало».

Пощупал — похоже было, что сломано две верхних ребра. Пинали?

На бедрах между ног — засохшая кровь, видимо, кровотечение вследствие разрыва внутренних органов. На ягодицах — тоже самое.

Сердце сжалось, накатила безумная, нерассуждающая ярость. Хотелось рвать, бить, убивать — не думая о последствиях, о том, что будет дальше, как пойдет его жизнь, если он совершит ЭТО!

Сергар был в таком сумасшедшем состоянии духа всего один раз, и то после крепкого возлияния, злой, похмельный, ко всему прочему — не успевший позавтракать. Некий Жонжик, из тяжелой пехоты, подошел со спины, когда маг сидел в трактире в обнимку с местной «красавицей», предметом вожделения большинства здешних обитателей, достал член и начал мочиться на голову соперника.

Сергар вначале не понял, что происходит, думал — на него пролили остатки компота пробегающие мимо подавальщицы, но когда почуял запах, увидел происходящее...

В общем — Жонжика, громилу ста двадцати килограммов веса, пришлось реанимировать лекарю высшего разряда. У него были сломаны обе руки, выбит глаз, сломана челюсть, разбита печень и самое главное — оторван член. Напрочь. Под корень.

Сергар сам не помнил, как сумел оторвать такой в общем-то крепкий кусок плоти, выдерживающий на весу его хозяина (Были прецеденты. Нашли однажды кайларских разведчиков, пойманных разъездом зеланской конницы. Все были мертвы — кроме одного, умирающего. И все висели именно ТАК.)

Был суд, командование пехотинцев вопило, что магам все сходит с рук, что нужно повесить этого наглого негодяя, и... ничего нового — обычное противостояние «элитных» частей и «простых трудяг войны», закончившееся по большому счету ничем. Суд определил, что Жонжик повел себя вызывающе, оскорбил честь воина, ну а то, что он понес такой несопоставимый с преступлением ущерб — лишить Сергара Семига одного месячного жалования, направив деньги на лечение потерпевшего.

Защитник Сергара по окончанию суда сказал: «Славь богов, что впад в боевое безумие ты не воспользовался своими магическими способностями и не раскатал этот трактир по-бревнышкам, не сжег придурка, не нанес большого ущерба. Иначе тебя никто бы уже не смог защитить!»

Сергар сам не понимал, как сумел сдержаться и не испепелить негодяя, который напрашивался на неприятности весь день перед столкновением — чего проще запустить в подонка огневином и разметать его обугленные кишки на все четыре стороны! Видимо в душе Сергара стоял некий предохранитель, который уберегал его от использования боевой магии необдуманно, вне поля боя и без команды командира. Хороший боевой маг не будет развлекаться, разбрасывая огневики по улицам города и по трактирам, выпив лишнюю кружку вина и впад в пьяный раж. Всякое бывало, конечно, но обычно такие маги на воинской службе долго не задерживались.

Усилием воли освободившись от красного тумана ярости захлестнувшего мозг, Сергар положил руки на голову Маше и влил в нее Силу, укрепив, подправив жизненный тонус, а еще — выведя из беспомысленности. Маша застонала, пошевелилась, вдруг замахала руками, не осознавая, где находится, жалобно закричала, заплакала:

— Не надо! Пожалуйста, не надо! Папочка, папа, помоги! Папа! Ой, как больно... как больно! Гады, не трогайте! Гады!

В голосе ее было столько муки, столько душевной и телесной боли, что Сергар не выдержал, ударил кулаком себе по колену, вскочил, забежал по комнате, пытаясь унять яростно бьющееся сердце и взять себя в руки. Остановился, проделал несколько упражнений, готовящих к трансу, только тогда сумел подавить приступ ярости.

Шагнув к кровати — на глаза попала Машина сумочка, которую та уронила на пол. Из открытой сумки вывалились толстые пачки денег — Сергар взял одну, хрустнул купюрами, проведя по торцу толстой пачки, бросил на пол.

— Это ты! — Маша жалко улыбнулась, и на треснувшей разбитой губе появилась крупная красная «клякwa» — Я все-таки дошла! Дошла!

— Кто?! КТОО?!!! — прохрипел маг, сжимая побелевшие кулаки — Убью, твари!

— Полечи меня, Олежа, ладно? Похоже, что я помираю... — Глаза Маши снова начали закатываться, и Сергар бросился к ней, снова вливая порцию силы. Затем подошел к остывавшему в стальной кастрюле травяному вареву, половником зачерпнул отстоявшейся коричневой жидкости, налил в большоу глиняную кружку. Опустил в нее мизинец — варево было теплым, почти горячим, но не обжигающим. И это хорошо.

Минута ушла на то, чтобы насытить состав Силой. Еще минута, чтобы залить содержимое кружки в изуродованный рот Маши.

Девушка глотала с трудом, давась — и варево было горьким, и горло

болело. Выпив при помощи Олега всю жидкость, улыбнулась, с трудом растягивая распухшие губы, тихо сказала:

— Я с тобой ничего не боюсь!

И потеряла сознание.

Лечение было тяжелым. Таким тяжелым, что Сергар вначале даже засомневался, что у него получится. Как Маша дошла — неизвестно. Кроме внешних повреждений, у нее оказался поврежден мозг — височная кость с левой стороны была проломлена. Сломанный нос, почти совсем откушенный сосок — это все ерунда. Главное — отбитые почки, печень, сломанные ребра, которые острыми концами рвали легкое, не давая дышать как полагается. Разрывы матки, прямой кишки, и еще много, много такого, что неминуемо вело если не смерти, то к вечно инвалидности — наверняка.

На лечение ушло два часа. Две подзарядки Силы — Сергар не смог обойтись тем ее количеством, что запас перед началом лечения.

К концу второго часа он был вымотан так, что руки и ноги тряслись, будто после недельного бега по пересеченной местности.

Но Маша была жива, и жизни ее ничего не угрожало. Лицо стало таким как прежде — милым, слегка детским, с распахнутым взглядом наивных глаз.

Грудь — прекрасная, гладкая, торчала так, будто в нее были заложены силиконовые протезы (Маша всегда, когда рассказывала о том, что никто не верил в натуральность ее груди — заливалась радостным смехом и говорила: «Спасибо маме и папе за мои счастливые сиськи!»).

Сергар мог свидетельствовать в любом суде — никаких протезов! Натуральная грудь третьего размера — как говорят на Земле. Просто вот так как-то получилось — провинциальная девчонка с внешностью экранной супермодели. Бывает, и более чем достаточно.

Увы, ростиком для модели Маша не вышла — «метр с кепкой», как она иногда про себя говорила. Впрочем, когда Маша шла, никто почему-то не видел ее малого роста, все смотрели совсем на иное...

Похудела. Сильно похудела. Из ничего что-то построить нельзя. Организм тратит свои силы, свои ресурсы, лекарь лишь подправляет, направляет в русло, подталкивает в нужную сторону, напитывает «горючим» систему регенерации.

Как-то Сергар спросил у матери: «Мам, так что получается — если все время лечить человека, делать его здоровым, он ведь никогда не умрет?! Будет жить вечно?! Представляешь — умирают, а ведь можно нанимать врачей, и они будут тебя все время лечить! Сделают бессмертным! Почему

богатеи не живут вечно? У них же есть деньги на лечение!» Мать тогда посмеялась, отмахнулась, убегая в лавку травника, и только через годы, уже в учебке Корпуса магов Сергар понял — почему смеялась опытная лекарка.

«... и кажется непосвященному — „Лечи организм, правь тело, убирай болезни и будет человек вечным!“»

Увы, здесь его постигнет разочарование. Так не бывает. Можно изменить внешность — это умеют единицы из лекарей, трудно, но возможно, хотя организм и стремится убрать внесенные в него поправки, вернуть в первоначальному состоянию.

Можно сделать тело внешне молодым, двадцатилетним, затратив огромные силы и средства! Но это ничего не дает, кроме внешней красоты и молодости. В назначенный богами миг человек умирает, как если бы кто-то огромный, всесильный выдернул душу из грешного тела. Потому мы и говорим о богах, которые, следят за каждым из нас, и заботятся о том, чтобы душа в свой час отправилась на божественный суд, и после него — туда, куда ей назначат немилосердные, неподкупные Судии.

И даже если ты император, обладающий невероятными возможностями, средствами, для простого смертного равными возможностям богов, все равно ты умрешь в тот день и час, в который назначила Судьба. Даже если соберешь лекарей со всего мира и они сутками напролет будут питать тебя жизненной энергией, отбросив повседневные дела, забросив простых пациентов, нуждающихся в незамедлительной помощи.

Тот, кто найдет способ омолаживать организм на самом деле, не только прославится в веках, но и возможно даже станет властелином мира. Представьте себе властелина — безумного, капризного, подверженного неконтролируемым приступам ярости, во время которых он может не только убить слугу или приближенного, но и послать на гибель сотни тысяч ни в чем не повинных солдат, только лишь потому, что показалось — соседнее государство относится к нему совершенно неуважительно. Представили? Вероятно — легко...

А теперь представьте, что он вечен! Что он навсегда! Что нет никакой надежды на смену власти!

И не в этом ли заключается суть конечности нашего существования?

Еще: представьте себе, что бессмертие стало доступным, что мы перестали умирать — кроме как от несчастных случаев, на войне, или по своей воле. Все люди перестали умирать, и мир заполнился толпами вечно живых существ! Они съели все, что могли, вырубали леса, выпили всю пресную воду, в конце концов, людей стало так много, что им негде стало

даже стоять!

Конечно, это сказка, но она возможна, как ученый я вполне такое допускаю.

Не зря боги поставили барьер жизни человека, не зря...

«Трактат „О человеческой жизни и о некоторых вопросах увеличения ее продолжительности“ Индар Гарун, Имперская академия Кайлара, 45789 год от Создания Мира.

Пометка: „Откровенная ложь, усматривается критика Его Величества Императора, информация передается в Следственный Комитет Душевного Здоровья для принятия решения по существу.“»

* * *

— Очнись! Ну?! Очнись!

Толчок магией, девушка вздрагивает, открывает глаза.

— Ох, как хорошо-то! Господи, как хорошо! И ничего не болит!

Маша счастливо засмеялась, схватила Сергара за шею, впиалась ему в губы долгим поцелуем. Отслонилась, не размыкая рук, и глядя в глаза, счастливо выдохнула:

— Как хорошо, что ты у меня есть! Я ведь думала, что помру...

— Считай, ты померла! А я бог-воскреситель! — мрачно бросил Сергар, откидываясь на спинку кресло — К делу! Рассказывай! Кто?! Почему?! Как случилось?

— Четверо — Маша будто потухла, и на ее гладком лбу появилась глубокая складка, сразу состарившая девушку лет на двадцать — Случайно все. Шла по делам, в поликлинику к Катке ездила. Затащили в машину, увезли на турбазу. Ну и... насильовали, били, издевались. Можно я не буду вспоминать — как оно было? А то ты не захочешь потом со мной... противно! Страшно!

Машино лицо скривилось, а по щекам потекли слезы. Руки ее задрожали, зубы вдруг начали клацать, будто голышом сидела на морозе и продрогла до самых костей.

Сергар встал, взял одеяло, закутал девушку до подбородка, прижал ее голову к своей груди:

— Подробности не нужны. Я хочу лишь знать, где они сейчас, могу ли до них добраться, а еще...

— Не надо! Не надо... сейчас! — голос Маши сорвался, и она снова задрожала — Я теперь здорова, заработаем много денег — ну их к чертовой

матери! Сдохнут, когда-нибудь — все равно сдохнут!

— Меня это не устраивает, чтобы когда-то! Я хочу — сейчас! — холодно сказал Сергар, подавшись вперед, и Маше вдруг показалось, что глаза парня светятся голубым огнем, как у зверя, или вампира из ужастика — Я намерен наказать подлецов сам, лично, не оставляя это дело на волю богов!

Маша снова удивилась — почему богов, а не бога? Но возражать не стала. У всех свои тараканы в голове, и Олег не исключение. Какая ей разница, в каких там богов он верит? Главное — мужик классный! И лекарь!

— Ой! И куда родинка на животе делась?! — восхитилась Маша, и взглянув на правую руку, вытаращила глаза — И шрам пропал! Я с забора в десять лет упала, и прямо на разбитую банку! Ничего себе! Вот это да! Ты еще и пластический хирург! Слушай, а можешь... ну... например... грудь больше сделать?! Или там нос другой?! Или уши?! Можешь?! Да мы с тобой миллионерами будем, если можешь! Ну его черту, лечение, мы с тобой бабки будем в сто раз больше зашибать!

— Где они?! — мрачно, тяжело перебил Сергар — Дорогу покажешь?

— Не покажу! — решительно мотнула головой Маша — Такие перспективы открылись, а если ты их грохнешь — нас сожрут! Эти твари, как я поняла, к Черену приезжали. Из самой Москвы! У них наркоты дофига было, и не дешевой — «снежок»! Кокаин, то есть. А знаешь, сколько он стоит?! Хмм... и я не знаю, но говорят что дорого, гораздо дороже, чем герыч, винт или спайс. Непростые, точно.

— Кто такой Черен?

— Ну... Черен! Бандит, считай. Он теперь предприниматель, депутат, вроде как не бандитствует, только я не верю. Такая же тварь, как все они, шпана, только высокого полета шпана. Ненавижу шпану!

— А как же твой брат? — Сергар поднял брови и усмехнулся — Он ведь тоже бандит! Шпана! Как же так?

— Витька... — Маша слегка смутилась, потом решительно тряхнула головой — Он другой! И он никогда не хватал девок с улицы, не насиловал их, не издевался! В авторитете был, да! Дрался с пацанами! А то что они банк хотели грабануть — Ну... дурак. Говорил: «Скоро заживем с тобой! Выберемся из этого болота! Уедем!» Выбрался. Уехал, ага. И не надо мне Витькой глаза колоть! Он мой брат! И все тут! А ты мой мужчина! И я за вас обоих глаза выцарапаю!

— А кому раньше? Мне, или ему? Если мы друг друга не залюбим?

— Обоим! — хихикнула Маша, и тут же нахмурилась — Слушай, ты

ничего со мной не делал? Я имею в виду с башкой? Я вроде помню, а вроде и не помню... Я должна сейчас выть, кататься по полу, вспоминая все, что они со мной творили, а вроде как не со мной было... Это же ненормально!

— Ничего не делал! — соврал Сергар, который во время работы с мозгом Маши внушил ей, что все это было давно, не важно, и вообще — вроде и не с ней.

Он в детстве видел, как хоронили повесившуюся девчонку — ее изнасиловали двое ублюдков, охранников купеческого каравана, проезжавшего через село. Мать сказала, что та не перенесла воспоминаний, слишком страшных, чтобы каждую ночь ложиться спать, помня, что с ней творили. И рядом не нашлось умелого лекаря, чтобы избавить несчастную от проклятой памяти. Увы, не все лекари умеют править душу. Только лучшие, самые умелые и сильные.

Сергар тогда удивился, но запомнил этот случай. Он вообще-то всегда обладал великолепной памятью, как на Земле говорят — фотографической. Или почти такой. Частенько ему было достаточно прочитать нужный трактат один-единственный раз, чтобы потом тот всплыл в голове в самый нужный момент, тогда, когда этого совсем и не ожидаешь.

Тело Олега не обладало способностями тела Сергара, но не сказать, чтобы оно было глупым, или забывчивым. Зная специальные методики (а Сергар их знал), зная, как составить мнемонические снадобья, можно было добиться не худшего результата, чем если бы маг был в своем прежнем теле. Мозг не статичен, он развивается, его можно тренировать — это знает любой лекарь.

— В общем, так — решительно закончила Маша — Не надо никакой мести. Уедут, и черт с ними! Забудь!

— И это забыть? — Сергар указал на пачки денег, лежащие возле кровати на полу — Это — откуда?

— Это? — Маша потеряла лоб, нахмурила брови — Не могу вспомнить! Ну... хоть убей — не помню, и все тут! Кажется — вот-вот ухвачу, сейчас — и не могу. От этих козлов, точно. Похоже, что я почистила им карманы. Откуда же еще? У меня таких деньжищ отродясь не бывало!

Она встала, подняла пачки, прикинула:

— Миллиона четыре, не меньше! Пятитысячные!

Снова посмотрела на Олега, глянула исподлобья:

— Я должна помнить, но не помню! Точно ничего не делал?

— Может твой мозг защищается, убирая опасные для душевного здоровья воспоминания? — «на чистом глазу» предположил Сергар — Ты ведь знаешь такие случаи, когда люди не хотели вспоминать то, что не

хочется. Как бы забывали, засовывают воспоминания в дальний угол мозга.

— В дальний угол? Может быть... — пожала плечами Маша — Ага, что-то слышала про такое. Только почему-то мне кажется, что очень важно вспомнить... что-то вспомнить. Но что — не знаю. Тьфу, аж голова заболела!

— Маша, они знают, кто ты такая? — прервал опасную тему Сергар — Где живешь? Где работаешь?

Девушка улеглась, накрывшись одеялом по самый подбородок, помолчала, обдумывая, с сомнением помотала головой:

— Нет. Они затащили меня в машину на улице. Ничего не спрашивали. В сумочку не лезли. Паспорт на месте. Машина с московскими номерами, парни чужие. Когда въезжали — меня никто не видел. Да и не могли увидеть — стекла тонированные. Бармен в сауне тоже меня не видел. Нет, не найдут! Думаю — не найдут.

— Думаешь? — усмехнулся маг — Ты забрала у них несколько миллионов рублей, оскорбила их, унизила — ведь для мужчины нет унижения страшнее, чем то, что получено от женщины! Судя по поведению этих тварей, они очень любят унижать женщин, а этим обычно занимаются люди слабые, забитые по своей жизни. Ведь на ком-то нужно выместить свою злобу от того, что они такие ничтожные насекомые? Этим они приподнимаются над самим собой и над окружающими. Им так кажется. И теперь представь — девка, которую они мучили и насиловали, вдруг взяла верх — сбежала, да еще и обокрала! И как ты думаешь, они не будут искать?

— И что будет? — в глазах Маши плеснулся страх, она съежилась, сделавшись еще меньше, забралась под одеяло так, что остались видны только глаза и верхняя часть головы. А еще пальцы, побелевшие, вцепившиеся в край одеяла.

— Будет что? — Сергар задумался на минуту, вздохнул, забарабанил пальцами правой руки по колену левой ноги, брошенной на правую — А будет, вот что: они проснутся, начнут трясти того самого бармена. Решат, что может быть это он их обокрал. Потом попытаются узнать у него — не знает ли тебя, и не были ли вы в сговоре. Потом... потом... говоришь, они приехали по приглашению местного бандита? По делам? Тогда два вариант: они — или обратятся к нему за помощью, или не обратятся. Возможно, что и не обратятся. Насколько я знаю таких типов, они не любят признаваться в своей глупости и слабости. Потерять лицо? Я бы на их месте вспомнил, на каком месте тебя схватили, обошел бы все окрестные организации, дома, описывая твою внешность. Опросил бы извозчиков...

таксистов. Городок маленький, ты сама сказала. Кто-нибудь, тебя бы обязательно вспомнил. Это процентов девяносто. И тогда — в первую очередь они поехали бы к тебе домой. Мать сегодня дома?

— Нннет! — с ужасом выдохнула Маша — Она сегодня работает, в ночь, в магазине. Дома никого нет!

— Они придут, постучат. Ты была сегодня дома, так? Так. Возможно кто-то тебя и видел. Спросят соседей. Им скажут — ты ушла. Куда могла уйти? Добрые соседи расскажут, что ты наверное в больнице, со мной. Тут ведь ничего не утаишь, так? Соседи все знают. Нос суют... И тогда они приедут сюда, тебя убивать. Но прежде постараются забрать у тебя деньги. Ведь это немалые деньги, так?

— Большие! — сдавленным голосом пискнула Маша — Только я ничего не помню — откуда они взялись! Ничего не помню! Знаю, что это их деньги, и что-то с ними связано, но что — не помню! А может они уедут? Не будут меня искать? Это для нас большие деньги, а для москвичей — тьфу одно! Они все богатые! У них одной наркоты было на тысячи баксов! Что им какие-то четыре лимона?!

— Ты их унизила — терпеливо повторил Сергар — Ты их оскорбила. Они должны тебя найти. Но это даже хорошо.

— Что хорошо?! — оторопела Маша.

— Хорошо, что не придется их разыскивать — хмыкнул Сергар — Сами придут.

— Ты их хочешь убить? — Маша побледнела, глаза расширились, и было видно, что девушка еле сдерживается, чтобы не закричать — А что будет с нами?! Давай вызовем милицию? Полицию, то есть! Пусть охраняют! А я заявление напишу! Что они меня изнасиловали! Их закроют!

— Ты же вроде не любила полицию — усмехнулся маг — А как приспичило, сразу в полицию? Эх, люди, люди... непоследовательны, как и всегда. А что полиция? Негодяи заявят, что ты их обокрала, и если эти люди связаны с местным главарем банды, который еще и во власти — посадят и тебя, и меня. И уже в тюрьме до тебя точно доберутся. Вот если бы ты не брала тех денег... они бы просто уехали. Лучше бы ты их убила на месте. Перерезала бы им глотки, пока спали, и... да что говорить? Все так, как есть.

— Хотела... — Маша сглотнула, помолчала — Помню — вроде как хотела. Но не прирезала. Почему — не знаю. Не помню.

— Не так просто убить человека — мрачно кивнул Сергар.

— Ты убивал? Хотя... что я спрашиваю — конечно убивал! А участковый почему говорил, что ты врач? Что ты не военный? Это легенда,

да? Я видела в кино — бывших военных селят где-нибудь в провинции, чтобы враги их не достали! А потом вызывают, когда нужно выполнить операцию! Ну... убить кого-нибудь, террориста какого-нибудь... еще что-то... Ой, я не то говорю, не о том надо думать! Ты думаешь, они все-таки нас найдут?

— Найдут. Скорее всего, будут сидеть возле твоего дома до глубокой ночи, потом поедут в больницу. Тут я их и встречу. Сейчас встань, оденься, и покажи мне машину, на которой ехали негодяи, найди в интернете. Я не спрашиваю номер этой машину, но...

— Я помню! Помню номер! — Маша села, откинув одеяло, и голые груди колыхнулись вверх-вниз. Зрелище было в высшей степени привлекательным, так что Сергар с трудом отвел глаза. Впрочем — тут же отметил, что грудь Маши слегка отвисла — видимо из-за того, что она довольно ощутимо похудела после лечения.

— Щас, щас покажу! Я знаю! Это БМВ икс шесть! Витька говорил, что обязательно такой купит, когда разбогатеет! Щас в интернет залезем, и я найду! Щас!

* * *

— Не, внатури, я уже о....л сидеть в машине! — бритоголовый хлебнул из бутылки, сморщился, попросил — Дай нюхнуть, ну чо ты внатури такой сложный? Меня трясет! Дай, что ли?

— Заткни хайло, Пашок — Эрик был как всегда убедителен, тянул слова — настоящий мафиози! Холодный, рассудительный!

— Нанюхались уже — третий парень помотал головой и добавил — Эрик, давай к Черену обратимся! Аккуратно, через ментов, вытащим телку, узнаем где бабло, а потом... видно будет. Главное бабло найти! Нас же внатури порвет твой папаша! Ну чо ты кобенишься?!

— Я щас тебя пристрелю, сука! — яростно захрипел Эрик, глаза его выпучились так, что едва не вылезли из орбит. Из уголка рта вырвалась тонкая, липкая струйка слюны и повисла на подбородке узкой нитью — Я на куски ее порежу! Я кожу с нее живьем сниму! Я дырку проткну у нее в груди, и буду туда ее трахать! Прямо в сердце! Я... я... Ааааа!

Эрик зарычал, и потряс пистолетом перед лицом опешившегося соратника.

Все замолчали, и каждый подумал одно и то же: «Писец! Совсем с катушек съехал! Донюхался!»

Тот, у лица которого Эрик тряс стволом, окончательно решил: «Все. Сваливаю. Звал меня Вазген с ним работать — зря не согласился. С этим нарком точно в беду попадешь. Папочкин сынок!»

Остальные двое уходить еще не решились, но задумались о том, как скоротечна жизнь, и почему она зависит от таких вот придурков. «Я х...ю! Пристрелит, сука, и не спросит чо почем! Надо быть поосторожнее, так идохнуть недолго!»

Эрик взял себя в руки, успокоился, вытер с подбородка брызги слюны и уже спокойно сказал:

— Спокойно, я все продумал. Щас подъезжаем к больнице, тихо заходим. Глушим охранника, идем к палате этого хренова экстрасенса. Берем девку, в машину, и...

— А если деньги там, в палате? — подал голос четвертый — Мы уедем, потом возвращаться?

— Общем. Там и допросим.

— Визжать будет — мрачно бросил третий — Сбегутся больные, вызовут ментов. Щас у всех телефоны. И мы сгорели. Херовый у тебя план! А еще — с чего ты взял, что мы спокойно войдем? Нас в больничку не пустят! Приступом брать будем? Кроме того, у подъезда точно дежурят больные, очередь к экстрасенсу. Помните, что сосед сказал? Эта сука у колдуна типа секретарша и кассирша. Рулит очередью, бабки берет. Но я не о том — эти самые больные торчат у больнички всю ночь, ждут очереди. И как мы туда войдем? На глазах у толпы народа? Как вытащим эту суку? Как запихнем ее в машину? Это ты подумал?

— Правда, Эрик, как? — засуетился гориллообразный Пашок — Внатури не складывается ничо! Да охранник нам просто не откроет, скажет — идите на... й! И чо мы тогда, будем скакать у дверей, как обезьяны? Не, внатутри — гавно какое-то получается! На шару не взять. Надо придумать чо-то!

— Ну если такие умные — придумайте! — Эрик выругался, и откинувшись на спинку кресла закрыл глаза — Вы только пистеть горазды, а чтобы придумать — у вас башки не хватает, все Эрик, да Эрик! Вот и давайте, думайте!

Эрик не был глупым парнем. Подлым, злобным, самолюбивым — да. Но не глупым. И он понимал шаткость своей позиции. И уже пожалел о том, что не согласился связаться с Череном и разрулить все с его помощью. Да, потом вонь, потом папаша весь на дерьмо изойдет — плохо, но лучше, чем когда все раскроется после попадания их в ментовку! Да еще и с наркотой на кармане! Тогда папаша точно с катушек съедет и все будет

очень хреново. В клинику точно закатает, а потом... потом неизвестно что. Но свободы не видать, это точно. Туда не ходи, сюда не ходи, бабок опять же лишит.

«Первое задание, и так бездарно просрать! Казалось бы — привези бабки, и все! И закончилось полным дерьмом! Ты осел! Ты полный, конченный осел, ишак тупоголовый! Хер тебе, а не тачка, хер тебе, а не бабки, лечись, а как вылечишься — на короткий поводок, как собаку! Ты и есть собака, больше никто! Только ишак жрет свой товар! Мне такие сыновья-нарки не нужны!»

И все будут смотреть, хихикать, говорить, что Эрику папаша опять вставил! Твари! Все твари!

У Эрика аж в глазах защипало. Ему стало себя ужасно жаль, и он чуть не прослезился. А на смену слезам пришла ярость — холодная, ясная, прочищающая мозг. И он понял. Все понял — то, как нужно сделать.

* * *

— Где-то тут... встречать должны. Ага — вон он! Семен, к подъезду давай, вон стоит парень, машет.

— Вижу. Щас!

Скорая помощь медленно подъехала ко второму подъезду дома, фельдшер открыл сдвижную дверь газели, шагнул на землю. У бордюра стоял молодой парень в темной куртке, лицо его было не разглядеть — падала тень от дерева. Фельдшер раскрыл рот, приготовив стандартную фразу: «Вы скорую вызывали?» — но не успел, тут же получил жестокий удар в переносицу, от которого потерял сознание.

Второй фельдшер, женщина средних лет с ужасом смотрела, как сползает тело напарника и только лишь молча раскрывала рот, будто рыба, выброшенная на берег. В ее голове мелькнула мысль: «Нарки! Попали!» — но сознание угасло, выбитое таким же сильным, поставленным ударом, переломившим хрупкую женскую челюсть, как стеклянную.

Водителя вырубать не стали. Его несколько раз ударили по почкам, чтобы прочувствовал серьезность момента, и через пять минут «скорая помощь» шуршала по улице, такой пустынной в три часа ночи. Никого на тротуарах, темные окна пятиэтажек, мерцающие лампы над дверями закрытых магазинов. Только ночные таксисты спят в своих машинах, дежуря на «пятаках», ожидая припозднившегося гуляку, способного оплатить поездку до дома. Ни ментов, ни прохожих — идеальное время для

совершения преступления.

— Вы чо, пацаны?! У нас нет наркоты! И бабок нет! Что вам нужно? За что? — пятидесятилетний водитель был очень напуган. Он видел такие лица в девяностых, и не думал, что подобное еще возможно. Совершеннейшие отморозки, с остекленевшими глазами, ни в грош не ценящие чужую жизнь. От них веяло опасностью, и самой смертью.

— Проедь мимо больницы, у центрального входа — приказал Эрик, собранный, сосредоточенный. Он был доволен своей придумкой, все шло по плану, как надо!

— Внатури, Эрик, гля — машины стоят с людьми! Ждут!

— Сука, заткнись! Не зови по именам! — яростно рыкнул Эрик, больше для пущей важности, и бросил косой взгляд на водителя. У того захолонуло сердце — все, завалят! Он не знал, что Эрик с самого начала решил не рисковать и убрать всю бригаду, чтобы не вложили — кто побывал в больнице. Соратникам он ничего говорить не стал, фельдшеров пока что только связали, забили в рот кляпы из их же шматъя, и теперь доктора лежали на полу, в позе «ласточки» — так менты вяжут буйных «клиентов».

Вязали уже на ходу, по дороге к больнице, но получилось довольно быстро и умело. Пашок не только умело дробил челюсти, его способности были довольно разнообразны. За то Эрик и держал его при себе — что-то вроде телохранителя.

— Сейчас подъедешь к приемному покою, и вызовешь дежурную сестру, или кто там у вас принимает? Врач? Мне поуху кто, но чтобы дверь открыли. Иначе я тебе уши обрежу! Понял, мудила-водила?

— Понял — хрипло выдохнул мужчина. У него в висках билась кровь, а в голове вертелась только одна мысль: «Не дожил до полтинника! Всего неделя! Оля будет плакать...»

Подъехали к воротам, охранник на шлагбауме раскрыл тяжелые створки, не глядя на водителя, дождался, когда проедет «скорая» и снова закрыл ворота, чтобы пойти дремать на лежанке возле маленького телевизора. Праздников не было, обычный будний день, так что «скорох» в такую ночь бывает мало, можно спокойно поспать.

Водитель нажал на кнопку звонка, подержал, отпустил... снова нажал. «Кормушка» на двери долго не открывалась, потом появилось заспанное лицо, над которым торчал помятый зеленый колпак.

Кормушка снова закрылась, электрический сигнал запора двери загудел, створка раскрылось.

— Кого привезли? Тяжелый? — зевая спросила медсестра, и невольно

вздрагнула, когда из-за знакомого водителя вышагнул здоровенный бритоголовый парень. Он без замаха, хлестко ударил в челюсть сорокалетней женщине и та мешком опустилась на пол, не издав больше ни звука.

Ее утащили, несколько минут вязали заранее подготовленными вязками (Эрик предусмотрительно распорядился, учел). Затем к машине отвели белого, как мел водилу.

Эрик взял нож у одного из парней, и красуясь перед своими, приставил острое к шее мужчины:

— Где палата колдуна? Расскажешь — будешь жить. Как туда пройти, чтобы не поднять шума? Камеры слежения в коридорах есть? Охрана?

— Вип-палата, на втором этаже — задыхаясь, косясь на острое, проткнувшее ему кожу, ответил водитель — По коридору до конца, направо по лестнице, вверх, прямо, за стеклянной дверью, третья дверь направо. Ее сразу видно, вип-палату, у нее дверь такая... богатая, из лакированного шпона. Напротив в коридоре цветы всякие, растепния домашние, фикусы... стулья стоят, типа для отдыхающих больных. Холл, что ли называется... насчет шума — а чо там шум, нет никого, спят все. И врачи, и больные. Три часа ночи! Камер нет у нас. Давно собирались поставить, да все денег нет на них. Да и кто тут у нас будет чудить...

Он осекся, глянул на жесткие, неприятные лицо «собеседников», сердце ушло в пятки:

— Парни, отпустите, я никому не скажу! Не убивайте!

— Отпустим, не ссы! — осклабился Эрик — Вот если все точно сказал — так и отпустим. Парни, принимайте!

Удар рукоятью пистолета в затылок, водитель схватился руками за голову. Еще удар! Осел на землю.

Его перевалили в машину, связали, шипя и ругаясь — мужчина был грузным, тяжелым, не то что тощие фельдшера! Закрыли дверь газели и тихо вошли в больницу.

Мерцали тусклые лампы дневного света. Коридор пуст, никого. Водитель не обманул. Осторожно поднялись по каменной лестнице, прошли через стеклянную дверь на лестничной площадке.

Полумрак. Горит только одна лампочка, вдалеке, видимо возле сестринской. После яркого света лестничной площадке глаза привыкали к полумраку с трудом, Эрик выругался, ударившись о край тележки для перевозки больных, которую какой-то ишак поставил прямо возле выхода, перегородив весь проход. Толкнул каталку, та с шорохом откатилась в сторону, и все четверо прошли в коридор.

Эрик хотел одного из парней оставить в газели, чтобы охранял пленников и если что, мог поднять тревогу, позвонив по телефону, но передумал — пусть идут с ним. Так спокойнее. Нехрена отсиживаться, когда сам босс идет на дело!

Глаза привыкли темноте, и уже казалось, что в коридоре не так уж и темно. Дверь в вип-палату была в десяти шагах от входа, видная издалека. Напротив нее, как водитель и говорил — что-то вроде холла, где на стене висел телевизор, скорее всего давно не включавшийся по причине своей дряхлости, а еще потому, что обитатели вип-палаты не любили шум возле своих дверей.

Днем тут на стульях дежурили страждущие больные, ожидающие своей очереди на посещение волшебника, излечивавшего самые тяжкие болезни, но парни этого уже не узнали.

Из-за угла метнулась тень, и тут же один из парней свалился на пол — хрустнула шея, переломленная мгновенным, точным ударом.

Тут же упал второй — нож вошел ему в глаз, до самой рукояти.

Сергар предпочитал именно этот удар — пораженный мозг выключался, и умирающий не успевал сделать ничего, кроме как упасть и подергать ногами. Удары в корпус, если человек силен, или находился под снадобьями, могли не привести к нужному результату. Будучи уже практически мертвым, противник об этом еще не знал, и мог нанести ощутимый урон, прежде чем кислородное голодание выключит мозг, и он перестанет руководить своим телом.

Эрик уже поднимал пистолет, когда из темноты вылетел небольшой огненный шар — всего с ноготь, вонзился в грудь и прожег ее до самого позвоночника, убив не менее эффективно, чем если бы в цель попали из магнума-44.

На ногах остался только Пашок, который не стал доставать ствол, автоматически приняв стандартную боевую стойку. Паша долго занимался каратэ, и если бы не ушел в группировку, мог достичь довольно высоких результатов. Его тренированное тело не успела еще разрушить привычка к коксу, потому двигался бандит быстро, ловко, и когда всей своей мощью обрушился на незнакомца, спокойно ожидавшего нападения, был уверен в успехе.

Пашок был убежден, что в тухлом захолустном городишке никто не сможет противостоять кандидату в мастера спорта — каковым он в в общем-то и являлся. Коричневый пояс, если перевести на язык каратек.

Честно сказать, его уровень боевой подготовки давно уже перешагнул через коричневый пояс. Ему спокойно можно было бы присвоить и дан,

если бы его это интересовало. Но Пашка интересовали только деньги, да еще — бабы, которых он любил брать грубо, унижая, как и положено настоящему мужчине. Он и единоборствами начал заниматься потому, что в детстве был хилым мальчуганом, которого вечно обижали во дворе. Затем Пашок неожиданно вырос, раздался в плечах, оставшись в душе обиженным, жаждущим мести Пашком, и вкуче с занятиями единоборствами это все привело его на скамью подсудимых — за нанесение тяжких телесных, приведших к смерти потерпевшего.

Десять лет, из которых он отсидел восемь. На зоне Пашок подтянул свое мастерство, избивая тех, на кого показывал пахан, а когда откинулся — пристроился к пахану, вышедшему чуть раньше, такой же «торпедой», какой и был на зоне.

Незнакомец стоял, не выказывая страха, и когда Пашок сделал выпад, лишь блокировал его кулак своей широкой ладонью.

И на этом все закончилось. Шарахнула синяя искра, Пашок застыл, вытаращив глаза, затем свалился на пол, как подрубленное дерево. Тело его было парализовано вернее, чем если бы его ужалила птицеоса.

Сергар пару секунд переводил дух, потом тихо выругался — его возможности боевого мага претерпели катастрофические изменения! Жалкий шарик, который он выпустил вместо полноценного огневика даже не пробил противника насквозь! Если бы тот был в броне, или даже всего лишь кольчуге — отделался бы приличным ожогом.

«Грозное заклинание», с помощью которого Сергар должен был исторгнуть из ладони пучок здоровенных синих молний дало лишь искру — слава богам! — все-таки парализовавшую негодяя.

Потому и подпустил бандита поближе — сомневался в успехе колдовства. И не ошибся!

Похвалив себя за предусмотрительность, пощупал пульс детины, толкнул дверь палаты:

— Снадобье! Воронку! За мной!

Маша выскочила из палаты, охнула, увидев мертвых бандитов, потом вдруг с силой пнула бритоголого в бок, а когда Сергар погрозил ей кулаком, опустилась на колени и вставила Пашку в рот горлышко пластиковой бутылки с отрезанным дном. Сергар медленно залил добрую порцию снадобья, подождал, прислушался, затем кивнул Маше:

— Обыщи. Собери все деньги что у них есть — они им все равно не нужны. Потом, когда уберем трупы, возьми тряпку и подотришь, чтобы не было следов крови. Поняла?

Маша молча кивнула, обшарила мертвецов, парализованного, и через

несколько минут дверь в палату закрылась. Сергар выждал еще пять минут, хотя в голове у него билась кровь: «Скорей» «Скорей!», затем возложил руки на голову лежащего в беспамятстве парня, и когда тот вдруг открыл глаза, тихо, но четко сказал:

— Сейчас ты будешь делать все, что я скажу. Ты мой. Ты — никто. Ты понял меня? Повтори.

— Я — никто. Я сделаю все, что ты скажешь. Я — твой.

— Встань. Отвечай на вопросы. На чем вы приехали в больницу?

— На машине «скорой помощи».

— Где она?

— У дверей приемного покоя.

— Врачи живы?

— Да.

— Бери ближайший к тебе труп и неси его в «скорую помощь», на которой вы приехали. Кладешь, и быстро возвращаешься.

Пашок без натуги поднял трупа Эрика, и держа его на руках как ребенка, пошел к лестнице.

Через пять минут он появился, даже не запыхавшись от переноски тяжелого тела, и Сергар с легкой завистью подумал о том, что до такого уровня тренированности он дойдет еще не скоро. И тут же ругнулся на себя — забыл, что снадобье, которое влил в рот бандиту, обладало еще и тонизирующим, усиливающим способности свойством. Как и заклинание подчинения, которое Сергар применил к упавшему бандиту.

Мысль использовать заклинание пришла внезапно — если уж он потерял боевые способности до такого уровня, то боги точно должны были компенсировать потерю другими умениями, например — лекарскими — что и произошло. Только сильные лекари могли внушать пациенту то, что они хотели (не навсегда, но на время) — некоторые, даже без усиливающего магию снадобья.

Сергар рисковать не хотел, потому пришлось потратить на негодея не меньше стакана дорогой наговоренной жидкости. И все получилось.

С последним «рейсом» зачарованного бандита Сергар пошел вместе с ним, и когда тот вывалил труп на пол газели, уселся на пассажирское сидение машины, приказав Пашку сесть за руль.

Машина выкатилась из ворот, и небыстро поехала вдоль по улице, туда, где бандиты оставили свой джип.

Это был окраинный район, джип стоял неподалеку от дома, на адрес которого Эрик вызвал скорую помощь — у этой пятиэтажки у единственной в округе на стене висело название улицы и номер, потому

других вариантов больше не оказалось.

Через десять минут трупы бандитов перекидывали в салон джипа — были рассажены по сиденьям. Пашок сел на пассажирское — как ему приказал Сергар, захлопнул дверцу, и через несколько секунд раздались выстрелы — бандит расстрелял трупы товарищей, предварительно выдернув из глазницы одного из них нож Сергара.

Бросив нож на сиденье, повернул к себе ствол пистолета, направил в сердце и нажал на спуск.

Выстрелы прозвучали неожиданно громко, Сергар никогда не слышал настоящих выстрелов — если только из телевизора. С опаской оглянулся, не выглянул ли кто-нибудь из окон, чтобы посмотреть на происходящее? Но нет — на пустыре за домом все было тихо, ни один огонек в спящей пятиэтажке не загорелся. Люди спали — четвертый час, небо сереет, но до рассвета еще далеко.

Вернулся к скорой помощи, взял кусок тряпки, которую бандиты приготовили, чтобы вязать врачей, подошел к джипу, открыл лючок бензобака — точно так, как было написано в руководстве по эксплуатации машины, которое Маша нашла для него в сети. Долго пытался сунуть тряпку в бензобак, отчаялся — тряпка не хотела в него влезать, так и не смог добраться до горючего, видимо у горловины имелся изгиб, плюнул, закрыл лючки бросил тряпку в салон газели. Нужно было действовать по-другому.

Фельдшеры уже начинали подавать признаки жизни. Женщина стонала, мужчина шевелился, пытаясь освободиться от пут, но у него ничего не получалось — лежа на животе с руками подтянутыми к ногам больно-то не «повоюешь». В мире Сергара такую вязку называли «рыбка».

Женщина в зеленой униформе дежурного врача все еще была без сознания — она лежала чуть поодаль от остальных, ближе к задней части газели и не подавала признаков жизни.

Усыпив очнувшихся врачей магическим посылом — коснувшись голов — тем же посылом Сергар пробудил водителя, а когда тот очнулся, приказал, стараясь, чтобы голос звучал как можно грознее:

— Сейчас сядешь за руль и отъедешь к сторону, ты понял меня?

— Понял! — водитель дико посмотрел на Сергара, маг чиркнул по путам водителя скальпелем, найденным в сумке с медицинскими принадлежностями, и через минуту газель фыркнула, завелась, и отъехала от черного, похожего на гигантского жука джипа.

— Что дальше? — спросил водитель морщась, потирая затылок. Потом прищурил глаза и с удивлением сказал:

— Ты же колдун! Я тебя знаю! А как же ты ходишь?! Ведь ты на костылях! И в коляске! А эти где, уроды?!

— Молчи — приказал Сергар, и касанием руки погрузил водителя в сон... Выйдя из газели, подошел к джипу, встал на безопасном расстоянии, собрал все свои силы, и постарался вложить в этот огневик все, чем он сейчас обладал, все, что мог выдавить из своих «кладовых» силы.

Он никогда не вкладывал так много силы чтобы запустить единственный поганый огневик, но вышел тот убогим, не бело-голубого цвета, а красноватый, размером с мужской кулак.

Но этого хватило. Пущенный опытной рукой шар врезался в бензобак, расположенный под днищем машины, вспоров его, как огромным топором. Хлынувший бензин мгновенно воспламенился, и машина вздрогнула от удара, скрывшись под огненным пузырем.

Джип пылал весело, треща, разбрасывая искры, освещая весь пустырь, и Сергар со всех сил помчался к газели, молясь о том, чтобы его никто не заметил. В пятиэтажке тут же начали зажигаться огоньки окон, но газель уже неслась по улице, направляемая рукой испуганного водителя, которому Сергар пообещал перерезать глотку скальпелем, если тот не выполнит его приказ.

В больницу въехали, когда небо уже занималось розовым светом. Заспанный охранник на посту открыл ворота, газель проскочила на территорию, и через минуту уже стояла у двери приемного отделения.

Сергар погрузил в сон водителя, освободил от пут фельдшеров, усадил их на сиденья в салоне, придав их телам такой вид, будто люди спали. Когда усаживал женщину-фельдшера, заметил, что у нее сломана челюсть. Выругался, и занялся лечением.

Это заняло десять минут и отняло много сил, которых у Сергара почти уже не осталось. Закончив лечение, он постарался внедрить женщине мысль, что та никуда не уезжала, и всю ночь проспала в машине. То же самое сделал с фельдшером-мужчиной, с женщиной из приемного покоя, затем с водителем, погрузив всех в транс. Транс через некоторое время перейдет в сон, а когда проснутся — даже если заклятие не подействует — доказать ничего не смогут. Сергар откажется от любых обвинений — нигде не был, ничего не знаю, и вообще — идите к черту, чего пристали к инвалиду?

Он продумал все это заранее, когда возвращался в больницу.

Врача (или медсестру?), ту, что бандиты выкрали из приемного покоя, пришлось тащить внутрь больницы. Усадил ее на одну из скамеек, прислонив к стене, когда заметил на ее челюсти наливающийся синяк — за

секунды убрал кровоподтек, слабо удивившись таким своим способностям, достойным эпических лекарей.

До палаты добрался без приключений, коридоры, освещенные мутным предутренним светом были так же тихи и пустынные, как и тогда, когда он убивал тут четверых негодяев.

Маша не спала. Когда Сергар вошел в комнату, бросилась ему на шею и с минуту они стояли обнявшись, неподвижно, успокаиваясь, и все еще не веря, что все обошлось так, как они задумали. Потом оба свалились на кровать, не раздеваясь, накрылись одеялом, и через несколько минут уже спали, измученные до предела, вымотанные, как грузчики после тяжелого трудового дня.

Сергару ничего не снилось, Маша же во сне стонала, вздрагивала, и сильнее прижималась к своему мужчине, неосознанно ища в нем опору и защиту. Что ей снилось — никто не знает. В то числе и она сама. Проснувшись утром, Маша не вспомнила своего сна, и даже вчерашние события казались ей туманными, далекими, будто она вычитала про них в страшной книжке, или видела ужастик в дурацком американском фильме, показывающем ужасы, так нравящиеся неумными зрителям, желающим плеснуть немного адреналинчика в их жидкую, теплую кровь добропорядочного горожанина.

Глава 10

«... почему так происходит? Почему могучий лекарь оказывается бесполезным на поле боя? И почему могучие маги, могущие сжечь десятки и сотни людей одним мановением руки, зачастую оказываются бесполезны, когда дело касается всего лишь перелома руки, уж не говоря о том, что отрастить конечность, либо воскресить больного, лежащего на смертном ложе, для боевого мага есть задача не просто сложная, а вообще — невозможная.

Десятки ученых рассматривали данную проблему, но так и не пришли ни к какому выводу, сославшись, как и всегда, на божественное Провидение.

Да, легче всего списать свою глупость, недалекость, нежелание разобраться в сути проблемы на богов, управляющих нашей жизнью, не попытавшись хотя бы поверхностно осмыслить явление. В последние годы я вижу явственный упадок научной мысли, когда стремление к познанию уступило место оголтелому карьеризму, стяжательству, интригам и подсиживаниям коллег.

Пример — после одного моего выступления в Кайларской академии наук, председатель ее, злочинный Ассель Саратог, сказал:

— „Красной нитью в выступлении предыдущего оратора вышито неприязненное отношение к представителям фундаментальной науки. Наш коллега Индар Гарун увлекся приземленными, черными исследованиями, но это не означает, что все мы должны следовать его примеру“

И это вместо того, чтобы поблагодарить меня, старейшего лекаря Академии, внесшего неоценимый вклад в магическую науку Империи и всего Мира!

О времена, о люди! Мир катится в пропасть. Закрыта школа лекарей при Академии. Обучение будущих лекарей отдано в частные руки, и те, кто учит будущих светочей медицинской магии, сами не вполне понимают, что и зачем они делают. Когда вымрут последние реликты уходящей эпохи, вроде вашего учителя, „приземленного Индара Гаруна“, не останется настоящих исследователей, лекарей, составивших славу нашей эпохи. Люди будут считать, что маг годен только на то, чтобы метать огненные шары и молнии, и чем большее количество убивает, тем больше ему почета и уважения. Печальное будущее ждет мир.

Но вернемся к сути проблемы. Итак, почему же боевые маги хорошо

убивают, но плохо лечат? Почему лекари не умеют лишать жизни тысячи людей, но зато спасают их тогда, когда казалось бы — все потеряно?

По моему скромному разумению, лекарь и воин суть противоположности, как огонь и лед, как песнь и тишина, как вода и сухой песок. Да, так положили боги, тут я не спорю с моими оппонентами, но почему Всесильные это сделали? И чем отличаются боевые маги от лекарей?

Первое: боевой маг имеет большой, просто-таки огромный запас Силы, закачанной в емкости его души. Больше, чем запас сил у большинства лекарей. Хотя тут не без исключений... Боевых магов можно сразу же отличить по интенсивному сиянию вокруг их тела, в то время, когда они работают с магией.

Второе: боевой маг если и может лечить, то лишь в слабой мере, несложные, простые случаи, большинство же и близко не могут коснуться лечебной магии. Она в их руках просто не срабатывает.

Обычно способность к магии закладывается в раннем детстве, и потом, когда мальчик, юноша становится старше, способности эти могут качнуться в ту, или иную сторону. Он может стать лекарем, или просто орудием для убийства людей.

И вот тут пытливый ум сразу заметит противоречие! Если боги сразу разделили магов на способных к лекарскому делу, и на „убийц“, тогда как же некоторые из боевых магов обретают способности лекаря?! Курицу не заставишь гавкать, как собака! Коза не будет плавать под водой, как рыба! Человек не вырастит крылья, и не будет носиться над землей, как ласточка! Они не приспособлены для этого, потому что созданы богами так, а не иначе! И тут вдруг — маг, который обладает одновременно и способностями убийцы, и лечит, как настоящий лекарь? Как это объяснить?!

И вот мой вывод:

Все магические способности суть единое умение! И только сам человек выбирает — кем ему стать! Все маги рождены чистыми, непорочными детьми, и в зависимости от наклонностей, от воспитания, данного родителями и обществом, становятся или убийцей, или лекарем, а если характер противоречив, если и черного и белого в душе содержится в долях — тогда склоняются в ту сторону, в которую их тянет больше.

Я знаю случай, когда утомившийся убийствами боевой маг настолько пресытился кровью и страданиями, что полностью отверг темную сторону и не мог больше воспользоваться ни одним боевым заклинанием, и напротив — его лекарская сила возросла многократно, достигнув таких

высот, о которых можно только мечтать. И такой случай на моей памяти был не один.

Вывод: необходимо воспитывать лекарей, выращивая их из молодых магов, не нужно допускать перегиба в боевой уклон, как бы этого не требовало Государство, для которого важнее толпа тупых метателей огнешаров, а не сотни и тысячи лекарей, способных улучшить жизнь людей.

Если бы все маги в мире были лекарями, если бы прекратились кровавые войны, поглощающие сотни и тысячи жизней! Как бы расцвел наш мир, как бы хорошо и счастливо жили люди!

Увы, при моей жизни я этого уже не увижу. Увидят ли мои внуки и правнуки? Не знаю. Мое ощущение — мир катится в пропасть».

Трактат: «Размышления о сути магического искусства, и о лекарском деле»

Индар Гарун, Имперская академия Кайлара, 45800 год от Создания Мира.

Пометка свинцовым карандашом: «Весьма сомнительно, и подрывает авторитет Академии. Не рекомендовано к распространению.»

* * *

— Как все хорошо вышло! Теперь у нас есть деньги! Мы тебя откупим, заработаем еще много денег, заживем! — Маша подошла к Олегу, сидящему за столом с чашкой чая в руке, обняла сзади за шею и прижалась теплым упругим животом. Сергар-Олег поставил чашку на столешницу, осторожно разомкнул ее руки, похлопав по стулу рядом, жестом предложил сесть. Маша села, настороженно глядя в хмурое лицо лекаря, улыбка сползла с ее губ.

— Что, Олежа? Прости... не буду больше так звать. Что случилось?

— Ты узнавала по поводу вчерашних событий? Что слышно?

— Да весь город шумит! Говорят — бандиты перестреляли друг друга, подожгли машину и в ней же и сгорели! Оказывается — у них и граната была, а может и не одна! Так жажнуло — от машины куски полетели! Все хорошо, Олег, все замечательно!

Маша радостно засмеялась, но смех снова смолк на ее на губах:

— Чем ты обеспокоен? Все чисто, никто ничего не видел! У нас теперь есть деньги! Все отлично!

— Тебе нужно уехать — коротко отрезал Сергар, глядя в окно на

облака, проплывающие далеко в небе — И чем быстрее, тем лучше. Прямо сейчас.

— Зачем?! — брови Маши поползли вверх — Все ведь чисто! Ты все обстряпал как надо!

— Послушай внимательно, больше повторять не буду — нахмурился Сергар — Тебе нужно уехать. Рассказываю: убийство этих негодяев обязательно будут расследовать. Насколько я понял, они были в городе с какой-то миссией, и были на территории Черена. Потом машину парней находят сгоревшей, их — убитыми. Тот, кто их прислал, обязательно начнет свое расследование. И первое, что сделает — приедет к Черену, потом на турбазу, вытащит бармена — пойдет тем путем, каким прошли эти негодяи. И выйдет на тебя, как вышли они. Я не знаю, как парни тебя нашли. Но уверен — если нашли они, найдут и другие. При достаточной настойчивости. Не нужно считать противника дураком — не будешь потом неприятно удивлен. Это начала воинского дела. Как ты думаешь, если они выйдут на тебя, найдут способ узнать, как оно было на самом деле? Кстати, а ты не помнишь, как добиралась до города из турбазы? Пешком? Оттуда ведь далеко.

— Помню! — обреченно кивнула головой Маша — Я шла по лесу... помню деревья... потом куда-то вышла — к заправке... вроде как. Потом было такси... скорее всего — это Амир, я его всегда вызываю, он болтун, но безобидный. Он довез меня до дома, потом отвез в больницу. Больше ничего не помню. Все как в тумане, как будто прошло много, много лет!

— Они опросят таксистов в первую очередь. Пройдут по округе, узнают все, что только можно. И тогда...

— Я без тебя не поеду! — Маша помотала головой, лицо ее сморщилось в плаксивой гримасе — Я тебя не оставлю!

— Ты возьмешь деньги — три миллиона. Снимешь квартиру, и будешь меня ждать. Я тебя обязательно найду. Обязательно! Найдешь работу, и будешь сидеть тихо, не высываясь. Миллиона мне хватит, чтобы нанять дельного адвоката — участковый мне поможет, он знает кое-кого из области, уже договорился, что адвокат приедет.

— Но они выйдут на тебя! Они будут искать меня, и найдут тебя! — Маша снова помотала головой — Так зачем я буду уезжать?! Ты и так с ними разберешься!

— Я не хочу бесконечно убивать все новых и новых негодяев. Если тебя не будет — мне предъявить нечего. Я нигде не был, ничего не знаю, а куда ты исчезла — на это мне наплевать. Понимаешь? Я немощный инвалид, еле передвигаюсь на костылях, какое отношение я могу иметь к

тебе? Ты сперла заработанные мной деньги и сбежала. Все! Конец!

— Поняла... — Маша грустно вздохнула, взглянула на Олега — Мне придется сменить телефонный номер. Как ты тогда меня найдешь? Или как я тебя найду?

— Меня искать не нужно. Я тебя найду — задумался Сергар — Знаешь как... интернет! Вот! Сделаем для меня почтовый ящик, ты на него бросишь свой адрес, телефон, а когда я смогу воспользоваться интернетом, посмотрю — и с тобой свяжусь. Вот и нашли решение!

— Не хочешь ли ты от меня отделаться? — вдруг холодно спросила Маша, вглядываясь в глаза любовника — Может получше кого-то нашел? С Зойкой связался?! Уже присунул ей, нет? То-то она летает, как на крыльях, аж светится вся! Что, не так? Посмотри мне в глаза!

— Дура ты, Машка! — досадливо поморщился Сергар — Если бы я хотел от тебя отделаться, зачем вчера лечил? Достаточно было дождаться, чтобы ты умерла! И зачем я ночью бегал по улицам, мстил за тебя? Не расскажешь? Чтобы отделаться?

— Прости — Маша покраснела, закусила губу — Прости! Характер такой! Ревнивый... мамке нельзя говорить, да? Ну... куда я уехала!

— Сама-то понимаешь, что сказала, нет? Ясно — нельзя! Когда все закончится, тогда и скажешь. Через год, например. Может — полгода. Когда все забудется, не раньше! В общем — все, решили. Забирай деньги, и вали. Сейчас восемь утра, в девять начну прием. К тому времени, чтобы тебя тут не было.

— Хорошо. Так и сделаем! — Маша порывисто вскочила с места, подошла к двери, щелкнула дверным замком — Только просто так я не уеду!

Она расстегнула блузку, бросила ее на стул. Юбка, лифчик, трусики — полетели туда же. Уцепила Сергара за руку, с силой потянула за собой. Усевшись на край кровати, расстегнула его штаны, сдернула до щиколоток, обхватила обеими руками за бедра и слегка охрипшим голосом сказала, глядя любовнику прямо в глаза, снизу вверх, зрачок в зрачок:

— Хочу тебя вспоминать! Хочу ждать! Не побрезгуешь, после вчерашнего-то? Или брезгуешь?!

Сергар не побрезговал. И сделал все, чтобы Маша запомнила. Чтобы ждала.

Ее сотрясали оргазмы, один за другим, непрерывно, переходя из одного в другой. Магия, плюс естественная страсть двух молодых людей, которые отдавались друг другу с настойчивостью сумасшедших.

Девушка стонала, извивалась, вцеплялась в плечи, в спину любовнику,

раздирая их острыми, крепкими ногтями, но он не чувствовал боли, неустойчивый, как сексуальный маньяк. Сергар овладевал Машей — забыв о времени, забыв о том, что за дверью ожидает толпа народа, что впереди неизвестное будущее, что все не так уж ясно и хорошо. Для него сейчас существовало только это упругое, горячее тело, влажное, сотрясающееся от наслаждения в его объятиях, такое сладкое, такое уже родное!

И пусть эта женщина не очень умна, не самая верная в мире, излишне любит деньги и приносит пока что одни неприятности — сейчас не было в целом мире роднее и ближе, чем эта маленькая самка, тающая в его руках, как весенний снег на горячем солнцепеке!

Пропавши пропадом весь мир — я занят! И пока не кончу — идете вы все к черту! Меня нет! Я умер для всех, кроме нее!

— Аааааах! Аааааах... как же хорошо! Ну почему всегда не может быть так хорошо?

* * *

— Фффухххх! Еле прорвался! Пришлось задействовать главврача! Ну тут у вас и кутерьма!

Мужчина лет пятидесяти ввалился в палату, прикрыв за собой дверь, и бесцеремонно уселся в одно из кресел. От него пахло смесью благовоний и табачного дыма, в руках блестящий кожаный портфель, явно очень дорогой.

И вообще — от посетителя «пахло» деньгами, веяло уверенностью и довольством, особенно по контрасту с теми людьми, которые с утра до вечера шли в палату к Сергару, надеясь на излечение, просительно заглядывая в глаза лекаря. Этот никому в глаза не заглядывает, точно. Мужчина смотрел ясно, чуть прищурясь, и в глазах его искрилась смешинка.

— Может мне тоже в экстрасенсы податься, а?! — жизнерадостно спросил человек, и поправив на груди смешной галстук, похожий на бабочку, откинулся на спинку кресла — А что, помахал руками над больным, уверенным в своем излечении, и случилось чудо! «Встань и иди!» — сказал Христос! И он пошел!

— А если я сейчас скажу — встань и иди — вы уберетесь отсюда? — неласково спросил Сергар, насторожившись, как зверь, почувшавший ловушку.

Человек этот точно был не из городка, он отличался от его жителей так

же, как белая ворона отличается от своих черномазых собратьев.

— Да ладно, ладно — чего вы взвились? — добродушно осклабился человек, подмигивая Сергару левым, слегка прищуренным глазом — Это я так... для разговора. Мне все равно, чем вы занимаетесь, если только не едите детей и не бегаете по лицам с ножом в руке, убивая пенсионерок в белых колготках!

— Почему в белых? — неожиданно заинтересовался Сергар — А не в черных?

— Ну так вам нравится! — ухмыльнулся человек — Почти все маньяки выбирают жертву по каким-нибудь признакам. Например — женщины все должны быть блондинки, в белых колготках, роста сто шестьдесят сантиметров. Иначе он на них не позарится. Понятно?

— Понятно — кивнул Сергар, и предложил — Чай пить будете?

— Чай? Можно и чай — не удивился посетитель — Хороший, нет? Впрочем — откуда тут хороший чай... зеленый есть? Какой? Ага... давайте с лимоном. Сахару одну ложку. Я диету держу, мне много сахара нельзя. И вообще, вы знаете, что сахар — это наркотик? Да, да! Провели исследования, так вот человек привыкает к сахару, как к наркотику! И результат — ожирение, проблемы с зубами. Возможно и еще чего-то, но этого я уже не знаю. Вы же врач, не я!

Сергар разлил кипяток по чашкам, поставил в центр стола вазочку с зефиром, печеньем, и уселся напротив посетителя, внимательно глядя на то, как тот задумчиво помещивает чай небольшой серебряной ложечкой, купленной Машей с первых денег, полученных от работы «Олега».

— Вы уже поняли, кто я такой, не так ли? — после минутного молчания осведомился посетитель.

— Да — кивнул Сергар — Как мне вас звать?

— Как и все остальные! — усмехнулся мужчина — Семен Ефимович Гольдштейн. Адвокат. Вот мое удостоверение. Меня попросили заняться вашим делом. Попросил тот, отказать кому я не смог. Впрочем — почему бы я стал отказывать? Насколько я понял — у вас есть деньги, чтобы оплатить мои услуги, так что нет проблем! Совсем никаких!

— У вас нет. А у меня вот есть! — усмехнулся Сергар — Но деньги есть, да. И вы мне нужны. Сможете помочь?

— Конечно, смогу! А если бы у таких как вы не было проблем — зачем я был бы нужен?! — жизнерадостно фыркнул мужчина, отодвигая от себя чашку и неодобрительно качая головой — Нет, это не чай! Когда-нибудь я вас напою настоящим чаем, и тогда вы узнаете, что такое — «Чай». Это дрянь какая-то! Помои! Но речь не о том. Я уже знаю о вашей

проблеме, и даже уже побывал в УВД, посмотрел дело. Его никому не дают, само собой! Но мне дали! Ведь я Гольдштейн! А Гольдштейну не отказывают! Хе хе...

Адвокат сделал драматическую паузу, и глаза его довольно прищурились, как у кота, наевшегося сметаны.

— И что? — не выдержал Сергар, не любивший излишнего драматизма — давайте-ка к делу! Что можно для меня сделать, и что это будет стоить?

— Все зависит от высоты налития стакана! — пожал плечами Гольдштейн — А дело ваше на самом деле не стоит и выеденного яйца! Нет — я в переносном смысле, денег-то оно стоит, да! Но прежде давайте-ка подпишем стандартный договор между адвокатом и клиентом.

— Это обязательно? — нахмурился Сергар, который писал до сих пор еле-еле, и подписи своей не выработал. Негде было.

— Обязательно! А как я буду вас представлять в полиции, или в суде — если до него дело дойдет, в чем я сомневаюсь!

— Как это? — не понял Сергар, удивленно поднимая брови — Что, может и не дойти?

— Вот что, молодой человек, вы работает со мной, или вы не работаете со мной? Вы нанимаете меня, или не нанимаете меня? — слегка раздраженно бросил адвокат — Если вы нанимаете меня — я даю вам полный расклад, и потом мы с вами принимаем решение. Мои услуги стоят дорого, но я знаю свое дело. У меня нет клиентов со стороны. Все мои клиенты пришли по рекомендации. Но если уж я берусь за дело — результат гарантирую. Понятно?

— Понятно. Давайте ваши бумаги, я подпишусь, где надо — пожал плечами Сергар — Деньги за работу когда отдавать?

— Сразу! Или завтра! Или через месяц! Внесете через месяц — через месяц и начну работать! Договор ничего не стоит — до тех пор, пока я не получил деньги по ордеру. Деньги вперед — этой мой принцип. У меня есть еще принципы — но о них я распространяться не буду. Адвокат с принципами не очень-то котируется в наше время. Потому о своих принципах я предпочитаю умолчать.

Человек говорил быстро, выпаливая слова, будто из автомата, и руки его работали будто бы отдельно от тела — пухлые пальцы ловко расстегнули портфель, молниеносно выдернули из него несколько листов бумаги, и расстелили их перед Сергаром:

— Вот тут подпишите, и тут. Не бойтесь — это стандартный договор на оказание услуг адвоката! К нему ордер — сейчас нужно будет внести

триста тысяч рублей. В силах внести триста тысяч?

— Да — легко кивнул Сергар, и адвокат тихо вздохнул:

— Легко расстаетесь с деньгами. Надо было больше просить. Что стоило догадаться, глядя на толпу страждущих, которая ждет за дверью? И каждый ведь деньги несет! Вы небось богаче меня! А я тут мелочусь! Оскорбляю вас своими низкими запросами!

— Я не оскорблен — невольно ухмыльнулся Сергар, и подойдя к шкафу достал из него пакет с пачками денег. Отсчитал триста тысяч, положил их перед Гольдштейном.

— Пересчитывать не надо? — улыбнулся тот, смахивая деньги в портфель — Но это только аванс, учтите. Потом нужно будет доплатить еще столько же, но с теми деньгами уже можно будет подождать. Ну что же, процесс пошел! Итак, какие у вас есть вопросы?

— Простые — хмыкнул Сергар — Как мне избавиться от этого дела? Вы сказали, что можно и не дойти до суда? Как так?

— Я вам сказал — все зависит от высоты налития стакана. Наша версия такова: вы, инвалид-колясочник, попали в КПЗ, где на вас напал неизвестный вам неадекватный человек. Он вас ударил, вы его толкнули — и случайно попали ему в горло! Вы не хотели убивать, и вообще — все это было необходимой обороной, ведь никакого умысла нападать на этого человека у вас не было! Если бы этому негодяю вовремя оказали медицинскую помощь, он бы до сих пор жил и коптил небо! Свидетели показывают, что он первый к вам прицепился. Да и как могло бы быть иначе? В общем, так: будем настаивать на прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления. Не было никакого преступления. Был несчастный случай. И все тут. Кстати, вам сказали, чтобы вы не демонстрировали свою способность передвигаться без костылей?

— Ну... сказали, да.

— Так какого черта вы передо мной тут расхаживали, как гимнаст на помосте олимпийских игр?! Запомните — никаких исключений, пока мы не победим в этом деле. И вот еще что — понадобятся деньги, так что активнее их зарабатывайте. Мне придется подмазать в УВД и в прокуратуре, кинуть свидетелям, чтобы они внезапно не изменили показания, а так же подбросить энную сумму родственникам умершего — чтобы не разевали пасть и подписали отказ от претензий. И тогда я думаю все будет хорошо! Сейчас я вас покидаю, а как только все будет готово — появлюсь снова. Вот моя визитная карточка, здесь все телефоны... и вот еще что — давайте двести тысяч на... хмм... расходы. Возможно придется сразу давать, ковать железо пока горячо, а я не хочу тратить свои деньги. И

не нужно смотреть так хмуро — вы еще легко отделались, если бы не Сергей, я бы запросил с вас раз в пять больше! За меньшие деньги я не работаю!

— Вы в Москве живете? — удивился Сергар, разглядывая визитку, обманчиво простую, строгую, без указания рода деятельности хозяина. Просто: «Семен Ефимович Гольдштейн» И телефоны.

— В ней, дорогой, в ней. В столице нашей родины! — бросил на ходу адвокат, шагая к двери. Уже у порога обернулся, довольно кивнул — Вижу, дела у вас идут в гору! Если понадобятся мои услуги на поприще лечебной деятельности — обращайтесь. Чем смогу — помогу. Только стоять это будет...

— Дорого! — закончил, усмехнувшись, Сергар — Есть одна просьба. Мне нужно связаться с организаторами передачи про экстрасенсов. Забыл, как называется... по-моему «Война Экстрасенсов», так вроде. На каком-то развлекательном канале. Знаете такую?

— Это там, где собирают всяких фриков и они изображают из себя великих колдунов? — хохотнул Гольдштейн — Я не смотрю такую ерунду, но о передаче слышал от одного моего клиента. Хотите попробовать свои силы? Засветиться? А что — умно, умно... выйдете на другой уровень. Зачем вам собирать жалкие гроши в этом забытой богом дыре? Все деньги в Москве! Там карманы людей лопаются, раздуваясь от шальных нефтяных денег, от распиленных бюджетных капиталов! Туда и надо, освободить этих несчастных от бремени богатства! Иначе они плохо спят — снится, что придет президент и пинком вышибет из под них начальническое кресло! Ха ха ха... А на почве страха у них развиваются многие болезни, и вот их полечить — святое дело! Я попробую найти выход на организаторов и устрою вам встречу. Но это уже после того, как мы закончим дело. Спокойно работайте, никто вас не закроет — я этого не позволю. Добьюсь, чтобы сняли охрану. Сделаем подписку о невыезде, будете ходить, где хотите. Только не уезжайте из города — потом мне будет сложнее вас выручать. Впрочем... ь

— Все зависит от высоты налития стакана — закончил Сергар, не дрогнув ни одним мускулом на лице.

— Вот! Видите, вы уже все понимаете! С вами приятно работать, мой дорогой! Уверен, наше сотрудничество будет долгим и плодотворным!

— Что вас связывает с Сергеем? — перебил Сергар — И когда мне ждать результата?

— На второй вопрос отвечу так: в течении ближайших дней. Два-три дня. Может раньше. Говорю же — дело выеденного яйца не стоит. Что

касается первого вопроса — да какая вам разница? Не все нужно знать, не обо всем спрашивать. Легче спится! А чтобы не было каких-то мыслей... помог он мне когда-то. Жизнь спас. А я привык отдавать долги. Думаете, я помчался бы за тыщи верст выручать какого-то инвалида, если бы на это не было причин? Нет, мой дорогой. Я не такой альтруист. Я не имею права быть альтруистом. Я всего лишь стряпчий — умелый, знающий, и с большими, очень большими связями. В общем — всего вам хорошего, всех благ, до скорой встречи!

* * *

Олег бессильно откинулся на спинку кресла, исподлобья наблюдая на тем, как Зоя прибирается на столе. Устал. Сегодня принял рекордное количество посетителей — двадцать с лишним человек. Пришлось подзаряжаться несколько раз. Впрочем — подзарядка идет уже гораздо быстрее, почти как у боевого мага — пять минут, и готов. Канал, по которому Сила течет в Душу стал явно гораздо шире, и это хорошо. Сергар слышал, что можно добиться того, чтобы Сила поступала в организм постоянно, непрерывно, соединить себя с Океаном Силы прочным каналом, но в прежней жизни добиться этого он так и не смог. Из старинных трактатов же вычитал, что у каждого мага такая способность индивидуальна, может проявиться в любой момент, или не проявиться никогда.

За всю свою жизнь он встретил только двух магов, которые могли черпать Силу бесконечно, не занимаясь муторными подзарядками, один из них был лекарем, другой боевым магом, и оба умели проделывать такие штуки с самого детства. Все остальные — так же, как и Сергар — исчерпал запас, остановился, впал в транс, закачал «горючее» — дальше в бой.

Время подзарядки у всех совершенно разное — от пяти минут, и до двадцати. Потому обычно магов объединяли в звенья, примерно равные по времени зарядки. Те, кто подзаряжались быстрее, охраняли тех, кто заряжались медленно. Сергар был в числе первых.

— Тебе сделать массаж шеи? Плеч? — Зоя подошла сбоку, неслышная, как мышь, и Сергар с неудовольствием подумал, что похоже у всех медсестер имеется такое свойство — красться, как армейский лазутчик! Сергар терпеть не мог, когда кто-то стоял за спиной, и когда этот кто-то подходил к нему слишком тихо.

Олег поднял глаза на женщину, отметил — белый халат расстегнут,

под ним красивая блузка с глубоким вырезом, открывающая высокую грудь (не хуже чем у Маши!), длинная юбка с разрезом, из которого выглядывает длинное бедро в темном чулке. На лице профессиональный макияж, смягчающий резкие черты лица, делающий его милее и гораздо моложе. Все это, вместе с короткой мальчишеской прической, делало Зою довольно привлекательной особой женского пола, которая вполне может возбудить парня тридцати лет после двухдневного воздержания. Маши нет, и после ее отъезда Олег находился на строгой диете, то есть — мог только мечтать о сексе.

Конечно, он мог тут же найти себе женщину — медсестрички заглядывали в палату не раз, и не два, кокетливо стреляя глазками, но в-первых ему казалось не очень правильным делом набрасываться на первую попавшуюся на дороге бабу — не так уж он и проголодался, чтобы превращаться в сексуального маньяка. Во-вторых, Зоя быстренько выпроваживала всех потенциальных наложниц из палаты Олега так быстро, что казалось — она вышибает их отсюда мощным футбольным пинком. Ни одна девица не могла остаться наедине с лекарем ни на минуту, без присмотра строгой и непримиримой «надсмотрщицы».

— Сделай... — равнодушно кивнул Олег, усмехаясь про себя и размышляя, чем все это закончится. Чего-то подобного он и ожидал.

Руки Зои гладили, мяли шею, плечи, а Сергар сидел расслабившись, думая о том, куда пропал адвокат. Сегодня уже третий день, как его нет. Обещано было — два-три дня, и что? Где результат? Не свалил ли он с деньгами, пустив пыль в глаза?

Связавшись с участковым по телефону, Сергар вообще-то уже удостоверился в том, что это был именно ТОТ человек, о котором говорил Сергей, и успокоился. Но... чего не бывает?

Руки Зои скользнули за ворот рубахи, ладони начали оглаживать кожу все ниже и ниже, до самых сосков. От Зои пахло терпкими, но тонкими духами, не удушающе, как от некоторых женщин, обливающих с ног до головы, а так, как и положено опытной, умелой соблазнительнице. Когда Зоя наклонилась, голова Олега попала между двумя полушариями, и он смог в полной мере ощутить, что те на самом деле упруги, что женщина вполне так ничего, соблазнительна, и заслуживает более пристального внимания. На то вероятно этот маневр и был рассчитан.

— Что ты хочешь? — не открывая глаз, спросил Олег, почувствовав, как руки Зои после его слов на миг остановили свой активный поиск эрогенных зон.

— То есть? — невинный голос женщины звучал слегка напряженно, но

на первый взгляд не фальшиво. Играть она точно умела.

— Зоя, со мной не нужно играть — холодно сказал Сергар, не меняя позы и не делая попыток убрать руки женщины, зачем убирать? Ему приятно, да, это без всякого сомнения. Так почему бы и нет?

— Я не играю... — тут голос Зои дрогнул, она поняла, что сфальшивила, и растерянно закусила губу.

— Зоя, мы с тобой взрослые люди — спокойно сказал Олег, слегка улыбнувшись — Зачем тебе я? Если ты хочешь рядом со мной заработать много денег — так и скажи. Не нужно для этого еще и лезть в мою постель. Ты рассуждаешь так: «Машу скорее всего он прогнал — надоела! Она дура, не смогла удержать ценного мужика! А я опытная, умелая, готова на все — я его удержу, точно! Я еще молода, красива, умею терпеть и могу как следует ублажить — куда он денется?! Будет много зарабатывать, я организую все дело, и половина денег моя! Для этого нужно его соблазнить, и сделать так, чтобы он уже не мог обходиться без меня! А как это сделать — я знаю!»

Женщина поперхнулась, закашлялась, выдернула руки из-под рубахи Олега и отойдя в сторону, села к столу, не глядя на своего собеседника.

Сергар улыбнулся:

— Да ладно, чего ты переживаешь... это ведь у тебя на лбу написано. Ты одинокая, без мужа, замуж выходить пока не хочешь — зачем тебе? Деньги ты зарабатываешь, хорошего мужа в городке найти трудно, нахлебник же тебе не нужен. Все мужчины при делах давно разобраны. А тут — одинокий, с выгодным делом, пусть и калека, так уже почти и не калека! Все у него работает... небось Маша расхвасталась, да? Ага, хвасталась, вижу по глазам. Но главное — деньги и перспектива. Ты понимаешь, что я тут надолго не останусь, все равно уеду, значит нужно хватать судьбу за удила! Сейчас ты получаешь меньше, чем могла бы — я отдаю тебе пятьдесят процентов от того, что зарабатываю, эти деньги ты точно делишь с главврачом, иначе бы мне не позволили работать. То есть — получаешь четверть. А могла бы иметь и все! Так почему не попробовать? Так?

Зоя не ответила. Она задумчиво теребила кружевную салфетку, расстеленную в середине стола. На салфетке стояла ваза с красно-коричневыми, как запекшаяся кровь, яблоками. Одно яблоко было разрезано пополам, но почему-то за то время, что лежало в вазе так и не потемнело на срезе.

«Магия сохранения?» — расслабленно подумал Сергар, и тут же усмехнулся — «Забыл! Какая тут магия? Химия, так скорее. Небось

пропитали какой-нибудь гадость, чтобы не портилось. Нужно запомнить и больше такие яблоки не есть!»

— Ты где яблоки взяла? — неожиданно спросил он, и Зоя удивленно подняла брови:

— В магазине? А что? Импортные какие-то. Красивые. Не надо было брать?

— Не бери больше такие. Видишь — не чернеет. Похоже — отравка какая-то. Ты вот что... особо-то не переживай. Я не та партия, которая тебе нужна. Со мной одни неприятности. Не забыла? Я ведь еще под следствием! Кроме того — не собираюсь жениться, или что-то подобное... И... Зой, не нужно мне подкладывать дочь, ладно? Ты зачем ее вчера приводила? Девочка красивая, молоденькая, я старый урод, она заслуживает чего-то другого... хорошего, красивого парня... не такого как я, пожеванного жизнью, без ясного будущего, без... в общем — ясно. Итак, слушаю тебя — что ты от меня хочешь?

— Ты все сказал... — Зоя горько опустила уголки губ — Говоришь, хорошего парня? А где ей взять хорошего парня? Кого? Этих вот уродов? Ты-то не урод, ты красавчик, пусть и со шрамами, а эти... когда она уходит на улицу, боюсь — какой придет? Может пьяной, а может... Хорошего парня! Иэххх...

«Где-то я уже это слышал!» — подумал Сергар.

— Вот что, Зоя... ты красивая, желанная женщина. Хочешь прыгнуть в мою постель — нет проблем, я не против. Маша мне не жена. Тем более, что не знаю, куда она делась... прихватила мои деньги и свалила. Увижу — по морде получит!

— Сука! — искренне возмутилась Зоя — Не ожидала от Машки! Так-то она сучка еще та, шлюшка, но чтобы кинуть своих?! Будь уверен — я так никогда не поступала и не поступлю! Хотя бы потому, что это чревато огромными неприятностями — в своей жизни я всякого насмотрелась, и считаю — жить нужно честно, не кидать своих, и вообще никого не кидать! Умеешь зарабатывать — зарабатывай! Но отдай то, что положено! Не беспокойся — со мной такого не будет!

— Это радует — пряча глаза, кивнул Олег — Я знаю, что ты меня не обманываешь. Сколько отдали — все делишь честно, и я это ценю.

— Да, не обманываю. А что касается постели... если хочешь — буду к тебе приходить. Ничего не требую, ничего от тебя не жду — просто приду, и все. И лягу с тобой. Когда захочешь.

— А главврач? — ухмыльнулся Олег — Он ведь твой любовник, так? Как он к этому отнесется?

— Да какой он любовник?! — Зоя в сердцах махнула рукой — Так, присунет иногда — раз в месяц, никак кончить не может, пыхтит, трудится, бедолага. Меньше бухать надо! Тогда и стоять будет... тьфу! Говоришь — парня тут? Ну и вот где, среди этих алкашей-импотентов?! Не смеши... Это же глухомань! Мда... Скажу ему, что ты потребовал в постель, иначе работать не можешь, мол, напряжение нужно сбрасывать. Что касается меня самой — может я хочу попробовать, о чем Машка говорила — что ты за чудо такое! Нет, все-таки сука она, я бы тебя никогда не бросила! Эх, жаль, что мне уже не двадцать лет!

— А сколько? — улыбнулся Олег.

— Какая разница? Как говорится — женщине столько, на сколько она выглядит — слышал такую поговорку? Ну... тридцать... два! И что?

— Ничего — улыбнулся Олег — Выглядишь ты моложе. Только не ври мне, ладно?

— Тридцать шесть — устало кивнула женщина — Но я тебе скажу — молодые девки так не выглядят, как я выгляжу! Нет, посмотри, посмотри!

Зоя встала, и прежде чем Олег успел что-то сказать, сбросила с себя халат, одним движением сдернула юбку, потом блузку, и через несколько секунд уже стояла голышом, в одних чулках:

— Посмотри — ну? Ни целлюлита, ни лишнего жира, все на местах! Даже грудь не отвисла! Почти... Задница — орехи колоть можно! Я в спортзал хожу, занимаюсь, на массаж опять же! Да твоей Машке до меня, как до Москвы раком! Ну — глянь, глянь!

Зоя и правда была хороша. Выше чем Маша, довольно стройная, бедра шире, чем у бывшей любовницы, грудь тяжелее — возможно казалось, из-за более широкой грудной клетки. Крепкие мускулистые бедра, спина, как у гимнастки, плоский живот, под которым темнела узкая полоска волос (Маша предпочитала брить налысо). Зрелая женщина, прекрасная своей зрелой красотой, здоровьем. Немного тяжеловата, но ведь и возраст! И действительно — она многим юным на зависть!

У Сергара тут же застучало в висках, в пах прилила кровь! После третьего дня воздержания, да такое зрелище? Уххх...

— Вот и все! А вы заждались небось! — в дверь ввалился Гольдштейн, отдуваясь, встрепанный, будто пробежал десять километров по пересеченной местности. Галстук-бабочка на его шее торчал под углом, будто кто-то оттянул, и отпустил, прищелкнув назад.

Увидев голую Зою, вытаращил глаза, закашлялся, сипло выдавил из внезапно пересохшего горла:

— Эээ... я не вовремя? Может я чуть позже зайду?

— Мы уже кончили — невозмутимо сказала Зоя, и подняв юбку, медленно натянула ее на бедра — Я уже ухожу.

— Уже кончили! Ах-ха-ха-ха! — радостно засмеялся адвокат, кашляя, и давясь смехом — Уже кончили! Представляю, если бы моя благоверная вот так зашла бы ко мне в кабинет, застала меня в пикантной ситуации, а я бы ей сказал: «Мы уже кончили!» Вот бы у нее глаза выпучились!

— Не больше, чем у вас. И вообще — стучаться надо, когда входите в палату больного. Может у нас тут проходит медицинская процедура! А вы врываетесь! — холодно заметила Зоя, засовывая в карман кружевные трусики, и Сергар автоматически отметил, что вкусы насчет нижнего белья у нее точно сходятся со вкусами Маши. А может спросила — что нравится Олегу? В любом случае — очень неплохо.

— Процедура! Ох-хо-хо! — снова закатился адвокат, и вдруг сунул руку в карман, достал портмоне из тисненной кожи с монограммой владельца, раскрыл, достал визитную карточку и подойдя к уже одетой Зое, подал ей белый бумажный прямоугольник — Если вам понадобится работа — позвоните! Мне нужны люди, которые умеют держать оборону и не лезут в карман за словом! Должность секретаря вас устроит? Зарплату — договоримся! Красивая женщина, да еще и умная — это такая ценность, которая должна попасть в хорошие руки! Нельзя оставлять драгоценность валяться на пыльных тропинках далеких провинций! Позвоните, милочка, обязательно позвоните! Вас как звать?

— Зоя... — женщина слегка покраснела, она была явно ошеломлена напором незнакомца.

— Ну вот, Зочка, а я Семен Ефимович Гольдштейн! Очень приятно! Позвоните — обязательно позвоните! И напомните мне об особенностях нашей встречи! Вместе посмеемся, а потом поговорим. А сейчас оставьте меня наедине с моим клиентом, нам есть о чем с ним потолковать!

Зоя кивнула, и быстро вышла, стараясь не смотреть на адвоката. Однако уже у порога ее глаза метнулись в сторону Гольдштейна, будто ненароком оценивая его потенциал, как объекта охоты. Полученная информация ее удовлетворила, и Зоя покинула комнату гордо подняв красивую голову, надменная, как арабский скакун или старшая медсестра городской больницы.

— Хороша! — восхищенно прицокнул языком адвокат, проводив ее взглядом — Люблю таких — норовистых, умных, породистых! И чтобы за тридцать! Молоденькие сикушки глупы, они не умеют как следует обойтись с мужчиной на возрасте, не знают, что нужно мужчине! Думают, что достаточно повертеть задом, постонать, как в порно, и мужик весь

твой! Неет... чтобы завоевать душу мужчины нужно не только это! Хотя... без этого тоже нельзя. Ну что же, мой дорогой, не буду вас томить — читайте! Нет — читайте, читайте! Гольдштейн слов на ветер не бросает! Но пришлось попотеть, я вам скажу! Пришлось! Поняли, да? Вы чисты!

— Сложно было? — рассеянно спросил Сергар, все еще до конца не осознав, что над ним уже не висит меч палача, подвешенный на тонкой нитке. В постановлении о прекращении уголовного дела было четко сказано: «... за отсутствием состава преступления». То есть — не было никакого преступления! Он чист, как слеза ребенка! Славься! Славься великий воин судебных ристалищ Семен Гольдштейн!

— А как вы думаете, молодой человек? Все-таки убийство, что ни говори! Но как видите — все закончилось хорошо. Ну что же, моя миссия закончена, и я со спокойной совестью могу отбыть домой! Честно говоря, мне надоело бегать по этому городишке — пыль, скука, дурная еда, отвратительный чай!

— И вино — задумчиво сказал Олег, рассматривая листок бумаги, будто стараясь увидеть в нем свое будущее.

— Наверное — и вино! — пожал плечами адвокат — Не рискнул пробовать. Налют какого-нибудь пойла, а потом в реанимацию загремишь! В такую вот. хммм... больницу, с позволения сказать! Единственное, что здесь есть хорошего — женщины. Да, женщины здесь хороши! Провинциалки всегда наивнее, добрее, и менее привередливы, чем столичные штучки! Нуу... мне так кажется. По крайней мере — они дешевле. Но ладно, это уже другой вопрос. Итак, из ваших денег я потратил сто пятьдесят тысяч. Куда потратил — говорить не буду. Зачем вам? Пятьдесят я оставил себе в счет окончательного расчета. Итого с вас еще двести пятьдесят тысяч рублей. Благоволите выдать! Или мне подождать?

— Нет, я рассчитаюсь — кивнул Олег и достав заветный мешок из шкафа вынул из него пачку денег, перетянутую цветными резинками. Отсчитал нужную сумму, подвинул к адвокату, легко смахнувшему купюры в портфель.

— Ну вот и славненько! Теперь разрешите откланяться, и... да помню, помню я о вашей просьбе! Как получится — я вас извещу. Заодно сообщу, сколько вы мне должны за услуги. А как вы думали? Все стоит денег! Найти нужных людей, договориться — это работа, а работа должна быть оплачена! Ну да ладно, время вечернее, а мне еще ехать в аэропорт. Хватит глотать провинциальную пыль, пора вдохнуть московский смог!

Адвокат весело хохотнул, крепко пожал руку Олегу, и коlobком

выкатился из палаты. Сергар же закинул руки на затылок и замер, закрыв глаза.

«Все! Теперь — все! И что же, я свободен?! Могу ехать куда хочу, идти куда хочу?! О боги! Нажраться, что ли? Почему бы и нет — свобода!»

Вскочил на ноги, заходил по палате. Он был взволнован, хотелось куда-то бежать, что-то делать, срочно, не откладывая чем-то заняться! С чего начать?

«Во-первых, съездить домой. То есть — к Маме. Решить, что делать дальше, как жить. Нужно перебираться из этого городка, точно! Вернуться в то место, в где пришел в этот мир! Наказать подлецов, которые нас ограбили!

Стоит ли? Квартиру? Я на нее заработаю за считанные месяцы. Лучше квартира будет, чем была. И вообще — нужна ли мне квартира? Может дом?

А наказать негодяев? Сколько людей они уже ограбили? И еще будут грабить! Почему бы не наказать их? Поохотиться на подлецов!

Я не охотник за людьми. Я охотник за артефактами. И вообще уже не охотник! Лекарь — вот кто я такой! Зачем мне это? Зачем война? Опять война!

Вспомни, как плакала Мама. Вспомни свое отчаяние, свою тоску, чувство полной безнадежности, беды! Неужели за это никто не должен ответить?

Кстати, надо позвонить Маме, обрадовать. Переживает ведь, а я тут рассуждаю... в первую очередь нужно было бы ее известить! Отчаяние, да... только какое мне дело до чужих отчаяний? Я уже насмотрелся страданий, нахлебался дерьма по самую макушку — зачем мне война? Моя маленькая, личная война?

Затем, что ты все еще мальчишка Серг, который ненавидел несправедливость. Потому, что ты лекарь, который должен лечить болезни. Потому что ты охотник, который должен уничтожить взбесившегося зверя. Если не сделаешь — нет тебе покоя. Ты вечно будешь мучиться и тосковать, зная, что сделал плохо. Потому — ты должен наказать негодяев. Должен!»

— Адвокат твой? — Зоя коснулась плеча Олега, и тот открыл глаза. В этот раз ей не удалось подойти незаметно. Он слышал ее легкие шаги, почуял запах духов, а еще — включил поисковое зрение, чтобы проверить, владеет ли им до сих пор. Владеет! Он «видел» Зою, видел людей, которые находились в палатах и коридорах, видел так ясно, будто бы не было никаких стен. Мерцающие фигуры, контуры тел, в которых угадывались

внутренности.

Зоя сейчас выглядела именно так — мерцающая фигура, в которой билось сердце, видимое как сгусток света, эдакий нарисованный световым карандашом набросок сердца, сделанный магом-художником. Легкие светились по-особому, чуть другим светом, кишечник, желудок тоже — их можно было рассмотреть в подробностях, достаточно лишь захотеть приблизить, увеличить объект. Можно даже было рассмотреть содержимое желудка, если бы оно было, это содержимое. Зоя явно давно не ела, и желудок пуст.

Сергар внимательно осмотрел Зою с ног до головы — да, вполне здорова, если не считать повышенной кислотности желудка, видимо сейчас она чувствует себя не очень хорошо, изжога? На левой руке был перелом, и похоже открытый — на коже следы ранения. Легкие забиты какой-то пакостью — курит! Мерзкая привычка!

Сергар не понимал — зачем приучать себя к к отраве, чтобы потом получать от потребления этого яда удовольствие, совершенно непонятное некурящему? Тем более, если курит лекарь, прекрасно осознающий вред этого занятия!

Не отвечая, взял Зою за руку, приказал, внедряясь в мозг: «Больше ты не куришь! Тебе неприятен запах табака! Закуришь сигарету — тебя вырвет! Курение тебе отвратительно!»

Зоя вздрогнула, глаза ее закатились, она глубоко вздохнула, будто переваривая посыл, и тогда Сергар пустил волну Силы, заставив легкие очищаться. Через секунду Зоя неслась в туалет, задыхаясь, давясь в приступах рвоты, в кашле, раздирающем ее грудь.

Минут пятнадцать из туалета доносились полные мучительной боли стоны, характерные звуки, хрип, будто женщина пыталась выплюнуть некую дрянь, которая внезапно полезла из ее тела. Потом хрипы и кашель прекратились, послышался звук льющейся воды и еще через пять минут Зоя вышла из туалетной комнаты бледная — глаза ее метали молнии, а губы сжались в тонкую полоску:

— Что ты сделал? Зачем? Что это было? Ведь ты сделал, так?

— Прости — ничуть не раскаиваясь ответил Олег, с легкой усмешкой глядя в белое лицо помощницы — Я очистил твои легкие. Ты их засорила курением. Кстати, а почему ты сегодня не ела?

— Откуда знаешь? — удивилась Зоя, и тут же поправилась — Ах, да! Забыла, с кем говорю. Да знаешь, как-то замоталась... думаешь так просто рулить всю эту толпу, распределять, командовать, строить? Одни нервы! Кстати — курение успокаивает! Оп-па! Ты что, отучил меня курить?!

— Отучил... наверное — кивнул Сергар — Попробуй закурить. Есть с собой сигареты?

— В сестринской оставила, знаю, что ты не любишь курения. Маша говорила.

— Ах, Маша, Маша... болтливая Маша! Находка для врага... ты домой когда пойдешь? Что-то ты подзадержалась...

— С тобой останусь. Сегодня я буду спать с тобой!

— Вот как сразу-то! — ухмыльнулся Сергар — А меня спросила? Может я еще не хочу с тобой?

— Хочешь. Я знаю. Чувствую. Бабы все чувствуют, когда их хотят. Даже дуры чувствуют. А я не дура. Так кто это был — адвокат? С чем приходил? Скажешь?

— Ты прекрасно знаешь, что это был адвокат — усмехнулся Сергар — Визитку-то он тебе дал. И что думаешь делать? Позвонишь ему? Я насчет его предложения...

— Скажи, Олег... а если Маша вернется, ты ее примешь? — задумчиво спросила Зоя, глядя в окно на темнеющее небо — Ну так, предположительно — примешь?

— Хмм... не знаю — соврал Сергар — Может да, а может и нет.

— Примешь! — безжалостно отрезала Зоя — Вы, мужики, любите таких сучек! Чем не хапужнее, чем не наглее — тем лучше! Жопой повертит перед тобой, за член уцепит — и за собой потащит! А ты как миленький пойдешь! Не ты первый, не ты последний!

— Эк тебя разобрало — нахмурился Сергар — Что-то ты не то говоришь, тебе не кажется? Ты язык-то слегка придерживай, а то тебе его и оторвать могут!

— Извини — потупилась Зоя — Не хотела обидеть. Просто... было у меня в жизни кое-что... ну... тебе не интересно. Давай лучше о нас, ладно? Больше не буду лишнего говорить, клянусь! Так что с адвокатом? Вытащил он тебя?

— Вытащил — Сергар задумчиво прищурился, глядя в пространство — Прикрыли уголовное дело. Невиновен я. Несчастный случай, законная самооборона, и все такое прочее. Теперь свободен.

— Я видела — пост полиции убрали. Мента толстомордого нет у дверей — сразу догадалась — почему. Его еще в пять часов убрали. Надоел уже — болтается по больнице, девкам под юбки заглядывает, да жрет за троих! Так что будешь делать? Останешься в больнице, нет? Теперь я тебе не нужна буду...

— Нужна. Пока что нужна — задумчиво протянул Сергар-Олег — Я

задержусь здесь месяца на три. Может меньше. Может больше. В область поеду, туда, откуда приехал. Денег заработаю, и поеду. Я вот что хочу тебя попросить — мне нужно устроиться работать в больницу. У меня диплом врача, могу и медбратом, к примеру. Это можно сделать?

— Можно, конечно — хмыкнула Зоя — Без проблем! Врачей не хватает, медбратьев не хватает, фельдшеров — днем с огнем не найдешь. Все в область уехали, некому работать. Главврач только счастлив будет. Вот только как ты будешь ездить из своей деревни сюда на работу?

— Ну... сниму квартиру... или дом. Как еще-то? Не в палате же мне жить?

— Ну чего придуливаешься... у меня будешь жить, само собой — усмехнулась Зоя — Знаешь же, к чему веду разговор. Не переживай! Никаких обязательств. Живем, спим, едим, работаем. Захотел — расстались. Большого не требую. Ты спрашивал про адвоката? Да, наверное я ему позвоню. Знаю, зачем я ему нужна... да плевать. Уеду в Москву, и все тут. Кое-какие деньги у меня есть, с тобой еще заработаем, куплю квартирку, пусть не в самой Москве — в ближнем Подмосковье. Буду работать у этого боровичка... не привыкать. Смотря какую зарплату положит. А то пожалуй пошлю его... Вообще-то опасно связываться с папиками — сегодня он тебя облизывает с ног до головы, завтра подвернется мокрощелка вроде твоей благоверной Маши, покрутит перед ним задком и передком — и все, спеклась Зойка! Мне уже не двадцать лет... не двадцать. Вес набираю... Знаешь, какая я была когда-то? Тонкая, гибкая, как тростинка! Бегала — как ветер! Плавала — пацаны угнаться не могли! Спортом занималась, даже на соревнования ездила, по женскому многоборью! А потом все бросила... У нас тренер был хороший, Николай Ильич. Тренировал, на соревнования с ним ездили, а потом как он помер — все и развалилось. Сердце не выдержало. Я для себя занимаюсь, чтобы в тонусе держаться, но... тяжело приходится. Старовата уже.

— Хочешь, попробуем тебя омолодить? — внезапно предложил Сергар — Я не знаю, что получится, не пробовал еще, но... хочешь?

— Ты можешь омолодить?! — Зоя снова побледнела, губы ее задрожали, глаза широко открылись — Врешь! Не может быть! Никто не может!

— Хочешь, или нет? — снова, настойчиво переспросил Сергар — Последний раз спрашиваю.

— Конечно, хочу! — выдохнула Зоя, подавшись вперед — Что нужно для этого сделать?! Убить кого-нибудь? Заплатить?! Я все деньги, что у меня есть — тебе отдам! Если ты не врешь! Или смеешься надо мной?

— Не смеюсь. Ничего не смеюсь — устало помотал головой Сергар — Вон там — заговоренный отвар. Наливай в кружку — до краев — пей. Потом закрывай двери на замок, а то в самый интересный момент кто-нибудь припрется, раздевайся — все снимай, и чулки тоже — и ложись на кровать. Попробуем, что получится. Надеюсь — получится.

* * *

«... если помочь организму своей Силой, если подтолкнуть в нужную сторону, он постарается вернуться в то состояние, в котором работает лучше всего. А это состояние шестнадцати-двадцатилетнего тела, здорового, способного к производству детей.

Когда лекарь напитывает тело пациента Силой, приказывая ему быть максимально здоровым — именно все тело, а не отдельные его органы — организм начинает процесс омоложения, ведь старение суть болезнь, а лекарь избавляет от болезни!

Процесс омоложения замедляется и останавливается, когда оно достигает вышеупомянутого максимума, и сколько лекарь не вливай своей силы, ему не удастся превратить человека из старика в годовалого младенца, ибо это противоречит силам Провидения, а значит невозможно.

Все законы в мире, и магические в том числе, подчиняются силам Богов, силам Провидения, и нет в этом ничего удивительного, ибо так положено нашим Создателем.

Увы, единицы из лекарей могут запустить процесс омоложения, лишь самые сильные, самые могущественные лекари. В своей жизни я встречал только двух таких лекарей. Даже я, ваш учитель, ученый, славное имя которого знают ученые мужи всех континентов, и то не могу омолаживать тела людей!

Казалось бы — чего проще? Подай команду: „Стань молодым! Стань здоровым!“ И стоит перед тобой юноша вместо дряхлого старика, и юная девушка, вместо сморщенной старухи. Увы, увы...

Мне пришлось увидеть, как происходит процесс омоложения. Не могу сказать, чтобы это было приятным зрелищем. Процесс сопровождается некоторыми неприятными побочными процессами, кои дурно воспринимаются слухом, обонянием и зрением наблюдателя. Но ничего не поделаешь — как нет розы без шипов, так нет лечения без смрада, стонов и криков излечаемого. Это истина, не требующая доказательства, ибо — правда.

Индар Гарун, Имперская академия Кайлара, 45796 год от Создания Мира.

Надпись на полях: „Совсем заврался старик! Омоложение — это рассказы для провинциальных богатых дурачков! Никакого омоложения нет, и быть не может! Это мошенничество для вытягивания денег у простачков! Нет и быть не может лекарей такого уровня!“»

* * *

Нет — он всего ожидал, но такое?! Вот так побочные процессы! Вот это ни хрена себе! Как говорил дядя Петя: «... твою в крестину, в гробину мать!»

Из Зои перло со всех сторон! Ее рвало, она опорожняла мочевой пузырь, как боевая лошадь, понос — еле-еле успела добежать до ванны и влезть туда, исторгая из себя все, абсолютно все, что было в кишечнике! Смрад! Стоны! Рычание! Кровавый пот и судороги, которые били тело так, что казалось — сейчас женщине придет конец!

Только через час это безобразие прекратилось, и Зоя затихла, скорчившись на дне ванны в позе зародыша, вымазанная дерьмом, кровью, блевотиной с ног до головы!

Сергар, ошеломленный полученным результатом, включил смеситель горячей и холодной воды, и стараясь не приглядываться к тому, что смывает, начал омыwać несчастную жертву лекарского искусства упругими струями из кривой лейки. Опоганенная вода с бурчанием стекала в предназначенную для нее дыру, а Сергар, поворачивая потерявшую сознание женщину, с замиранием в сердце пристально осматривал ее тело на предмет обнаружения признаков успешного воздействия магии омоложения.

Первое, что бросилось в глаза — лобок Зои густо зарос волосами. До того он был аккуратно выбрит, и лишь тонкая полоска тянулась сверху вниз. Оно и понятно — организм вернулся к своему «нулевому» варианту, а этот вариант предусматривает возврат к изначальному состоянию организма.

Второе — вместо короткой прически на голове Зои длинные, до середины ягодиц волосы, спутанные и перепачканные всяческой дрянью — вывозила, пока металась в беспамятстве, освобождаясь от шлаков.

А шлаками тут служили лишние клетки, лишняя плоть, которая выросла за эти годы. Организм должен был куда-то деть лишнее мясо,

лишнюю кожу, лишний жир — все, что Зоя «нарастила» за пятнадцать лет своей жизни. Как оказалось — «Лишней» плоти было совсем не мало. И это «немало» перло из нее, как из канализационной трубы.

Талия женщины стала тоньше, бедра — меньше. Сейчас она выглядела лет на семнадцать, не больше, особенно теперь, когда лежала голышом на дне ванны и шлепала припухшими губами, норовя что-то сказать Сергару, пытающемуся промыть ее спутанные волосы.

Бросив попытки отмыть волосы, сосредоточился на лице, освобождая его от потеков сукровицы — та сочилась прямо из пор, из глазниц, отовсюду, откуда только могла сочиться.

Зоя стойчески принимала на лицо горячие струи воды, и лишь хлопала глазами, когда Сергар направлял струю ей прямо в голову.

Через десять минут основное количество дряни с Зои и со дна ванны была смыто, и к этому времени хозяйка смытого частично отошла от полученного стресса до такой степени, что смогла выдавить из себя два главных слова:

— Получилось, или нет?

Сергар облегченно вздохнул — раз помнит ради чего все начиналось, значит все в порядке. Он боялся, что ко всему прочему процесс затронет и память, очистив ее от наслоений воспоминаний, вернув сознание к возрасту шестнадцатилетней девчонки. Похоже — все обошлось. Память — это душа, а лечили не душу — только тело.

— Дай, я сама... — Зоя перехватила «лейку», и начала смывать с себя остатки нечистот там, где Сергар пропустил. Взгляд ее упал на свою грудь, и глаза мгновенно расширились:

— Маленькая! Она такая маленькая! Будто никогда ей и не кормила! Я ведь подтягивала грудь, понимаешь?! Она у меня отвисла! А теперь торчит вперед, как каменная! И маленькая! Я всегда в юности переживала, что она у меня маленькая! Дура! Получилось! У тебя получилось! О господи, у него получилось! Ты волшебник!

— Да, я волшебник — ухмыльнулся Сергар, и вздохнул — И лекарь. И мне кажется — неплохой, не правда ли?

* * *

Волосы пришлось обрезать — прямо ножом, варварски. Кстати сказать их цвет тоже изменился. Раньше они были угольно-черными, теперь — каштановые. Как и волосы на лобке.

Зоя со смехом призналась, что волосы все время красила. Увы, уже с тридцати лет у нее начали протаскивать седые пряди.

Одеваться она не стала. Натянула трусики, надела рубашку Олега, так и расхаживала по комнате, сооружая поздний, очень поздний ужин. За окном темно, ночь. Больница спит, улица спит, и только лекарь и пациентка никак не могут уснуть — возбужденные происшедшим, голодные, усталые, но довольные.

Прежде чем одеться, Зоя долго вертелась перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон, недоверчиво мотая головой и вытаращивая глаза. Потом чмокнула Олега в губы, пахнув на него запахом зубной пасты, и побежала готовить еду — Зоя знала, что с мужчиной нельзя ни разговаривать, ни иметь какие-то дела, пока не накормишь как следует. Голодный мужчина похож на разъяренного тигра, и боже упаси попасть ему под горячую лапу. Хорошо если просто зарычит...

Когда пришло время лечь в постель, Зоя отправилась туда первой, волнуясь так, будто Олег будет первым мужчиной в ее кровати. Она прислушивалась к шуму воды в ванной комнате, и сердце стучало, как тогда, во время Первого Раза, когда Зоя, будучи еще совсем зеленой девчонкой (такой, как сейчас!) отдалась парню в занюханном гостиничном номере на шесть человек, когда они ездили в другой город на соревнования. Все — и парни и девушки — жили в одной гостинице, только в разных номерах, и улучив момент Зоя и Мишка, мальчишка, который ей очень нравился (они уже месяц целовались, тискались, она даже позволила ему поцеловать свою голую грудь!) прокрались в номер и совершили то, о чем Зоя думала, как о некой инициации, посвящении в Женщины, а мальчишка истово мечтал — как и все мальчишки его возраста.

Это было быстро, больно, и глупо. Никакого удовольствия Зоя не получила, и как оказалось — не могла получить никогда. Неизвестно, что с ней случилось, но ни разу за всю свою жизнь она еще не испытала оргазма. Что было тому виной — то ли воспитание бабки, угрюмо верящей в своего бога, не прощающего никаких оплошностей и карающий прелюбодеев, или первый опыт, такой скорый, такой неинтересный. Но только Зоя была лишена этого счастья, доступного даже мелкой наглой сучке вроде Маши.

До сих пор Зоя помнила слюнявую физиономию Мишки возле своего лица, боль раздираемой его членом плоти, неприятное ощущение чего-то инородного в животе, а потом... несколько толчков, стон, и... бедра в крови и слизи.

Тьфу! Даже сейчас она содрогнулась, живо и ярко представив эту картину.

С Мишкой она тогда больше не общалась — кроме как по делу.

И закончилась эта «любовь» тоже совсем нехорошо — Мишка, обиженный на отставку, под одобрительный гогот приятелей начал рассказывать о том, как «драл Зойку по-всякому, и так, и эдак», после чего за ней закрепилась репутация шлюховатой девки, которую можно «всяко», даже особо извращенными методами. После того она и ушла из секции, перестала тренироваться, бросила спорт. Олегу она этого не сказала — зачем ему знать такие подробности? Тренер умер через несколько лет, и она о нем очень жалела. Николай Ильич не раз уговаривал ее вернуться, но... поезд уже ушел.

Олег вышел из душа, вытираясь махровым полотенцем. Бросил его на стул, сел на край кровати, и тихо спросил, глядя в глаза Зои, внимательно, и как ему показалось — испуганно наблюдавшей за его передвижениями:

— Может не надо сегодня? Нет, так-то я хочу, не подумай чего, но если еще не можешь — давай в другой раз?

Зоя помолчала, покопалась в своих ощущениях, потом стащила с себя простыню и так же тихо сказала:

— Нет. Я хочу сейчас. Олег... Маша мне сказала, что ты...

Она замолчала, не зная, как спросить, и Сергар вдруг понял и помог:

— Что я умею наводить оргазм? Да, умею. Это несложно. А что?

— У меня никогда не было оргазма... — голос Зои сорвался, задребезжал, сделался напряженным, хриплым — Никогда!

— Да ладно?! — искренне удивился лекарь — При твоей-то внешности? При том количестве мужиков, что у тебя были? И не было оргазма? Не верю — шутишь?

— Не шучу. Мне приятно, да. Я возбуждаюсь. Но оргазма — такого, как описывают — не было. Я читала, да. И к психологу ходила. И к сексологу. И мази всякие применяла. И мужиков меняла — думала, может в них дело! Даже с негром была... он мне чуть не порвал все, сука! Такая здоровенная у него штука... не приведи господь! Тьфу! И животным от него пахнет, мускусом... А оргазма не было! Я как услышала, что Машка рассказывала девкам...

— Она еще и девкам рассказывала?! — сердито перебил Сергар — Вот же дура, а?!

— Да ладно... девки часто делятся такими подробностями — у кого какой мужик, и как он ее... Это же что-то вроде спорта — отыскать классного мужика, который что-то может. Ну... тебе не понять, да. Так вот — услышала, и не поверила! А потом думаю — я должна попробовать! Должна! Может у меня все наладится с этим делом! Может вылечусь! Так

как я могу сейчас не испробовать? Когда стала молоденькой девчонкой?!

— Мда... как все это... сложно — хмыкнул Сергар — Давай, чего уж там... ты как любишь, в какой позе? Как лучше?

— Давай я на колени встану. Только осторожнее, ладно? Боюсь что-то... у меня неглубокое, больно, если слишком уж большой.

Сергар взял девушку за бедра, она вздрогнула, сжалась, начал осторожно входить в нее... и тут Зоя застонала и отдернулась:

— Больно! Узкое все, видимо я стала совсем уж молодой, что-то никак не получается! Давай я крем возьму? У меня есть..

Она скользнула с постели, вынула из сумочки небольшой тюбик, быстро намазала себя, партнера, и снова встала в прежнюю позу.

Сергар нацелился... вскрик! Зоя выгнулась, застонала, и по ее бедру пробежала капелька крови:

— Ах, черт! Этого еще не хватало! Я девственница! Была... Вот это ни хрена себе!

— Ага — не выдержал, и фыркнул Сергар — То-то все... никак! Узко, узко... девственница, черт подери! Я уж и не помню, когда у меня была девственница, и вот — на тебе, получи!

Они вдруг захохотали, вначале тихо, потом в голос — так, что слезы потекли у них из глаз. Расцепились, сели на кровать — Зоя предусмотрительно подложило махровое полотенце, которым вытирался Олег. Продолжая смеяться — обнялись, прижались друг к другу, посмотрели в глаза и вдруг начали целоваться, вжимаясь губами так, что стукнулись зубами.

Отпрянули, Зоя хихикнула, предложила:

— Может залечишь, мою... рану? Только не...восстанавливай, ладно? Думаешь приятно, когда вот такой здоровенной штуkenцией тебе все там рвут? Мне и первого раза когда-то хватило, а тут вот тебе на — дубль!

Сергар, ухмыляясь, залечил «рану», потом они сходили в душ, смыли следы «первой брачной ночи», снова забрались на кровать.

Когда Сергар вошел в Зою, она только вздохнула, и подалась к нему задом, выгнувшись, как кошка. Он брал ее с наслаждением, вжимаясь так, будто норовил достать до самого горла. Зоя только охала, она была мокрой, буквально текла, и у Сергара на задворках головы билась мысль — как так может быть — женщина течет ручьем, но не может получить оргазм? Ерунда какая-то! Может врет?

Но когда он задействовал магию, понял — вот теперь на самом деле оргазм!

Зоя тряслась, тоненько подвывала, ее плоский девичий животик

вздрагивал, пытаясь высосать из партнера долгожданное семя, а когда пик наслаждение захлестнул ее так, что уже не могла сдержаться — отчаянно закричала и потеряла сознания.

Сергар успел кончить до ее обморока, вовремя успев вспомнить о том, что неплохо было бы и предохраниться — послал в матку Зои приказ: «Не зачинать! Отбой!» И уже через несколько секунд излился в нее бурно, обильно, навалившись на обеспамятевшую женщину, как лев на убитую антилопу.

Зоя очнулась минут через пять. Засопела, повернулась к партнеру, долго смотрела ему в глаза, без звука, не говоря ни слова. Что она при этом думала, не знает никто, только помолчав, тихо сказала:

— Я бы отдала все деньги на свете, все, что у меня есть, лишь бы быть с тобой! Только сейчас поняла, какого счастья была лишена! Спасибо!

— Да не за что — ухмыльнулся Сергар, и предложил — Попозже продолжим?

— Сейчас! — яростно выдохнула Зоя — СЕЙЧАС!

— Ну... я конечно мог бы сейчас, но... стоит немножко подождать, чтобы я...

Он не договорил — Зоя изогнувшись по кошачьи приподнялась, нырнула ему между бедер, и через секунду он уже забыл, что хотел сказать. И вообще — забыл, что можно говорить. В такие минуты — ни до чего.

И все пошло так, как надо. Так, как им хотелось. А им — хотелось.

И самое главное — могло.

Глава 11

Боль в руках. Запястья болели, кисти рук онемели, будто отсиженная нога. Болели и плечи — их вывернули назад, завязав руки за спинкой кресла. В глазах двоилось, подташнивало. Уже привычно определил: «Сотрясение мозга, точно!»

— Вы его не слишком сильно приложили, придурки? — низкий, хрипловатый голос откуда-то сбоку, справа — Чего он никак не может очнуться?

— Хозяин, да некогда было! Он с телкой, кругом народ — а если бы начал махач? Глянь на его плечи — парень-то развитой! Инвалид?! Какой он к хренам инвалид — об него биту обломать можно!

Кто-то схватил за отросшие волосы, дернул вверх:

— Эй, ты слышишь? Пацаны — я вам глаз на жопу натяну, если он сдохнет раньше времени! Ну не могли в людном месте — надо было подождать, и взять в другом! Все-таки вы ишаки, в самом деле!

— Да он очнулся, Роман, глянь! Глаза открыл! А ты говоришь сильно... все ништяк!

— Я скажу, когда ништяк! А пока не ништяк, идиоты! Молчать!

Сергар сфокусировал взгляд на розовом пятне, парящем перед его глазами, и разогнав дурман разглядел широкое лицо с восточными миндалевидными глазами, крупный нос, полные губы — и все это произведение природы было водружено на новый, явно дорогой костюм, принадлежавший крупному, плечистому мужчине лет пятидесяти. Он рассматривал Сергара, как интересный, но отвратительный экспонат музея уродцев. При этом лицо мужчины оставалось бесстрастным, будто каменная маска.

Рядом с ним стоял мужчина лет сорока, жгучий брюнет в свободной блестящей рубашке, видимо шелковой. Именно он держал Сергара за волосы, кривя губы в демонической ухмылке, обнажающей желтоватые резцы, среди которых блестел желтый металл. Увидев, что Сергар начал отходить от беспамятства, довольно ухмыльнулся:

— Ну вот, ты и с нами.

— Дайте ему выпить, что ли! — прогудел голос справа, и в губы Сергара ткнулось горлышко бутылки. Он невольно глотнул, задохнулся от горечи, от крепости напитка, пахнувшего жженым зерном, и по глотке прокатился огненный шарик, остановившись в желудке. Через несколько

минут одурь почти прошла, мозги прочистились и только голова болела так, будто в ней работала толпа молотобойцев, все время промахивающихся по наковальне. Их молоты хорошенько били по стенам «кузни», и казалось — череп вот-вот взорвется, разлетится на кусочки, дав свободу раздувшемуся от прилива крови мозгу.

Сергар обвел взглядом комнату, людей, которые в ней были, и после мучительной и болезненной попытки вспомнить, как сюда попал, картинка происшедшего всплыла так ясно, будто и не было никакого обморока.

Они с Зоей возвращались из сбербанка — Сергару выдали карточку, на которую он бросил все свои деньги — почти все, оставив несколько десятков тысяч наличных на расходы. Часть в бумажнике, часть спрятал в палате.

Ясный день, не жарко, на небе редкие облачка. Ветер веет, рядом молоденькая красotka, в которую превратилась Зоя после «переделки», ноги идут по земле как новенькие, впереди — посещение ресторана (надо же отметить счастливое освобождение?!), все хорошо, все замечательно, и... удар! И темнота. Все. Очнулся — эта комната, эти люди, разглядывающие его так, будто он сам по себе завидный охотничий трофей, и густой туман неизвестности, рассеять который больная голова пока не могла.

— Вот и хорошо! — удовлетворенно кивнул брюнет, отпустил волосы пленника и отошел на три шага назад — Босс, мне самому с ним потолковать, или вы это сделаете?

— Сам! — мужчина с восточным лицом уселся в кресло напротив Сергара, скрестил руки на груди и молча, упорно, будто стараясь просверлить взглядом дырку в груди человека напротив, уставился на него черными, глубоко сидящими в черепе глазами.

Молчал он минуты три. Молчал и Сергар, пытаясь справиться с дурнотой и опасаясь, что его сейчас вырвет, да так, что долетит и до незнакомца. Очень уж мутило! Верный признак сотрясения мозга, без всякого сомнения!

— Плохо, да? — бесстрастно спросил широколицый, в голосе которого не было ни тени сочувствия — Ребята немного перестарались. Но что поделать? Такова жизнь. Это их работа, и сделали они ее хорошо. Ты хочешь что-то спросить?

— Кто вы, и зачем меня захватили?

— Вот! — мужчина поднял вверх толстый, сосискообразный палец — Учитесь, парни, как нужно схватывать суть проблемы! А вы все: «ништяк», «внатури»! В общем, так, парень. Олег, кажется? Экстрасенс... Так — Олег,

не будем тянуть кота за хвост: не так давно в этот город приехал мой приемный сын, Эрик, со своими ребятами. Они должны были забрать у моего партнера некую сумму денег наличными, и привезти ее мне. Что за деньги, почему деньги — тебя не касается. Но касается другое: все дороги ведут к тебе. Молчи! Я не все сказал! Когда прикажу, тогда и будешь разговаривать! Еще раз раскроешь свою пасть без моего разрешения — пожалеешь!

Мужчина помолчал, прищурившись посмотрел поверх головы Сергара и продолжил мягким, почти бархатным, с хрипотцой голосом:

— Мой сын не вернулся в должные сроки, а потом мне сообщили, что он найден убитым, сожженным в своей автомашине. Что якобы парни передрались и поубивали друг друга — так думают менты. Если даже это и так — но во что я не верю — не могли они начать палить друг в друга — куда делись деньги? Много денег!

— Сгорели! — не удержался Сергар, тут же получил жестокий удар в ребро и задохнулся от боли.

— Понимаешь, какое дело... — невозмутимо продолжил мужчина — Они были в чемоданчике, в дипломате. И этого самого дипломата не было в автомобиле. А дипломат непростой, он не мог расплавиться и сгореть. Исключено! Раз не нашли, значит его там не было. Вопрос! Куда он мог деться? Можешь отвечать.

— Полицейские забрали? — хмыкнул Сергар, блуждая взглядом по комнате. Со стороны казалось, что он просто бесцельно таращит глаза на стены и людей, однако в голове мага шла непрерывная мыслительная работа, задачей которой был поиск нужного решения. Одного, единственного решения — как выжить?

— А Зою куда дели? — вдруг спросил Сергар, не надеясь на ответ, и невольно сжался, ожидая удара.

— Зою? Ну... где ей быть... — спокойно ответил мужчина — Со своим любовником, где же еще? Ты умудрился к тому же соблазнить любовницу уважаемого человека!

— Какого такого человека?!

— Черенкова Виталия Михайловича. Это его женщина. Вот он сейчас и учит ее уму-разуму. Как? А как захочет. Заодно спрашивает о тебе. Так что мы сможем проверить твои слова, не сомневайся. Итак, меня интересует главный вопрос: кто убил моего приемного сына, и где деньги. Если ты не знаешь ответа на первые два — тогда вопрос третий, и вот на него ты ответишь точно: где Мария Зеленцова, которая работала с тобой в больнице, была твоей любовницей и вдруг исчезла из города, срочно

получив расчет и забрав свою трудовую книжку. Итак: где она?

— А я откуда знаю! Машка прихватила мои деньги, и уехала! Мне ничего не сказала!

— А что же ты тогда положил в сбербанк? Какую сумму? Откуда эти деньги?

— Заработал. Сумму? Ну... пятьсот тысяч с чем-то. А что такого? Я работаю, мне дают деньги!

— Допустим. Итак, где твоя Маша? Только не ври мне — если она тебя обокрала, какие деньги ты положил в банк? За два дня заработал пятьсот тысяч? Вернее — миллион? Ведь половину ты отдаешь Зое, как раньше отдавал Маше. Не верю! Народ тут нищий, хрена с два они тебе отдадут столько денег. Значит ты взял их откуда-то со стороны. Итак: где Маша и как ее найти? Скажешь — будешь жить. Нет — сейчас тебя будут пытаться, отрезая от тебя по кусочку. А для начала вот этот добрый человек забьет тебе в колено такой вот гвоздь. И тогда ты никогда не будешь уже нормально ходить! Если мы оставим тебя жить, конечно, что вряд ли. В любом случае, говорят — когда гвоздь забивают в колено, это очень, очень больно. Ну что, будем сотрудничать? Молчит... Роман, давай! Видимо, парень не верит.

— Стой! — резко бросил Сергар, глядя на приближающегося к нему брюнета, держащего в руке молоток и здоровенный ржавый гвоздь — Да с чего вы взяли, что это Маша взяла ваши деньги?! У нее не было никакого чемодана!

— А что было? — вкрадчиво осведомился мужчина — Она так просто их принесла, без чемодана? Во что сложила? В мешок? Или в юбку завернула? Парень, мы допросили бармена. Он сказал, что Эрик с ребятами обвиняли его в краже денег, а потом начали искать некую Машу Зеленцову. Бармен дал им ее адрес, и после этого на следующий день парни лежали в машине, поджаренные, как шашлык. Маша срывается и уезжает в тот же день, в который нашли сгоревшую машину. Теперь найди изъян в моих рассуждениях! Говори, говори — прежде чем отрезать тебе башку, мне хочется все-таки разобраться, что же тут произошло. Чем больше дашь мне информации, тем меньше будешь мучиться. Уверен, что ты имеешь отношение к исчезновению денег, и к убийству моего сына.

— Что-то не вижу, чтобы ты очень уж страдал из-за смерти своего сына... «Пять человек. Сколько в другой комнате — неизвестно. Зоя жива. Что она знает? Ничего. А насчет башки точно не шутит. Этот — не шутит!»

— Хмм... так заметно? Вообще-то он давно уже доставляет мне много неприятностей. Одни проблемы с ним... были. Но это не означает, что

каждая тварь может посягнуть на мое! Моих людей могу убивать только я! Какой бы он ни был — это мой сын. И я буду резать убийцу по кусочкам. Я все равно его найду. Кто-то ответит за смерть Эрика! Итак, найди брешь в моих рассуждениях. А лучше всего — отдай деньги и скажи, где спряталась эта сучка!

— Я не знаю, где сейчас Маша! — искренне ответил Сергар — Она уехала. Все. Ее нет.

— Допустим. Где мои деньги?

— Не знаю! — так же искренне ответил пленник, скосив глаза налево, туда, где стоял подручный бандита с молотком в руках — Я вообще сегодня впервые вышел на улицу, за много дней — впервые! Как я мог убить твоих людей?! Четверых?! С оружием, пистолетами и гранатами?! Ты соображаешь?

— Откуда ты знаешь, сколько их было? — тихо спросил бандит, переглянувшись с подручным — Нигде не говорилось, что их было четверо. Ни мы не говорили, ни в новостях не было. Откуда знаешь? Одного разнесло в клочья. Нашли три обгорелых трупа. Ты говоришь о четверых. Итак — откуда знаешь?

Тут Сергар понял — попался!

* * *

— Ты не рада встрече? Тебе не нравится? — глумливый голос впивался в мозг, пальцы — в бедра, спинка дивана — в грудь. Было очень, очень плохо, и это по контрасту с тем, что происходило ночью.

Зоя с тоской вспоминала прошлую ночь, стараясь отключиться от происходящего, не думать о том, что с ней делают. Не получалось. Из ее глаз сами собой текли слезы, крупными каплями падая на кожу дивана, собираясь в небольшую лужицу.

Виталий навалился как медведь, пытающийся сломать хребет корове, и так же как беспомощная корова, Зоя могла только реветь и дергаться, в безуспешной попытке освободиться от стальных объятий. Черен был слишком силен, разъяренный — еще сильнее. О приступах его неконтролируемой ярости ходили легенды — однажды в ресторане он разбил голову официанту, который не так подал очередное блюдо. Разбил бутылкой, и после того парень долго лежал в больнице, залечивая не только сотрясение мозга, но и многочисленные порезы на лице. Скандал замяли, говорили, что это обошлось Черену в кругленькую сумму — ведь теперь он

был не просто руководителем ОПГ, но и депутатом, а депутату, как ни странно, совсем не все сходит с рук. Можно запросто лишиться депутатской неприкосновенности, а затем уже и свободы.

Зоя терпела, знала, все это когда-нибудь кончится, как кончается и хорошее, и плохое.

А еще — с горечью думала о том, что была совершеннейшей дурой, когда связалась с Виталием. Тогда он казался ей brutальным, сильным мужчиной, знающим, что хочет от жизни. Оказалось — он хотел только одного — трахать, все что шевелится — свою жену, многочисленных девок, в коих у него не было недостатка, ее, Зою, город, область, а при возможности — и всю страну.

Черен частенько хвастался, что в области у него есть влиятельные друзья, и скоро он станет областным депутатом, а потом — и депутатом Думы. Зоя в это не верила — в районе может пролезть в депутаты и такой отморозок, как Черенков Виталий, но в Думу эдакой пакости точно не пропустят.

Только вот любовнику об этом говорить не стоило — печальный опыт показал, что разбитые губы это очень больно, а сломанный зуб — не только больно, но и дорого. Пусть делает то, что хочет, лишь бы ее не трогал. Так думала и Зоя, и большинство из тех, кто жил рядом с Череном. Связываться — себе дороже.

Зоя теперь бы и не связалась, но было одно обстоятельство: во-первых на выгодную, хлебную должность ее приставил именно он, Виталий. Поссориться с ним означало нажить врага на долгие годы, или скорее — навсегда. А это означало только одно — из города нужно будет уезжать. И куда уезжать, если на тебе висит несовершеннолетняя дочь, а в другом месте тебя никто не ждет? Нужно вначале заработать денег, без денег никто никому не нужен. Ну и зарабатывала. Миллион Два. Потом три. Потом пять. Мало! Еще надо! Терпи! Терпи запах перегара, терпи эту тяжелую тушу, этот вялый, пахнущий тухлятиной отросток, которым Черен почему-то очень гордился, и любил тыкать им в лицо Зое, изображавшей взнезменную страсть.

Может потому за эти годы она так ни разу и не испытала оргазма? Вспомнишь Черена — и сразу противно, все желание пропадает.

Вот и сейчас он был уверен, что Зое очень нравится, когда ее перегибают через спинку дивана и дерут, как дорожную шлюху. А когда она не пожелала, не захотела, не смогла изобразить удовольствие от «общения» со своим давним любовником, сделался злым, и теперь брал ее жестоко, грубо, стараясь причинить как можно больше боли.

— Что, не нравится?! Не нравится?! Шлюха! Сука! А с этим уродом — нравилось?! Предпочла меня — этому уроду?! Тварь извращенная! Ты забыла, чем мне обязана?! Забыла?! Я тебе дал все! Все! Еще и девку от кого-то прижила, тварь!

— Таня — твоя дочь! — задыхаясь, выдавила из себя Зоя.

— Не гони! Сколько мужиков тебя за это время драли?! Десять?! Двадцать?! Думаешь — я не знаю? Все знаю! Нагуляла, и пытаешься на меня повесить?!

— Не было у меня никого! — соврала Зоя, кривясь от боли. Черен раздирал ей ягодицы так, что едва не текла кровь.

— Врешь, сука! Я сквозь пальцы смотрел на твои шашни! Дождался, теперь ты связалась с уродом?! Тварь!

Зоя ненавидела его. Ненавидела так, что темной пеленой накрыло мозг, выдавило все чувства кроме ненависти, ярости и желания оскорбить, унижить, сделать больно этому скоту!

— Это ты урод! Ты! — вдруг яростно выкрикнула Зоя — Я с тобой никогда не кончала! Ты грубое животное! Животное!

— Я — животное?! — Черен вдруг оттолкнул ее от себя, и Зоя повалилась на пол, раздирая дорогие чулки о паркетный пол. В голове отстраненно мелькнула мысль: «Сука! Чулки! Только вчера купила!»

— Я сейчас покажу тебе, кто животное! Забыла, сука, кто ты есть?! Давно тебя не учил уму-разуму?! Сучек нужно учить, они забывают уроки!

Первый удар заставил Зою вздрогнуть, скорчиться, прикрывая голые ноги, ягодицы. Черен бил, стараясь попасть по внутренней стороне бедер, в пах, Зоя знала, что его возбуждает насилие над женщинами, но с ней он еще не переходил черту. Теперь — бил от души, так, что широкий кожаный ремень рассекал до крови, оставляя на нежной коже безобразные красные рубцы.

Несколько ударов, как она не береглась, пришлось и по лицу, разбив губу, бровь.

— Нравится?! Тебе нравится, шлюха?! — хрипел Черен, брызгая слюной, тяжело дыша, как после долгого бега — Я знаю, ты любишь жесткий секс! Любишь же, скажи, тварь!

Зоя посмотрела на него — здоровенного, пучеглазого, со снятыми до колен штанами, болтающимся, дряблым, вялым, сизым членом и ее вдруг разобрал смех. Видимо это была истерика, безумие, сумасшествие, но она показала на Черена пальцем и захлебываясь смехом и рыданиями, хрипло выдохнула:

— Жалкий импотент! Да у тебя никогда и не стоял как следует! Только

и можешь, что мучить баб, иначе не встанет, так же ведь? Так, Виталя? Урод, говоришь? Да он-то человек! С ним единственным я испытала оргазм, а с тобой всегда притворялась! Потому что ты не можешь! Ты ничего не можешь! Вообще ничего! Потому что ты ничтожество! Ничтожество! Мелкая дрянь, возомнившая себя великим человеком! Тварь! Тварь! Ничтожество! Импотент!

Зоя опомнилась, ужаснулась тому, что наделала... но было уже поздно. Черен, оглушенный ее словами, остановился, посмотрел на Зою остановившимся взглядом и выпустил из рук ремень, посмотрев на него так, будто раньше не видел. Затем подтянул штаны, глядя на сжавшуюся на полу женщину медленно застегнул крючки, молнию, постоял еще секунд десять, фиксируя Зою взглядом, затем шагнул вперед.

Зоя ожидала пинка, побоев, ругани, но того что случилось потом, конечно, ожидать не могла. Черен схватил тяжелое деревянное кресло, поднимая его легко, будто это был не массив, а фанерная подделка, и с силой обрушил на женщину.

Первым ударом он сломал ей ключицу, раздробил два ребра. Второй сломал шею, хрустнувшую, как сухая ветка. Черен бил, бил, бил, пока тело, недавно такое прекрасное, такое совершенное, молодое, не превратилось в кусок кровавого мяса.

Целым осталось только лицо, с которого слегка удивленно смотрели широко раскрытые глаза, будто спрашивающие — за что? Почему?

— Импотент?! Я?! Тварь! Это ты вынудила меня! Ты! — Черен шагнул вперед и с размаху пнул в лицо покойницы. Голова безжизненно мотнулась на мягкой, бескостной шее, один глаз закрылся, второй продолжал следить за Череном, опустившимся на диван и откинувшимся на мягкие подушки:

— Урод ей понравился! Я лично отрежу этому уроду яйца и засуну тебе в глотку! Жаль, что подохла — я бы на твоих глазах его кастрировал, гнида!

Черен прикрыл глаза, успокаивая дыхание. В голове толчками билась кровь, распирая черепную коробку, грозя взорвать голову изнутри, как граната, засунутая в рот. Он видел, как это бывает. В девяносто третьем лично забил в рот владельцу торгового центра Ф-1 со сработавшим взрывателем. Черен и сейчас помнил, как щелкнул взрыватель, как хрустнули зубы строптивного лоха, когда лимонка влезала в его поганый рот, помнил ошметки, мозги и кровь на деревьях — она капала на траву густыми, багровыми каплями, будто роса после кровавого дождя.

От головы не осталось ничего. Потом пацаны долго вспоминали, смеялись — шеф крутой мужик, «все чуть в штаны не наложили, когда он

начал забивать гранату этому козлу! А ему хоть бы что!»

Улыбнулся приятным воспоминаниям, на душе потеплело. Ярость медленно ушла, и на смену ей пришло сожаление — красивая была баба. Ее бы еще трахать, и трахать! И помолодела как! Ну просто девочка стала! Интересно, каким способом? Неплохо было бы скинуть годков двадцать, убрать лишний жир, поправить печень... может этот урод и правда умеет что-то такое? Эх, вот не надо было ей говорит такие слова... Сама виновата! Сказать настоящему мужчине ТАКОЕ?! Да ее мало сто раз убить!

Снова плеснулся гнев, и Черен яростно сплюнул, попав точно на залитую кровью блузку Зои. Липкая, зеленовато желтая слюна тягучей нитью вытянулась до пола, оставив на ткани блестящую мокрую дорожку. Зоя все еще «следила» за полуприкрытым, будто прищуренным в прицеле глазом, и Черен вскочил с места, пнул ее, будто играя в футбол. Голова неестественно откинулась назад, в теле что-то хлюпнуло, мертвая Зоя после удара «вдохнула», выпуская воздух, оставшийся в груди. Пахло кровью, нечистотами, потом. Черен принялся — потом пахло от него — взмок, пока трахал сучку, и потом, когда учил ее вести себя правильно.

Нужно будет хорошенько вымыться, попариться в бане — это успокаивает нервы. А еще подумалось — неужели правда Зойкина дочь — его дочь? Вряд ли. Зойка была еще той шлюхой. Давно надо было свернуть ей башку. Совсем зарвалась! Но как баба была хороша, да! Безотказная, выносливая, как марафонец! И не брезгливая. Обслужит — вылизет, да еще и причмокнет: «Ты такой сладкий!» И что за бес в нее вселился?! Ну кто из мужиков простит такие слова? А все этот урод! Его работа! Он виноват! Он ее научил!

Черен заходил по комнате, стараясь не наступать в разлившуюся по полу красную лужу, потом решил: нужно пойти и посмотреть, что они там творят с этим уродом. Конечно, это дело Маги, он хочет сам во всем разобраться, но в конце концов — территория Черена, и он имеет право слышать и видеть все, что там происходит! Предъяву-то ему кидали! К нему приезжал этот придурок Эрик!

Этот мокрогубый парнишка ему сразу не понравился. Нарк! Их видно за версту! Черен такого и близко бы к себе не подпустил — но это же сын Маги! Пусть и не родной, приемный (сын умершего брата, вроде как!), но все-таки сын! Чего проще — заberi деньги, отвези отцу! Так нет же — нужно устраивать здесь цирк, девок снимать, по городу кататься — вот и докатались! Но это уже вина Эрика, а значит Маги — Черен рассчитался, как и обещал. А куда делись деньги — не его дело. По крайней мере, он так думает.

Грохнуло — раз, другой — выстрелы! Потом кто-то тонко завизжал, будто резали свинью. Автоматная очередь!

Черен вскочил, подошел к пиджаку, достал оттуда «макаров» — депутат, имеет право носить оружие официально. Один из плюсов депутатства!

Передернул затвор, загоняя патрон в патронник, шагнул к двери. Выглянул. Никого. Пошел дальше — ствол вперед, взглядом фиксируя все входы и выходы.

Скрипнула дверь. Черен вскинул пистолет, готовый к выстрелу, и не поверил своим глазам — тот, кого он называл «уродом», стоял перед ним впереди, в десяти шагах, и... светился! Он него явно шло свечение, видное в полумраке коридора, освещенного тусклыми маленькими лампочками настенных светильников. («Клиент любит интим! Незачем ставить прожектора, чего разглядывать?!»)

Бандит направил ствол на «светящегося», но не успел нажать на спуск — колдун сделал несколько странных движений руками, из его ладоней вырвался сноп змеящихся, синих молний, впившихся в тело мертвой хваткой. Рука Черена непроизвольно дернулась, мышцы сократились, палец нажал на спуск... и «светящийся» упал, сбитый пулей.

Только Черен этого уже не видел и не слышал. Его мозг был мертв, и только тело все еще подергивалось, мышцы, возбужденные мощным зарядом энергии судорожно сокращались, отказываясь умирать. Но скоро и они затихли. В помещении гостевого дома воцарилась мертвая тишина.

* * *

«Плоть — суть материя. Весь мир состоит из материи. Горы, земля, люди. Материя состоит из маленьких, очень маленьких частиц, именуемых „кусы“. Кусы притягиваются друг к другу, обладая волей, хотя она и не осознанна.

Осознанной волей обладают только люди — так они считают. На самом деле и они подчиняются воле богов, но как и всегда — думают, что все, ими делаемое, суть их воля, а не божественное провидение. Люди те же частицы, по божьему приказу обретшие душу, но это уже другой вопрос, он будет рассмотрен в другом трактате. Этот трактат касается лишь сути материи, и возможности воздействия на оную с помощью магических средств в свете лекарского искусства.

Обычный лекар пользуется ножом, для того, чтобы отрезать лишнее,

чтобы рассечь плоть.

Маг-лекарь для той же цели использует магию, и только магию. Она ему служит и хирургическим ножом, и нитками.

Простой лекарь рассекает плоть, разрушая связь между кусами, нажимая на острый клинок.

Маг-лекарь разрушает связь между кусами Силой, и ткань распадается, раздвигается так, будто ее коснулись самым острым ножом в мире! И не будет внесено грязи, не будет боли, не будет последствий жестокого рассечения плоти!

Так что лучше? Хирургический нож, или хирургическая магия? Ответ очевиден — магия!

Когда, в каких случаях маг использует магическую хирургию? Тогда, когда нужно отсечь отмершие ткани, отравляющие организм пациента.

И кроме того — отрачивая утраченную конечность. Всем известно — гораздо эффективнее работать со свежей культей, освобожденной от раздробленной плоти, или от той же самой отмершей ткани. И тогда процесс выращивания пойдет гораздо быстрее — замечено в результате тысячелетних наблюдений.

Каждый лекарь в идеале должен уметь разрушать связь между кусами, но увы, это подвластно только сильным, опытным магам, тем, кто находится на вершине магического лекарского искусства. Таких не так много, и все они известны, и составляют они цвет нашего лекарства, и на них должны равняться молодые, начинающие лекари.

Ваш учитель тоже не сразу стал могучим лекарем, известным во всех частях света — только в зрелом возрасте, после долгого пути на поприще лекарства, ему впервые удалось совершить операцию магической хирургии. Количество перешло в качество, и я надеюсь, ты, читающий этот трактат, когда-нибудь достигнешь моего уровня и прославишь свое искусство на весь мир. Хотя это и очень, очень трудно. Но нельзя опускать руки — пробуйте, стремитесь, и обряцете.»

«Трактат „О некоторых вопросах хирургической магии“

Индар Гарун, Имперская академия Кайлара, 45795 год от Создания Мира.

Заметка на полях, росчерк, с брызгами чернил: „Опять протаскивает свою идиотскую теорию кусов! Заморачивает головы ученикам! Старый идиот! В прежние времена его сожгли бы на священном огне!“»

— Чего это такое? Гля, пацаны! — один из крепких парней, что сидели у стены, наблюдая за происходящим, привстал, глаза его вытаращились, он вытянул руку и показал на пленника, оглядываясь на остальных парней. Они тоже привстали, один из них, здоровенный рыжий парень с тупой бычьей мордой высунул язык, чтобы нагляднее изобразить свое изумление, потом радостно захохотал, приговаривая:

— Цирк! Гля, цирк! Фокусник! Он светится!

Босс же ничего не сказал. Он удивленно поднял брови, хмыкнул, раскрыл рот, но... не успел.

Сергар встал с места, веревки, которые стягивали его руки, упали на пол, ветхие, будто гнили в теплом влажном месте много, много лет.

Невидимый «нож» работал не хуже, чем стальной нож из лучшей кузницы.

Роман вскинул пистолет, когда из рук «экстрасенса» вырвались ветвистые голубые молнии, охватившие стрелка искристыми руками-щупальцами. Брюнета затрясло, будто он схватился за контакты трансформаторной будки, бандит согнулся, падая на пол, пистолет выстрелил... и стена окрасилась красным. У босса, сидевшего с удивленно поднятыми бровями снесло верхушку черепа — начисто, смахнуло, как боевым топором.

Роман любил крупнокалиберные пистолеты. В это горячее время купить такой не такая уж большая проблема...

Трое охранников вскочили, один успел выпустить очередь из автомата (наугад, но едва не попал!), прежде чем умереть, но тут же умер, прожженный шаром размером с виноградину — прямо в лоб.

С двумя другими Сергар справился быстро, голыми руками — ошеломленные, испуганные, они не смогли оказать никакого сопротивления, впад в шоковое состояние от увиденного, беспомощные, будто дети. Два удара — два трупа.

Магической Силы оставалось еще достаточно, с земным оружием Сергар обращаться не умел, что оставалось? Магия, и рукопашный бой.

Теперь нужно идти выручать Зою, судя по всему — она где-то рядом.

Вышел в коридор, и тут же выругал себя за непредусмотрительность — нужно осмотреться в магическом поле, увидеть расположение бойцов! Но было уже поздно. На него пер здоровенный, широкий, как шкаф мужик, держа в руке пистолет, кажущийся совсем маленьким в огромной ручище.

Сергар сделал несколько пассивов, вытаскивая из пространства боевую молнию, метнул ее в противника, и... тут же почувствовал сокрушительный, ошеломляющий удар в левое предплечье. Мага

отбросило назад, сбило с ног — такой силы был этот удар.

Здоровила свалился, подергиваясь, как всегда бывает после удара боевой молнии, Сергар же сел у стены, зажимая руку, по которой тонким ручейком стекала кровь, пропитывая рукав рубахи.

Заставив себя отключиться от боли, впал в транс, выпустив тучу тонких силовых нитей. В учебке Сергар проходил курс лазутчика, как и все боевые маги, специализация которых выясняется только к концу обучения.

Никто не знает, кем станет начинающий боевой маг — боевым орудием, лазутчиком, артефактором или простым, незатейливым армейским магом — какие способности разовьются, ту профессию и приобретет. Курс лазутчика очень помог Сергару, когда он стал грабером, помог и сейчас — в магическом пространстве легко обнаружить любое существо, обладающее живым телом, имеющее душу и плоть. Лучшие лазутчики могли обнаружить противника на расстоянии до нескольких километров! Обычные — пятьсот метров — километр.

Сергар мог увидеть до пятисот метров — когда-то, когда был в другом мире. Теперь его едва хватало на сотню метров. Но он все-таки видел.

Две едва светящиеся фигуры, медленно продвигающиеся от входа по направлению к тому коридору, где сидел Сергар. Охранники! Скорее всего, они поставили охранников у выхода!

Встал, морщась от боли в руке, пошел вперед, прижался к стене. Оглянулся на пистолет в руке убитого «шкафа», но тут же отказался от этой идеи. Пока разберется, пока привыкнет... он сам оружие!

«Боевой маг должен быть готов к любой неожиданности» — параграф первый уложения: «Использование магов в условиях войны»

Вначале показался ствол пистолета — медленно, осторожно, как змея, высунувшая головку.

Удар!

Пистолет выскочил из руки, грохнулся на пол, удар в пах ногой свалил противника, как топором.

Второй успел выстрелить, пуля вонзилась в облицованную деревом стену за спиной. Стрелял уже мертвым — шар перегретой плазмы прожег его насквозь, пройдя прямо через середину груди — маленький такой, не больше ногтя указательного пальца, но бело-синего цвета, как и положено настоящему огневику. Вот только мертвец пока не знал, что он мертв — слишком маленький огневик. Побоялся делать побольше — Силы осталось не так много, ощущение, что на пару выстрелов.

Охранник успел пальнуть еще три раза, прежде чем свалился. Хорошо, что стрелял наугад и не попал, иначе... Впрочем и Сергар не стоял на

месте.

Хлопнула дверь! Кто-то сбежал?! Или вошел? Скорее всего — прибежал на выстрелы, заглянул и свалил подальше от стрельбы. Зачем? Испугался? Вряд ли. Скорее всего — собирать подмогу.

Худо! Очень худо! Сейчас тут будет очень, очень жарко. Нужно хватать Зою и как-то выбираться.

И тут же — как обухом топора по голове — где Зоя?! В магическом пространстве он ее не увидел! То есть — ее нет в соседних помещениях! Увели? Плохо. Теперь нужно будет искать, а он на большое расстояние в Ничто не видит.

На полу завозился, застонал очнувшийся охранник. Встал на четвереньки, помотал головой, попытался встать, но Сергар с размаху носком ботинка врезал ему в бок. Хруст, крик боли, охранник свалился на пол, зажавшись в позе зародыша.

— Сколько вас? Ты меня слышишь, урод? Сколько вас тут?!

— Наверху еще семь человек — хрипло вытолкнул из себя парень и посмотрел на «шкафа», лежавшего в коридоре — ты Черена завалил... тебе не уйти. Здесь окон нет. Сейчас они блокируют вход, а потом...

— Куда вы дели Зою? Зоя — где? — Сергар старался говорить отчетливо, громко и максимально понятно, как для идиота.

— Тут была... с шефом! — скривился охранник, косясь на пистолет, лежавший на расстоянии вытянутой руки — Это его телка, он ее потрахивает время от времени. Зря ты с ней связался. Шеф был очень недоволен.

Охранник рванулся к пистолету, но тут же клюнул головой вниз — огневик, пущенный с ювелирной точностью, прошил ему затылок и вонзился в пол, подняв облачко вонючего дыма. Практика! Десять лет войны — это вам не на кровати лежать!

Сергар сморщился, прислонился к стене и задрал рукав рубахи. Кровь уже остановилась, и на первый взгляд все было совсем не так уж страшно, как думалось. Пуля ударила вскользь, распоров кожу, мышцы, оставив здоровенный багровый кровоподтек, но кость не сломала. Впрочем, и этого хватало, чтобы плечо болело так, будто по нему саданули здоровенным топором, разрубившим латы и кольчугу.

Сел на пол, подключился к Силе. Нужно было наполнить емкости, опустошенные боем. Вдохнул — если бы он был прежним боевым магом! Если бы он мог то, что когда-то умел! Жалкие несколько молний (и за такие спасибо, думал вообще не получится!), пара огневиков — и все, он нищ, как бродяга на привратной площади!

Сосредоточился, начал черпать Силу. Боль сразу отступила, сделалось хорошо, спокойно, приятно. Не хотелось возвращаться в реальный мир. Предательская мысль — а может бросить все? Умереть, и пусть идет, как идет? Душа вселится в новое тело, в новую жизнь, все будет хорошо!

Вот только — будет ли? В какое потом вселится тело? А вдруг — в наказание за слабоволие, за предательство — в тело разлагающегося заживо больного желтой лихорадкой? Или в преступника, которого сажают на кол? Нет уж, такие эксперименты — пошли они нахрен!

И кроме того — как он бросит Маму? Зою, которая ждет его помощи? Машу, которая сидит сейчас где-то в областном городе, думает о нем, переживает? Хотя бы ради трех этих людей стоит пожить! И еще — он должен вычистить эту погань из мира! Должен!

Охотник он за нечистью, или не охотник?! Вот они — поганые артефакты, нечисть, которую нужно уничтожить, нелюди!

Сергар напился Силой, хотел прервать связь, и тут в голову стукнула мысль — а почему не пробует? А если?!

Праз!

Вынырнул в реальный мир, не разрывая контакта с Силой.

Есть! Получилось! Ураа! Славься! Контакт сохранился!

Никто, вернее — почти ни кто не может вынырнуть в реальность, не разорвав связи с Океаном Силы! А он сделал это! Сделал!

Внутри все пело, тело дрожало от наслаждения, сравнимого с оргазмом, и на минуту Сергар забыл, где находится, что с ним происходит, как вообще тут оказался. Мозг будто отключился, захлестнутый волной счастья, радости, довольства. Даже плечо не так болело, как прежде!

Посмотрел на рану, и оторопел — плечо на глазах выздоравливало, опухоль спадала, кожа и мышцы, разорванные пулей зарастали свежей плотью, обретая приличествующий здоровым органам вид.

— Вот это да! — присвистнул, наблюдая за происходящим, а в голове все пели победные трубы: «Та-тата-тата! Та-тата-тата! Славься!»

Из эйфорического состояния вывел голос от входной двери:

— Эй, ты, как там тебя... Олег! Слышишь меня?!

— Кто говорит? — крикнул Сергар, возвращаясь к реальности, с досадой осознавая происходящее — Чего надо?

— Я начальник охраны Черенкова. Меня звать Павел. Что с шефом? Он жив?

— Жив! — вдруг соврал Сергар, еще не зная, зачем это ему нужно — Пока жив, но если будете сюда лезть, я его убью!

— Мы не лезем. Выходишь, отпускаешь шефа, и уезжаешь. Машина у

входа.

— Зоя где? Зоя?! И каковы гарантии, что вы меня выпустите?

— Никаких гарантий. Ты уезжаешь, и мы о тебе забываем. Все! Зоя там, у тебя. Разве ты ее не нашел? Тут ее нет, клянусь!

— Мне нужны гарантии, и Зоя! Тогда я выйду!

— Послушай, ты вообще понимаешь, что я тебе говорю?! Какие гарантии?! Если ты сейчас не выйдешь, я вызову спецназ! Ты напал на депутата районного собрания, захватил его в заложники! Тебя обязательно убьют! Если не убьют при штурме, обещаю — убьют в тюрьме! Так ты уедешь, и если тебе улыбнется удача — скроешься, пока о тебе не забудут! Ты понял, нет? Нас тут десять человек, с автоматами и гранатами! Тебя окружили со всех сторон! Единственная возможность уцелеть — выпустить шефа!

— Мне нужно время, чтобы обдумать. Час! Мне нужен час времени!

— Полчаса! После этого мы вызываем спецназ. Все, время пошло!

Сергар посмотрел на руку — она еще ныла, но уже чесалась, открытая рана, из которой торчали лоскуты мяса, закрылась новой, здоровой кожей.

Сергар закрыл глаза, рванулся в Ничто, выбросив нити-щупалы. Далеко они не полетели, всего на сто шагов, но этих сто шагов хватило.

Начальник охраны не соврал. Десять человек. Окружили дом со всех стороны. Стоят, перемещаются по периметру. Ни с крыши спрыгнуть, ни под землей уйти. Подземного хода нет — проверил, отправив щупалы и туда.

Заперт в доме!

Где Зоя?! Защемило сердце от предчувствия беды. Не хотел сознаваться самому себе, но... скорее всего она мертва. Все, кого спрашивал, сказали — Зоя тут, а он ее среди живых не обнаружил. Вывод? А вывод очень плох — мертва.

Вышел из Ничто, пошел по коридору туда, откуда вышел «Шкаф». Шагнул за порог, и... на мгновение закрыл глаза, чтобы не видеть. Чтобы перевести дух — будто обухом по голове!

Изломанное, окровавленное тело. Ноги бесстыдно раскинуты в стороны, обнажая интимные места. Кости ног торчат сквозь кожу белыми острыми концами — женщину будто бы пропустили через мясорубку, или разделявали на кухонном столе здоровенным тесаком. Ни одного живого места! Кроме лица — красивого, почти не тронутого, застывшего в спокойствии умиротворения. Один глаз приоткрыт и смотрит на Сергара искоса, будто с укором: «Как же так? Почему ты не успел?!»

Сергар сглотнул, встряхнул головой, отгоняя отчаяние и боль. Даже

соединение с Силой не смогло погасить отчаяние, которое его охватило. Так все было хорошо, так наладилось, все впереди — деньги, жизнь, красивая женщина! И не одна! Великолепное будущее! И тут... какие-то твари все сломали?! Да будь они прокляты! Будь они прокляты! Будь они прокляты!

Аааааааааааа!

Сергар сел на пол, схватился руками за голову и закачался из стороны в сторону, не в силах сдержать крик ярости и разочарования.

А потом пришла мысль:

«Если они хотят воевать по-настоящему — получают войну! Такую войну, какой еще никогда не видели! А меня ничего не сдерживает! Это другой мир! Другие законы! Я свободен от законов своего мира! А значит... значит я сделаю так, как надо!»

И появился план. Сомнительный, страшный, но если получится — эффективный. Наверное — эффективный.

* * *

«... я поведу речь о том, о чем говорить запрещено, о том что является тайной для большинства людей, и о чем Академия запрещает говорить. С моей точки зрения, запрет этот неверен по своей сути. Чтобы бороться со Злом, нужно знать, что такое Зло, иначе как можно его победить?

Запрет, установленный Академией, лишает общество необходимых знаний, и если случится так, что кто-то откроет заново Черное колдовство — большинство людей будут перед ним беззащитны. Ибо не знают, что оно есть такое.

Итак, рассмотрим само черное из всех черных деяний — некромантию!

Что есть некромантия? Это использование плоти мертвых для удовлетворения своих нужд. Страшное деяние! Запрещенное деяние! Обязан предупредить — использование некромантии карается смертной казнью через сожжение. Или любым другим способом, по выбору компетентного лица.

Почему некромантия находится под таким запретом? Что такого запретного в этом деле? Чтобы как следует пояснить, нужно вернуться на тысячи лет назад, в то время, когда маги были еще настоящими магами, а для обычного лекаря отрастить ногу или руку было деянием настолько простым, как нынешним вылечить насморк из члена загулявшего матроса.

Итак, в те стародавние времена не было как сейчас запрета на опыты с мертвыми, и был обычай перерезать мертвецам сухожилия на руках и ногах, а во многих землях — сжигать покойников на кострах. Именно оттуда, из того времени, пошел этот обычай, дошедший и до наших дней. Только теперь никто не помнит, почему и для чего это делается.

Представьте себе, что вы умерли. Вас положили в гроб. Вы ожидаете, что ваше тело будет разлагаться, удобряя собой кладбищенскую землю? Как бы не так! Однажды ночью к вашей могиле может подойти человек с лопатой, откопать вас, а потом... он свершит такое, что у нормального человека не укладывается в голове. Он волеет в вас Силу, достаточное количество, что ваше тело двигалось, как живое, выполняло простые приказы, шло туда, куда ему нужно. И вы идете за ним, как собачонка за охотником, идете туда, куда идет он. Делаете то, что он скажет — служите ему, например — убираете улицу, или роете землю. Мертвый, не требующий питания и денег раб, тело которого консервирует, оберегает от разложения магическая Сила.

Но и это не так страшно. Страшно то, что теперь некромант может управлять вашим телом так, как захочет! Так, как ему надо! Он может видеть глазами трупа, может делать все, что хочет, вашими руками — убить, ограбить, совершить любое преступление!

И найти некроманта-преступника очень сложно. Он может сидеть где-нибудь у себя дома, или где-то рядом с местом совершения преступления (зависит от мощи колдуна), и вы его даже не увидите! А если все-таки сумеете остановить оживший труп, некромант просто разорвет с ним связь, и вы никак не сможете помешать преступнику скрыться. Если, конечно, рядом нет специально обученного мага-поисковика, видящего в Великом Ничто.

А еще — представьте себе поле боя, на котором лежат тысячи трупов погибших воинов. И представьте некромантов, которые поднимают эти трупы один за другим, отправляя в бой, на врага — и не имеет значения, чьи эти трупы — наших солдат, или вражеских. Они идут вперед и убивают всех, на кого указал им некромант, их Темный Господин!

Следует заметить — в теле, душа которого улетела в Ничто, сохраняются те навыки, которое оно, это тело, получило при жизни. Конечно, мертвое тело не так эффективно, как при жизни, но это не имеет значения: мертвец не чувствует боли, не боится ран, его можно протыкать мечами, копьями, стрелами, но он все равно будет идти вперед, пока может это делать.

Убивать, крушить, ломать, делать все то, что ему приказали!

Как бороться с ожившими нежитями? Как уберечь свою жизнь, жизнь тех, кто рядом с вами?

Первое, как уже было отмечено выше — сжигать трупы. Если сжечь не удастся — перерезать сухожилия руки ног, лишая их возможности передвигаться. Какой смысл от мертвеца, если он может только лишь шевелиться, не имея возможности встать на ноги?

Если мертвец боеспособен, идет на вас с недвусмысленными намерениями, в коих вы не сомневаетесь, и вы точно уверены, что это мертвец, а не алебардист, болеющий с похмелья (после длительных запоев рожи солдафонов частенько похожи на лики трупов) — делайте все, чтобы лишить мертвеца возможности передвигаться. Никаких боевых молний, никаких стрел, метательных ножей, и чего-то подобного — как я уже писал выше — мертвец будет идти и чувствовать себя великолепно, даже если вы его истыкаете стрелами, как подушечку для иголок. Даже лишенный глаз, он будет уверенно идти, и убивать, убивать, убивать... Не забывайте — некромант смотрит в мир не только через глаза трупа, и не столько через его глаза — но через Великое Ничто, осязая окружающее тысячами невидимых щупал. Даже отрубив голову покойнику, вы не сможете лишить мертвеца возможности покончить с вами раз, и навсегда.

Бейте по конечностям! Сделайте так, чтобы он не мог идти! Чтобы не мог пользоваться руками для убийства!

Огневики! Заморозка! Мечи, отсекающие конечности! Без ног и рук „живой“ мертвец не нужен некроманту.

Что же касается поля боя, того случая, когда подъем мертвецов имеет массовый характер: здесь все сложнее. Все вышеперечисленные способы, и к ним — артефакты, развеивающие чары, устанавливающие специальные щиты.

Впрочем — в наше время уже нет таких сильных артефакторов, какие были в старину. И если появится некромант, способный массово поднимать убитых воинов — защититься от них можно будет только одним способом, и я описал его выше.

Кто может стать некромантом? Увы, должен с прискорбием сообщить — некромантом может стать любой лекарь, достигший определенного уровня своего мастерства. Сильный лекарь, а по нынешним временам — могучий. Их можно пересчитать по пальцам, таких лекарей. Называть их имена не буду, да и незачем.

Вкратце опишу суть процесса: лекарь входит в Ничто, и выпуская щупалы овладевает мозгом, телом покойного. Если он не собирается управлять этим телом и дает лишь посыл на задание — перекачивает часть

своей силы, одновременно передавая мертвецу „послание на задание“. Обычно этого заряда Силы хватает на несколько часов. Затем покойник падает и становится тем, кем и являлся до колдовства — хладным трупом.

Если некромант собирается лично управлять покойным, он закачивает в него силу, затем овладевает телом, проникая щупалами во все уголки его плоти. В итоге получается так, что сознание некроманта раздваивается — он одновременно находится и в своем теле, и в теле носителя.

Занятие это опасное. Если не уберечься, можно навсегда остаться в покойнике, нужно контролировать свои эмоции, свои действия, вовремя размыкать контакт с мертвым телом. Если оно захватит сознание некроманта навсегда — та часть, что осталась в мертвеце умрет вместе с ним, а сам некромант лишится части своей души, части памяти. Впрочем, это лишь мои умозаключения, так как само собой, ни в каком трактате этого не описано.

После Вселенского Собора Магов, созванного десять тысяч лет назад (согласно хроникам!), маги всего известного нам света постановили: внести некромантию в перечень запрещенных наук, и за использование подобной магии карать смертью. После того были уничтожены сотни ценнейших свитков, в которых описывалась запретная магия и способы борьбы с подобным явлением.

Вместе с этими свитками ушли исторические сведения, описания битв, в которых участвовали некроманты, описания переворотов, войн, где хоть как-то упоминались некроманты. Наука лишилась ценной информации, которая могла бы пролить свет на историю человечества.

Позор! Позор дуракам, которые вместе с водой выплескивают ребенка!

Позор запретам, которые разрушают здание науки, тормозят прогресс!

Позор руководству Академии, запрещающему даже слово сказать о запретной магии, и это вместо того, чтобы создать пусть и тайный, но отдел по изучению некромантии, с тем, чтобы выработать способы предупреждения развития этой преступной науки!

Когда-нибудь, кто-нибудь наплюет на запреты, и сделает такое, после чего ученые мужи Академии горько пожалеют, что заранее не предусмотрели подобной возможности.

В один старом, случайно сохранившемся свитке, я нашел упоминание о том, что особо злостные некроманты могли создавать таких „живых покойников“, что их не смог бы отличить от живого даже опытный маг. Как они это делали? Каким способом добывались? Нам неизвестно. Но только страшно подумать, что будет, если такое кто-нибудь сможет осуществить! Ведь ходят легенды и о могучих некромантах, которые могли захватывать

Души людей! Поселять их в тела мертвецов!

Может в этом и есть секрет того, как эти самые некроманты могли создавать живых мертвецов, неотличимых от живых! И мы ничего об этом не знаем, кроме слухов, сказок, легенд, дошедших через тысячелетия!

Одно меня успокаивает: при нынешнем бездарном руководстве Академии, разваливающим лекарское дело, штампующем полчища тупых боевых магов вместо могучих лекарей — никто не сможет повторить подвигов наших предков. Не останется ни одного великого лекаря, который смог бы стать могучим некромантом.

Выродились маги, ушла слава лекарского дела. Затоптана сапожищами солдафонов. Печально наше будущее.

Трактат: „Некромантия, происхождение, суть, и способы борьбы с оным явлением“

Индар Гарун, Имперская академия Кайлара, 45805 год от Создания Мира.

Пометка на свитке, чернила, перо: „Зловредный трактат, оскорбляющий руководство Академии и бросающий тень на фундаментальную науку. Следует провести расследование на предмет участия Индара Гаруна в запрещенных экспериментах — прослеживается его явное знание основных принципов запретной дисциплины. При обнаружении признаков наличия преступления, передать дело в Департамент Общественного Здоровья, для принятия мер по существу вопроса“

Подпись... неразборчиво.»

* * *

— У тебя осталось пятнадцать минут! Эй, ты, не надумал?! Выпускай шефа — будешь жить!

— Надумал! Ждите снаружи, скоро выйдет! Сюда не спускаться, иначе я его пристрелю!

Сергар перевел дыхание, прислушался — хлопнула дверь, и все затихло. Ждут!

Хорошо, что нет окон! С одной стороны — вроде плохо, выбраться можно только через дверь. А с другой — и войти тоже нельзя! Сейчас в окна уже бы лезли мерзавцы с автоматами!

Снова вспомнил Зою, и защемило сердце. Так она радовалась жизни, обретенной молодости, так надеялась, что все будет хорошо! И на вот

тебе...

Ну что же — жизнь такая! Он, Сергар, ни причем, он сам лишь игрушка в руках богов! Что вышло — то вышло. Если выживет — позаботится о ее дочери. Не выживет... значит — не выживет. Но должен выжить! Иначе это просто несправедливо!

Маг сел рядом с телом Черена, и вошел в Ничто. Шнур, соединяющий его с Океаном Силы пульсировал, исправно прокачивая нужную энергию, так что волноваться было не о чем.

Подождал минуту, привыкая к состоянию транса. Затем выпустил сотни тысяч, миллионы щупал, замерцавших в подпространстве, как миллионы нитей серебряного дождя. Ничто сразу превратилось во Что-то.

Стены сделались прозрачными, видны только контуры, будто нарисованные на листе бумаги. Люди — контуры-фигурки, передвигающиеся за стенами — осязаемы так, что можно потрогать их тысячами нитей-рук. Жаль, что он нельзя воздействовать на мозг через расстояние. Нужен только непосредственный контакт, иначе сила не передается, не воздействует. Почему так — никто не знает. Только контакт лекаря и пациента, и как иначе. Воля богов?.

Сергар взял «пациента» за руку. Она была еще теплой, с момента смерти прошло не больше часа. Вернее — меньше.

Сила влилась в мертвое тело бурным потоком, щупалы пронизали покойника, опутав его коконом, похожим на кокон бабочки-шелкопряда. Секунда, две, три — ничего не происходило.

Сергар не знал, что нужно делать! Кроме общих сведений, полученных из старого трактата, найденного в ящике, в глухом углу «учебки» — он ничего не знал! Как проникнуть в мертвеца?! Как захватить его мозг?!

Все оказалось и просто, и сложно. Нужно было лишь представить, что ты — это он, а он — это ты.

Понимание пришло к Сергару не сразу, а когда он понял... слегка испугался. А если правда потеряет себя?! Если останется в это клятом покойнике до тех пор, пока не умрет?

И тут перед глазами встало лицо Зои, красивое, печальное... и ее тело — растерзанное, изуродованное негодяем. И пришла ярость, а с яростью — решимость.

Толчок! Головокружение!

И вот он в двух телах одновременно!

Он, Сергар, и он — Черен!

Захотелось выскочить из покойника, разорвать связи, и Сергар едва сдержался — неприятие этого человека было таким сильным, таким

острым, он так его ненавидел, что это напоминало нелюбовь к старым вонючим башмакам, из которых несет тухлятиной. Знаешь, что должен их надеть, знаешь, что другой обуви нет, а с души воротит! Не хочется — аж тошнит!

Выдержал, устоял, и начал пробовать «новое тело». Теперь, когда в мертвеца был перекачан солидный запас Силы, его должно было хватить не менее чем на сутки. Откуда Сергар это знал — неизвестно. Знание, понимание пришло само собой. Может из Океана Силы? Вместе с самой Силой? Ведь поговаривали, что Сила, это не просто Сила, это мысли, это информация от всех магов, что существуют в мире. И что маги используют лишь крохотную часть ее возможностей, используя не по назначению, можно сказать — рукоятью великолепного меча заколачивают гвозди.

Ощущение было странным — он сидит на полу, и одновременно — идет по коридору!

Сергар-Черен сделал несколько движений руками, помахал ими вправо-влево, присел, встал, попрыгал на месте — срабатывало с замедлением, не так, как у живого, но вполне ничего. Шагать можно. И он зашагал.

В комнате, где Сергар ранее сидел привязанным к креслу, подобрал автомат — короткий, с откидным прикладом. Магазин должен быть почти полным — из автомата сделали всего лишь одну короткую очередь. Однако на всякий случай сунул в карманы брюк по пистолету — большой, из которого снесли башку отцу Эрика, и поменьше — такой же, что был у Черена. Поднял другой автомат, отстегнул магазин и тоже сунул в карман. Штаны, почему-то без ремня, едва не сваливались на пол под тяжестью оружие, держались только на объемистой заднице бандита. Впрочем — мертвому это безразлично.

Осмотрел автомат — предохранитель стоял в нужном положении, откуда-то Сергар это уже знал. Память тела, вероятно.

Рядом с убитым приезжим бандитом заметил свой бумажник — Маша покупала, сразу узнал. Забрал. В бумажнике паспорт, кредитная банковская карта, а еще списки людей города, которые передала ему Маша. Оказывается — она купила в регистратурах местных поликлиник списки и адреса тех, кто когда-то в поликлинику обращался за помощью врачей. Маша собиралась заказать рекламные листовки и нанять людей, которые разнесут их по домам. Не успела. Сергар планировал сделать это сам, с Зоей... и тоже не успел.

Бумажник бросил рядом с Сергаром-собой. Потом «Черен» повернулся и пошел по коридору к выходу, переступив через трупы двух «своих»

людей, пошел туда, где ждал начальник охраны и все те, кто сопровождал депутата в этой поездке.

Дверь, скрипнув отворилась, Сергар-Черен вышел наружу, и тут же наткнулся взглядом на стволы автоматов и пистолетов, направленных на вход в дом. Здесь собрались все, кто был снаружи, все десять человек. Пятеро — в бронежилетах и касках. На земле — сложенные стопкой пуленепробиваемые щиты — видимо готовились к штурму.

Увидев шефа, опустили стволы, выдохнули, заулыбались, а один из них, высокий, с проседью худой человек со слегка надменным, холодным лицом, вполголоса приказал:

— Опустить стволы. Свои. Приветствую, шеф! Все в порядке? Не ранены? А чего с оружием? Пристрелили уroda? Мы уже хотели штурмовать. Ментам сообщать не стали — зачем вам лишний шум? Правильно?

Сергар-Черен согласно кивнул головой, поднял автомат и нажал на спусковой крючок. Двух бандитов и начальника охраны уложил одной очередью, в упор. Их отбросило так, будто смело огромной метлой.

Пока остальные стояли в шоковом состоянии, не понимая, что нужно предпринять — уложил еще троих. Потом двоих. Те, что были в бронежилетах, копошились на земле, заливая ее кровью, но им было не до войны.

Двое опомнились, побежали за угол. Не добежали. Две короткие очереди — и они на земле. Щелкнул затвор — кончились патроны.

Грохнул выстрел, другой, что-то сильно, как дубинкой ударило со спины — из груди и живота брызнули ошметки плоти и крови, били из чего-то мощного, пробивающего насквозь. Хрустнула реберная кость, перебитая пулей.

Отщелкнул магазин, вставил новый, передернул. Подошел к начальнику охраны, всаживающему в живого покойника пулю за пулей, направил ствол автомата и короткой очередью разнес голову. Подумал, и пошел вдоль лежавших на земле бандитов, поливая их очередями, как из лейки.

На тех двух, что лежали возле угла дома патронов не хватило. Бросил автомат, достал пистолет поменьше, подошел ближе к подстреленным — один подавал признаки жизни, стонал, что-то бормотал. Прицелился — брызнули мозги, кровь — прямо в глаза, мешая видеть. Вытер рукавом, прицелился, выстрелил в голову второго.

Осмотрелся вокруг — тихо, никого. Пусто. Пошел к дверям домика, открыл, прошел в барменскую. На полу — молодой парень. Мертвый.

Перед смертью его сильно били — лицо изувеченное, на груди след от выстрела, кровавое пятно.

Снова вернулся на улицу, подошел к одной из машин, стоявших возле домика. Большие, просто-таки огромные джипы. Как управляются — неизвестно. Не совладать! Видел, как управляют газелью, но... нет, передумал. Пешком! Только пешком.

Вернулся в дом, прошел в комнату с убитым «гостем», достал пистолет Романа, несколько раз выстрелил по мертвым телам. Опорожнил обойму, бросил пистолет на пол возле себя. Взял другой пистолет — снова расстрелял обойму по мертвецам.

Бросил. Встал, пошел наружу, подошел к лежащим на земле трупам, остановился, грузно свалился на асфальт, пачкая его кровью из пробитых пулями дыр.

Сергар облегченно вздохнул — все! Получилось! Теперь нужно уйти. Как?

Обшарил щупалами территорию возле домика щупалами, заметил прореху в заборе, облегченно вздохнул — если есть забор, всегда в нем будет дыра в укромном уголке, во всех мирах и вселенных!

Теперь нужно сделать так, чтобы никто не узнал, что он тут был. Что связан с этой бойней. Нужно во что-нибудь переодеться.

Прошел по комнатам — ничего, кроме банных халатов. Снимать с покойников одежду нельзя — подозрительно. Будет ясно, что кто-то тут был. Да и в крови она вся, в дырках.

Осмотрел себя — если не считать порванного пулей и пропитанного кровью рукава рубахи — в принципе все в порядке, отмыть, отстирать — в глаза и не бросится. Ну... почти не бросится.

Снова вернулся к мертвой Зое, постоял рядом, прощаясь, глотая комков в горле. Хоть и не долго они были вместе, а все равно — своя, что ни говори. Тем более — постель все-таки роднит. Обидно — только сегодня ночью — красивая, веселая, страстная! И вот...

Подошел, стараясь не запачкаться в крови, закрыл ей глаза. Подумал — сдвинул покойнице ноги, чтобы после смерти не разглядывали любопытные глаза, не поганили похотливыми взглядами. Юбки на Зое не было, так что прикрыть совсем — никак. И так-то трогать было нельзя, но не удержался.

Заметил на стуле к стены пиджак — большой, широкий, видимо принадлежал Черену. Поднял, заглянул в карман — бумажник! Достал — толстая пачка денег, пятитысячные, и помельче. Отделил большую часть, сунул себе в карман. Его, Сергара, бумажник обчистили — ни единой

купюры. Было там не так уж и много, тысяч десять, но все равно обидно. Твари! Так что — трофей как раз кстати. Все брать не стал — подозрительно.

Хотел положить пиджак на место, подумал... и бросил его на Зою, прикрыв наготу. Пусть потом разбираются, зачем вдруг Черен накрыл свою убитую любовницу, и кто же ее все-таки убил.

Вздохнул, еще раз мысленно попрощавшись с женщиной, и решительным шагом вышел из комнаты. Нужно было поторапливаться — скоро сюда кто-нибудь мог заявиться. Выстрелы грохотали так, что не заинтересоваться происходящим мог только совсем любопытный человек. А вряд ли все люди Черена остались лежать тут, на турбазе.

Уже когда шел по лесу, вдоль реки, через час после выхода, услышал вой полицейской сирены — далеко, еле слышно. Похоже, кто-то нашел трупы, вызвал полицию теперь будут разбираться. Вряд ли оцепят округу, но... как говорит дядя Петя: «Береженого бог бережет, а не береженого конвой стережет!»

Конвоя Сергар не хотел, а потому прибавил шагу, и через минуту уже легкой рысью мчался вдоль реки, как можно дальше от места страшной бойни.

Угрызения совести по поводу того, что он перебил кучу народа, его не мучили — на войне, как на войне. Хотели убить его, но он убил их сам. Как уже бывало в его жизни десятки раз. Дичь вдруг превратилась в Охотника. Бывает. Нужно верно выбирать дичь...

В больницу добрался через два часа. Отойдя от турбазы, отстирал штаны и рубаху — как мог, как получилось. Пока бежал до города — одежда просохла, проветрилась, и на ней почти не было видно пятен крови, пришлось закатать рукава рубахи. Благо — тепло, лето.

В городе поймал такси — незнакомый парень в дребезжащей автомашине довез Сергара до центра, где тот накупил себе одежды — всякой, от штанов, до рубах и курток. В моде он не особенно разбирался — взял, что не попадя — джинсы, рубахи, лишь бы не было кричаще, чтобы никто не показывал на него пальцем и не смеялся. Сразу, в магазине, надел все новое, вплоть до трусов. Старую одежду сложил в пакет, а когда вышел из магазина — потихоньку выкинул в мусорный бак. На одежде остались следы крови, незачем хранить улики против себя.

Когда ехал в больницу, в «родную» палату, опасался, что полиция уже ждет у подъезда. Нет, никого не было. Похоже, что они все еще разбирались на месте. И немудрено — Сергар там все так запутал, что не разберется и целая толпа следователей из самой Москвы, не то что местные

сыщики, способные лишь обирать ларечников, да щупать девок в парикмахерской — по крайней мере, со слов Маша.

Так все это, или не так, он узнает позже, когда эти самые сыщики до него доберутся. А до тех пор нужно выработать стройную версию, и главное, придумать — куда делась Зоя, когда они с ней расстались.

В больнице ждала толпа народа, все вздохнули, когда лекарь появился на рабочем месте. Тут же возник главврач, сообщивший Олегу печальное известие о смерти его помощницы.

Олег был очень, очень удивлен, расстроен, ведь он только сегодня расстался с ней у сбербанка! Хотел даже отменить прием, но потом передумал, и несколько часов лечил всех страждущих, что собрались у палаты. Нельзя было показывать, что он слишком расстроен смертью Зои, могут возникнуть вопросы... И еще — работа отвлекала, помогала забыть.

Полицейские появились часа через четыре. Та же самая следовательша, что допрашивала Олега после гибели хулигана в камере, двое молодых парней, гораздо моложе Олега. Они расспрашивали его о том, когда Олег последний раз видел Зою, когда с ней расстался, но все как-то формально, для порядка.

Спрашивали, знал ли он о связи Зои и местного депутата Черенкова, на что Олег ответил, что не знал, да и знать не хочет. Личные связи — личное дело каждого свободного человека, и он не собирается лезть в чью-то жизнь.

Задав еще несколько формальных вопросов, полицейские ушли мучить своими вопросами главврача, но и там долго не задержались, через полтора часа покинув больницу.

Эпилог

В прессе было много шума.

«Депутат застрелил олигарха из Москвы!»

«Что связывало депутата из города „Н“, человека с сомнительным прошлым, и не менее сомнительного олигарха „В“, и почему депутат вдруг расстрелял бизнесмена, его охрану и свою охрану? Что случилось на уединенной турбазе, какое безумие напало на этих людей?!»

Пошумели, и успокоились. Нашлось множество гораздо более интересных тем, и гораздо более интересных известий, чем убийство заштатного депутата, и не очень заштатного авторитетного бизнесмена. Неделя — и уже тишина.

Поговаривали, что «тишине» очень поспособствовала местная администрация, не желавшая, чтобы поднимался большой шум.

Дело закрыли за смертью виновного. Виновным был признан Черенков, который сошел с ума и перебил массу народа. Отпечатки пальцев на оружии, на стуле, которым он забил до смерти свою любовницу — все указывало на то, что именно он совершил это преступление.

Мелкие нестыковки в расследовании не были приняты во внимание к глубочайшему удовлетворению всех сторон. Странные обугленные дыры в телах убитых... несоответствующие версии положения тел убитых...

Зачем кому-то проблемы? Закрыли — и закрыли. Нет человека — нет проблемы.

Жена депутата расследование не педалировала, злые языки судачили, что она была даже рада смерти мужа — молодая красotka тут же уехала, и вроде как не одна, с мужчиной, а на доме, где раньше жил Черенков, появился баннер: «Продается».

Детей у Черенкова не было, потому плакать по нему было некому.

Что же касается московских гостей, ныне покойных — за ними приехал кортеж из дорогих автомашин, в которые погрузили трупы бизнесмена и его охранников.

Полиция ждала каких-либо эксцессов, вроде погромов, беспорядков, других безобразий... Нагнали толпу омона, ждали, ждали, но... все обошлось. Смуглые гости молча расселись по машинам и уехали, не удостоив районный город особым вниманием.

На следующий день после этих событий приехала Маша. Она услышала новости, и все поняла.

Олег был рад ее приезду — и Маша, и Зоя снимали с него груз забот по обеспечению работы — касса, еда-питье, и все такое прочее, и когда их не стало — все это навалилось на него. Олег даже подумывал нанять кого-нибудь из здешних медсестричек, кокетливо поглядывающих на него из-под белоснежных колпаков.

Увы для них — все мечты девиц были жестоко разрушены появлением Маши, снова взявшей дело в свои хрупкие на вид, но на самом деле железные руки.

Как оказалось, Маша тоже понесла утрату — исчезла ее мать. Куда исчезла, что с ней стало — никто не знал. Исчезла она после того, как Маша уехала в областной город. Соседи не знали, куда подевалась соседка — никого не видели, ничего не знают. А если и видели — предпочитали молчать — себе дороже. Болтуны долго не живут...

И Олег, и Маша в общем-то догадывались, что с ней случилось, но все подробности скорее всего мог рассказать только Черен, а он был мертв. Скорее всего, ее захватили на дежурстве, в магазине, или где-то на улице. И лежала она теперь где-то в лесу, или на дне реки, и в общем-то неважно — где именно лежала, ведь покойнику все равно где лежать. Это родственники хотят видеть могилу, приходить к любимому человеку. А тому все равно. Души в мертвом теле нет, она давно уже переселилась в другой мир, в другое тело, пустая же оболочка ничего в себе не содержит, кроме праха, нужного лишь земле и могильным червям.

Жизнь бывшего боевого мага, а ныне фельдшера районной больницы, вступила в новый этап. Каким он будет — знали только Боги. А у Них во всемогущих руках множество различных нитей судьбы, и только Им известно, куда выведет дорога, по которой идет человек.

Конец книги